

*Министерство культуры Ставропольского края
Ставропольский государственный
историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник
имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе*

ВОСЬМЫЕ ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

материалы межрегиональной
научно-практической конференции
13–14 ноября 2014 г.

К 165-летию Григория Николаевича Прозрителева,
110-летию Ставропольского государственного историко-культурного
и природно-ландшафтного музея-заповедника
имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе

Ставрополь – 2015

БК

Научное издание

Печатается по решению ученого совета Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве

Прозрителевские чтения: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции.
Выпуск 8 (научное издание). Ставрополь: ____, 2015. – с.

Ответственный редактор – **Н. А. Охонько**
Научный редактор – **И. М. Назарова**
Литературный редактор – **В. Г. Исаичева**
Редактор-составитель – **Е. В. Карагодин**

В сборнике отражены материалы по изучению исторического и природного наследия региона, музейных коллекций, музееведения и музейной педагогики.

© Ставропольский государственный историко-культурный
и природно-ландшафтный музей-заповедник
имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве, 2014 г.
© Авторы, 2014 г.
© Издательство « » , 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

- Андрющенко Т. Н.,
Еремеева Н. Н.,
Данилевич В. Г.,
Драчева О. Н. [«Штрихи к портрету» \(малоизвестные факты биографии заслуженного художника РСФСР П. М. Гречишкина\)](#)
- Астанина А. В. [Миссионерская деятельность Ставропольской епархии в XIX – начале XX вв.](#)
- Бармина Т. Б. [Жизнь советских горожан в 1920 –1930-е годы \(по материалам личной переписки Г. Н. Прозрителева с дочерью\)](#)
- Беликов Г. А. [Г. Н. Прозрителев и октябрьский переворот 1917 года](#)
- Бокова Я. М. [Французская путешественница на Кавказе – Адель Оммер де Гель](#)
- Брехина И. Н. [Л. Н. Польский – личность, краевед, учитель](#)
- Бурков С. Б. [Научно-исследовательская деятельность музеев на современном этапе](#)
- Гордиенко А. Б.,
Книевский С. А. [Ставрополь времен гражданской войны в воспоминаниях офицеров – участников Белого движения](#)
- Гошунович А. [Подвиг святости выпускника Ставропольской духовной семинарии священномученика протоиерея Николая Кандаурова в 1920–1930-е годы](#)
- Гуренко Е. Н. [Игуменья Антонина Кизлярская](#)
- Данилевич В. Г. [Лермонтовский Ставрополь. Часть 1. Госпиталь](#)
- Емельяненко Н. И. [О. П. Медведева \(1925–2000 гг.\): Ретроспектива](#)
- Запорожцева О. А. [Общественная и благотворительная деятельность Алексея Федоровича Реброва](#)
- Колесникова М. Е. [Исследователь Северного Кавказа Г. Н. Прозрителев \(1849–1933 гг.\)](#)
- Лебедева Т. Н. [«Коричневый дурман» на Ставрополье \(публицистика А. Н. Толстого в годы Великой Отечественной войны\)](#)
- Макодзеба А. П.,
Дронов А. В. [Писатель-историк Михаил Жижко: неоконченная биография](#)
- Мешечко Н. В. [Памятники жертвам фашизма на территории Изобильненского района Ставропольского края](#)
- Назарова И. М. [Специфика традиционного костюма ногайцев](#)

- Нилова М. И.** [Создание Моздокской укрепленной линии на Северном Кавказе](#)
- Новрузова Е. Л.** [Жизнь и творчество ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов А. Е. Москвитина и Б. И. Котельникова](#)
- Обухов Ю. Д.,
Карибов Г. Г.** [Буденновск и Прикумье на страницах литературных произведений](#)
- Пантюхин А. М.** [Полемика по вопросу реформирования духовных учебных заведений на Северном Кавказе в 1905–1920 годах](#)
- Плиева Э. Г.** [К вопросу об особенностях религиозных верований причерноморских адыгов](#)
- Смирнова И. В.** [«Не стареют душой ветераны» \(к 30-летию народного академического хора ветеранов войны и труда МКУ «Центр культуры и досуга» города Изобильного\)](#)
- Состин Д. И.** [Социально-экономическое развитие Ставрополя в конце XIX – начале XX века \(на материалах губернской статистики\)](#)
- Стрекалова Е. Н.** [К истории возникновения высшего образования на Ставрополье](#)
- Черкашина Е. А.** [Влияние сельской общины Ставропольской губернии XIX века на интеграцию украинских переселенцев в местную социокультурную среду](#)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

- Белоус В. Н.,
Хохлов Н. А.** [Юрий Александрович Дударь – учитель, исследователь, интернационалист](#)
- Будагян В. С.** [К вопросу о развитии культуры средневековой Алании](#)
- Драчева О. Н.** [Экскурсия в геологическое прошлое и настоящее Ставропольской горы в районе северо-восточной окраины села Татарка](#)
- Кравцова С. Л.** [Случайные находки поливных сосудов из разрушенного склепового захоронения золотоордынского времени в лесном массиве близ станицы Нестеровской \(Ингушетия\)](#)
- Леонова С. Г.** [Комплекс предметов из археологической коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника «Случайные находки. Левокумский район \(с. Величаевское\)»](#)

- Проконова Т. В.** [Зоогеографический принцип организации экспозиции как основа формирования экологических понятий](#)
- Прокопенко Ю. А.** [О материалах из гробницы, раскопанной Л. Н. Глушковым \(в 1965 году на ул. Орджоникидзе в г. Ставрополе\). Их соотношение с инвентарем захоронений склеповых могильников Предкавказья](#)
- Савенко С. Н.** [К вопросу о древних и средневековых изваяниях в коллекции Пятигорского краеведческого музея](#)
- Сальников А. В.** [К вопросу о распространении на территории Предкавказья наконечников копий с крюками](#)
- Стрелова А. В.** [Труновский район как объект познавательного туризма](#)
- Чубинова Т. Г.** [Христианское храмовое зодчество на территории средневековой Алании](#)
- Швырева А. К.,
Титов В. В.** [Заметки о большерогом олене из Георгиевского песчаного карьера](#)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ХРАНЕНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

- Барабанова Е. Г.** [«Знаки должности» – обзор коллекции должностных знаков Ставропольского государственного музея-заповедника](#)
- Бородина С. Н.** [Творчество ставропольского скульптора Ф. И. Перетятько \(по материалам фондов Ставропольского государственного музея-заповедника\)](#)
- Волошенко Л. В.** [Русское религиозное искусство XVIII – начала XX века в собрании Ставропольского краевого музея изобразительных искусств. Итоги каталогизации коллекции](#)
- Гальфингер Н. А.** [Трофейное длинноклинковое оружие в собрании Ставропольского государственного музея-заповедника](#)
- Гордылева М. Ю.** [Партизаны, разведчики и подпольщики Ставрополя в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. \(по материалам фондов Ставропольского государственного музея-заповедника\)](#)
- Григоренко Н. Б.** [Молчаливые свидетели прошлого](#)
- Ефименко Г. В.** [Изучение музейных коллекций и истории музейного дела: фронтальные треугольники](#)
- Карагодин Е. В.** [Обзор коллекции документов, печатных изданий и фотографий Г. Н. Прозрителева в собрании](#)

- документальных источников Ставропольского государственного музея-заповедника
- Коркмазова З. А.** Из истории предприятия «Кисловодский фарфор – «Феникс» (по материалам фондов Ставропольского государственного музея-заповедника)
- Лапшова Н. В.** Общество Автодор на Ставрополье
- Лысанская О. Л.** Маленькие герои больших колхозов
- Нафталиева О. М.** «Колокольчик звонкий...» (коллекция поддужных колокольчиков в собрании Ставропольского государственного музея-заповедника)
- Петренко В. Б.** Музей «Зал истории связи» города Ставрополя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

- Асеева Я. Ю.** Историческое краеведение в современной школе
- Дверник С. В.,
Нафталиева О. М.** Подготовка к лекции «Битва за Кавказ» (по материалам фондов Ставропольского государственного музея-заповедника)
- Пантюхина М. Н.** Развитие народно-певческой культуры села Александрия Благодарненского района Ставропольского края
- Теплякова Н. А.** Культурная акция «Неделя документального кино в музее» как новая форма работы Ставропольского государственного музея-заповедника с посетителями
- Фитьмова П. А.** Социологические исследования в Ставропольском государственном музее-заповеднике (2012–2014 гг.)
- Чесняк М. Г.** Музей: от просвещения к образованию культурой
- Шамшина Л. Л.** Храмы города Михайловска
- Шевчук Р. К.** «После меня что-то останется людям...» (к 150-летию со дня рождения композитора В. Д. Беневского)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Андрющенко Т. Н.,
с. Татарка,
заведующая филиалом Ставропольского
государственного музея-заповедника –
«Историко-краеведческий музей села Татарка»;

Еремеева Н. Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заместитель директора по работе
с филиалами и музейной сетью края;

Данилевич В. Г.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом природы,
кандидат биологических наук;

Драчева О. Н.,
с. Татарка,
научный сотрудник филиала Ставропольского
государственного музея-заповедника –
«Историко-краеведческий музей села Татарка»

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

**(факты биографии П. М. Гречишкина – заслуженного художника
РСФСР, Почетного гражданина города Ставрополя, Почетного
гражданина Ставропольского края, уроженца с. Татарка)**

Историко-краеведческий музей с. Татарка – филиал Ставропольского государственного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе – в мае 2014 года стал победителем I Всероссийского конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко с проектом «Греч-land и Я» (5D) в номинации «Культпоход».

Идеей проекта является создание визит-центра и проведение экскурсий-пленэров с мини-экспедициями на малой родине художника Павла Моисеевича Гречишкина (1922–2009 гг.), мастерство которого формировалось под влиянием богатейшей природы с. Татарка – его Гречландии. Учащиеся могут увидеть слайд-шоу о пейзажисте, разгадать квест «По дороге с облаками», по JPS-навигатору найти места написания этюдов Мастером.

Цель проекта – воспитание экологического сознания и творческой самореализации (учить смотреть, видеть и увидеть, открыть себе себя) на наследии П. М. Гречишкина и выявление талантливых детей.

Оторвавшись от благ цивилизации, ребята смогут испытать себя в творчестве, поиске, стать самобытными художниками, фотографами, ландшафтными дизайнерами, исследователями-краеоведами, задействовав пять органов чувств: зрение, слух, вкус, обоняние, осязание (5D).

Авторы статьи задались целью – собрать информацию о художнике для воссоздания его полной биографии. Респондентами были родственники художника. В свете проекта «Гречландия» в данной статье впервые предоставлены малоизвестные факты биографии П. М. Гречишкина.

Из автобиографии Павла Моисеевича Гречишкина: «Детство мое прошло в с. Татарка, домик наш стоял за селом на горе, вниз открывался большой простор на юг. Вся жизнь проходила на природе, она давала множество разных впечатлений. В те времена наше село было очень красивым, густо заросшим большими садами. Скалы, лес с родниками и обрывы – все это привлекало детское воображение. Рисованием увлекся еще в дошкольном возрасте, мне подарили набор масляных красок, отец делал кисти из щетины, подрезывал их лопаточкой, и я разводил краску керосином, мазал на тетрадных листках. Очень меня привлекало изобразить зеленый лес и дорожку, по которой идет мужичок в красной одежде и в черных сапогах.

Как-то будучи в гостях у бабушки, я нашел кусочек акварельной зеленой краски, размачивая во рту, изрисовал белое покрывало на кровати, сам весь вымазался. Побывав в магазине, я упробил отца купить мне эти разноцветные пуговицы на картонке. Зимой, сидя на русской печке, я рисовал деревья, по лбу катились капельки пота. Уже техника рисования такая была, карандашом точками долбил тетрадный лист до тех пор, пока определенный кусок на бумаге не заполнялся до темноты от точек. Я думал, что дерево состоит из листочков и мои точки – это листочки. Над горой у нас была чудесная глина. Я таскал в рубашке глину на гору во двор и целыми днями лепил всевозможные фигурки, на солнце все, подсыхая, лопалось, я кричал, плакал, все уничтожал и снова шел за свежей глиной.

В дождь летом любил сидеть под железным тазом и слушать, как шлепают дождевые капли. А после дождя бегать босиком по лужам, от солнца зелень сверкала на фоне темной стены ушедшего дождя с глухим громом. Мне очень нравилась деревенская природа. Отец мой столяр, и я имел возможность пользоваться инструментом, всегда что-то мастерил. Очень мне нравилось сидеть на горке, играть на гармошке и смотреть на панораму села, дальше на юг гора Стрижамент и Кавказские горы в снегу. Сильные впечатления я получил от туч. Как-то ночью, укутавшись в зипун, смотрел на тучи, медленно плывущие мимо луны, и вдруг две огромные рваные темные соединились, закрыли луну, и я в испуге побежал к матери, крича «Ой, мама, пойдём скорее, там страсть за страсть зацепилась».

В 1933 году мы уехали из села и жили на Кавказе, а затем под Москвой, в селе Осташево на р. Рузе. Тогда я учился в третьем классе, приносил в школу

рисунки и прибавал в классе к деревянной стене. Это была первая выставка моих работ. Я копировал из различных книг и сочинял свои. Природа там так хороша – разнообразная, тихая, задушевная, я до сих пор с большой любовью и нежностью вспоминаю те места.

Шли школьные годы, я всегда рисовал, участвовал в школьных выставках. Приходится сожалеть, что до 16 лет в моей жизни не встретился никто из художников, некому было подсказать, что и как нужно рисовать. Школьные учителя рисования были обыкновенно по совместительству, ведя уроки математики и рисования. С натуры я начал рисовать с 1936 года. В 1939 году окончил семилетку. В Ставрополе учился в городской изостудии. Копировал в музее картины. В 1940 году впервые участвовал на II-й краевой художественной выставке, которая открылась в краевом музее в Ставрополе. На выставке были «Домик Лермонтова», «Портрет Ленина» и ряд этюдов с натуры. В июне 1941 г. в Ставрополе была III-я краевая выставка. Были на ней и мои этюды с натуры, пейзажи. Я готовился ехать учиться в художественное училище, но началась война, и все кончилось.

С 1941 по 1948 годы я прослужил в армии. Демобилизовался инвалидом Великой Отечественной войны. Состояние здоровья не позволило ехать учиться, я остался в Ставрополе и занялся настойчиво, энергично самообразованием. Целыми днями пропадал на этюдах в окрестностях Ставрополя, все больше и больше увлекался рисованием. Читал всевозможную литературу по искусству. В 1949 году выставил на краевой выставке пейзажи «Село Татарка» и рисунки деревьев карандашом. В 1951 году были на выставке этюд «Вечер» и два рисунка карандашом.

1952 год для меня особенный. В этом году я особенно много писал – около 220 этюдов, испортил несколько холстов, за городом писал «Корыта».

Были городская и краевая выставки самодеятельных художников края, я выставил 80 работ. Получил от профсоюза путевку в Москву, где зашел в Третьяковскую галерею и попал прямо в зал к Левитану. У входа застыл, стиснул пальцы и прослезился, я увидел настоящие картины, о которых так много слышал и видел на репродукциях. В его пейзажах я почувствовал отклики ощущений, полученных мною от природы. Я осторожно, внимательно переходил от одного пейзажа к другому, провел целый день в Третьяковке и вечером прослушал лекцию о Левитане. С тех пор я ежегодно бываю в Москве и хожу к Левитану, Васильеву, Шишкину, Куинджи, Поленову, Саврасову. Из наших советских художников мне очень нравятся пейзажи Бакшеева, Мешкова, Грицай, С. Герасимова, Домашникова, Ткачевых. В этом же году побывал с этюдами у Бакшеева. Несмотря на свою занятость, он уделил 4 часа времени просмотру моих этюдов, рассказывал о своей жизни, о встрече с Верещагиным, показывал чудесные рисунки леса карандашом А. Шильдера. Показывал свои работы и этюды, подаренные ему друзьями-художниками. Всегда вспоминаю эту встречу с большой теплотой. Был с этюдами у В. В. Мешкова. Посмотрев мои этюды, он сказал: «Стоите на правильном пути, только больше работайте». В мастерской Н. Н. Жукова был, просматривали мои этюды, разговор был задушевный и искренний. Смотрел выставки в Москве.

В 1953 году три пейзажа «Зима», «Пруд», «Весной» были на республиканской выставке в Москве. Я получил путевку от Союза художников СССР на дачу в дом творчества «Сенеж» под Москвой. Там много писал с натуры, познакомился с большой группой художников. Мои этюды ежедневно обсуждались, критиковались, я прислушивался. Руководителем нашей группы был художник А. И. Плотнов. Он уделял достаточно времени и внимания, чтобы помочь мне. На даче я показывал свои работы Герасимову, Мешкову, Вучетичу, Бубнову, Налбандяну, все они своими советами поджигали меня к дальнейшей усердной работе. Наблюдал, как пишут этюды Мешков, Бродская, учился у других. Часто выезжал в Москву, за эти 3 месяца я увидел множество выставок. Вообще, эти дома творчества – чудесные школы. За это время до 1959 года побывал и в других домах творчества. Четыре раза участвовал в республиканских выставках в Москве. Был в Ленинграде, показывал свои пейзажи в Академии художеств. Познакомился с творчеством Дубовского и Крылова в Новочеркасске, был в Клину в доме Чайковского, в Архангельском, Останкино, Абрамцево и других местах. Смотрел различные художественные выставки. Все это мне дает очень многое, литературы по искусству много и нужно самому разуместь, что к чему. А самое главное, нужно иметь большое тяготение к работе, иметь большое чувство любви к родной природе, к ее разнообразным состояниям в любое время года, начиная от снежных гор Кавказа и до северных степных районов Ставропольского края, мне нравится природа Ставрополя. На ставропольских выставках всегда бывают мои пейзажи. В 1956 году я был принят в члены Союза художников СССР».

Из воспоминаний племянницы П. М. Гречишкина – М. Н. Михайловой, которая тоже прекрасно владеет кистью и талантлива как портниха: «Мать Павла Моисеевича Гречишкина, моя бабушка Прасковья Алексеевна (в девичестве Усачева) родилась 25 июля 1900 года в с. Татарка, в большой зажиточной семье. Дом Усачевых стоял в центре села. Семья имела лавки, поля, хозяйство. В зиму заготавливали лед, а летом на леднике хранили продукты. А зимы были такие, что у коров рога лопались. Обходились без наемных людей – своими силами. У Прасковьи Алексеевны было три брата – Алексей, Петр, Яков – и сестра Полина. Дети учились в церковно-приходской школе. Маленькая Проша училась без прилежания – из 4-х классов школы закончила два. Она дважды оставалась на второй год и смеялась: «Как все – четыре года отучилась!», а Полина все зубрила. Младший, Яков, слушая зубрежку Полины, все запоминал, хорошо учился, позже стал в селе бухгалтером. Маленькая Проша считала, что за невыученный урок на коленях проще отстоять, чем голову «забивать». Отец ее ругал, но она философски отвечала: «Меньше думать – больше проживешь». В 12-летнем возрасте она нянчила грудничков, которых ей оставляли женщины, уходившие на строительство Туапсинской железной дороги. Ей оставляли бутылочки с молоком, чтобы девочка кормила детей.

Алексей Усачев был знахарем, лечил «худобу» (животных). Пошепчет что-то, и животное выздоровеет. Скот у Усачевых не болел, был «гладок». Входил в любой двор без боязни, только глянет на пса – тот хвост и подожмет.

По холке погладит пса, тот становится ручным. Видимо, какой-то силой обладал Алексей. Его за это считали в селе колдуном. В 1930-е гг. Алексея Усачева раскулачили, арестовали, и он погиб в ссылке. Двоюродная сестра Прасковьи Алексеевны (информация об имени не найдена) была талантливым человеком: для церкви писала иконы и делала из воска фрукты – от настоящих не отличишь! Иконы освящались и расходились по всей Руси.

В семье Усачевых сыновья с семьями жили в родительском доме, обедали за большим столом, где царил тишина и пикнуть никто не мог. Алексей был строгим, но сдержанным человеком и если сердился, то говорил: «Чума вас выдуши». Это было страшное ругательство. Рисовала Прасковья Алексеевна всегда виртуозно только две картинки – петуха и мужика с сигаркой в профиль и всегда шутила: «Сынок Павлуша увесь в меня талантом пошел».

Очень любила Прасковья праздник Троицу. Наберет воды, принесет домой, повесит дубовые ветки, разложит чабрец и обязательно на костре или на грубке жарит яичницу. Летом все готовили на улице, на печи. Любила Прасковья Алексеевна на Святой колодец ходить, смотреть, как батюшка с кадиллом ходит, песни церковные поет. К Святому колодцу у нее было особенное отношение. Как-то молоденькая Проша с мамой пошли на колодец за водой, взяв по два ведра и коромысла, набрали воды, а мимо два парня идут. Подумала Проша: «Пройду-ка я красиво мимо хлопцев». И пошла. Поравнялась с молодыми людьми, а коромысло лопнуло, и полетели ведра со святой водой на землю. Подскочил к ней парень и говорит: «Не переживай, красавица, я тебе еще лучше коромысло сделаю». Набрал в ведра воды и проводил ее домой. Это был Моисей – ее будущий муж.

Моисей Федосеевич (1888–1962 гг.) и его брат-близнец Семен, как записано в метрике, родом из Бешпагира. Но кто их родители – никто не знает. Нашли их Гречишкины у своего порога в корзине, оставили детей в семье и воспитали. Прасковья Алексеевна говорила, что это «грех чей-то». Моисей был человек манерный. Хоть и вырос в селе, но ел с ножом и вилкой. Был очень музыкален, играл на всех музыкальных инструментах, некоторые мастерил сам, например, скрипку. Лак для покрытия скрипки Моисей изобрел сам. Талантливый человек талантлив во всем: был столяром-краснодеревщиком, ювелиром, сапожником. Вся мебель в доме изготовил своими «золотыми» руками.

Поженились Прасковья и Моисей в 1919 году, венчались в Татарской церкви. Дом их стоял один на горе. Он и сейчас одиноко стоит, выделяясь своей красной крышей. Дом был длинный, беленый, под красной черепицей, чистый, светлый и уютный. Под кручей был родник, где брали воду. Недалеко от дома колосились пшеничные поля. Держали коров, бычков, выращивали в огороде овощи, рядом бушевал прекрасный сад.

Союз Моисея и Прасковьи Гречишкиных был колоритным: легко воспламеняющийся нрав Моисея уравновешивал стальной характер Прасковьи. Сильно любили друг друга и долго прожили вместе. Детей у супругов Гречишкиных не было 4 года. Моисей говорил: «Пашурочка, я тебя люблю, но если детей не будет, я тебя брошу». «Я испугалась, – говорила Прасковья

Алексеевна, – и нарожала детей». Детей было пятеро. Долгожданный первенец Павел родился в с. Татарка 26 января 1923 года весом 5 кг. 200 гр. – богатырь! Полугодовалого Павлика Прасковья Алексеевна брала с собой на работу в поле, няnek не было. Она выроет ямку в земле в тенечке, застелет колушкой (овчиной), пеленкой, посадит туда ребенка и закопает его до пояса. Расправит по земле пеленочку, придавит камушками, чтоб не сползла, и в поле работать. Придет, а Павлуша пеленочку стащит, землицы с травкой наестся. Потом Прасковья Алексеевна говорила: «Это Земля-Матушка такого сыночка мне вырастила». С улицы Горной, где жила семья Гречишких, маленький Паша видел всю красоту окружающего мира. Эти впечатления повлияли на его дальнейшую судьбу. Ярчайшее впечатление детства – величавая гора Эльбрус. Каждый раз он зачарованно и восхищенно смотрел на то, как в солнечную погоду за горой Недреманной появлялся белоснежный гигант Кавказа. Вспоминал, как алым цветом отражались красные меха гармони отца, идущего по улице на праздник.

Маленький мальчик замечал то, на что другие не обращали никакого внимания или считали обыденным. Несколько раз маленький Павлик находился на грани жизни и смерти. Как-то ради забавы Паша стал дразнить бычка, а тот повалил его и стал топтать. Мать вовремя услышала крик, выбежала и спасла сына, которого пришлось долго выхаживать. В другой раз он играл в сундуке для зерна с большой тяжелой крышкой и щеколдой. Неожиданно крышка закрылась, щеколда захлопнулась, Паша оказался запертым внутри сундука. Испугавшись, мальчик заплакал, покричал-покричал и затих. Долго его искали родители дома, в лесу и по всей округе. Наконец нашли в сундуке без сознания – откачали. Был и такой случай. Кружил Павлик возле лошади деда по кличке Болот и по незнанию подошел сзади. Лягнула она его копытом в область солнечного сплетения так, что отлетел он на несколько метров. Выходили и на этот раз, только испуг пришлось выливать. Любил маленький Паша заглядывать в бочку с водой, наблюдать за лягушками в роднике, ловить кузнечиков, сидеть у деда на коленях и чувствовать его шершавую ладонь, когда тот гладил внука по голове. А как надежно было прятаться у бабушки под фартуком, чтобы скрыться от сердитой мамы!

Родился у Гречишких сын Федор, но умер в 6 лет от менингита. После пережитого горя родился Григорий. Когда начались голодные 1930-е гг. и повсеместное раскулачивание, Моисей с Прасковьей и детьми спасались в Осетиновке, а потом в Подмосковье. В тяжелый голодный год Моисей и Прасковья закопали картошку, зерно, чтобы Комсоты (в них входили бедняки) не смогли ничего найти. Забирали все, даже готовую пищу из печи – ни уговоры, ни плач детей не могли их разжалобить. Люди умирали от голода. Моисей уехал в Карачаево-Черкессию, а беременная Прасковья с детьми осталась в селе. Пришли и к ним, тыкали пиками по всему двору, грозили, что убьют, но схрон не нашли. Погрозили, но не тронули. Прасковья уехала к Моисею в Подмосковье. Еще один сын, Федор, родился в Волоколамске.

В 1933 году Гречишкины вернулись в Татарку. Прасковья Алексеевна открыла свои тайники, раздала запасы продуктов родственникам, спасая их от

голода. Потом купили небольшой домик на ул. Минина, № 2. В 1940 году родилась дочь Валя. Отсюда уходил на фронт Павел Моисеевич, сюда же и вернулся с войны.

Дети учились в школе с. Татарка. У каждого был свой талант: Павел не только рисовал, но и играл на баяне. Григорий играл на скрипке (когда уходил в армию, повесил ее на печь, она рассохлась, и струны выпали). Федор играл на гармонии, рисовал карикатуры – они получались у него потрясающие (он закончил ФЗУ, работал на буровой), у Вали было среднетехническое образование, и замечательно она пела.

Павел Моисеевич село не любил, не любил своего сельского происхождения. Но жители Татарки его любят и помнят до сих пор.

В 1962 году Моисей Федосеевич умер. Прасковья Алексеевна жила с дочерью Валентиной и внучкой Мариной в доме на Минина до 1974 года. Когда Валентина Моисеевна получила квартиру в Ставрополе, дом продали и уехали в город, но всегда скучали по Татарке. Прасковья Алексеевна умерла в 1984 году.

Раиса Семеновна – жена Федора Моисеевича Гречишкина – поделилась своими воспоминаниями о жизни в семье Гречишкиных, о нежной привязанности братьев Павла, Федора, Григория и младшенькой, Валюши, об опеке старших над младшими, о поддержке друг друга на протяжении всей жизни. Раиса Семеновна бережно сохранила и передала в музей столярные инструменты Моисея Федосеевича и Федора, фотографии 1966–2006-х гг., на которых запечатлена вся большая дружная семья. Для мастерской брата Павла Федор вырезал перила, крыльцо, рамы, наличники на окна, а также рамки для картин. В семье Гречишкиных все мужчины были мастерами. Федору от деда по материнской линии достался рубанок «Stanley», которому «сносу не было». Дед любил повторять: «Если работаешь большим рубанком, то заработаешь деньги на хлеб, а маленьким – на сахарок».

В семье было особенное отношение к музыке. Баян, на котором любили играть все мужчины рода Гречишкиных, Раиса Семеновна передала в фонды музея, как и раскладной стульчик, приобретенный Павлом Моисеевичем в 1970-х гг. Он всегда пользовался им во время написания этюдов.

Павел Моисеевич часто приезжал в Татарку. Здесь жили дорогие ему люди, росли любимые березы, которые для него были олицетворением образа России. На новоселье к брату Мастер привез из питомника четыре березки, которые до сих пор растут во дворе. Среди этих берез Раиса Семеновна любила угощать дорогого гостя чаем и его любимыми блинами, и пирожками с капустой, яйцами и луком.

Использованные источники и литература

1. СГМЗ. Ф. 227. Ед. хр. 1.
2. Воспоминания племянницы П. М. Гречишкина – Марины Николаевны Михайловой.
3. Воспоминания жены Ф. М. Гречишкина – Раисы Семеновны (рукопись из архива авторов).

Астанина А. В.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
аспирант;

научный руководитель: **Колесникова М. Е.**,
г. Ставрополь,
заведующая кафедрой истории России СКФУ,
доктор исторических наук

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Значительный вклад в развитие отечественной исторической науки внесли общественные организации Северного Кавказа, возникновение и деятельность которых приходится на 2-ю половину XIX – начало XX веков. Среди них были и общества религиозной направленности. Вовлечение в общественные религиозные организации людей самого разного возраста и вероисповедания привело к тому, что общества со временем превратились в своеобразные просветительские центры.

Северный Кавказ – многонациональный регион. В рассматриваемый период там имелись сектантские и раскольнические общины. В силу этого большую роль играло возобновление миссионерской деятельности, которая осуществлялась православными обществами, религиозными братствами и церковно-приходскими попечительствами, которые занимались миссионерской, благотворительной и оздоровительной деятельностью, помогали нищим и беспомощным, открывали приюты, бесплатные столовые, семинарии, где занимались просвещением народов Северного Кавказа, боролись с магометанством и сектантством. Деятельность православных общественных организаций сыграла большую роль в развитии духовной культуры народов региона.

Ставропольская епархия была образована в 1842 году путем выделения территорий из Астраханской епархии и до 1867 года называлась Кавказской и Черноморской епархией, включала в себя приходы Кавказской области (126 церквей и 180 причтов) и Черномории (66 церквей и 96 причтов). В 1867 году произошла очередная реорганизация, и епархия получила название Кавказская и Екатеринодарская. В 1885 году из епархии были выделены приходы Терской области, образовавшие Владикавказскую и Моздокскую епархию в составе Грузинского экзархата (самостоятельная Владикавказская кафедра появилась в октябре 1894 года, была упразднена после 1920 года, впоследствии восстановлена в составе Ставропольской епархии). С 1886 года епархия называлась Ставропольская и Екатеринодарская, а с 1916 года – Кавказская и Ставропольская.

После окончания Кавказской войны началось более интенсивное освоение северокавказского края, что дало толчок к активизации изучения исторического прошлого региона, в том числе и вероисповедания народов, проживающих на данной территории. Большой интерес у археографов и палеографов вызывали древние рукописи и фрески, свидетельствующие о ранней церковной истории региона. На тот момент остро стояла необходимость в постройке новых храмов, просветительских школ, семинарий, духовных училищ. Управлять паствой в это время пришлось епископу Иеремии (1843–1849 гг.).

Одним из направлений деятельности епархии была миссионерская. Велась постоянная борьба со всевозможными сектами. Работа шла по двум направлениям: одно было направлено на работу с горцами, другое – на просветительскую и миссионерскую деятельность среди русского населения [1]. Проповедническая деятельность велась среди староверов и сектантов, таких как духоборцы и молокане. Большое внимание уделялось и таким категориям населения как бродяги, дезертиры, нищие. В центре внимания была и религиозность казачества. В период правления Иеремии была завершена постройка каменного Кафедрального Собора в Ставрополе. Ко дню памяти святителя Иоанна Златоуста 13 ноября 1846 года была открыта Духовная школа. В этом же году были открыты Духовная семинария и Ставропольское духовное училище [2].

Большой вклад в обустройство епархии внес Игнатий Брянчанинов, управлявший ею в 1857–1861 годы. Особое внимание владыка уделял благосостоянию Духовной семинарии и Духовного училища. При нем, в 1860 году, было учреждено «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» [3]. Общество внесло значительный вклад в восстановление православного христианства на Кавказе, активно занимаясь миссионерской деятельностью. Предметом заботы членов общества являлось поддержание состояния древних христианских храмов и монастырей, строительство новых, снабжение храмов иконами и богослужебной литературой, устройство церковных школ и распространение книг религиозно-нравственного содержания среди славянского и горского населения [4].

Преосвященным Германом в 1873 году было начато издание первых номеров «Кавказских епархиальных ведомостей», на страницах которых освещалась жизнь духовенства, публиковались отчеты о духовной жизни и просветительской деятельности епархии. В этом же году в Ставрополе было учреждено братство Св. Апостола Андрея Первозванного. Это было самое первое братство, возникшее в епархии, миссионерская деятельность которого сводилась к открытию и поддержанию работы школ для «новообращенных» и помощи бедствующему населению, распространению религиозной литературы, проведению религиозно-нравственного просвещения. Члены братства занимались христианизацией калмыков. В 1783 году вблизи калмыцких кочевий, в с. Дербетовка, братство организовало школу для детей «иноверцев». Благодаря обширной миссионерской деятельности духовенства постепенно увеличилось число храмов и приходов в епархии.

В 1886 году управлять епархией стал епископ Томский и Семипалатинский Владимир. Его миссия была направлена на поддержание и восстановление древних разрушенных православных храмов, которые находились в горах Северного Кавказа. К празднованию 900-летия Крещения Руси в 1888 году архиереем было открыто Свято-Владимирское братство, благотворительная и миссионерская деятельность которого получила высокую оценку современников. На средства братства была открыта бесплатная столовая, ночлежный дом, приют для престарелых, убежище для сирот и бесприютных детей.

В результате слияния двух религиозных обществ: братства Святого апостола Андрея Первозванного (с 1873 г.) и братства Святого Равноапостольного князя Владимира (с 1888 г.) в 1892 году было образовано Андреевско-Владимирское братство. Сохраняя лучшие традиции ранее учрежденных братств, оно активно занималось общественно-просветительской деятельностью. Братство взяло под свою опеку школу для крещеных калмыков и занималось приобщением «инородцев» к грамоте. Были открыты школы: Андреевская для мальчиков в Ставрополе, в Новомихайловском – для детей обоего пола. Был организован книжный склад (типа библиотеки), книги служили пособием для учащихся.

Одним из выдающихся миссионеров епархии был священник Симеон Никольский, который в 1895 году исполнял обязанности противосектантского миссионера. Его благотворительная и просветительская деятельность получили большое признание. В 1868–1901 годы Никольский был членом миссионерского комитета, членом Общества восстановления православного христианства на Кавказе, членом Императорского Палестинского общества. Он также сотрудничал во многих общественных организациях: Ставропольской ученой архивной комиссии, Кавказской археологической комиссии, Ставропольском губернском статистическом комитете, Обществе Красного Креста [5]. При его участии было создано Ставропольское церковно-археологическое общество, в котором он председательствовал. Общество возникло в 1895 году, оно занималось собиранием исторических памятников и развитием в местном обществе, и особенно в среде духовенства и их воспитанников, интереса к археологическим памятникам [6].

Миссионерская деятельность епархии имела значение не только с духовной точки зрения, но и в плане интеграции региона в российское культурное пространство. Миссионеры старались сделать все для сохранения православия. Они старались помочь пастырям церкви оградить православных от соращения их в ереси и расколы. Миссионеры хорошо знали историю раскола и сектантства, следили за появлением новой духовной и исторической литературы, умели вести дискуссию. Миссионеры подробно знали священное Писание и историю церкви, обладали высоким настроем и готовностью к самопожертвованию, во всем показывали себя образцом добрых дел.

В миссионерской деятельности можно выделить 3 ступени: первая ступень – беседа, которая развивает любовь к изучению религиозных вопросов и к чтению богословских книг. Большую помощь миссионерам оказывали

церковные школы, где изучали закон Божий. Великую пользу делу миссионеров приносили различные издания: книги, листовки, статьи журналов, в которых затрагивались вопросы истории церкви, государства, христианской нравственности. Миссионеры считали, что нужно способствовать духовному росту народа, опираясь на духовную литературу и молитвы. Второй ступенью миссионерской деятельности было вразумление и обращение заблуждающихся к православию, убеждение верующих иметь совесть и жить в добре. Третья ступень – разъяснение истины.

Таким образом, преодолевая возникающие трудности, пастыри церкви вели миссионерскую и просветительскую работу в регионе, способствуя просвещению и формированию нравственных ценностей у населения.

Использованные источники и литература

1. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани / Сост. Н.Т. Михайлов. М., 2008. С. 331.
2. Ставропольская Православная духовная семинария 1846–2011 гг. Ставрополь, 2011. С. 6.
3. Духовное наследие святителя Игнатия Брянчанинова. Материалы IV Свято-Игнатиевских чтений. Ставрополь, 2011. Вып. I. С. 36–37.
4. Ставропольские Епархиальные Ведомости за 1894 г. Т. XXII. Ставрополь, 1894. С. 88.
5. Ашихмина А.В. Симеон Никольский – просветитель, миссионер, библиограф (160 лет со дня рождения) // Запад-Россия-Кавказ: научно-теоретический альманах. Вып. 3. Ставрополь, 2005. С. 229–235.
6. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: 2-я половина XVIII – начало XX в. Ставрополь, 2011. С. 339.
7. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани / Сост. Н. Т. Михайлов. М., 2008. С. 375–376.

Бармина Т. Б.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела этнографии,
кандидат исторических наук

ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ ГОРОЖАН В 1920–1930 гг.

(по материалам личной переписки Г. Н. Прозрителева с дочерью)

Материалы семейной переписки предоставляют уникальную возможность изучения экономической, социальной, культурной истории с точки зрения отдельной семьи, отдельного человека. Григорий Николаевич Прозрителев не входил во власть преобладающие слои общества, однако простым обывателем он тоже не был. Он – яркий представитель ставропольской интеллигенции, занимался умственным трудом (присяжный поверенный в окружном суде города Ставрополя), активный краевед-исследователь. Личность Прозрителева, его научное наследие и общественно-краеведческая деятельность достаточно хорошо изучены в местной историографии [1].

В статье предпринята попытка анализа эпистолярных источников с позиции «микроистории». Как и другие источники личного происхождения, они прекрасно иллюстрируют историю страны через историю семьи. Григорий Николаевич – краевед и основоположник архивного дела на Ставрополье – имел статус персонального пенсионера, был наделен определенными правами и льготами, установленными за особые заслуги перед государством. Назначение персональной пенсии означало приобретение высокого статуса в обществе. Хотелось бы отметить, что личность Прозрителева в этих источниках представлена опосредованно, так как мы располагаем письмами, написанными от лица его дочери – Валентины Григорьевны Загорской.

Валентина Григорьевна поддерживала отца во всех его общественных начинаниях. Она заводила необходимые знакомства, посещала чиновников, писала заявления, собирала необходимые документы для субсидирования. В письмах она часто вспоминает о главном детище Г. Н. Прозрителева – музее Северного Кавказа: «Дорогой мой, милый папочка! Давно нет от тебя весточки, бываешь ли в музее, разложены ли все коллекции?» [2].

Среди ежедневных хлопот Загорская всегда находит место для решения насущных проблем музея: «...решила сходить в музейный отдел поговорить с Нат. Ив. о переводе Музея в новое помещение. Я рассказала ей, что ты мне написал, упомянула, что уже 2 раза она телеграммами спасала этот музей, все она выслушала внимательно и сказала, что на этот раз просить Ставропольский Исполком об оставлении музея снова в этом же здании им неудобно, так как они сами теперь строго проводят объединение однородных учреждений. Потому она предлагает ходатайствовать перед Ставропольским Исполкомом о перенесении музея Северного Кавказа. Только тогда, когда будет вполне закончено и отремонтировано здание, предназначенное для него, отнюдь не вливая его в Городской Музей» [3].

На втором этапе «культурной революции» административно-командная система советского государства стремилась к унификации деятельности творческой интеллигенции. В этот период учреждались большие творческие союзы, укрупнялись культурные учреждения. В переписке проскальзывает ироничное отношение к бюрократическим проволочкам, нередко Загорская называет требуемые документы «бумажками» [4].

Валентина Григорьевна носила в девичестве фамилию матери – Можарова, получив после замужества новую фамилию – Загорская. Образованная, интеллигентная, очень деятельная женщина, она работала в одном из столичных исследовательских институтов. Конечно, своими бытовыми проблемами она неизменно делилась с отцом, иногда прибегая к его помощи: «У меня к тебе есть просьба. Дело в том, что здесь вводится паспортизация – во-первых, во-вторых наш институт перешел в другое ведомство и там лаборантка – с высшим образованием – может получать гораздо большую ставку... для того и другого мне надо объяснение, почему бумаги – аттестат гимназии и свидетельство с курсов Лесгафта¹ меня именуют Эпафродитовна Можарова» [5]. Проблема нехватки денежных средств остро стояла перед этой работающей женщиной, как и перед подавляющим большинством населения страны. После ареста мужа она в одиночестве воспитывала маленькую дочь – Шурочку и в письмах часто сетовала на отсутствие денег. «Сидим без гроша», – читаем мы в ее письме [6].

В трудные времена 1920–1930 годов прослеживается особая сплоченность семьи, отец и дочь поддерживают друг друга и словом и делом. Письма дочери наполнены заботой и любовью, каждое из них начинается с теплого приветствия: «Дорогой, милый папочка». Ежемесячно Загорская посылала отцу по 20 рублей [7], кроме того, старалась материально поддержать пожилую тетку, высылая и ей по 7 рублей ежемесячно [8]. Пользуясь тем, что в столице больший ассортимент товаров, по сравнению со Ставрополем, она высылала отцу и другим близким родственникам в посылках одежду, постельное белье, полотенца, отрезки ткани, чай, крупы и сахар. Мы узнаем об этом из писем, где перечисляются (возможно, в качестве перестраховки) все вещи, вложенные в посылку: «Получил ли нашу посылочку? Шурочка послала тебе коробочку мармелада, немного рису и чаю». Еще один пример: «Посылку отправила, в ней и для тебя коробка молока и три коробки монпансье, для тебя железную, а две картонные для Толи и Мар. Мих.» [9].

Очевидно, что ей отвечали из Ставрополя взаимностью: «Спасибо тебе, родной мой, за горячее сочувствие твое, и за приглашение приехать, и за твои заботы о нас». Г. Н. Прозрителев также, как мог, поддерживал дочь и внучку продуктами или деньгами: «Дорогой мой папочка! Я уже благодарил тебя за прекрасное масло и еще раз большое спасибо, лакомимся им с удовольствием» [10]. «Я уже благодарил тебя за 10 руб. Дорогой мой, и еще раз большое спасибо, они получились как раз, когда у меня не было ни копейки» [11].

¹ 1910–1919 гг. Высшие курсы Лесгафта в Санкт-Петербурге (Петрограде), с 1924 – государственный Институт физического образования им. П.Ф. Лесгафта.

Материалы личной переписки открывают нам окно в повседневную жизнь выдающегося общественного деятеля и краеведа. Затруднения материального характера заставили его подумать о продаже дома и приобретении более дешевого жилья на окраине города. По этому поводу у него с дочерью завязалась дискуссия. Она всячески уговаривает не менять «привычную жизнь и обстановку» на «развалину, требующую ремонта» [12]. «Ты привык к своему домику, к садику, к центру, откуда всегда можешь дойти везде, и переезжать на окраину нет никакого смысла, – уговаривает Прозрителева дочь, – для чего же тебе тогда ломать всю привычную жизнь и обстановку, а деньги у тебя пробегут сразу, и в результате не будет ни денег, ни удобного угла, где весь город тебя знает и крестьяне с давних лет. Подумай, дорогой мой, хорошенько» [13]. Из данной цитаты видно, как важны месторасположение жилища и ежедневные маршруты с точки зрения повседневных практик отдельного человека. Не менее важен вопрос о постоянстве адреса проживания и его «известности» – очень важного факта для такого публичного человека, каким был Г. Н. Прозрителев.

Письма, как любой другой источник, описывающий жизнь людей, содержат некоторые комичные ситуации. Так, адресата как представителя «старой» интеллигенции в «новое» время прекрасно характеризует следующая выдержка из письма: «Твое письмо о покупке рояля очень озадачило нас с Васей. Для кого тебе вздумалось его покупать? Разве только тебе самому захотелось немного поиграть по вечерам, чтобы скрасить свое одиночество. Мы выслали тебе не все 100 рублей, как ты просил, Дорогой мой, потому что не смогли столько достать, назаняли у кого 10 руб., у кого 5 руб., у кого 15 и еле-еле собрали эти 60 рублей. Теперь придется отдавать эти долги понемногу» [14].

Эпистолярные источники освещают социальный, экономический, духовный опыт интеллигенции из среды городского населения. Красной линией через все исследованные источники проходит тема экономической нестабильности и нехватки средств. Некоторые письма написаны на плохой бумаге, карандашом, дополнительно демонстрируя трудности материального положения семьи. С другой стороны, очевидно, что бытовые неурядицы только сплачивали семью, мобилизовали чувство ответственности за близкого человека. Благодаря анализу этих писем мы можем создать реконструкцию «малых жизненных миров» отдельных субъектов истории. Одновременно выявляются разные компоненты культуры, формы деятельности и взаимоотношений людей, свойственные узкому кругу интеллигенции первой четверти XX века.

Использованные источники и литература

1. Охонько Н.А. Г.Н. Прозрителев и его вклад в основание Ставропольского краеведческого музея; Дронов А.В. Вклад Г.Н. Прозрителева в изучение исторического и природного наследия населенных пунктов Петровского района; Нахаева И.В. Рукописи Г.Н. Прозрителева как источник по изучению социально-экономической структуры кочевых обществ степного Предкавказья конца XIX – начала XX вв. // Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 1. Ставрополь,

2005. Селунская И. Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Паве. Роман о музее. Пятигорск, 2005.
2. СГМЗ. Ф. 2, ед. хр. 136, оф. 27398/1398.
 3. Там же. Оф. 27398/1363.
 4. Там же. Оф. 27398/1371.
 5. Там же. Оф. 27398 /1365.
 6. Там же. Оф. 27398/1368.
 7. Там же.
 8. Там же. Оф. 27398/1385.
 9. Там же. Оф. 27398/1387.
 10. Там же. Оф. 27398/1381.
 11. Там же. Оф. 27398/1389.
 12. Там же. Оф. 27398/1367.
 13. Там же.
 14. Там же. Оф. 27398/1368.

Беликов Г. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
старший научный сотрудник,
член Союза писателей России,
Почетный гражданин г. Ставрополя

Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВ И ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1917 ГОДА

Одной из главных черт жизни Григория Николаевича Прозрителева был поиск справедливости и борьба за нее. Это привело к его революционным устремлениям в годы учебы в Петербургском, а затем в Московском университете, к странствованию по Европе (Швейцарии и Франции), ставшей очагом революционной эмиграции, наконец, «хождением в народ» в Терской области и как итог – Ставропольский тюремный замок (1880 г.).

Позже он искал правду жизни как адвокат Ставропольского окружного суда, инициатор выхода частной газеты «Северный Кавказ», а затем как редактор «Северокавказской газеты». Но его борьба против несправедливости в дореволюционной России померкла в сравнении с кровавой вакханалией, начавшейся после Октябрьского переворота, переросшего в Гражданскую братоубийственную войну.

В газете «Ставропольские ведомости» он писал в кратком, но страшном по своей правде эссе «Перед грозным концом»: «Да, мы стоим перед грозным концом той великой трагедии, которая создана большевиками и так развязно разыграна Лениным, Троцким и их сподвижниками. События бегут с удивительной быстротой и неумолимо приближают нас к грозной развязке... Голод и общее ожесточение друг против друга от перенесенных страданий – эти два властелина завтрашнего дня создадут тот ужас, от которого померкнут и ужасы ада. А оба они уже стучатся в наши двери, стоят у порога и возьмут все, не только наше тело, но и душу: настанет общее озверение... А мир ждал покоя... Рабочий, изнуренный трудом, мечтал облегчить свою долю, вздохнуть полной грудью, кормить детей без ущерба их здоровью и не страшась, что завтра станет безработным и протянет руку за подаянием. Но где же «золотые слова», в которые он верил, где сладкие грезы блаженства, которыми он себя убаюкивал?! Мрачное обнищание и костлявая рука голодной смерти крепко держит его за ворот рубахи, а обещанное блаженство оказалось мифом. Где мечты хлебороба быть «свободным» на «своей» ниве, спокойно убирая богатый урожай, не страшась ни насилия, ни неправды, ни захвата? Крестьянин грустно смотрит на незасеянные поля, поросшие бурьяном, и с тоской в сердце бредет в свою хату получать не радость, а горе... Где же та спокойная жизнь, свобода труда, братство и безмятежное счастье, которые манили своим величием и окрыляли надежды на лучшие дни!!! В ответ слышатся раскаты орудийной пальбы, виднеются потоки крови и груды обезображенных трупов. Родная земля обгагрывается кровью отцов, убитых сыновьями, братьев, убитых братьями,

младенцев, растерзанных безжалостной рукой осатаневших убийц. На такой ниве может взрасти только одичание, ибо на ней поруган народ, веривший в светлое будущее, искавший правды. Здесь убито народное дело вождем, написавшим на своем знамени «К светлым дням путем крови и железа!». Мнимые вожди и лживые пророки вместо хлеба дали камень и вместо рая привели к вратам ада, где слышен стон, рыдания, проклятия и муки. Муки без конца... Безумцы, скажите друг другу, что вы братья, протяните руки ваши не к ножу, а в братские объятия, и вы найдете путь от этих ужасных врат. И смолкнут тогда стоны и рыдания» [1].

Григорий Николаевич Прозрителев винил в кровавой войне, захлестнувшей Россию, большевиков и их вождей. И совершенно не случайно, когда 8 июля 1919 года Ставрополь отмечал годовщину своего избавления от большевистского засилья, когда в Общественном собрании города чествовали генерала Добровольческой армии Андрея Григорьевича Шкуро, от Архивной комиссии, возглавляемой Прозрителевым, за его подписью (а также с подписями Почетного гражданина Ставрополя историка И. П. Кувшинского и других членов Архивной комиссии) генералу был преподнесен следующий адрес, опубликованный в газете «Родная речь»*: «Глубокоуважаемый Андрей Григорьевич! В памятный день освобождения от красноармейского владычества, взявшего массу невинных жертв в Ставрополе и грозившего всем остальным гибелью, Ставрополь Кавказский приветствует Вас, Ваше Превосходительство, своего избавителя, и Ставропольская Ученая Архивная Комиссия считает своим прямым долгом занести Ваше имя на страницы истории, избрав Вас своим почетным членом. Не раз Ставрополь видел грозные натиски врага, в том числе и в течение долгой Кавказской войны, принесшей громадные жертвы. Прошло 133 года, и снова надвинулась гроза на Ставрополь. 1918 год стал для него самым мрачным. Снова принесены жертвы, и великая братская могила в местной Андреевской церкви свидетельствует о том великом подвиге, который был совершен внуками тех, кто некогда отстаивал Ставрополь от натиска врага и лег здесь костями... Вы, Ваше Превосходительство, также потомок тех Кавказских героев, которые прославили имя казака-линейца в борьбе за обладание Кавказом. Лично явились избавителем Ставрополя в грозный час его засилья большевиками. И история запишет Ваше имя с великими кавказскими героями» [2].

В том же 1919 году по инициативе и при участии Прозрителева, по согласованию с генерал-губернатором Глазенапом, наряду с военной властью, в Ставрополе создается и гражданская власть: Ставропольское губернское управление. В Управлении Прозрителев возглавил юридический отдел, технический – архитектор Г. П. Кусков, прокурором стал В. М. Краснов, продовольственный отдел возглавил Д. Д. Сталочанов, во главе учебного округа стал педагог Н. И. Васильев, а городским головой стал Р. Р. Глинзнич.

Именно тогда сотрудничавший с Губернским Управлением известный композитор и дирижер Василий Дмитриевич Беневский, автор песни «Варяг»

* «Родная речь» – многополосная общественно-политическая газета, издававшаяся в Ставрополе.

(«Плещут холодные волны»), в Народном доме им. генерала Корнилова в Ставрополе исполнил Гимн России «Верным сынам-добровольцам»:

Да здравствует Россия, великая страна.

Да славится Россия, да процветет она.

Не в силе Бог, не в силе, а только в правде он,

Мы правдой освятили свободу и закон.

Между тем приблизился 1920 год, а вместе с ним началась новая страница истории как в жизни Ставрополя, так и самого Григория Николаевича. И началась та затянувшаяся страница с военного коммунизма, голода, репрессий, грабежа и уничтожения всех духовных ценностей ниспровергнутого большевиками мира. И вновь, рискуя многим, Прозрителев, под видом борьбы за чистоту русского языка – языка Пушкина и Лермонтова, Толстого и Достоевского, с горечью и болью обращается к соотечественникам с речью «Влияние советской современности на русский язык» на одном из заседаний этномолого-археологической комиссии 30 сентября 1923 года: «Русский человек чужд злого чувства к другому. Вот почему русский человек уживался на своей территории с другими народами, с ними сближался и роднился. Эта замечательная основная черта русского мирозерцания, начало сердечности, родственной близости, которая проявляется и в отношении к внешнему миру: земля-матушка кормилица и все на родной земле живущие – родные братья».

«При таких душевных качествах народ всегда остается жизненным и великим», – отмечал докладчик, – «он не может вырождаться ни физически, ни морально, так как он допускает широкие общения с другими, и морально он черпает из мира то невидимое, что лежит в основе творения – это доброе чувство жизни, радость перед солнцем, любовь к земле. Если к этой благосостоятельности прибавить вечное искание правды, то во всем величии встанет русский народ с его безграничной жаждой правды, с его широкой благожелательностью и терпимостью. И вдруг, в наши дни, когда пали преграды, давившие мысль и волю, мы слышим, что в обиходе русской речи стали ходкими словами те, какие прежде были достоянием острога, каторги и полицейского застенка. Тяжелые кровавые события, охватившие Русь, говорят за то, что слово и дело стоят в тесной связи между собой. При таких явлениях у многих пала вера в народ, который они называют зверем, и обвинение бросают всему народу. Но это ужасные факты, факты мрачной воли, злых помыслов, но факты других душевных побуждений, нежели те, которые свойственны душе русского народа. Винить весь народ нельзя: преступный элемент прошлого втянулся волной движения и, как выброшенный из прежней жизни, сказал свое излюбленное влияние на события. Но великий народ, уберегший свою душевную силу на протяжении тысячелетий, не может стать зверем и могильщиком собственной истории».

Между тем Григорий Николаевич Прозрителев в условиях страшной большевистской диктатуры сумел собрать вокруг себя и музея, им созданного, многих представителей творческой интеллигенции города, подвергавшихся преследованиям за свои убеждения. «Интеллигенция не могла принять те идейные и нравственные ограничения, которые накладывали на нее

условия нового времени», – писал философ и историк Вячеслав Костиков. – «Эта интеллигенция заявляла свой протест, вела идейную борьбу против начавшего набирать силу государственного партийного аппарата и поэтому становилась все более неуютной. Угодничать же она не могла и не хотела... Она не хотела менять убеждения, не желала смириться с изъятием права думать так, как ей велела совесть» [3].

Одним из соратников Прозрителева стал Сергей Александрович Цветков, возглавивший Самообразовательный кружок учащихся старших классов Ставрополя и студентов местных вузов. О Цветкове и его Кружке, которым негласно руководил Прозрителев, в книге «Всплывшее в памяти» писал наш выдающийся земляк, эмигрировавший в Америку Борис Филиппов: «Поэт и незаурядный мыслитель, он хотел жить, чтобы читать древних авторов, и современников, писать ученые стихи и поэтические, философские статьи и книги... С. А. читал нам и систематические курсы, и циклы лекций, и отдельные лекции. Курсы иногда длились долго, например, истории древней и истории новой философии (от Николая Кузанского и до Гегеля включительно) посвящалось 40–45 лекций; истории средневековой философии, психологии, логике – от 20 до 25 лекций. Читались и циклы лекций, посвященные западным мыслителям: Анри Бергсону, Фрейдю. Выше всего из русских мыслителей Цветков ценил Франка и – в части философской антропологии – Несмелова... Читали отдельные лекции о Достоевском, Шпенглере, Гуссерле» [4].

Среди лекторов кружка были зоопсихолог В. А. Вагнер, геолог С. С. Кузнецов, историк русской литературы, будущий автор «Неугасимой лампы» Борис Николаевич Ширяев и другие.

И все это происходило, когда в стране по указанию Наркомпроса, возглавляемого Н. К. Крупской, не без ведома В. И. Ленина, из книжных хранилищ выбраковывались и уничтожались книги философов и практически вся российская литература, начиная с Льва Толстого вплоть до детской литературы, не соответствующей идеалам Страны Советов.

В итоге: музей Прозрителева «слили» с музеем Г. К. Праве, члены Самообразовательного кружка разогнаны или, как Б. Н. Ширяев, попали на Соловки.

Использованные источники и литература

1. Ставропольские ведомости. 1919, № 21 от 1 июня.
2. Адрес А.Г. Шкуро (текст) // Родная речь. 1919, от 8 июля.
3. Костиков В. Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1900. С. 35.
4. Филиппов Б. Всплывшее в памяти. Лондон, 1990.

Бокова Я. М.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
студентка магистратуры, 1 курс;

научный руководитель: **Булыгина Т. А.,**
профессор кафедры истории России СКФУ,
доктор исторических наук

ФРАНЦУЗСКАЯ ПУТЕШЕСТВЕННИЦА НА КАВКАЗЕ – АДЕЛЬ ОММЕР ДЕ ГЕЛЛЬ

Имя Адель Оммер де Гелль давно было бы забыто в России, если бы не научные изыскания лермонтоведов. Адель Оммер де Гелль (1817–1871 гг.) – французская путешественница и поэтесса, супруга французского консула в Одессе и известного ученого-геолога Ксавье Оммер де Гелля, женщина-легенда в жизни М.Ю. Лермонтова. Историки литературы до сих пор решают вопрос: были ли знакомы Лермонтов и французская путешественница, встречались ли они на Кавказе. Ибо их творческие пути и поэтические творения, по мнению ряда лермонтоведов, очень близки по духу.

В нашем распоряжении находятся очень скудные данные о жизни французской путешественницы. Даже даты жизни и смерти госпожи Оммер де Гелль расходятся в разных источниках. Согласно французским энциклопедиям, она родилась в 1818 и умерла в 1883 году. Русские источники предлагают другие даты: 1817–1871 годы. В 15 лет она вышла замуж. Известно также, что Адель длительное время провела в путешествиях по России и Европе. Ее муж Ксавье был талантливым геологом, лауреатом Географического общества. Чета де Гелль неоднократно посещала юг России. Здесь Ксавье вел геологические разработки. За открытие железорудных месторождений на берегах Днепра в 1839 году Николаем I ему был пожалован орден Св. Владимира. В 1839–1840 годах путешественница побывала в Екатеринославе, Мариуполе, Ростове, Новочеркасске, Астрахани, увидела истоки Маныча и берега Кумы, посетила Кавказские Минеральные Воды и Ставрополь.

Все увиденное в этих краях оставило неизгладимое впечатление в душе француженки. Обладая пытливым умом, любознательностью и ярким литературным дарованием, Адель Оммер де Гелль записывала в путевой дневник обо всем увиденном. Лишь 20 лет спустя в Париже, на основе путевых заметок, ею была издана книга «Путешествие по Прикаспийским степям и югу России». Книга написана на французском языке, поэтому в России она стала библиографической редкостью. На русский язык ее перевела научный сотрудник музея «Домик Лермонтова» лермонтовед Е. Л. Соснина. Книга написана образным языком, она содержит интересные факты, рассказывающие об особенностях быта, культуры и традиций народов, проживающих в России. Ценность данного источника состоит в том, что в нем собраны самые различные данные: об историко-археологических памятниках Северного

Кавказа, о событиях Кавказской войны, об этнографии северокавказского региона и России, о персоналиях в истории российско-кавказских отношений. Три главы в книге Оммер де Гелль «Путешествие по Прикаспийским степям и югу России» посвящены описанию Ставрополя и Кавминвод.

Кавказ давно привлекал французскую путешественницу. Первое впечатление о Кавказе она получила на берегах Кумы, посетив имение Владимировка (сегодня Левокумский район Ставропольского края), принадлежавшее знатоку Кавказа, одному из первых его историков, известному общественному деятелю А. Ф. Реброву (1776–1862 гг.). Адель в своей книге рассказывает о теплом приеме хозяина Владимировки, о знакомстве с его гостеприимной и дружной семьей, об интересных прогулках по владениям Реброва. Путешественницу поразили хозяйственные способности и трудолюбие Алексея Федоровича, она оценила их по достоинству: «Владимировка – одна из самых прелестных усадеб, когда-либо виденных мною в России. По тому, как ведется хозяйство этого восхитительного имения, узнается ум глубокий и изысканный... Мягкость климата позволила ему развести многочисленные тутовые плантации и открыть фабрики по производству шелка, продукция которых может соперничать с самыми лучшими шелками Прованса... Как экономиста и администратора Реброва можно сравнить с самыми выдающимися людьми Европы, он обладает такими знаниями в вопросах индустриализации, какие не содержат даже специальные книги» [1]. Удивляется путешественница количеству и качеству разнообразных построек в имении: на протяжении 8 дней чета Оммер де Гелль посетила фабрики, мельницы, прядильни, многочисленные плантации. Упоминает Адель и сады Реброва, наполненные разнообразными фруктами.

После расставания с семьей Реброва путешественница отправляется дальше – в глубь Кавказа. По пути она останавливается в имении Бургун-Маджары, хозяином которого был генерал Скажинский. Здесь ее взору предстало роскошное имение с садами, виноградниками, мельницами, многочисленными хозяйственными постройками. Интересно упоминание развалин крупнейшего золотоордынского города Маджары, все постройки которого шли по высокому берегу реки Кумы. Она пишет: «Покинув Бургун-Маджары, мы пересекли местность, где в былые времена находились знаменитые Маджары, прошлое которых до сих пор – загадка для историков. От них осталось только несколько кирпичей – свидетелей их существования. Русские привезли их сюда, чтобы построить свою деревню» [2].

Следующим пунктом остановки путешественницы стал г. Георгиевск. В пути ей пришлось преодолеть множество трудностей – сильный дождь, густой туман, плохие дороги, опасность нападения горцев. В Георгиевске ее поразили живописный ландшафт и гостеприимство горожан. Направляясь из Георгиевска в Пятигорск, Адель боится встретить «ужасных черкесов», так как неоднократно слышала рассказы об их разбоях и грабежах на дорогах. Надо заметить, что в «Путешествиях» госпожа Оммер де Гелль выражает не только чувство страха перед «бандитами» и «ужасными черкесами», но и восхищается ими, придавая горцам некий романтический образ благородных дикарей. По ее

словам, «черкесы самые гордые и красивые люди, каких можно только представить». Адель очарована их ловкостью, бесстрашием и героизмом; она называет их представителями рыцарского воинского духа. Упомянув в своей книге о борьбе между горцами Кавказа и Россией, путешественница принимает сторону первых; они представляются ей мучениками, борющимися за свободу своих земель.

Госпожа де Гелль не устает удивляться красотам здешних мест: «Природа, казалось, выбрала Кавказ для того, чтобы здесь продемонстрировать все свое могущество и величие: она не забыла ничего, чтобы превратить этот край в одно из самых прекрасных мест мира. Многие писатели уже воспели богатство этой земли, разнообразие ее цветов и растений, большинство которых не известно в других местах, целебную силу ее источников, мягкость ее климата, но нужно еще много лет для того, чтобы ее тщательно изучить и проникнуть в ее долины, на ее обширные плоскогорья, населенные столькими воинственными народами, что делает их недоступными для европейцев» [3].

В Пятигорске Адель поселилась в доме доктора Федора Петровича Конради (1775–1848 гг.) – главного врача Управления Кавказских Минеральных Вод, который активно занимался в то время изучением целебных источников. Конради, взяв на себя обязанность экскурсовода, показал чете Оммер де Гелль интересные места Пятигорска. Гости посетили Александровский источник, побывали в беседке «Эолова арфа», идея строительства которой, по словам Адель, принадлежала Конради, убежденному в том, что ее звуки будут оказывать благотворное влияние на состояние больных; познакомились с множеством гротов; увидели самый красивый квартал Пятигорска.

По замечанию путешественницы, в городе не слишком много казенных строений, в основном это здания ванн, но есть большая гостиница, богоугодное заведение, госпиталь для раненых офицеров и концертный зал. Адель дает городу следующую характеристику: «В конечном итоге Пятигорск скорее не город, а собрание прелестных деревенских домиков, в течение нескольких месяцев населенных богатой и влиятельной аристократией. Все здесь кокетливо, все несет отпечаток роскоши, которую российская знать любит придавать всему».

На страницах книги госпожи де Гелль мы встречаем портрет доктора Конради. Адель рассказывает о нем как о человеке большого ума, который поразил ее жизнелюбием, изумительной памятью, тонким исполнением музыкальных композиций.

Из Пятигорска путешественница переехала в Кисловодск. Она увидела прекрасные горы, покрытые лесами, холмы, скалы, ущелья. В самом городе Адель направляется к кислому источнику и водопадам. «Кисловодск состоит из пятнадцати домов или, скорее, из маленьких восточных дворцов, укрепленных длинными ажурными галереями, террасами, садами и крылечками, полными цветов... Потребовалось бы много дней, чтобы подробно осмотреть все прелестные места Кисловодска» [4]. Путешественница отмечает, что

Кисловодск по своему местоположению в большей мере подвержен нападениям горцев, чем другие поселения.

Ставрополь завершил путешествие мадам Адель по Кавказу. Здесь она встретила с генералом П. Х. Граббе, под началом которого в 1840 г. служил М. Ю. Лермонтов. Бравый генерал, по замечанию Адель, готовился к новой кампании против черкесов, на которую возлагал большие надежды. Госпожа де Гелль назвала Ставрополь очень приятным и оживленным городом. Здесь она побывала на ярмарке, где ее взору предстал пестрый состав различных народов – черкесы, туркмены, калмыки, грузины, татары.

В России интерес к французской путешественнице появился в связи со следующими событиями. В 1887 г. Павел Петрович Вяземский, сын известного поэта П. А. Вяземского, современника М. Ю. Лермонтова, в журнале «Русский архив» опубликовал «Письма и записки Оммер де Гелль», якобы представляющие собой перевод этой книги. Там было описание встречи путешественницы с Лермонтовым на Кавказе и в Крыму осенью 1840 г. Позже, в 1933 году, издательство «Академия» выпустило полный текст дневников. Однако уже в 1934 году было выяснено, что «Записки» – литературная мистификация, а их подлинным автором был сам П. П. Вяземский. Но данный факт не помешал литературоведам и дальше решать вопрос о возможности знакомства Лермонтова и госпожи де Гелль. Лермонтовед Е. Л. Соснина не отрицает вероятность встречи великого русского поэта и французской путешественницы в 1840 году на Минеральных Водах и в Новочеркасске, хотя имя поэта ни разу не упоминается в книге А. Оммер де Гелль.

В любом случае книга «Путешествие по Прикаспийским степям и югу России» представляет собой уникальный источник. Написанная в жанре путевых заметок, книга А. Оммер де Гелль – «документ эпохи, на страницах которого мы встречаем описание быта и нравов южных племен России XIX в., занимательные экскурсии в область этнографии и истории посещаемых мест» [5]. Кроме того, книга рассказывает нам о людях, знавших М. Ю. Лермонтова, о местах, которые он посещал.

Использованная литература и источники

1. Соснина Е.Л. Кавказ: женский взгляд, взгляд на женщину. Ессентуки, 2007. С. 51.
2. Оммер де Гелль А. Путешествие по Прикаспийским степям и югу России / Перевод Е.Л. Сосниной // М.Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений в 10-ти т. М., 2002. Т. 10. С. 589.
3. Там же. С. 599–600.
4. Там же. С. 602–605.
5. Соснина Е.Л. Встреча, покрытая тайной: Адель Оммер де Гелль и ее книга «Путешествие по Прикаспийским степям и югу России» // Кавказский край. Пятигорск, 1994, № 40. С. 6.

Брехина И. Н.,
с. Казьминское,
МОУ СОШ № 16, ученица 11 класса;

научный руководитель: **Кондакова Т. А.,**
с. Казьминское,
МОУ СОШ № 16, учитель литературы

Л. Н. ПОЛЬСКИЙ – ЛИЧНОСТЬ, КРАЕВЕД, УЧИТЕЛЬ

Леонид Николаевич Польский – журналист, краевед, историк, коллекционер, уроженец с. Казьминского. О жизни и деятельности Польского не написано монографий, дающих целостное представление об этой незаурядной личности. Все, что доступно широкой публике, это немногочисленные очерки в газетах и журналах.

Известно, что он происходил из семьи священнослужителей. Польский Дмитрий Петрович с 1898 года служил в церкви с. Казьминского, был законоучителем казьминской сельской школы, одновременно состоял заведующим и законоучителем церковно-приходской школы. Его старший сын Николай учился в Ставропольской духовной семинарии. В январе 1906 года он сменил отца на должности настоятеля казьминской церкви.

24 октября 1907 года в Казьминском, в семье священника Николая, родился сын Леонид, которому суждено было прожить долгую и очень сложную жизнь.

Собирая по крупицам биографические сведения о нашем земляке, мы выехали в Пятигорск, где Польский прожил последние 37 лет, встретились с людьми, близко знавшими его семью. Достоверные свидетельства нам предоставил хранитель семейного архива Польских Сергей Дмитриевич Бобров. Он передал историко-краеведческому музею нашей школы уникальные документы: фотографии, видеозаписи, рукописи, черновики, переписку со ставропольским краеведом Г. А. Беликовым. Изучение этих документов дает возможность внести ясность в страницы исследуемой биографии.

Из письма супруги Польского мы узнаем, что Леонид Николаевич хорошо помнил жизнь в селе в годы отрочества. В письме Г. А. Беликову от 1 декабря 1990 года Леонид Николаевич писал: «Конечно же, мои высказывания о дореволюционной жизни Казьминки не пришлись к нынешнему двору. Но, в то же время, красноречив тот факт, что численность населения сократилась в ней». В этом же письме он вспоминал, как его возили в гимназию «в Ставрополь за 60 верст на подводе через станицу Барсуковскую, хутор Извещательный и Татарку». В годы Гражданской войны мальчика потрясло зрелище, когда «в Казьминке казаки из карательной команды Покровского вешали захваченных в плен мобилизованных ни в чем неповинных земляков». Отец Николай выступил в их защиту, но был посажен в подвал с арестантами. Публичная казнь и палачи навсегда запечатлелись в памяти подростка: «Видеть, как болтаются повешенные на перекладине – сразу

8–10 человек – это вообще страшное зрелище!», – писал он Беликову. Поступок отца стал для него примером человеколюбия и христианского милосердия.

Семья Польских принадлежала к старинному кубанскому роду, в котором мужчины были либо военными, либо священниками. Высокообразованные интеллигентные люди, они никогда не забывали своих корней. И Леонид Николаевич впоследствии носил звание войскового старшины. Любовь к родному Ставрополю, его народу послужила основой формирования личности талантливого журналиста и краеведа, каким знают его современники.

В начале 1930-х годов была разрушена деревянная казминская церковь. Именно тогда отцу Николаю и его семье пришлось покинуть село. Но Леонид уехал из родного дома во Владикавказ гораздо раньше, чтобы продолжить учебу. Изучая архивные документы, удалось выяснить, что во Владикавказе он жил с 1925 года, «с момента поступления в Горский педагогический институт и до перехода в 1928 году в Герценовский институт в Ленинграде» [1].

В годы войны, работая в Ленинграде военным корреспондентом, он пережил там страшную блокадную зиму, был ранен и весной 1942 года эвакуирован в Ворошиловск (Ставрополь), где проживали его родные.

С этого момента в жизни Леонида Николаевича происходят события, которые определили его дальнейшую судьбу. Он жил в Ставрополе и работал в газете «Утро Кавказа». Его публикации имели краеведческую направленность. Отец Польского в годы оккупации Кавказа возглавил Временное Епархиальное Управление в г. Ворошиловске. Вместе с сыном они спасли от уничтожения немцами краевой архив, укрыв тысячи дел в здании Андреевской церкви.

В 1943 году Леонид Николаевич и Евгения Борисовна (урожденная Меркулова) обвенчались и ушли со своими соотечественниками за границу. Нам трудно судить о причинах этого ухода, лучше всего об этом рассказывают их книги. О судьбе тех, кто уходил в Италию за лучшей жизнью, а затем по возвращении в течение долгих лет искупал свою вину в сталинских лагерях, рассказала в книге «Это мы, Господи, пред Тобою...» Евгения Борисовна Польская [2]. Ее труд высоко оценил А. И. Солженицын. О годах репрессий писал и Леонид Николаевич. Много для понимания этих страниц в истории семьи Польских дает его статья «К вопросу о судьбах казачества», рукопись которой хранится в музее казминской школы № 16.

В лагерях Леонид Николаевич провел 12 лет, Евгения Борисовна – 7. По возвращении в Пятигорск им пришлось нелегко: на работу не брали, печататься не разрешали. Но Леонид Николаевич продолжал писать статьи для газет и журналов, публикуя их под псевдонимами. С трудом приходилось сводить концы с концами. В Кисловодске Польскому дали работу в бухгалтерии церкви. Этому способствовал священник, который позже стал Ставропольским митрополитом Гедеоном.

После лагеря жизнь Польских, вплоть до самого ухода Леонида Николаевича из жизни в 1993 году, была посвящена совместным исследованиям в области литературного краеведения. Эти исследования навсегда обессмертили их имена. Польский был человеком, обладающим энциклопедическими знаниями. Его жена говорила, что «он был прагматик,

фактолог, для него важна была дата в истории». Известный искусствовед, основатель Музея театральной и музыкальной культуры КМВ Б. М. Розенфельд в очерке «Дядя Леня» подчеркивал ум и широкую эрудицию Леонида Николаевича. Эту мысль подтверждает и С. Д. Бобров, хранитель семейного архива семьи Польских. Он и его супруга, Людмила Ивановна, любовно называют Леонида Николаевича «бульдожкой»: «Если он «вцепится» в какой-то вопрос, то не оставит его, пока не исследует всесторонне». Розенфельд рассказывает о сотрудничестве с Польским в течение 30 лет: «Совместно мы издали 5 книг». Борис Матвеевич говорит также и о его завидной усидчивости, сосредоточенности во время работы: «Он мог часами – не вставая, сидеть за пишущей машинкой, за столом, в библиотеках» [3].

Представление о деятельности Польского дают фотографии, которые хранятся в архиве А. Н. Коваленко, педагога дополнительного образования Центра патриотического воспитания молодежи г. Пятигорска. Эти фотографии погружают нас в атмосферу лермонтовских конференций 1970–1980-х годов. На них запечатлены исследователи творчества Лермонтова, среди которых наш земляк, а также известные лермонтоведы В. А. Мануйлов и И. Андроников. С семьей Польских их объединяла любовь к поэту и жажда истины.

Польский был талантливейшим журналистом. Одним из лучших в профессии его считал С. М. Киров. Быть лучшим ему помогала удивительная проницательность, способность видеть людей насквозь. Польский был ярким защитником культурного наследия КМВ. Его стремление защитить памятники архитектуры, в частности виллу Бернардацци, описал в своем очерке Н. М. Серафимов: «когда над домом... нависла угроза сноса, он просил меня... собирать подписи людей в защиту этой реликвии» [4].

В письмах Л. Н. Польского Г. А. Беликову мы находим строчки, написанные настоящим правдолюбом, принципиальным человеком, которому далеко не безразлично то, что происходит в жизни родной страны: «Усердно работал над... краеведческой статьей о Пятигорске, где в полемичном, резком тоне описывал, как наши местные сатрапы довели старейший курорт страны до полного оскудения и развала».

Многие из тех, кому доводилось близко общаться и сотрудничать с Леонидом Николаевичем, называют его своим Учителем. «Наше поколение было достаточно пытливым, – говорит А. Н. Коваленко, – мы делали маленькие открытия и несказанно этому радовались. А дружба с Польским, не менее пытливым журналистом, способствовала и развивала любознательность».

Влияние авторитета Польского на молодых ученых подчеркивает и главный хранитель музея Лермонтова в Пятигорске. Н. В. Маркелов писал, что Польский «многих из нас наставил на истинный путь, на многое открыл нам глаза... Умница! Сохранение его имени для потомков – это благородное дело». А Розенфельд говорил: «Мы – люди, воспитанные Польским... Если бы не дядя Леня, я бы не стал краеведом, не был бы известен. Мы дружили много лет, и сейчас я продолжаю его дело».

Польский был замечательным рассказчиком. «Когда он начинал говорить, то все замолкали и зачарованно слушали, боясь упустить хотя бы одно слово.

Он мог ответить на любой вопрос», – вспоминала заведующая библиотекой музея «Домик Лермонтова» Л. Н. Кочкарева.

Многие считали Польского человеком неуживчивым, язвительным. Видимо, это объясняется тем, что он буквально физически не выносил фальши, двуличия. В одном из писем Беликову он писал: «Мне бы хотелось ниспровергнуть ложь о Гражданской войне и других событиях нашей местной истории».

Леонид Николаевич был прекрасным филокартистом. По словам известного коллекционера Н. М. Серафимова, он выполнил очень сложную работу по составлению перечня всех издательств, выпускавших открытки с видами КМВ [5]. Открытки – носители ценнейшей информации. Порой единственные документы, запечатлевшие утраченный к настоящему времени облик городов, улиц, памятников. Сотрудники Дома-музея Лермонтова в Пятигорске благодарны Польскому за коллекцию старых открыток, насчитывавшую несколько тысяч экземпляров, переданную им в дар музею.

Краевед Польский внес неоценимый вклад в развитие исторического и литературного краеведения КМВ, в восстановление исторической правды о судьбе ставропольского казачества. Такие работы как «Лермонтов в Пятигорске», «Первый в России», «Летопись Пятигорска», «Дорогие адреса», «И звезда с звездой говорит...», «Встречи у источников», написанные Польским или при его непосредственном участии, составленные им библиографические указатели служат ученым хорошим путеводителем в исследовательской деятельности. «Чета Польских была уникальным явлением русской культуры», – с этим мнением С. Д. Боброва нельзя не согласиться.

Использованная литература и источники

1. Леонидов Л. Встречи с Ольгой Бергольц // Литературная Осетия. 1981, № 58. С. 83.
2. Польская Е.Б. Это мы, Господи, пред Тобою... Невинномысск, 1998.
3. Розенфельд Б.М. Мои друзья – мое богатство. Пятигорск–Кисловодск, 2003. С. 160–166.
4. Серафимов Н.М. Воспоминания о Леониде Николаевиче Польском // Ставропольский хронограф. Ставрополь, 2007. С. 279, 283.
5. Материалы из архива историко-краеведческого музея МОУ СОШ № 16; Материалы из архива семьи Польских.

Бурков С. Б.,
г. Владикавказ,
Институт истории и археологии РСО–А
при СОГУ им. К. Л. Хетагурова,
старший научный сотрудник

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Научно-исследовательская деятельность является важной составной частью работы музеев историко-краеведческой направленности. По своему организационному характеру она может быть разделена на три направления: работа сотрудников самих музеев по выявлению, систематизации, анализу и публикации вновь найденных либо хранящихся в фондах материалов; оказание содействия либо участие на паритетных началах в подобном же виде деятельности совместно с другими организациями научно-исследовательского профиля; организация и руководство научно-исследовательской работой в других учреждениях, в которых имеются отдельные исследователи, но отсутствует система организации данного вида деятельности. В первом случае все необходимые мероприятия производятся силами научных сотрудников самого музея; во втором – при сочетании возможностей музейных исследователей и собственной источниковой базы, с ресурсами заинтересованных сторон; в третьем – силами отдельных исследователей-сотрудников музеев либо приглашенными специалистами, исключительно на ресурсах и на территории тех организаций, которые заинтересованы в данном виде сотрудничества.

Формы научно-исследовательской деятельности разнообразны. Одна из самых значимых – сбор источников для предстоящих исследований. В зависимости от их тематики это могут быть этнографические, фольклорные, археологические экспедиции. Последние можно проводить как самостоятельно, так и совместно с другими учреждениями. Их результаты могут быть использованы, в том числе и органами охраны памятников в рамках программ по паспортизации вновь выявленных недвижимых объектов культурного наследия, а также мониторинга за сохранностью уже поставленных на госучет.

Подобной деятельностью могут быть заняты и отдельные научные сотрудники в рамках исполнения утвержденных плановых тем. Помимо работы на недвижимых объектах культуры, формирование источниковой базы происходит и путем работы с населением. Особенно это актуально при сборе письменных источников, предметов материальной и духовной культуры, хранящихся в личных или ведомственных архивах. При этом важно наладить постоянные и действенные контакты, способствуя передаче раритетов на постоянное хранение в фонды музея. Использование краеведческого актива (пенсионеры, школьники, студенты) позволит ускорить и упростить этот процесс. Особое внимание необходимо обратить на грамотное оформление исходных сопроводительных данных, их внесение в системные картотеки, т. к.

в дальнейшем от полноты и точности этих сведений во многом будет зависеть объективность следующей стадии исследования – анализа и обобщения собранного материала.

Отдельным источником могут служить воспоминания и мемуары участников интересующих исследователя событий и личностей, которым необходимо оказать содействие в их записи и обработке. В этой связи принципиально важна методическая и методологическая база самого исследователя, которую необходимо постоянно совершенствовать.

В музейных фондах хранится значительное число как внекомплексных археологических находок, так и переданных на хранение из частных коллекций, которые требуют обработки, научной атрибуции и публикации. В последние годы интерес к подобным находкам заметно возрос, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в материалах конференций и научных сборниках. Это может способствовать стимулированию развития в музеях научной деятельности, привлечению к занятиям наукой студентов и школьников.

Согласно нормам действующего законодательства правом на публикацию материалов, хранящихся на постоянной основе в музеях, обладают прежде всего его сотрудники. В том случае, если имеющиеся данные надлежащим образом не обрабатываются и достаточно долго не публикуются, это создает препятствия для их введения в научный оборот, и другие исследователи не могут использовать эти материалы в своих изысканиях.

Это относится и к случайным археологическим находкам, отдельным документам, материалам частных архивов. В настоящее время актуальна проблема публикации каталогов коллекций, хранящихся в музейных фондах, равно как и каталогов самих предметов, с подробным их описанием, исторической справкой и другими данными. Данный вид научно-исследовательской работы может объединить в творческую группу не только сотрудников музея, но и других исследователей, заинтересованных в подобном сотрудничестве. Этому может способствовать электронная каталогизация предметов, активно ведущаяся сейчас в рамках составления единого банка данных музейного фонда Российской Федерации.

Подготовка к публикации каталогов проводимых выставок, сборников докладов и сообщений научных форумов также является важной составной частью научно-исследовательской деятельности музеев. Работы современных исследователей, связанные с подобной тематикой, являются хорошим подспорьем для формирования обучающих программ по истории и культуре края в учебных заведениях региона. Потребность в использовании таких сборников делает целесообразным размещение их электронных версий на общедоступных сайтах историко-культурной направленности.

Для дальнейшего использования материалов презентаций желательно накапливать их в базе данных с тем, чтобы подобное визуальное восприятие становилось доступным значительно большему количеству людей, в том числе посетителям музеев. Для этого целесообразно привлекать дополнительные технические возможности в виде виртуальных музеев либо в качестве особых телеверсий, которые можно транслировать на мониторах в залах музеев на фоне

выставок археологических находок, добытых краоведами, а также полевых чертежей, дневниковых записей их работ. Эти показы можно дополнительно сопровождать так называемой «бегущей строкой», которая бы предоставляла посетителям в беззвучном режиме дополнительные сведения о происходящем на экране. Возможно и применение аудиогuida.

Многие открытия, сделанные археологами-любителями краеведения, зафиксированы в их полевых дневниках, материалах переписки с профессиональными археологами. Лишь часть подобной информации попала на страницы периодической печати, и отдельные эпизоды оказались опубликованными в научных, в основном региональных изданиях, либо увидели свет в виде научно-популярных очерков. В этой связи представляется актуальным продолжение уже имеющейся практики выявления и публикации таких материалов.

Еще одним видом источников является периодическая печать, которую необходимо не только собирать, но и соответствующим образом тематически обрабатывать. Публикация подборок статей по определенной тематике в рамках реализации проекта «Библиотечка краоведа», может стать очень полезным источником для работы учителей истории, кружковой и внеклассной работы с учащимися и студентами, поможет в выборе тем для написания докладов, курсовых и дипломных работ студентам гуманитарных факультетов.

В конце XIX – первой половине XX веков в региональной периодической печати регулярно появлялись заметки и обстоятельные статьи о результатах полевых исследований краеведов-любителей, в которых подробно описывались как методы изучения памятников, так и сами исследованные погребения и найденные в них предметы. Эти сведения пока мало востребованы современными исследователями, и они зачастую ограничиваются простой ссылкой на источник, тогда как информационная ценность таких сообщений приобретает большую значимость при их сопоставлении с другими описаниями.

Случайные находки редко становились объектами специальных исследований, тогда как в периодических изданиях им уделялось значительно больше внимания. Особенно это касается условий их обнаружения, описания места нахождения памятника, что может оказать помощь представителям органов охраны памятников в установлении их точных координат. Зафиксированные краоведами условия сохранности объектов археологии также важны для мониторинга их современного состояния. Работа по сбору и обобщению подобной информации возможна при выявлении статей и заметок на эту тему, опубликованных в периодических изданиях Северного Кавказа, с их последующим переизданием в виде отдельного сборника. Данный вид деятельности может быть представлен как раздел плановой научно-исследовательской работы научного сотрудника музейных фондов.

Одной из основных проблем является обеспечение сохранности предметов основного фонда, для чего необходимо совершенствование работы по предотвращению их порчи. Особенно это касается деревянных и стеклянных образцов, а также ткани. Методики работы в этом направлении постоянно

совершенствуются, что не должно оставаться без внимания со стороны музейных реставраторов. Наблюдения за степенью сохранности и методами восстановления музейных предметов могут стать основой для научных разработок и последующих публикаций.

Современные условия работы музеев требуют проведения самостоятельных маркетинговых исследований, посвященных анализу посещаемости учреждения определенными категориями населения. С этой целью требуется не только вести систематический сбор данных, но и анализировать полученную информацию. Это поможет руководству музея правильно выбирать формы и методы работы с потенциальными посетителями.

Отдельной темой может стать обобщение сведений о туристических маршрутах, разработанных и использованных в предыдущие годы, сведения о которых также содержатся в периодической печати. Давно ставшие раритетами и весьма важные для развития внутреннего туризма работы краеведов, посвященные этой теме, в настоящее время практически не используются. В то же время для разработки маршрутов по памятникам археологии многие из них вполне могут быть применены. Работы краеведов можно использовать и при подготовке гидов, чей профессиональный уровень весьма далек от желаемого.

На наш взгляд, следует планировать и межрегиональные контакты научных сотрудников краеведческих музеев по обобщению и распространению опыта их работы, в том числе путем проведения обучающих семинаров. Участие в различных исследовательских проектах и научных конференциях должно стать одним из приоритетных направлений при планировании научно-исследовательской музейной деятельности.

Гордиенко А. Б.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующий отделом этнографии,
кандидат исторических наук;

Книевский С. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный педагогический институт,
доцент кафедры истории и права,
кандидат исторических наук

СТАВРОПОЛЬ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ ОФИЦЕРОВ – УЧАСТНИКОВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Ставрополье оказалось вовлеченным в водоворот событий Гражданской войны в начале 1918 года. Это было связано с особенностями установления на данной территории советской власти, а также с темпами формирования сопротивления ей. Важной является дата 1 января 1918 года. Именно в этот день Народный съезд в Ставрополе утвердил Декрет об установлении Советской власти в губернии и избрал Губернский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Была образована Ставропольская республика. При этом большая часть местного населения оставалась инертной и не участвовала в общественном и революционном движении.

В это время у северо-восточных границ Ставрополя, на территории Донской области, начал складываться очаг сопротивления новой власти. Дон стал прибежищем для офицеров, представителей интеллигенции, казачества, политических деятелей, не согласных с революционными преобразованиями. Именно они составили костяк Добровольческой армии, части которой в конце января 1918 года заняли Ростов-на-Дону.

К началу весны они вынуждены были отступить из города, теснимые красноармейскими подразделениями Р. Ф. Сиверса, Ю. В. Саблина, Г. К. Петрова и А. И. Автономова. Командование Добровольческой армии (Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, М. В. Алексеев) приняло решение о походе на Кубань с целью взятия Екатеринодара. На территории Кубанской области можно было пополнить запасы продовольствия и провести дополнительную мобилизацию. Этот план представлялся вполне реальным, учитывая поддержку казачеством идей Белого движения. Поход на Екатеринодар, получивший в историографии название «Первого Кубанского» или «Ледового», состоялся в марте 1918 года. В ходе него части Добровольческой армии вплотную приблизились к северным границам Ставрополя, с. Медвежьему (ныне – с. Красногвардейское). Продвижение добровольцев сдерживали наспех сколоченные красногвардейские отряды.

Осознавая грядущую опасность, руководство Советской республики предприняло следующие шаги: был образован Ставропольский штаб Красной армии, подчиненный Губисполкому, и резервный батальон из 800 человек.

Весной 1918 года начались бои в северных уездах Ставрополья. 19 мая 1918 года генерал Добровольческой армии Алексеев предъявил Медвеженскому уездному Совету ультиматум об упразднении Советской власти и сдаче оружия. В ответ был образован Медвеженский фронт протяженностью 180 км, в дальнейшем вошедший в состав Северо-Кавказского фронта [1]. Для защиты северных уездов Ставрополья было мобилизовано 10 тысяч местных жителей. В сальских степях с подразделениями фронта взаимодействовали отряды С. М. Буденного и О. И. Городовикова. Им в помощь был послан 1-й Ставропольский батальон под командованием Ф. Шпака и Александровский отряд (4 тысячи штыков).

Основные бои в регионе развернулись в июне-ноябре 1918 года. События, связанные с завоеванием Добровольческой армией Кубани и Северного Кавказа, в историографии Белого движения получили название 2-го Кубанского похода. Создав продовольственную и мобилизационную базу на Юге России, добровольцы рассчитывали получить новые ресурсы для будущего похода на Москву. Замысел операции предусматривал предварительный захват станции Торговой для прерывания железнодорожного сообщения Северного Кавказа с центральной Россией, а затем – удар по станции Тихорецкой. Захватив последнюю, Деникин мыслил обеспечить операцию захватом станций Куцевка и Кавказская, после чего предполагал двинуться на Екатеринодар – политический и военный центр региона.

Ставропольский театр военных действий рассматривался белогвардейским командованием как вспомогательный. Бои на Медвеженском фронте, начавшиеся в июле 1918 года и завершившиеся его прорывом частями Добровольческой армии, были спровоцированы стремлением добровольцев обезопасить свой левый фланг при наступлении на станцию Тихорецкую. Тем не менее, по мере дальнейшего развития операции Ставрополье приобретало все большее значение для реализации планов воюющих сторон.

21 июля 1918 года белый казачий отряд под командованием А. Г. Шкуро, вошедший на территорию губернии со стороны Кавминвод, занял Ставрополь. Это явилось неожиданностью для командования Добровольческой армии, которое было вынуждено перебрасывать подразделения с основного театра военных действий, чтобы обеспечить удержание города [2]. 23 июля части Красной армии под командованием Ф. Шпака попытались отбить Ставрополь, но в результате гибели командира смешались и отступили к ст. Невинномысской. Такие попытки предпринимались 17 и 29 августа, но не увенчались успехом из-за нескоординированности действий атакующих.

Новый этап боев за город был связан с наступлением Таманской армии, которая прорывалась через Кубанскую область на Ставрополье с целью соединения с частями Красной армии под командованием И. Л. Сорокина. 23 октября таманцы сосредоточились в районе ст. Невинномысской, откуда двумя колоннами двинулась на Ставрополь. В ночь на 30 октября

красноармейские подразделения вошли в город. Однако успех не был развит, так как в течение 3 недель Ставропольская группировка Красной армии оставалась без оперативного руководства. Это произошло потому, что главнокомандующий Сорокин восстал против Реввоенсовета Северного Кавказа, расстреляв нескольких его членов, после чего был объявлен вне закона. Он бежал в Ставрополь и был застрелен до суда. Эти события вошли в историю Гражданской войны на Юге России как «мятеж Сорокина».

В начале ноября 1918 года Деникин сосредоточил значительные силы против Ставропольской группировки Красной армии. В ходе ожесточенных боев город несколько раз переходил из рук в руки. Частям добровольцев удалось взять Ставрополь в кольцо. 13–14 ноября подразделения Таманской армии с боями вырвались из окружения и отступили в сторону с. Петровского. Оставшиеся красноармейские части сопротивлялись еще около суток. 15 ноября в город вошли белогвардейцы.

К концу января 1919 года 11-я Северо-Кавказская армия, которая включала подразделения таманцев и остатки группировки Сорокина, обессиленная боями и эпидемией тифа, потеряла боеспособность. Начался отход ее основных сил на Астрахань, а весь Северный Кавказ оказался во власти белых [3].

Кампания лета-зимы 1918 года на территории Предкавказья сопровождалась не только кровопролитными сражениями на фронте, но и драматическими событиями в тылу: реквизициями, красным и белым террором, восстаниями, интригами в среде высшего командования. Наряду с «мятежом Сорокина», к наиболее значимым событиям такого рода можно отнести антибольшевистское выступление офицеров в Ставрополе 27–28 июня 1918 года. Это восстание, возглавляемое братьями Павлом и Петром Ртищевыми, было спровоцировано репрессиями новой власти против «классово чуждых» горожан. Его участники – бывшие офицеры Императорской армии, объединенные в подпольную организацию, не связанную с командованием Добровольческой армии. Восставшие, планировавшие захватить красноармейские казармы с оружием и установить контроль над городом, оказались плохо организованы. Выступление было подавлено. Город пережил новый виток красного террора, жертвами которого пали мещане, офицеры и представители местной интеллигенции [4].

К началу 1919 года регион оказался во власти белых. Армия Деникина, опираясь на ресурсы завоеванных территорий, начала поход на Москву.

Следующий этап боев на Ставрополье наступил в начале 1920 года. Он связан с изменением общей ситуации на фронтах Гражданской войны. В октябре 1919 г. наступление Деникина на Москву захлебнулось. Силы Красной армии стали контратаковать. Белогвардейские части начали отступление на территорию Донской области. В результате в январе – феврале 1920 года линия Южного и Кавказского фронтов приблизилась к Ставрополю. С овладением 1-й Конной армией Буденного Ростовом-на-Дону, воссозданная в районе Астрахани 11-я армия красных перешла в наступление с рубежа р. Маныч. На Ставрополь вдоль Царицынского тракта наступали 7-я кавалерийская дивизия и

Таманская стрелковая бригада. 28 февраля этими частями были заняты села: Старомарьевское, Надежда, Михайловское и Московское. 29 февраля красноармейцы вошли в Ставрополь. К концу марта 1920 года большинство районов Северного Кавказа уже находилось под контролем Красной Армии [5].

Реалии Гражданской войны на Ставрополье по-разному отражены в исторических источниках, созданных очевидцами и участниками событий, красноармейцами и белогвардейцами. Весьма интересны труды последних, как правило, опубликованные уже в эмиграции. Данные источники условно можно разделить на две группы: труды, написанные представителями высшего командования Добровольческой армии и лидерами Белого движения; воспоминания белых офицеров, относящихся к младшему и старшему командному составу.

Среди источников 1-й группы большое значение имеют сочинения, созданные А. И. Деникиным (1872–1947 гг.), генерал-лейтенантом, одним из лидеров Белого движения, ставшим 25 сентября (8 октября) 1918 года Главнокомандующим Добровольческой армии. С января 1919 года он возглавляет Вооруженные силы Юга России, что давало Деникину высшую военную и гражданскую власть на завоеванных территориях.

Главный труд Антона Ивановича «Очерки русской смуты» был написан в эмиграции (сначала – в Бельгии, затем – в Венгрии). Это фундаментальное сочинение, охватывающее революционные события в России с февраля 1917 по апрель 1920 годов. Оно основано как на официальных документах военного командования времен Гражданской войны, так и на личных воспоминаниях автора. «Очерки» включают 5 томов, 1-й был издан в Париже в 1921 году, 5-й – в Берлине в 1926 году.

Воспоминания о событиях Гражданской войны на территории Северного Кавказа содержатся в 3-ем томе «Очерков»: «Белое движение и борьба Добровольческой армии». Информация о Ставрополе встречается здесь в контексте освещения основных операций 2-го Кубанского похода. В «Очерках» рассказывается о боях за город между красными и белыми, происходивших во второй половине 1918 года. Несмотря на достаточно подробное описание действий противоборствующих сторон и анализ соотношения их сил, в тексте нет детальных картин Ставрополя рассматриваемого периода. Упоминается о многочисленных жертвах, понесенных красноармейцами, обороняющими город, о тысячах раненых и больных большевиков, которые попали в плен при захвате Ставрополя частями Добровольческой армии. Подробно описываются бои на подступах к городу и настроения их участников, анализируется отношение к красным и белым мирных жителей.

Кроме того, А. И. Деникин кратко останавливается на трудностях, с которыми столкнулось высшее военное руководство Добровольческой армии после завоевания Ставрополя и Кубани. Они возникли в процессе формирования гражданской администрации на данных территориях и касались отсутствия квалифицированных чиновничьих кадров на местах. В «Очерках» приводятся выдержки из речей Деникина, произнесенных в Ставрополе на встречах с представителями местной интеллигенции, мещанства, духовенства

по этому поводу [6]. Воспоминания Антона Ивановича полезны нам в контексте изучения военной истории гражданского противостояния на Юге России 1918–1919 годов. По ним можно проследить, как в ходе Второго Кубанского похода для командования Добровольческой армии значение ставропольского направления изменилось с второстепенного на достаточно важное.

К значимым источникам первой группы относятся мемуарные «Записки» барона Петра Николаевича Врангеля (1878–1928 гг.), генерал-лейтенанта, одного из лидеров Белого движения, ставшего Главнокомандующим Вооруженных сил Юга России после отставки А. И. Деникина. Во время второго Кубанского похода Врангель командовал 1-й конной дивизией, а затем 1-м конным корпусом, участвовал в Ставропольской операции.

Свои записки о Гражданской войне Петр Николаевич создал в эмиграции, проживая в сербском городе Сремски Карловцы. Две части этого сочинения были впервые опубликованы в Берлине в 1928 году. Они вышли в составе серии сборников «Белое дело», включающих мемуары и официальные документы времен Гражданской войны. Главный редактор сборников – видный представитель русской эмиграции Алексей Александрович фон Лампе, ставший одним из первых исследователей Белого движения за рубежом [7].

В своих «Записках» Врангель описывает штурм Ставрополя частями Добровольческой армии в ноябре 1918 года. Рассказывает о боях на северо-западных окраинах города, в которых Петр Николаевич принимал личное участие. Помимо воссоздания хронологии боевых действий, весьма ценно здесь упоминание об Иоанно-Марьинском женском монастыре, в окрестностях которого происходили военные столкновения.

Кроме того, в тексте мемуаров Врангеля изложены его впечатления от Ставрополя в первые дни после занятия города частями добровольцев. Генерал пишет о многочисленных жертвах красного террора, но указывает и на менее распространенные факты террора белого [8]. Воспоминания Врангеля о Ставрополе времен Гражданской войны более детальны, чем воспоминания Деникина. Они не только описывают бои за город, но и затрагивают вопрос о положении мирного населения в рассматриваемый период.

Весьма интересны для исследователя и мемуары активного участника Белого движения генерал-лейтенанта Андрея Дмитриевича Шкуро (1886–1947 гг.). Он известен как организатор партизанского движения против советской власти на Северном Кавказе в начальный период Гражданской войны. Отряд Шкуро был первым из белых частей, занявших Ставрополь (июль 1918 г.).

Во время похода Деникина на Москву он командовал 3-м Кубанским корпусом в составе Вооруженных сил Юга России. В 1920 году, после ряда военных неудач, Шкуро был уволен Врангелем из армии и эмигрировал.

Мемуары А. Д. Шкуро созданы в 1920–1921 годах в Париже. Они были надиктованы автором знакомому Шкуро, полковнику бывшей Российской Императорской армии В. М. Беку. Последний же произвел литературную обработку текста. Первое издание мемуаров было осуществлено в 1961 году в

издательстве «Сеятель» (г. Буэнос-Айрес), основанном выходцами из России. Книга вышла под названием «Записки белого партизана» [9].

В мемуарах описывается взятие Ставрополя отрядом А. Д. Шкуро в июле 1918 года, произошедшее практически без боя, вследствие дезорганизации командования красного гарнизона города. Рассказывается о попытках красноармейцев вернуть контроль над населенным пунктом и последующих ожесточенных боях.

Воспоминания Шкуро ценны не только описанием боевых действий в Ставрополе и его окрестностях летом 1918 года, но и зарисовками, иллюстрирующими отношение местных жителей к белым. Кроме того, автором затрагивается вопрос о политике назначенных руководством Добровольческой армии местных властей. В ее оценках Шкуро, являвшийся в годы второго Кубанского похода сторонником идеи созыва Учредительного собрания, выступает критиком промонархических настроений части белого офицерства [10].

В целом мемуары автора отличаются яркостью и многоплановостью. Будучи руководителем белого подразделения, действующего относительно автономно, он вынужден был непосредственно вникать во многие аспекты жизни на завоеванных территориях. Однако воспоминания Шкуро не всегда достаточно детализированы. Это касается и его описаний Ставрополя.

Ценной группой источников по истории города времен Гражданской войны выступают мемуары белых офицеров, не принадлежавших к высшему командованию Добровольческой армии. Часть из них сгруппирована в сборники, выпущенные в книжной серии «Россия забытая и неизвестная». Эта серия была основана в 2000 году. Первая книга вышла в феврале 2001 года в издательстве «Центрполиграф». В числе редакторов и авторов проекта – директор издательского департамента Российского Дворянского Собрания Валентина Алексеевна Благово, первый вице-предводитель и герольдмейстер Собрания Сергей Алексеевич Сапожников.

Для нас интересны два сборника серии: «Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа» и «Дневники казачьих офицеров». В первом из них содержатся воспоминания представителей младшего и старшего командного состава частей Добровольческой армии, непосредственно участвовавших в Ставропольской операции.

Часть мемуаров описывает бои в окрестностях Ставрополя в июле–августе 1918 года, другая посвящена осенней кампании того же года. В первой можно выделить воспоминания поручика Н. Н. Ребикова, служившего во время Второго Кубанского похода в 3-й гаубичной батарее. Они рассказывают об участии белой артиллерии в боях у станицы Сенгилеевской и горы Недреманной, на подступах к Ставрополю.

Немаловажны и мемуары генерал-майора Э. Н. Кариуса, который летом 1918 года в чине капитана командовал пулеметной командой 1-го Кубанского стрелкового полка Добровольческой армии. Воспоминания ценны тем, что характеризуют обстановку в Ставрополе вскоре после его занятия отрядом Шкуро и передачи управления в городе командованию добровольцев. Автор

описывает полувоенный быт горожан и попытки красных частей вернуть контроль над населенным пунктом.

Значима и вторая часть мемуаров, которая рассказывает о событиях осенней кампании Второго Кубанского похода, связанных с окончательным завершением Ставропольской операции и взятием города частями добровольцев. Весьма примечательны воспоминания полковника С. Р. Нилова, который в октябре-ноябре 1918 года командовал бронев автомобилем «Верный». Автор подробно описывает бои на западных окраинах Ставрополя, возле Иоанно-Марьяинского женского монастыря и психбольницы, излагает впечатления от города сразу после занятия его белогвардейцами. В частности, упоминается о множестве раненых красноармейцев, оставленных в лазаретах на милость победителя, и жертвах среди мирного населения.

Отдельно стоит отметить мемуары офицеров отборных подразделений Добровольческой армии – Марковского, Дроздовского, Корниловского полков, принимавших участие в осенних боях за Ставрополь [11]. Эти полки оказывались в городе и на подступах к нему на разных этапах Ставропольской операции. Соответственно, рассказы служивших в них добровольцев помогают воссоздать хронологию боевых действий в деталях.

Немалым подспорьем выступают здесь и мемуары, объединенные в сборник «Дневники казачьих офицеров». Ряд входящих туда авторов принимали непосредственное участие во Втором Кубанском походе и в боях за Ставрополь. Наиболее показательны воспоминания генерал-лейтенанта М. А. Фостикова. Автор с самого начала Гражданской войны на Юге России выступил против новой власти. Фостиков сформировал антибольшевистское партизанское подразделение из казаков станиц Сенгилеевской, Барсуковской, Николаевской, участвовал в качестве рядового в Ставропольском офицерском восстании. Позже он присоединился к отряду А. Д. Шкуро, возглавив 1-й Кубанский казачий полк. После включения шкуровцев в состав Добровольческой армии Фостиков оказался в составе 2-й Кубанской казачьей дивизии полковника Улагая.

Весьма ценны, хотя и лаконичны, воспоминания автора о его участии в Ставропольском офицерском восстании и подготовке этого выступления братьями Ртищевыми. Мемуары Фостикова содержат также важную информацию о ранних стадиях Ставропольской операции, когда город, занятый отрядом Шкуро, пытались отбить красноармейские части.

Принимал участие автор и в осенних боях 1918 года за Ставрополь. Данные, приводимые Фостиковым об этом этапе Ставропольской операции, более подробны. Он описывает отдельные эпизоды боев на подступах к городу и в его окрестностях. Упоминаются названия красных и белых частей, участвовавших в операции, а также районы Ставрополя, где происходили столкновения [12].

Помимо материалов рассмотренных сборников, стоит отметить мемуары представителей младшего и старшего командного состава Добровольческой армии, опубликованные в виде отдельных книг. Часть этих воспоминаний охватывает начальный период боев за Ставрополь (лето 1918 г.), описывает его

занятие отрядом Шкуро и последующие попытки красноармейских частей отбить город, другая касается осенней фазы Ставропольской операции.

Среди материалов первой группы стоит отметить мемуары активного участника Белого движения, потомственного казака, полковника Федора Ивановича Елисеева (1892–1987 гг.). С началом революционных событий и возвращением многих казачьих частей с фронтов Первой мировой войны на Кубань бывший младший офицер 1-го Кавказского полка занял антибольшевистскую позицию.

Политика новых властей подтолкнула Елисеева к более активным действиям. Весной 1918 года он принимает участие в восстании против большевиков, развернувшимся в Кавказском отделе Кубанского казачьего войска. После подавления восстания какое-то время Елисеев скрывался у родственников в Ставрополе, находившемся в тот период под контролем красных. С приходом в город белого отряда Шкуро Федор Иванович присоединился к данному подразделению и впоследствии занимал ряд командных должностей в частях Добровольческой армии и вооруженных сил Юга России (в том числе – возглавлял Корниловский полк ККВ и Сводно-Хоперский полк, 2-ю Кубанскую казачью дивизию).

В апреле 1920 года Елисеев попал в плен к красноармейцам и был отправлен в лагерь под Екатеринбургом. Однако ему удалось бежать и перейти границу. За рубежом Елисеев стал одним из наиболее авторитетных историков кубанского казачества среди русских исследователей-эмигрантов.

Воспоминания о Первой мировой и Гражданской войнах были написаны Федором Ивановичем в 30–40-е годы XX века. Начиная с середины 1950-х годов они печатались автором в виде брошюр на ротаторе. События Гражданской войны на Юге России были описаны в серии из 14 таких брошюр, впервые напечатанных в 1959 году в Нью-Йорке [13]. Первое российское издание этих воспоминаний осуществилось в 2003 году.

Мемуары Елисеева ценны зарисовками из жизни Ставрополя накануне его занятия отрядом Шкуро, рассказом о событиях, сопровождающих подавление офицерского восстания, характеристикой настроений горожан. Автор стал непосредственным свидетелем произошедшего, находясь в городе у троюродных сестер. Эмоционально и подробно описывает Елисеев вход отряда Шкуро в Ставрополь, а также первые недели установления белой власти в городе летом 1918 года. Он приводит ряд бытовых наблюдений, касающихся поведения шкуринцев в Ставрополе, дает характеристику их командиру, рассказывает о попытках красноармейских частей отбить город обратно. Не скрывает автор и разногласий, возникших между А. Д. Шкуро и высшим командованием Добровольческой армии [14].

В целом мемуары Елисеева, несмотря на их субъективность, выразившуюся в идеализации личности и заслуг Шкуро, критике Деникина и Врангеля, ценны значительной степенью вовлеченности автора в описываемые события, вниманием к деталям и психологизмом.

Весьма интересным, хотя и неоднозначным материалом, рассказывающим о начальной стадии Гражданской войны на Ставрополье,

являются воспоминания офицера Добровольческой армии Я. Александрова. Написанные саркастическим языком политического памфлета, с промонархических и антидемократических позиций, они отражают воззрения правого крыла участников Белого движения. Тем не менее, мемуары содержат достаточно подробное описание вех политической борьбы, развернувшейся на Ставрополье в 1918 году.

Для нас наиболее ценна приводимая Я. Александровым информация о взаимоотношениях горожан и белых властей после занятия Ставрополя отрядом Шкуро, а также попытках новой администрации наладить управление на завоеванной территории. Автор отмечает, что среди части ставропольского мещанства и интеллигенции были весьма популярны лозунги созыва Учредительного собрания, и это не находило понимания у официальных представителей командования Добровольческой армии в городе [15].

Вместе с тем, содержащиеся у Александрова сведения нуждаются в уточнении и корректировке, как в силу скудности сведений о личности автора, так и в силу его крайней тенденциозности.

К источникам, рассказывающим о боях за Ставрополь в 1918 году, относится сочинение С. И. Мамонтова (1898–1987 гг.) «Походы и кони». Автор, выпускник Константиновского артиллерийского училища, в начале Гражданской войны присоединился к Белому движению. Он воевал в составе Добровольческой армии, участвовал во 2-м Кубанском походе. Книга «Походы и кони» написана автором в эмиграции на Юге Франции, в 1970-е годы. [16].

Основой для сочинения явились дневниковые записи, которые Мамонтов вел в ходе боевых действий на фронтах Гражданской войны. Наряду с исторической достоверностью, книга обладает несомненными литературными достоинствами. В 1979 году ее автор был награжден премией имени В. Даля в Париже. В книге имеются описания боев на западных окраинах Ставрополя осенью 1918 года. Эти описания являются зарисовками с натуры, сделанными участником событий. Особенно примечательны здесь картины из жизни Иоанно-Марьяинского женского монастыря, оказавшегося в эпицентре военных действий. Он был превращен в госпиталь, где лечили раненых добровольцев [17].

Сочинение Мамонтова не содержит глобальных политических и стратегических обобщений, но подробно рассказывает о повседневном быте частей Добровольческой армии во время Ставропольской операции. Ценны и описания охваченного войной города, так как они основываются на непосредственных наблюдениях.

Воспоминания белых офицеров, принадлежавших к младшему и старшему командному составу Добровольческой армии, представляются весьма важными для подробного воссоздания картины военной кампании на Юге России 1918 года. Они проигрывают в масштабности описания мемуарам Деникина и Врангеля, но выгодно отличаются от последних бóльшим вниманием к деталям. Кроме того, в воспоминаниях полевых офицеров есть информация о повседневной жизни города, настроениях ставропольского общества в указанный период.

Мемуары деятелей Белого движения, участвовавших в Гражданской войне, не свободны от тенденциозности. Широко освещая факты красного террора на Ставрополье, авторы таких сочинений замалчивают факты белого террора или стараются преуменьшить их значение. Мало освещена тема реквизиций и грабежей, осуществляемых представителями добровольческих и казачьих частей. Тем не менее, в целом военные мемуары участников Белого движения на Юге России представляются весомым источником по истории г. Ставрополя 1918–1920 годов. Их ценность состоит в том, что данные труды, как правило, создавались в эмиграции, в условиях отсутствия жесткой цензуры, людьми разных политических убеждений. Соответственно, в мемуарах офицеров-белогвардейцев можно найти информацию, игнорируемую или умышленно скрываемую в советских исследованиях по Гражданской войне. Данный вид источников помогает понять, какую роль играл Ставропольский театр военных действий в планах командования Добровольческой армии, по-новому взглянуть на проблему отношения красных и белых к мирному населению, получить информацию о повседневной жизни Ставрополя в сложный военный период, когда город переходил из рук в руки.

Использованные источники и литература

1. Головенченко Ф., Емельяненко Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии (1918–1920 гг.). Ставрополь, 1928. С. 98–99.
2. Лобанов В.Б. Гражданская война на Северном Кавказе: борьба за Ставрополье в конце 1917 – летом 1918 гг. // www.online-science/m/products/istori_science/gid379/pg9/
3. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1. С. 229–230.
4. Беликов Г. А. Безумие во имя утопии, или Ставропольская Голгофа; Оккупация. Ставрополь, 2009.
5. Симонова Т. Установление советской власти на Северном Кавказе. 1918–1921 гг. // Диалог. 2001, № 12. С. 63–68.
6. Деникин А. И. Очерки русской смуты: В 5 т. Париж-Берлин, 1921–1926. Т. 3. С. 262–263.
7. Врангель П.Н. Записки: В 2 ч. // Белое Дело: Летопись Белой борьбы. Материалы, собранные и разработанные бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и Светлейшим князем А. П. Ливеном / Под ред. А.А. фон Лампе. Берлин, 1928. Кн. V, VI.
8. Врангель П.Н. Воспоминания. М., 2012. С. 27–31.
9. Шкуро А.Д. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, 1961.
10. Шкуро А.Д. Записки белого партизана. М., 2013. С. 138, 145–147.
11. Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа / Под ред. С.В. Волкова. М., 2002. С. 189–223, 323–380, 392–429, 479–495.
12. Дневники казачьих офицеров / Под ред. П.Н. Стрелянова. М., 2004. С. 15–178.
13. Елисеев Ф.И. С Корниловским конным полком на берегах Кубани, в Ставрополье и в Астраханских степях в 1918–1919 гг. Нью-Йорк, 1959.
14. Елисеев Ф.И. С Корниловским конным. М., 2003. С. 224–242.
15. Александров Я. Белые дни: Из записок участника Гражданской войны на юге России. Берлин, 1922. Ч. 1. С. 33–37.
16. Мамонтов С.И. Походы и кони. Париж, 1981.
17. Мамонтов С.И. Походы и кони: Записки поручика. М., 2007. С.66–73.

Гошунович А.,
г. Невинномысск,
священник храма Серафима Саровского

ПОДВИГ СВЯТОСТИ ВЫПУСКНИКА СТАВРОПОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ КАНДАУРОВА В 20-30-е гг. XX в.

Сонм новомучеников и исповедников Российских трагического XX века насчитывает огромное количество подвижников благочестия, среди которых есть и имена выпускников Ставропольской Духовной семинарии. Их подвиги – это общеизвестные примеры праведной жизни, исповедничества, плодотворной церковной деятельности и мученической смерти. Это примеры невинного страдания во Христе и за Христа. Их жизненный подвиг – воплощенный идеал истинной духовности и святости. Земной путь и мученический подвиг Николая Кандаурова, прославленного на юбилейном Архиерейском соборе 2000 года, очень хорошо дополняет картину страданий за веру в годы лютого безбожия.

Николай Кандауров родился 21 января (3 февраля) 1886 года, согласно ведомости за 1913 год о Казанской церкви ст. Ясенской Ейского отдела Кубанской области [1], составлявшей тогда часть Ставропольской епархии. По воспоминаниям его сына Р. Н. Кандаурова: «Верность православию, царю и Отечеству, патриотизм, трудолюбие, скромность и стойкость в нашей семье впитывались с молоком матери и передавались из поколения в поколение» [2]. Вырос будущий святой в ст. Барсуковской Невинномысского округа Кубанской области. Начальное образование получил в народном училище. В 12 лет остался без отца, убитого революционерами-террористами. Стал главным кормильцем семьи и был вынужден братья за любую работу.

В 1902 году Н. А. Кандауров поступил в Ставропольскую Духовную семинарию [3]. Первые 3 класса семинарии имели по 2 отделения. Николай учился на первом отделении до 4-го года обучения. Учиться было нелегко. Ему пришлось сдавать переэкзаменовку во 2-м классе по церковному пению, и лишь после успешной сдачи он был переведен в 3-й класс [4]. Согласно характеристике, у него было очень хорошее поведение и знание основ богословских предметов [5].

В годы обучения в Духовной семинарии Николай Кандауров женился на дочери настоятеля храма Святого Духа с. Владимирского Елене Иоанновне Карагачевой. По окончании семинарии он был назначен псаломщиком в церковь Вознесения Господня с. Прасковья. 22 октября 1907 года архиепископом Ставропольским Агафодором (Преображенским) Николай Кандауров был рукоположен в сан диакона и после непродолжительного прохождения богослужебной практики в Казанском кафедральном соборе Ставрополя назначен на должность штатного диакона в Спасо-Преображенский храм ст. Старощербиновской Кубанской области [6]. Он совмещал диаконское служение с педагогической деятельностью в должности законоучителя

церковно-приходской школы и одноклассного училища ст. Старощербиновской.

21 августа 1911 года архиепископом Агафодором диакон Николай Кандауров был рукоположен в сан священника. Он получил назначение в храм Казанской иконы Божией Матери ст. Ясенской Кубанской области на должность настоятеля. Параллельно он нес педагогическое послушание в Ясенском мужском одноклассном училище. В 1914 году он получил назначение в Крестовоздвиженскую церковь с. Ореховского Благодарненского уезда. В этом селе батюшка занимался преподаванием христианских дисциплин, так как там была церковно-приходская школа грамоты, располагавшаяся в церковной сторожке. Здесь батюшка прослужил до 1917 года. В 1914 году он был награжден серебряной медалью на Александровской ленте, в честь 25-летия церковно-приходских школ.

В семье Кандауровых было семеро детей: четыре сына и три дочери. Двое из них родились именно в этот период жизни отца Николая, то есть до революции 1917 года. [7].

С началом революционных событий на Северном Кавказе в 1917 году Николай Кандауров попал под следствие за проповеди, которые были названы контрреволюционными. В них он обличал преступления новых органов власти. Он бесстрашно говорил в проповеди о том, что его волновало: о все возраставшем безбожии, о поругании православной России. В это время он получил назначение на место настоятеля храма Дмитрия Солунского ст. Петропавловской Кубанской области, но пробыл там менее года. Уже в 1918 году Кандауров был назначен настоятелем храма ст. Воздвиженской Кубанской области. Храм успел претерпеть кощунственные акты, приобретшие массовый характер в годы Гражданской войны, и находился в запущенном состоянии. Благодаря отцу Николаю духовная жизнь в храме была полностью восстановлена, и в течение 1919 года произведен ремонт.

В годы Гражданской войны станица неоднократно переходила из рук в руки противоборствующих сторон. Проповеди Кандаурова этого периода были направлены на то, чтобы показать народу: Гражданская война – самоубийство нации. Проповеди отца Николая были одинаково неприятны как белым, так и красным. Нередко стороны требовали от него прекращения их произнесений. Эти годы стали началом его исповеднического подвига за веру.

В 1920 году Николай Кандауров был назначен на должность штатного священника храма Сергия Радонежского слободы ст. Усть-Лабинской. Ему и там пришлось принимать участие в восстановительных работах, а также претерпевать поношения за веру: «На протяжении почти 4-х лет батюшка прослужил в ст. Усть-Лабинской, и жизнь там не была легкой и беззаботной, так как в его адрес часто звучали угрозы и обвинения. Однако он терпел, смиренно восстанавливал храм и молился» [8]. Храм, где он служил, всегда был переполнен. Во время проповеди офицеры и казаки, не раз смотревшие в глаза смерти, забывшие в этой жестокой круговерти, что такое слезы, плакали как малые дети, не стесняясь своих чувств.

Местные власти нередко относились с уважением к священнику, их

представители не раз приходили к нему домой и предупреждали о готовящемся аресте: «Николай Андреевич, готовятся документы на ваш арест, уезжайте, мы дадим вам лошадей». Приходили встревоженные прихожане и также уговаривали священника на время покинуть село. Но отец Николай остался. И по-прежнему бесстрашно произносил проповеди о том, что его волновало: о истребляющем все вокруг безбожии, о поругании православной России.

По воспоминаниям ставропольского духовенства, начавшего служение еще при митрополите Антонии (Романовском), старые священники 1-й половины XX в. хорошо помнили священника Кандаурова. Даже бывшие обновленцы восхищались его стойкостью. Он с большой заботой отнесся к трагедии голода 1921–1922 годов, стараясь всемерно помочь нуждающимся. В то же время был категорически против передачи потиров и других литургических сосудов на продажу, так как считал это кощунством [9].

Николай Кандауров был крайним противником обновленческого раскола и обновленческих групп, получивших широкое распространение в 1920-е годы на Кубани и Ставрополье. В то же время он очень переживал по поводу раскола. Он считал, что раскол необходимо врачевать увещеваниями, но никак не методами, используемыми обновленцами. Священник Кандауров не впал в искушение правых расколов. Он строго держался линии Святейшего Патриарха Тихона, не поддержав и катакомбные группы [10].

Указом Преосвященного Евсевия (Рождественского), управлявшего Ставропольской епархией в эти годы, отец Николай в конце 1923 года был переведен в ст. Новоалександровскую. В ней ему также пришлось восстанавливать храм, разрушенный и поруганный безбожной властью. Там он прослужил до 1928 года, когда архиепископом Серафимом (Мещеряковым) был переведен в ст. Новорождественскую Тихорецкого района Кубанской области, где также пришлось восстанавливать разрушенную церковь. В ст. Новорождественской будущий священномученик прослужил меньше года и был арестован, несмотря на то, что никогда не принадлежал к оппозиции, храня верность Заместителю Местоблюстителю Патриаршего Престола митрополиту Сергию (Страгородскому) и проявляя лояльность государственной власти.

Отец Николай был арестован и приговорен к двум годам исправительно-трудового лагеря. Во время ареста старший группы ОГПУ зло пошутил, «раз поп такой умелец восстанавливать порушенное, пусть поможет восстановить народное хозяйство». Кандауров был обвинен по ст. 59, п. 12 и отбывал срок на электростанции в Шатуре Московской области [11]. По истечении срока заключения, в 1933 году, Николай Андреевич вернулся в ст. Новорождественскую, где служил до ареста. Незадолго до его возвращения домой умерла от голода его жена Елена.

Практически сразу после возвращения отец Николай был переведен на служение в Белоруссию. Он был назначен настоятелем храма с. Высочерт, который был полуразрушен, а прихожан не было совсем. Богослужения начались сразу после назначения, и в течение года в храме был сделан ремонт. В это время голод разразился и в Белоруссии. Семью Кандауровых спасла от голодной смерти директор маслозавода: глубоко верующая женщина оставляла

детям священника бидон молока, за которым приходилось идти 7 километров [12].

В 1935 году за свои неустанные труды на благо Церкви Христовой священник Николай Кандауров был награжден возведением в сан протоиерея. В том же 1935 году он был переведен восстанавливать еще один, но уже последний свой храм, в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в с. Подлесная Слобода Луховицкого района Московской области.

Большой каменный храм архиерейского подворья был в упадке. Необходим был капитальный ремонт. Община практически не существовала. За короткий срок ему вновь удалось отремонтировать здание храма и собрать новую общину. На богослужениях собиралось столько молящихся, что храм еле вмещал всех жителей сел Подлесная Слобода, Аксенова, других окрестных деревень и даже г. Луховицы. Почти весь доход храма протоиерей Николай Кандауров направлял на благотворительность. Помогая нуждающимся, он порой не оставлял средств на содержание собственных детей.

12 декабря 1937 года, в день выборов в Верховный Совет СССР, протоиерей Николай Кандауров отменил богослужение, чтобы все жители села могли спокойно исполнить свою гражданскую обязанность, но был обвинен именно в попытке срыва выборов. 25 января 1938 года Н. А. Кандауров был арестован Луховицким РОНКВД [13]. Ордер на обыск и арест был выдан в этот же день сотруднику НКВД И. И. Шилкову. Согласно постановлению об избрании меры пресечения и предъявления обвинения, он изобличался в том, что «ведет активную контрреволюционную деятельность среди населения, выступает с гнусной контрреволюционной клеветой по адресу советской власти, распространяет издевательские слухи..., ведет антисоветскую агитацию против существующего строя» [14], что явно было надуманно.

По статье 58–10, ч. 1 Уголовного кодекса постановлением начальника подразделения НКВД майора Якубовича отец Николай был направлен в Коломенскую тюрьму. На основе ряда неправдоподобных измышлений следователя и показаний «свидетелей» дело обвиняемого за номером 10294 уже 26 января 1938 года (т. е. на следующий день после ареста) было представлено начальником Луховицкого управления НКВД Московской области младшим лейтенантом Брюхановым на рассмотрение суда.

Заседание судебной Тройки при управлении НКВД состоялось 2 февраля 1938 года. Согласно выписке из протокола заседания, протоиерей Николай Андреевич Кандауров обвинялся в произнесении перед верующими проповедей антисоветского содержания и был приговорен к расстрелу. Искусственный характер уголовного дела подтверждается тем фактом, что больше никто по этому делу не был привлечен к ответственности.

Согласно выписке из акта о расстреле, приговор был приведен в исполнение 17 февраля 1938 года. [15].

Протоиерей Николай Кандауров был похоронен в поселке Бутово Московской области.

В 1989 году Священномученик Николай Кандауров был реабилитирован, а в 2000 году – канонизирован на Юбилейном Архиерейском соборе Русской

Православной церкви.

Использованные источники и литература

1. ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1168. Л. 84 об. – 85 об.
2. Воспоминания Ростислава Николаевича Кандаурова // Личный архив автора.
3. От правления Семинарии // Ставропольские епархиальные ведомости. Ставрополь, 1902. № 12. С. 711.
4. От правления Семинарии // Ставропольские епархиальные ведомости. Ставрополь, 1904. № 13. С. 707.
5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 63. Д. 515. Л. 56.
6. Там же. Оп. 70. Д. 1259. ЛЛ. 89 – об.– 90.
7. Там же. Оп. 70. Д. 1259; Оп. 71. Д. 1168; Оп. 73. Д. 9043. Л. 5; Воспоминания Ростислава Николаевича Кандаурова.
8. Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 2000. Т. 5. С. 55–56; ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 9043.
9. Воспоминания протоиерея Филиппа Устименко // Личный архив автора.
10. Воспоминания протоиерея Вадима Цаликова // Личный архив автора.
11. Архив прекращенных дел УФСБ Московской области. Д. 10294.
12. Новомученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви, прославленные на Архиерейском соборе 2000 г. М., 2001. С. 471.
13. Ордер № 12904 на производство обыска и ареста гр. Кандаурова Николая Андреевича // Архив прекращенных дел УФСБ Московской области. Д. 10294
14. Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения // Архив прекращенных дел УФСБ Московской области. Д. 10294.
15. Выписка из акта // Архив прекращенных дел УФСБ Московской области. Д. 10294.

Гуренко Е. Н.,
с. Левокумское,
Историко-краеведческий музей им. В. Р. Ясинова,
ведущий научный сотрудник

ИГУМЕНЬЯ АНТОНИНА КИЗЛЯРСКАЯ

Музейная коллекция Православных богослужебных книг конца XIX – начала XX веков Левокумского историко-краеведческого музея состоит из 7 экспонатов, в числе которых «Акафист Живоносному Гробу и Воскресению Господню». На форзаце штамп синими чернилами: «Игуменья Антонина Настоятельница Кизляр. женск. монастыря». Книга была подарена музеем настоятелем храма Святой Троицы с. Бургун-Маджары Михаилом Шеметовым. К сожалению, кто принес в храм этот Акафист, он не помнил.

Все, что вначале удалось узнать о игуменье Антонине, годы ее служения в качестве настоятельницы Кизлярского Крестовоздвиженского женского монастыря: 1913–1918 годы. Михаил Польский написал о ее судьбе в книге «Новые мученики Российские», изданной в Америке в 1949–57 годах. Об игуменье Антонине Польскому рассказала княгиня Н. В. Урусова, которая помнила ее со дня их встречи во Владикавказе зимой 1922 года.

В Кизляре на единственном сохранившемся здании Крестовоздвиженского монастыря (сейчас в нем располагается тубдиспансер) висит мемориальная доска, на которой написано: «В 1917–1918 годах здесь находился Военно-революционный комитет г. Кизляра».

Вот что пишет об этом времени Н. В. Урусова, со слов игуменьи Антонины: «В начале революции, когда грабили все кругом, и монастыри особенно, к ним ворвалась толпа... большевиков, разорила все, ограбила и застрелила несколько сопротивлявшихся монахинь. Когда на короткое время Кизляром овладела Белая армия, кто-то неизвестный указал им на лиц, разоривших монастырь и убивших монахинь. Они были белыми расстреляны. Когда же Белая армия отступила, и большевики стали уже полными хозяевами положения, то стали доискиваться, кто выдал их белым».

Обвинили игуменью Антонину, ей пришлось скрываться. Она пешком дошла до Иверского монастыря во Владикавказе, где ей дали убежище. «По всему Кавказу были расклеены объявления: «Кто укажет местонахождение бывшей игуменьи Кизлярского монастыря Антонины, получит 3000 рублей золотом». Через некоторое время о местопребывании ее во Владикавказе стало известно в ГПУ, и монахини попросили княгиню Урусову спрятать игуменью у себя.

Позже Урусова писала: «Ее нельзя было не полюбить. Дети души в ней не чаяли, и даже муж мой, довольно вообще равнодушный ко многому, с удовольствием беседовал с ней... Она же страдала ужасно при мысли, что, если ее найдут, то ответит не только она, но и мы... Так прошло две недели... Один раз вижу, что Матушка всю ночь, стоя на коленях, так горячо молится в слезах.

Мне через марлю видно, и я спать не могла: ее душевное состояние передавалось и мне. Рано утром она обращается ко мне и говорит:

– Исполните, пожалуйста, мою просьбу. Пойдите к блаженной Анастасии Андреевне и, ничего не говоря ей другого, скажите только: «Матушка Антонина просит вашего благословения».

Анастасия Андреевна, юродивая подвижница, известная во Владикавказе даром прозорливости, проживала в хибарке во дворе одного доброго христианина. Я пошла к ней, она спросила, в чем у меня нужда. Я ей сказала, что Матушка Антонина просит ее благословения.

– Да, да! Скажи ей, чтобы ничего не боялась! Что задумала и о чем молилась, пусть исполнит, пусть исполнит. Пусть идет в большой казенный, красный дом, пусть идет».

Я передала Антонине ответ, и лицо ее просияло.

– Я решила сама себя сегодня отдать в руки ГПУ. Я очень мучаюсь тем, что вы можете ответить за меня. Я молилась, и все же был страх и колебание, но теперь, после слов блаженной, меня ничто и никто не удержит.

Она ушла, простившись с нами с удивительно спокойным лицом, как бы еще больше просветлевшим и похорошевшим. Она была в монашеском одеянии и с золотым игуменским крестом на груди. Несмотря на все неудобства и опасности, она не снимала монашеского одеяния.

Прошло немного больше часа. Мы сидели молча, отдавшись горю, и думали о ее судьбе, как вдруг, моя одиннадцатилетняя дочь, смотревшая в окно, закричала: «Матушка Антонина идет!» И она вошла, такая радостная, такая необычайно хорошая, что описать нельзя словами.

Вот что она рассказала: «Я пришла в ГПУ. Дежурный спросил, по какому я делу. Я ответила, что скажу и назову себя только их начальнику. В это время приоткрылась дверь в коридор, и начальник сам выглянул. Увидев меня, он сказал:

– Пройдите.

Я вошла.

– Что вам угодно?

– Вы за мою голову даете 3 тысячи рублей? Я вам ее сама принесла...

– Кто вы?

– Я – игуменья Кизлярского монастыря. Игуменья Антонина.

Он был до того поражен, что встал и говорит:

– Вы, вы... Игуменья Антонина? И вы пришли сами к нам?

– Да, я сказала, что принесла вам свою голову.

Он достал из ящика стола мою фотографию.

Я достала из кармана такую же.

– Вы свободны... идите куда хотите.

Когда я уходила, он сказал:

– Через год я обязан дать вам какое-либо наказание по закону.

Никто не проследил, куда она пошла из ГПУ, никто нас не тронул. Она поселилась открыто в монастыре, где прожила год. Впоследствии я узнала, что ее назначили на один год прислуживать в коммунистической гостинице Ростова, причем она все же не сняла своего монашеского одеяния. Интересно, что ни один коммунист не допускал, чтобы она прислуживала ему. Они относились к ней без злобы, без каких-либо оскорблений и кланялись ей. В 1923 году такое было еще возможно».

О дальнейшей судьбе матушки Антонины Урусова узнала спустя 12 лет, живя в ссылке в г. Актюбинске. В своих воспоминаниях она ссылается на архимандрита Арсения, члена так называемой «катакомбной церкви», которого встретила там. Он рассказал ей, что по окончании срока наказания игуменья Антонина собрала около себя 12 монахинь, поехала в Туапсе с целью высоко в горах основать тайный скит. Была арестована ГПУ вместе с монахинями и монахами других скитов. Дальнейшая судьба ее ему была не известна.

Позже удалось найти архивные документы, открывшие трагические подробности этого периода жизни и светское имя игуменьи Антонины. Выяснилось, что о. Арсений был осужден по делу тайных общин на Северном Кавказе в 1930 году. Всего по этому делу было арестовано 163 человека священнослужителей и мирян.

В списке осужденных имени игуменьи Антонины не значилось, пришлось изучить личные дела всех проходивших по этому процессу женщин. Досье на каждого осужденного включало в себя графу «Служение». Таким образом, удалось выделить 4 человек, бывших ранее в Кизлярском женском монастыре. Трое из них были монахини и одна игуменья – Покровская Вера Александровна, годы служения в монастыре – 1908–1923. Судя по периоду пребывания в монастыре, игуменья Вера Покровская могла быть игуменьей Антониной. Подтверждала это предположение и дата рождения В. А. Покровской, указанная в деле – 1878 год. Сопоставив эту дату с описанием Урусовой матушки Антонины: «Она была необыкновенно привлекательна, не только ласковой духовной красотой, но и наружной необычайной красотой, будучи очень молодожавой. Ей нельзя было дать 40 лет, как ей было». Можно сделать вывод, что речь идет об одном и том же человеке.

Это предположение оказалось верным. При изучении дела монахини Серафимы встретила такая фраза из ее показаний на допросе 20 сентября 1929 года: «Поблизости был организован еще один монашеский скит – во главе с игуменьей Антониной (Верой Покровской)».

Из материалов дела: «Покровская Вера Александровна, родилась в июне 1878 года в г. Владикавказе Терской области. Дочь офицера, внучка протоиерея. Начала свое служение в Георгиевском женском монастыре, ст. Горнозаводская. Годы служения – 1894–1908».

Сложно провести полную реконструкцию жизни игуменьи Антонины в период 1923–1929 годов, пользуясь скухими данными уголовных дел кизлярских подвижниц. Жили они крестьянской общиной в доме с усадьбой, принадлежавшем или взятом в наем В. А. Покровской на х. Шуюк (Туапсинский район Краснодарского края). В доме была устроена церковь, где

проводил службы священник Алексей Шилкин (видимо, ему удалось избежать ареста, в числе осужденных его нет).

К делу приобщена справка из сельсовета: «У гражданки Покровской в течение ряда лет проживает пришлый неизвестный элемент, работающий в ее хозяйстве без заключения договоров и прописки. Покровская в общественной жизни никакого участия не принимает, общественных нагрузок не несет. Права голоса лишена как служительница культа (игуменья)».

Матушка Антонина и жившие в ее усадьбе монахини были арестованы 17–19 сентября 1929 года. Состоялся суд.

Приговор гласил: «В. А. Покровская – руководительница тайного Тихоновского скита Черноморского филиала контрреволюционной церковно-монархической организации «ИПЦ», в ее доме была тайная церковь». Согласно статье 58–10, ч. 2, 58–11 УК РСФСР ей было определено наказание – 10 лет концлагерей. Приговор был вынесен 27 февраля 1930 года тройкой при Полномочном представительстве ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и Дагестанской ССР. Последняя строка дела гласила: «Дальнейшая судьба неизвестна».

Президиумом Краснодарского краевого суда 19 августа 1965 года Вера Александровна Покровская была реабилитирована. Русской Православной церковью за рубежом в 1981 году игуменья Антонина была причислена к лику Святых в сонме Новомучеников и Исповедников Российских с именем Антонины Кизлярской.

Использованные источники и литература

1. Польский М. Новые мученики Российские. Нью-Йорк, 1957. Т. 2.
2. Урусова Н.В. Материнский плач Святой Руси // Русский паломник, 2014.
3. Архив УФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. П-5488.

Данилевич В. Г.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом природы,
кандидат биологических наук

ЛЕРМОНТОВСКИЙ СТАВРОПОЛЬ

Часть 1. Госпиталь

В Год литературы вопрос о Ставропольском военном госпитале, в котором находился на лечении поэт М. Ю. Лермонтов, несмотря на ряд исследований, остается открытым.

Судя по карте 1833 г., госпиталь состоял из нескольких одноэтажных строений, которые при выравнивании улиц архитектором Гайворонским, оказались на проезжей части при пересечении современных улиц Булкина и Советской, не сохранившись до сегодняшнего дня [1]. Лишь самое западное здание, прямоугольное в основании и расположенное параллельно старой дороге (от крепости на юго-запад под углом около 30°), по мнению краеведа В. Г. Гниловского, и было одним из строений госпиталя. Это здание находится сейчас по ул. Булкина, 13а [2]. Оно находится под охраной государства как памятник истории – первый военный госпиталь середины XIX в.

С начала XIX в. в городе поблизости от искомым мест некоторые ориентиры до сегодняшнего дня сохранились нетронутыми. Это – место Дома командующего Кавказской линией и в Черномории (бывший магазин «Книга»), дом купца И. Волобуева на ул. Советской, 10, южные границы крепости (остатки казарменных стен), четыре дома за Гостиным рядом юго-восточнее Кафедрального собора, следы устья северного отвершия Желобовки в верхней части пр. К. Маркса, границы оврагов по Флоринке (ул. Кавалерийской) и над Подгорным предместьем. Опираясь на эти ориентиры, вычисляя необходимые промеры при наложении спутниковой карты города на карты из фондов музея-заповедника, можно предположить, что расположение одного из сохранившихся зданий госпиталя, возможно, соответствует дому внутри двора

на ул. Булкина, 7 или месту, на котором до недавнего времени стоял одноэтажный дом на ул. Булкина, 11.

Карта 1838 г. [3] позволяет предположить, что дом по ул. Булкина, 13а – это отделение госпиталя для выздоравливающих, которое располагалось в доме Золотницкого. Отделение в доме Шляхова было немного южнее. Возможно, это дом на ул. Булкина, 15. По данным БТИ, он построен еще в 1805 г.

Краевед Г.А. Беликов пишет, что Лермонтов лежал в госпитальном отделении, которое располагалось в доме Губернской секретарши Марии Дробязгиной [4], находящемся на пр. Октябрьской революции, 14, куда и планируется поместить мемориальную доску об искомом событии. Найденные нами документы уточняют данные по этому вопросу.

В материалах Кавказской областной врачебной управы за 1841–1842 гг. есть сведения о наличии в Ставропольском госпитале «Книги приводного покоя», в которой указывается, что для завершения лечения переводили в особое Выздоровливающее отделение. Видимо, данная структура госпиталя была заложена в него по мере развития учреждения [5].

Наиболее важные, на наш взгляд, документы приведены далее в тексте как доказательная база.

«От 20.10.1836 г. Просьба генерал-адъютанту барону Розену дать удобные здания к помещению больных в отделения Ставропольского военного госпиталя, так как сроки контрактам оканчиваются». (С бароном Розеном Лермонтов виделся неоднократно – авт.). «Уведомить комиссию, что на предстоящий 1837 г. следует заготовить помещения для больных Ставропольского военного госпиталя около 500 человек, то она препровождает при сем список упомянутым домам: на наём коих сроки окончились и оканчиваются; с показанием числа помещаемых в оных домах больных и других госпитальных принадлежностей – отвести в поспешнейшем времени как вместо помянутых домов найму бывших в оных помещений; и в запас для содержания больных, имеющих поступить сверх настоящего числа для коих, за исключением зданий, ныне занимаемых и показанных в списке, необходимо

еще помещений на 137 больных. Надо отводить бы здания, находящиеся рядом к Главному Госпитальному корпусу в надлежащем устройстве с необходимыми при них другими строениями: банями, кухнями, сараями. Господин начальник Штаба войск Кавказской Линии и в Черномории генерал-майор Петров» (дядя М. Ю. Лермонтова – авт.).

«Список наемным под помещения Ставропольского военного госпиталя домам, коим сроки окончились и вскоре имеют окончиться на 1836 г.»

лица, у коих наняты дома	срок найма	окончание срока	сколько было больных	объяснение
У чиновницы 6 класса Анны Флоринской каменный флигель	25 августа 1835 г.	25 августа 1836 г.	49	Хоть сроки найма домов уже окончились, но оные, кроме дома Рослякова, наняты еще больными и контрактов вновь не заключено
У майорши Похвисневой	24 сентября 1835 г.	24 сентября 1836 г.	госпитальная контора и приводный покой	
У штабс-капитана Рослякова	1 апреля 1836 г.	1 октября 1836 г.	20	
У штабс-капитана Шебякина	28 апреля 1836 г.	28 октября 1836 г.	28	
У Губернской секретарши Марии Дробязгиной	7 декабря 1835 г.	7 декабря 1836 г.	40	

«От 6.11.1836 г. В конце 1836 г. в отделениях госпиталя вместимость составляла то же количество».

«От 26.11.1836 г. Тяжбы о найме дополнительных помещений под госпиталь продолжаются: «Невозможно отвести дома!» – Гражданский губернатор, господин генерал-лейтенант и кавалер барон Таубе» (С ним также был знаком Лермонтов – авт.).

«От 5.6.1837 г. Ведомость обывательским домам, ныне занимаемым Ставропольским военным госпиталем»

№	Ф.И.О. (у кого именно занят под госпиталь дом)	по какое время	сколько вмещает кроватей	сколько денег в течение года	по какое время отпущена из комиссариата сумма
---	--	----------------	--------------------------	------------------------------	---

1.	У чиновницы 6 класса Флоринской	первый с 16.4.36 по 16.4.37	65	2500 руб.	по 16.6.37
		второй с 25.8.35 по 25.8.36	49	2400 руб.	по 17.6.37
		сверх того и баня		по 30 руб. в месяц	по 27.6.37
2.	У майорши Похвисневой	с 24.9.35 по 24.9.36	контора и приводной покой	1000 руб.	по 24.6.37
3.	У Губернской секретарши Марии Дробязгиной	с 7.12.35 по 7.12.36	40	1200 руб.	по 7.8.37
4.	У купца Еремея Шляхова	с 13.12.35 по 13.12.36	36	1200 руб.	по 13.6.37
5.	У подполковницы Федоровой	с 26.12.35 по 26.12.36	31	1200 руб.	по 26.4.37
6.	У штабс-капитана Рослякова	с 6.2.36 по 6.2.37	22	1200 руб.	по 6.6.37
		Итого:	239	10700 руб., да за баню 30 руб. в месяц	

В отделении Шебякина с 28.4.36 г. по 28.10.36 г. было 28 человек. Документ свидетельствует о наличии у Флоринской второго дома с большей, чем в других отделениях, вместимостью на 65 человек. Оба ее дома вмещали 114 коек Лечебного отделения. Поступали больные из приводного покоя в доме Похвисневой. В связи с тем, что на содержание домов Флоринской из казны тратилась половина годового содержания – 5260 руб. от общей суммы в 10700 руб. (по 7 руб. в день), следует, что это был Главный Госпитальный корпус. Далее больных переводили в более дешевые по стоимости отделения. Одинаковое количество средств из казны на их содержание – по 1200 руб. в год (около 3 руб. в день), не зависящее от количества помещающихся в отделениях коек, доказывает их одинаковую направленность – «для выздоравливающих».

«От 3.7.1837 г. У города нет денег на наём домов, а Тифлис всё еще не разрешил отпуск денег из казны».

Значит, других отделений, кроме вышеуказанных, до 12 мая 1837 г. – времени пребывания там Лермонтова еще не было открыто.

«От 20–21.7.1837 г. Об исправлении обывательских домов, занятых Ставропольским военным госпиталем. Барону Таубе: генерал-майор Петров, обревизовав Ставропольский военный госпиталь, отношением от 26.06.37 г. уведомил Комиссию, что дом, занимаемый Госпитальной конторою, принадлежащий майорше Похвисневой, нужно перекрыть, поставить новые рамы и окна, исправить полы, выбелить стены снаружи и внутри. Дом купца Шляхова выбелить снаружи и внутри; и при нем крайне неудобная караульная будка для часового с наружной стороны – надобно сделать новую. В доме подполковницы Федоровой обвалившуюся штукатурку починить, выбелить стены внутри и снаружи. В доме Губернской секретарши Дробязгиной выбелить стены внутри комнат. Дом штабс-капитана Рослякова никакими починками исправить нельзя».

Таким образом, ко времени приезда государя-императора в отделениях, располагающихся в домах Флоринской, не требовалось ремонта, в отличие от остальных. Дом Губернской секретарши Дробязгиной, куда был приглашен Николай I для осмотра госпиталя, видимо, успели привести в порядок, так как там требовалось сделать меньше всего исправлений. В данном, наиболее благоустроенном здании, как сообщает Мария Дробязгина, лечились штабс- и обер-офицеры. Несомненно, это было отделение для Выздоровливающих.

В мае 1837 г. Лермонтов должен был прибыть в свой отряд на Левый фланг. Река Терек, что была у него на пути, разлилась в ту весну сильнее обычного. Возможно, поэту пришлось ехать бродом, и это повлияло на состояние его здоровья: произошло весеннее обострение ревматизма. Лермонтов доехал до Кизляра, но вынужден был вернуться в Ставрополь. В пятницу, 12 мая, поэт подал рапорт о болезни. 13 мая старший доктор – коллежский асессор Шлитер – освидетельствовал его в отделении Похвисневой и предписал 2 недели лечения. Врач не мог сразу определить Лермонтова в Выздоровливающее отделение, так как только в Лечебном отделении Флоринской, где были доктора, наибольшее количество лекарственных средств, коек и, главное, единственная на все отделения Ставропольского военного

госпиталя баня, мог лежать Лермонтов. Именно в банях лечили ревматизм в то время. Прележав неделю и не получив положительного результата, Лермонтов перевелся в Пятигорский военный госпиталь для долечивания минеральными водами, дающими больший эффект. Поначалу о выздоровлении не было и речи. Камердинер поэта Иван Соколов по прибытии в Пятигорск выносил его из повозки на руках, так как ревматизм не позволял Лермонтову ходить. Таким образом, выздоравливал поэт на Кавказских Минеральных Водах.

Дом Флоринского, по мнению краеведа Г. А. Беликова, не сохранился. Наши изыскания позволяют предположить, что дом 99 по ул. Кавалерийской – и есть искомый дом Флоринского [6].

«От 27.03.1824 г. Его Превосходительству Кавказскому областному начальнику господину генерал-майору Сталю Штата Комиссии Ставропольского комиссариатского депо 8 класса Флоринского прошение: Прошу пустопорожнее место по линии от госпиталя к крепости по обрыву горы на север, сколько план и дорога того позволит».

Флоринский просит выделить ему пустопорожный участок в начале Воробьевского предместья, идущий вдоль обрыва оврага на север при повороте нынешней ул. Кавалерийской, ограниченный на юге дорогой в крепость Московскую, а на западе – обывательскими домами. В 1824 г. линия, соединяющая госпиталь и крепость, указывает на положение дома Флоринского. Он стоит под тем же самым углом 30°, что и некоторые дома, находящиеся севернее Московской дороги. Из-за наличия дороги южнее этого усадебного места, никаких других строений здесь не возводилось. Овраг этот стал называться Флоринским, а улица – Флоринкой, или Флоринским переездом [7]. Поначалу, до 1809 г., госпиталь располагался западнее крепости во дворе дома по нынешней ул. Советской, 5-7, позже Советской, 11, и со временем перемещался все ближе к данному оврагу [8].

На карте 1838 г. указывается дом Флоринского по левую сторону этого оврага. Этот дом в I части города по архивным материалам 1840 г. значился под номером 640 [9]. Дом Флоринского совпадает с домом 99 по нынешней ул.

Кавалерийской. Позже, к 1900 г., на этом усадебном месте указываются здания инженерного ведомства. Верхняя деревянная часть половины искомого дома позже была перестроена в каменную (вторая половина изначально была из камня). Дом 99 – это тот самый первый дом из владений Флоринской, где помещалось 65 человек. Именно в каменном флигеле, который занимает юго-западный угол усадебного места в виде буквы «Г» располагалось до 49 человек в год. На карте указываются и нежилые постройки – сарай, конюшня и баня.

По материалам БТИ одноэтажный дом с высоким цоколем по ул. Кавалерийской, 99 имеет данные по застройке до 1917 г. Он охраняется государством как памятник истории – первая Областная почтовая контора середины XIX в. Именно здесь в 1829 г. А.С. Пушкин менял лошадей во время своего путешествия на Кавказ.

Краеведом В. Г. Гниловским был найден в архиве документ, в котором на «Плане г. Ставрополя 1809 г.» указывается, что «гоубшпиталь (бывший манеж, а по отделке – гоубшпиталь) находится западнее Флоринского переезда». В Кавказском областном архиве коллежским асессором Рядловым упоминается «дом комиссионера Флоринского, покупаемого для почтовой конторы» [10]. Значит, именно Флоринский предоставил здание для почтового отделения. Позже Флоринский и его жена стали сдавать свои строения и баню под Лечебное отделение Ставропольского военного госпиталя, куда и положили на лечение незабвенного поэта М.Ю. Лермонтова.

Использованные источники и литература

1. СГМЗ. Ф. 39. Ед. хр. 30. Инв. номер 5934 // РГИА. Ф. 1283. Оп. 168. Д. 375. Л.1.
2. <http://www.altstav.ru/stv/stv191.php> – Рукопись В.Г. Гниловского // РГИА. Ф. 1289. Оп. 15. Д. 375. Л.4.
3. СГМЗ. Ф. 6. Д. 1649 (12988, 26/11).
4. Беликов Г.А. Старый Ставрополь. Ставрополь, 2009. С. 172–174.
5. ГАСК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 91. С. 201.
6. Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1808 (связка 173) – Канцелярия общего управления Кавказской области. Ведомости помещений домов в г. Ставрополе, занятых под Военный Госпиталь, и переписка с Главноуправляющим в Грузии, Ставропольским комиссионерским депо об

отводе помещений для Ставропольского военного госпиталя (27.10.1836–27.10.1837 гг.).
С. 1, 3, 6 оборот, 16,17.

7. Там же. Д. 104 (связка 5). С. 1.

8. СГМЗ. Ф. 39. Д. 30. Оф. 27948/322. Оф. 6084 // РГИА. Ф.1234. Оп. 168. Д. 4. Л.1; Оф. 5970
// РГИА. Ф. 1340. Д. 19046.

9. ГАСК. Ф.129. Д.51.Оп.1.

10. Гниловской В.Г. Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX
столетия // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1952. Вып. 4. С.
175–217; РГВИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 4; Ф. 1289. Оп. 15. Д. 375.

Емельяненко Н. И.,
г. Нальчик,
Национальный музей Кабардино-Балкарии,
ведущий специалист экспозиционного отдела

О. П. МЕДВЕДЕВА (1925–2000 ГГ.): РЕТРОСПЕКТИВА

Ольга Петровна Медведева проработала в Национальном музее Кабардино-Балкарии 53 года. Рассказывая о ней, о ее вкладе в деятельность музея и вообще в развитие музейной сети Кабардино-Балкарии, мы фактически представляем полувековую историю музея.

О. П. Медведева родилась в 1925 году в с. Дивное Ставропольского края. В Нальчик, куда получил назначение ее отец Петр Алексеев, она переехала в 1936 году. Здесь она в 1942 году окончила школу № 3, поступила в Пединститут на исторический факультет, который успешно окончила в 1947 году.

В сентябре 1947 года О. П. Медведева стала работать в краеведческом музее заведующей отделом дореволюционного периода (на этой должности она проработала до 1977 г.).

Директором музея в это время был Х. Т. Иванов, Герой Советского Союза. Именно при Иванове была сделана первая после окончания Великой Отечественной войны сверка фондов музея. Спустя годы Медведева с большой теплотой вспоминала о тех, кто работал в то время в музее: Савчуке, спасшем в годы оккупации музей от разграбления; Милешко, главном хранителе музея; Джеладзе, старшем научном сотруднике; Овчинниковой, младшем научном сотруднике, о пришедших немного позже в музей: Василенко, Гольдберг, Евгажуковой, Субботиной, Шогеновой.

Вспоминая о работе в музее в 1940–50-х годах, Ольга Петровна всегда особо подчеркивала деловую атмосферу и дух коллективизма, царившие в музее.

В здании старого музея (по ул. Советской, 33) экспозиция была размещена так, что одному зрителю приходилось работать на несколько залов. Научные сотрудники часто приходили им на помощь. При этом они не только следили за залами, но и беседовали с посетителями, выясняя, что, представляющее интерес для музея, есть у них дома: старинные предметы быта, утварь, одежда. Таким образом пополнялись фонды музея, так как музей посещало много людей. Несмотря на трудное послевоенное время, в музей все несли бесплатно. Энтузиазм, патриотизм, национальная гордость – качества, присущие людям того времени.

Ольга Петровна рассказывала, что вскоре после того как она начала работать в музее, поступило распоряжение уничтожить литературу, написанную балкарскими авторами. У сотрудников музея рука не поднялась это сделать. Посовещавшись, решили спрятать книги в тумбочке, на которой стоял бак с водой для посетителей, повернув тумбочку дверцей к стене. Но, видно, у органов госбезопасности был свой осведомитель в музее: через

короткое время они пришли в музей, направившись прямо к тумбочке. Ольга Петровна всегда, вспоминая тот случай, удивлялась, как они – сотрудники музея – избежали наказания за свой проступок.

Начав работать в музее, Ольга Петровна изучила экспозицию, которая была, и пришла к выводу, что она построена по принципу наглядного пособия для учащихся. В отдельных разделах экспозиции материал располагался не комплексно, а по мере поступления предметов в музей.

Медведева стала работать над новым тематико-экспозиционным планом по археологии. По завершении работы она послала его на рецензию археологу Семенову (НИИ г. Владикавказа). Вскоре получила хороший отзыв и разрешение на реэкспозицию. Одновременно Ольга Петровна работала с дореволюционным материалом (описывала его, систематизировала), ведя работу в тесном контакте с историками Кабардино-Балкарского НИИ. Экспозиция по дореволюционному периоду преобразилась. В ней появилось воспроизведение кабардинского очага с размещенными рядом предметами быта. Появление нового уголка в экспозиции было результатом поездки в Хабез в Черкесии, откуда были привезены эти вещи. В селении сохранилось жилище с земляным полом и очагом, где жили старик со старухой. Они и явились прообразом тех манекенов, которые появились в экспозиции музея, и производили такое незабываемое впечатление на посетителей музея, что спустя годы (20–30 лет), когда экспозиция переместилась в новое здание музея, посетители спрашивали: «Где старик и старуха у очага?».

В фондах музея много фотографий, запечатлевших Ольгу Петровну в экспедициях, проводимых музеем в эту пору: это хрупкая, с обаятельной улыбкой девушка. И только диву даешься: как она не побоялась переплыть реку около а. Хабез, чтобы сделать зарисовку башни Адиюх [1].

Ольга Петровна принимала участие в многочисленных экспедициях сотрудников музея и сотрудников Кабардино-Балкарского НИИ, значительно пополнявших фонды музейными предметами, вошедшими впоследствии в новую музейную экспозицию. Работа над ее тематико-экспозиционным планом началась в 1960 и завершилась в 1966 году. Экспозиция разместилась в новом, специально построенном для музея здании. Экспозиция отличалась от экспозиций других музеев, так как над ней работали не только сотрудники музея, но и сотрудники НИИ культуры (г. Москва), для которых наш музей стал своеобразной экспериментальной площадкой.

Свидетельством признания новаторства Кабардино-Балкарского краеведческого музея в создании новой музейной экспозиции служит проведение Министерством культуры РСФСР на базе музея курсов директоров краеведческих музеев автономных республик, автономных областей и национальных округов, которые проходили 24–31 августа 1969 года.

В выступлениях директоров музеев, заведующих секторами НИИ культуры Д. И. Тверской и А. Б. Закс новая экспозиция краеведческого музея получила положительную оценку. Все отметили, что особенно удался раздел экспозиции «Кабардино-Балкария с древнейших времен и до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года». Введение в этот раздел

экспозиции большого количества новых музейных предметов, документов; наглядность, научность экспозиции было большой заслугой заведующей отделом О. П. Медведевой [2].

Работая над планом экспозиции по археологии, Ольга Петровна консультировалась с археологами П. Акритасом, И. Чеченовым, Е. Крупновым, неоднократно проводившими раскопки в Кабардино-Балкарии.

Посетители музея отмечают, что экспозиция по археологии, созданная Ольгой Петровной в 1960-е годы, не утратила своей актуальности и в наши дни.

Работая над планом экспозиции по средневековью, Медведева консультировалась с историками, этнографами, фольклористами Кабардино-Балкарского НИИ и педагогами Университета Берикетовым, Хакуашевым, Мафедзевым, Шиковой, Азаматовым, Мамбетовым, Налоевым. Она была хорошо с ними знакома: с одними училась в институте, с другими выезжала в экспедиции.

Ольга Петровна неоднократно участвовала в экспедициях, которые возглавлял известный этнограф Л. Лавров. В архиве музея хранится план экспозиции по средневековью с рукописными правками Лаврова. Она рассказывала, как Лавров, уже известный в ту пору ученый, не только встретил ее, молодую сотрудницу музея на вокзале, показал Ленинград, но и помог ей в поисках материалов в архивах и в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Работая в разные годы в центральных архивах, Ольга Петровна нашла там массу документов, имеющих историческую ценность для раскрытия средневековой истории кабардинцев и балкарцев: в ЦГАДА материалы о присоединении Кабарды к России; о совместной борьбе кабардинцев и русских против внешних врагов; первые русские источники о балкарцах [2]; в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина она обнаружила рисунки из альбома Майерберга, относящиеся к 1661 году, среди них: изображения Якова Куденетовича Черкасского – первого боярина царского двора, видного полководца, разбившего литовского гетмана Радзивилла, взявшего Оршу, Вильну. Были выявлены также документы, статьи, освещающие вопрос переселения горцев в Турцию [3]; в Архиве АН СССР – материал о социально-экономическом развитии Кабарды в XVIII в.; в Архиве внешней политики России, в Центральном государственном архиве СО АССР – документы о крестьянских волнениях в XIX в. [4]; в ЦГВИА – данные по строительству крепостей Кавказской оборонительной линии (план Екатериноградской крепости, описание крепости Нальчик), карты по размежеванию кабардинских земель 1865 года.

Большая часть перечисленных документов (копии) вошла в экспозицию музея. Для новой экспозиции были заказаны копии изваяния Дукабека и золотого блюда Марии Темрюковны [5]. На протяжении многих лет Ольга Петровна продолжала работу по совершенствованию экспозиции. В ней появлялись не только новые экспонаты, но и новые комплексы (например, о кабардинских и балкарских просветителях XIX–XX вв.).

Для молодых сотрудников, пришедших в музей в середине 1970-х годов, она была образцом того, как нужно работать над темой, которую ты хочешь

отобразить в экспозиции. Она не просто изучала имеющийся научный материал по теме. Узнав, что сотрудники КБ НИИ Р. Хашхожева, Т. Биттирова работают по этой теме, она встречалась с ними, узнавая новые, еще даже не опубликованные факты.

О. П. Медведева с 1977 по 1980 годы работала на посту заместителя директора музея по научной работе.

Молодые сотрудники музея учились у Ольги Петровны работе над выставками. В фондах музея хранятся фотографии, запечатлевшие выставки, подготовленные Медведевой: они посвящены Ш. Ногмову, юбилеям города Нальчика, народному декоративно-прикладному искусству кабардинцев и балкарцев. Последние экспонировались не только в нашем музее, но и в других музеях страны (Москва, Винница, Рига, Таллинн) [6].

Кабардино-Балкарский краеведческий музей был начинателем обмена выставками с другими музеями СССР. О. П. Медведева и И. А. Мальбахова были «первыми ласточками» этих обменов. [7]. Ольга Петровна побывала во всех ведущих музеях Москвы, Ленинграда, Казани, Астрахани, во всех музеях Северо-Кавказского региона, привозя в свой музей то новое, что было наработано в других музеях, в то же время щедро делясь своим опытом с сотрудниками музеев, приезжающими к нам на стажировку.

Велик вклад О. П. Медведевой в создание фондовых коллекций музея. Помимо указанных выше архивных материалов, в фонды музея поступило огромное количество предметов этнографии, собранных О. П. Медведевой в экспедициях. Неоценим ее вклад в воссоздание истории и культуры балкарского народа. Она не только по крупицам собирала материал в покинутых после 1944 году балкарских селах, но уже в наши дни восстанавливала историческую справедливость, указывая нам, какие вещи принадлежали балкарцам (после выселения балкарцев сотрудников музея заставили в книгах учета, где было указано «балкарское», переписать на «национальное»).

Попадая в экспедиции, мы учились у Ольги Петровны ведению дневника экспедиции, написанию отчета, учились общению с людьми. У Ольги Петровны был талант общения. Она никогда не оставалась у ворот домовладения. Даже когда хозяева говорили, что у них нет ничего интересного, старинного, она заходила в дом, заводила неспешный разговор с хозяевами, в результате которого обычно выяснялось, что в доме (на чердаке, в сарае или подвале) есть что-то интересное для музея.

Много старинных предметов быта поступило в музей благодаря Ольге Петровне. Ее очень интересовала традиционная одежда, поэтому она работала над каталогом «Женская национальная одежда в фондах НМ КБР». Сделав чертеж платья для каталога, она долго еще сидела над платьем, восторгаясь каждым стежком, сделанным вручную, продуманностью кроя, практичностью платьев. Ольга Петровна в 1950–60-е годы была в экспедициях с такими известными этнографами, знатоками женской одежды, как Е. Н. Студенецкая и Я. С. Смирнова.

Ольга Петровна пополнила фотографическую коллекцию музея поистине бесценными работами дореволюционных фотографов Раева и Фролова. Работы Раева, запечатлевшие Кабардино-Балкарию, были закуплены ею в Пятигорске. Работы Фролова она систематизировала вместе с А. В. Субботиной, результатом их совместного труда стали «Альбомы Фролова» (1969 г.).

В 1974 году она снова работала в Военно-историческом архиве, где нашла 37 фотографий дореволюционного Нальчика, копии с которых пополнили фонды музея. [8]

Поистине нет ни одной коллекции музея, в которую не внесла бы свой вклад О. П. Медведева. Обычно это были довольно значимые приобретения как, например, коллекция материалов и работ художника-толстовца М. Алехина, отбывавшего ссылку в Нальчике.

Глубокое знание истории, музейных предметов, эрудиция и умение общаться с посетителем отличало Ольгу Петровну, проводившую обзорные и тематические экскурсии по экспозиции музея.

В 1971 году Кабардино-Балкарский краеведческий музей отмечал 50-летие. Вклад Медведевой в развитие музея был отмечен присвоением ей звания Заслуженный деятель культуры КБ АССР. В 1980 году в музее был создан новый отдел – научно-методический, и Ольга Петровна его возглавила.

В 1981 году она одновременно работала над созданием экспозиций двух новых музеев: историко-революционного в с. В. Акбаш и историко-этнографического в с. Кенделен, открыв двух замечательных художников-оформителей – Х. Тепеева и М. Ивлева, которые впоследствии талантливо переформировали экспозицию музея Оборона Приэльбрусья (1984 г.).

Не могу не сказать об особом даре Ольги Петровны «открывать» музейных художников. Именно с ее подачи оформительские работы для музея выполняли талантливые художники: А. Острякин, П. Пономарев, К. Дедегкаев, А. Колкутин.

Под руководством Ольги Петровны в 1980-х гг. велась активная работа по взятию на учет школьных, ведомственных, общественных музеев республики. Одновременно она оказывала методическую и практическую помощь вновь создающимся музеям: электровакуумного завода, МВД, медицины, университета, республиканского военкомата. Она регулярно проводила семинары для руководителей этих музеев, на которых выступала не только сама, но также опытные музейные сотрудники из разных отделов.

В связи с сокращением штатов научно-методический отдел музея перестал существовать. Ольга Петровна снова возглавила отдел истории дореволюционного прошлого. Грянула перестройка, сменили директора музея. В 1994 году в музее произошло сокращение штатов, часть сотрудников проводили на заслуженный отдых, в том числе и Медведеву. Узнав об этом, Министерство культуры КБР направило Ольгу Петровну на работу (старшим научным сотрудником) в мемориальный музей-квартиру А. Шогенцукова, где она пользовалась заслуженным уважением и авторитетом.

В апреле 2000 года Национальный музей КБР тепло отметил 75-летний юбилей О. П. Медведевой. Министерство культуры отметило ее 53-летний труд

в музее Почетной грамотой. Но через 3 месяца Ольга Петровна после непродолжительной болезни ушла из жизни.

В музее продолжает работать экспозиция, созданная ею. Создаются выставки из материалов, собранных Ольгой Петровной. В научной библиотеке музея хранятся книги из личной библиотеки О. П. Медведевой, переданной в дар музею ее внуком. Все это – хорошая память о ней.

Использованная литература и источники

1. Депуева А.Б. Из воспоминаний О.П. Медведевой (рукопись).
2. ЦГА КБР. Р-777. ОП.2. Д.15. Л.36.
3. Там же. Д. 20. Л. 3.
4. Там же. Д. 15. Л. 36.
5. Там же. Д. 58. Л. 12.
6. Там же. Д. 40. Л. 28.
7. Там же. Д. 38. Л. 4.
8. Там же. Д. 50. Л. 6.

Запорожцева О. А.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
студентка магистратуры;

научный руководитель: **Судацов Н. Д.,**
профессор кафедры истории России СКФУ,
доктор исторических наук

ОБЩЕСТВЕННАЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСЕЯ ФЕДОРОВИЧА РЕБРОВА

Алексей Федорович Ребров – неординарная личность, хорошо известная на Ставрополье. Он имел много дипломов за свои хозяйственные достижения. Но была и другая немаловажная деятельность, которой занимался Ребров, – это благотворительность. Так, в 1819 году он получил Диплом от Министерства духовных дел и народного просвещения на звание Почетного благотворителя училищ [1]. Ребров, добиваясь в жизни результатов собственными силами и трудами, не понаслышке зная трудности, с которыми дается человеку хлеб насущный, считал своим человеческим и христианским долгом поддерживать людей, которые в силу разных обстоятельств нуждались в помощи и покровительстве.

Ребров всячески стремился заботиться о своем селе Владимировка. Он не только внедрял там новые методы хозяйствования, но и активно занимался улучшением духовной жизни населения. Так, в 1825 году им была построена кирпичная церковь. К ней примыкали хорошие надворные постройки. Во Владимировке им была устроена церковно-приходская школа, которая помещалась в здании стоимостью около 500 руб. [2].

Наглядным примером благотворительной деятельности помещика Реброва служит его участие в судьбе чеченского парня, ставшего жертвой военных коллизий, которыми была столь богата история Кавказа первой половины XIX века. В своем прошении к начальнику Кавказской области генералу А. А. Вельяминову в октябре 1833 года Ребров писал, что на его попечении находится чеченец по имени Муса, который с 1819 по 1830 годы воспитывался в Науре у майорши-вдовы Ефросиньи Савельевой. После ее смерти воспитанием Мусы занимался Ребров. Достигнув 20-летнего возраста, Муса решил принять христианскую веру, чтобы потом быть причисленным к одному из русских сообществ. Ребров просил Вельяминова дать официальное разрешение на крещение Мусы. Разрешение было дано. Муса, крестившись, поселился «у казаков в станице Моздокского полка» [3].

Алексей Федорович всегда активно занимался благотворительной деятельностью, и прежде всего это выражалось в поддержке бедных учеников. В октябре 1845 года Ребров пожертвовал деньги нуждающимся учащимся. Сохранились имена тех детей, которым он подарил небольшой праздник, вручив «каждому по семи рублей серебром», а именно: Константину

Яблонскому, Егору Курбатову, Федору Казарину, Антону Вышинскому, Антону Широкову, Аполлону Пречистенскому [4]. Судя по сохранившимся документам, Ребров покровительствовал бедным ученикам регулярно: «в Кавказской областной гимназии пяти беднейшим ученикам: Ениктееву, Браславичу, Лисовскому, Кушнареву, Яблонскому, Халидину – было роздано по 7 рублей серебром». В честь годовщины открытия мужской гимназии в Ставрополе, 18 октября 1837 года, Алексеем Федоровичем были посланы 25 рублей ассигнациями на угощение для учеников в этот праздничный день.

Согласно докладной записке Реброва Казенная палата предписала Ставропольскому окружному казначейству, чтобы оно перечислило 100 рублей из пенсии Реброва за 1846 год на пожертвования: в Кавказскую Дирекцию Училищ в пользу отличившихся 25 рублей серебром, в Приказ Общественного Призрения на нужды бедных благородных девиц 25 рублей серебром и Ставрополь в Училище неимущих Канцелярских служителей 50 рублей серебром.

18 октября 1847 года Ребров передал 30 рублей серебром директору Ставропольской гимназии для празднования дня открытия «сего учебного заведения». Пожертвования были сделаны Ребровым и 27 июля 1848 года в размере 25 рублей серебром на нужды бедных учеников Ставропольской гимназии. Не оставило равнодушным Реброва и положение двух бедных девиц-сирот, оставшихся без всякого попечения в частных пансионах госпожи Крупье – Кульчинской и Дабежиной. От Алексея Федоровича госпоже Крупье для содержания девиц было доставлено 200 рублей серебром. Неоднократно производились пожертвования и на награды бедным ученикам Ставропольской мужской гимназии «в размере 8 руб. 18 коп. за 14 августа 1848 года и 16 руб. 34 коп. серебром за 27 сентября 1848 года».

12 ноября 1848 года Реброву было сообщено, что «жертвуемые им деньги были выданы в награду бедным ученикам: Николаю Соколову 8 руб., Павлу Космынину 3 руб., Алексею Лисовскому 5 рублей, Виктору Чечелеву 5 руб., Василию Хорошавину 5 руб., Николаю Протопопову 3 руб. и Федору Сабо 5 руб.». На переданные в гимназию 20 рублей была куплена обувь для беднейших из детей. Алексею Федоровичу сообщили, кто стал обладателем учрежденной им награды. Это были: «1-го класса: Квятковский (сын титулярного советника), Озеров (сын умершего коллежского советника); 2 класса: Протопопов (сын отставного штабс-лекаря), Прудков (сын подпоручика), Фадеев (сын титулярного советника); 3 класса: Чечелев (сын умершего титулярного советника); 7 класса: Соколов (сын священника), Ковалевский (сын штабс-лекаря) [5].

Поддерживал Ребров и людей, занимающихся сельским хозяйством. В 1835 году Алексей Федорович принял на обучение основам шелководства учащихся, с которых не только не требовал никакой платы, но даже содержал их за свой счет [6]. В 1832 году Алексей Федорович привез в Москву семена и сеянцы шелковицы, которые лично посадил в Кремле и в Александровском саду, а также роздал членам Московского общества сельского хозяйства. Предпринял он посадки шелковицы и в Санкт-Петербурге [7].

Что касается школы шелководов во Владимировке, то Ребров организовал ее для крестьянских мальчиков совершенно бесплатно. Зимой ребяташек учили грамоте и арифметике, а летом – основам шелководства [8].

Большое внимание Ребров уделял и медицинскому обслуживанию крестьян. Во Владимировке имелся фельдшер, повивальная бабка, а при правлении была аптечка [9]. Не каждое село имело в то время повивальную бабку. Во Владимировке жила и работала, как считают, «первая медицинская сестра» на Ставрополье – Марфа Иванова. В ее обязанности входило не только лечение народными средствами, но и принятие родов.

Особенно проявила себя М. Иванова в суровую зиму 1844–1845 годов. Окрестности Владимировки были прибежищем для зимних становищ скотоводов. Той зимой близ владения Реброва скопилось более 150 кибиток малодербетовских калмыков. У них началась эпидемия оспы. При появлении первых признаков оспы калмыки покидали то место, где находились больные, оставляя их в «страданиях и положении бесприютном». Обезжая владения, Ребров обратил внимание на этих несчастных. Из сострадания к ним он приказал перевезти больных во Владимировку. Их разместили в палатах, поручив надзору повитухи Марфы. Ребров снабдил ее всем необходимым, чтобы она могла лечить больных. С декабря 1844 по март 1845 года в приют поступило 36 больных оспой. Из них 9 человек (они были привезены слишком поздно) вылечить не удалось, а 25 человек взрослых и 2 детей полностью излечились. Калмыки, увидев своих родственников выздоровевшими, перестали бросать больных, убедившись в спасительном действии лечения в приюте.

Во время лечения больных во Владимировку прибыл врач Георгиевского военного госпиталя Теласков. Он в течение двух дней наблюдал за ходом лечения и нашел действия повитухи верными, одобряя ее прилежность и заботу о больных. В донесении Губернатору Ольшевскому Ребров просил признать труды М. Ивановой «заслуживающими некоторого внимания». Губернатор сообщил об успехах повитухи Управляющему гражданской частью в Кавказской области Завадовскому. Тот счел ее труды заслуживающими награды и выдал Марфе Ивановой премию в 25 рублей серебром [10].

В 1845 году не стало супруги Алексея Федоровича. Ее смерть была тяжело пережита Ребровым. В память о ней во Владимировке был построен больничный приют «для призрения недужных» [11].

Архивные документы сохранили факты бескорыстной помощи помещика А. Ф. Реброва бедным ученикам школ и гимназий. Прославился он и как родоначальник научного шелководства в России. Кроме того, Ребров был одним из первопроходцев в развитии медицинского обслуживания сельского населения Ставрополья.

Использованные источники и литература

1. Смоляков В.А. Ими гордится Отечество // Кавказская здравница. 2001. № 31-32 от 24 февраля. С. 3.
2. Село Владимировка Прасковейского уезда // Справочник по Ставропольской епархии. Екатеринодар, 1910. С. 453.

3. ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1589. Л. 3-5, 15.
4. Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1124. Л. 63 об.- 64.
5. Там же. Д. 1826. Л. 1, 4-4 об., 5, 14, 19, 23, 28.
6. Там же. Ф. 444. Оп. 1. Д. 289. Л. 2.
7. Богословский В.В. А.Ф.Ребров – родоначальник научного шелководства в России // Третьи Ребровские музейно-краеведческие чтения 17–18 февраля 2011 г. Ч. I. Материалы для биографии А.Ф. Реброва. Ставрополь, 2011. С. 123.
8. Смоляков В.А. Ими гордится Отечество // Кавказская здравница. 2001. № 31–32 от 24 февраля. С. 3.
9. Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. С. 29.
10. Смоляков В.А. Первая медицинская сестра: повитуха с. Владимировки – Марфа Иванова, 1844 г. // Светлый путь. 1988. № 132 от 25 октября.
11. Смоляков В.А. Ими гордится Отечество // Кавказская здравница. 2001. № 35 от 2 марта. С. 4.

Колесникова М. Е.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
заведующая кафедрой истории России,
доктор исторических наук, профессор

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ПРОЗРИТЕЛЕВ
(1849–1933 гг.)**

Среди исследователей Северного Кавказа второй половины XIX – первой трети XX веков, оставивших заметный след в истории края, одно из почетных мест принадлежит Григорию Николаевичу Прозрителеву – ученому, археологу, этнографу, историку, архивисту, археографу, краеведу, музейному работнику, просветителю, видному общественному деятелю. Прозрителев был представителем поколения разночинцев-просветителей, сумевших не только выявлять исторические источники, но и организовать работу по их изучению, создавать организации и общества, которые взяли на себя разработку исторических и историографических проблем. Всю жизнь он собирал и хранил факты истории родного края.

С 1881 года Прозрителев начал службу в Ставропольском окружном суде, сначала кандидатом на судебные должности, а с июня 1882 года – в чине губернского секретаря. В августе 1882 года он стал помощником присяжного поверенного Д. И. Евсеева. Впоследствии, до 1916 года, занимал должность присяжного поверенного (адвоката) Тифлисской и Новочеркасской судебных палат Ставропольского окружного суда. Эта должность давала ему возможность ближе знакомиться с бытом, культурой и историей народов Северного Кавказа, особенно инородцев (калмыков, ногайцев, туркмен), чьими делами он в основном занимался. В ходе служебных поездок Прозрителев знакомился с археологическими памятниками, собирал коллекции археологических и палеонтологических находок, холодного оружия, которые впоследствии легли в основу созданного им музея Северного Кавказа. Постепенно краеведческие изыскания стали основными в его научно-исследовательской деятельности. Несмотря на это, Григорий Николаевич продолжал выполнять служебные обязанности, вел большую общественную и культурно-просветительскую работу.

В 1884 году по его инициативе и при его участии выходит первая частная газета в регионе «Северный Кавказ» (1884–1906 гг.), пользующаяся большой популярностью среди читателей. Являясь общественно-политической, она позиционировала себя как общественно-литературная газета [1]. Издание сыграло важную роль в становлении периодической печати в регионе в дореволюционный период, в формировании общественного мнения. Редактором газеты был Д. И. Евсеев. В газете работал и печатался известный осетинский поэт и просветитель К. Л. Хетагуров.

С декабря 1907 года в Ставрополе стали публиковать первую большую ежедневную общественно-политическую и литературную «Северо-Кавказскую газету», продолжившую дело «Северного Кавказа». Ее редактором и издателем был Прозрителев.

В 1880-е годы Григорий Николаевич познакомился с секретарем Ставропольского губернского статистического комитета, исследователем Северного Кавказа И. В. Бентковским и историком казачества, историографом И. Д. Попко. Под их влиянием он начал серьезно заниматься историей края и источниками по ее изучению. Сохранение историко-культурного наследия становится смыслом и делом всей его последующей жизни. При нем, и во многом благодаря ему, краеведение сложилось в движение единомышленников, в специфическую форму научной деятельности, направленной на всестороннее изучение Северного Кавказа.

В 1898 году при участии Г. Н. Прозрителева Общество содействия воспитанию и защиты детей организовало выставку «разных предметов старины, а также экспонатов естественно-исторического характера», имевшую большой успех у публики. Выставка явилась первым шагом в становлении музейного дела на Ставрополье и Северном Кавказе, прообразом будущего краеведческого музея.

В феврале 1905 года Прозрителев был избран членом Ставропольского губернского статистического комитета, являющегося «объединением всех местных работников, занимающихся изучением своего края», играющего «роль краеведческого общества» [2]. Под редакцией Прозрителева вышло 10 томов периодического издания Ставропольского статистического комитета – «Сборника сведений о Северном Кавказе» (1906–1920 гг.). Эти сборники, богатые фактическим материалом, даже в наши дни представляют источниковедческий и историографический интерес для современных исследователей.

Прозрителев был инициатором, создателем и председателем Ставропольской губернской ученой архивной комиссии, он возглавлял ее до 1920 года. С момента ее основания ведет отсчет история архивного дела в крае. В 1916 году Прозрителев был назначен председателем Кавказской археографической комиссии в г. Тифлисе, но события военного времени не позволили ему осуществить исполнение обязанностей в новом статусе [3]. На первом же заседании СУАК Григорий Николаевич сделал доклад о состоянии ставропольских архивов, в котором определил задачи и основные сферы деятельности: контроль за состоянием местных архивов, их разборка и научная обработка, спасение памятников и популяризация историко-краеведческих знаний.

Заслугой Прозрителева явилась и организация работы по сбору и спасению от гибели разнообразных письменных источников. Впервые на Ставрополье и Северном Кавказе были предприняты решительные меры по сохранению историко-культурного наследия, а архивное дело было поставлено на научную основу. Комиссия обслуживала не только весь Северный Кавказ, но и часть Закавказья, что, по мнению Григория Николаевича, ставило ее в

«исключительные условия». Ведь требовалось разобрать огромное количество дел, накопленных с конца XVIII до начала XIX веков. К примеру, только в одном архиве Губернского правления в Ставрополе в 1905 году числилось 240 тыс. дел, а всего в архивах губернии хранилось свыше 1 млн дел [4]. Прозрителевым была составлена специальная «Программа» для обследования местных архивов, по которой и началась работа на местах.

На заседаниях комиссии не раз были отмечены заслуги председателя архивной комиссии Г. Н. Прозрителева «за внимание к архивному материалу и сознательному охранению его». Так, однажды среди старых бумаг, предназначенных к уничтожению, им были обнаружены и спасены документы, касающиеся дела о погребении М. Ю. Лермонтова. За многолетнюю и плодотворную работу по спасению и сохранению архивных материалов в 1913 году он был награжден орденом Св. Станислава III степени [5]. Учитывая его опыт и знания, Прозрителева часто приглашали для обследования различных архивов Кавказской области.

Григорий Николаевич был избран почетным членом ряда губернских ученых архивных комиссий, членом Московского Археологического института, Кавказского отделения Русского Географического общества и ряда других обществ.

Обширное творческое наследие Г. Н. Прозрителева представлено не только опубликованными изданиями, которых насчитывается более 200, но и рукописями, многие из которых еще ждут своих исследователей и читателей. Его работы носят характер научно-популярных очерков и заметок. Они написаны доступным для понимания простых людей языком. Их отличает разнообразие, энциклопедический охват тем, оригинальный стиль изложения, научный подход к работе с источниками. Большая часть их посвящена истории заселения региона, истории основания и развития Ставрополя. Работы Прозрителева написаны на самые разнообразные темы и как нельзя лучше раскрывают краеведческий принцип [6].

Григорий Николаевич понимал необходимость и важность проведения этнографических исследований в регионе. Изучение образа жизни и особенностей быта многочисленных северокавказских народов, по его мнению, должно было стать приоритетным в деятельности СУАК. Интерес представляла, прежде всего, культура кочевых народов: туркмен, ногайцев, калмыков. Внимание было обращено не только на их историю, но и на их современный быт, духовную культуру, религию. На основе изучения разнообразного архивного и этнографического материала Прозрителев пишет свою известную работу «Военное прошлое наших калмыков» [7]. За заслуги в деле изучения истории калмыков, их образа жизни, за популяризацию знаний о них ему была выражена письменная благодарность и присвоено звание почетного гражданина Большедербетовского улуса.

Под его руководством Комиссия организовывала этнографические экспедиции и командировки своих членов в уезды, аулы, села, станицы для сбора этнографических материалов. Результаты поисковой работы заслушивались на заседаниях, печатались на страницах периодического

издания комиссии – «Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии» в разделах «Статьи по этнографии», «Статьи по истории края». Под редакцией Прозрителева за период 1910–1916 годов было издано 8 выпусков. В них часто публиковались архивные документы, очерки и воспоминания старожилов. Все это способствовало популяризации исторических знаний, пробуждало интерес к истории родного края, способствовало развитию исторического краеведения.

Сегодня итогом собирательской деятельности членов Архивной комиссии и лично Григория Николаевича являются богатейшие этнографические коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника, которые весьма разнообразны и позволяют воссоздать историю и быт народов, населяющих в прошлом ставропольские степи. В настоящее время все эти экспонаты, представляющие большую ценность и научный интерес, можно увидеть в экспозиции «Культура и быт народов Ставрополья». Дополнением к ним служат документы, фотоальбомы, рисунки, бережно собранные членами Комиссии и хранящиеся в фондах музея и Государственного архива Ставропольского края.

Занимался Прозрителев и изучением «доисторического» периода Ставрополья и Северного Кавказа, организуя проведение археологических разведок и раскопок. Археологическое изучение и охрана памятников старины входили в круг занятий СУАК вплоть до учреждения в 1920 году секции охраны памятников старины и Ставропольской этнолого-археологической комиссии в 1921 году. [8].

В ходе многочисленных поездок по региону Прозрителев собрал богатейшую коллекцию археологических предметов. Свои первые выезды с «археологической целью» он совершил в конце XIX в. в селах Летницкое и Саблинское для обследования «случайно вскрытых» курганов, после чего проведение «охранных раскопок» стало его постоянной заботой. По вопросам охраны памятников Григорий Николаевич вел переписку с Императорской Археологической комиссией, сообщал о фактах кладоискательства и мерах по борьбе с ним и охране курганов на территории Ставропольской губернии, посылал запросы на выдачу «Открытых листов» на право производства раскопок в пределах Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей [9]. Им был написан ряд статей о роли и значении археологии, необходимости охраны памятников древности [10]. Особо в них подчеркивалась необходимость надзора за памятниками и принятие законодательных мер против кладоискателей, для изъятия у них предметов древности, а также вещей, случайно найденных во время хозяйственных работ, имеющих историческую ценность.

С именем Прозрителева связано и изучение христианских храмов Закубанья. Он совершил не одну поездку в Кубанскую область, осмотрел развалины древних храмов в долинах рек Большой и Малый Зеленчук, Бежгон, Кяфар, Теберда, Хумара, Марух. Результаты исследований нашли отражение в его публикациях и статьях [11]. Наиболее значительными археологическими исследованиями в этот период можно назвать его работы по археологическому изучению древнего города Маджара. Григорий Николаевич собрал все

известные сведения о маджарских древностях, совершил ряд поездок для осмотра развалин города и способствовал привлечению к памятнику внимания столичных ученых. По итогам работы им был подготовлен ряд публикаций, не потерявших своего научного значения до сегодняшнего дня [12].

Развитие музейного дела на Ставрополье также неразрывно связано с именем Прозрителева. Он был одним из инициаторов и непосредственным организатором первого краеведческого музея на Ставрополье – Музея Северного Кавказа [13]. Именно его концепция, разработанная с учетом опыта музейного дела России и зарубежных стран, была принята за основу при создании музея. Главным в ней был подход к музею как научному учреждению. «Собранное в музее сокровище должно оживать, – писал он, – в посильных научных изысканиях и определениях в зависимости последующих культурных преобразований от тех темных и подчас неясных периодов, которые, по-видимому, бесследно отошли в вечность» [14].

Музей имел всеобъемлющий краеведческий характер и осуществлял большую научно-исследовательскую, собирательскую и просветительскую работу, превратившись в крупнейший центр науки и культуры края. Задачи его как научно-исследовательского и просветительного учреждения были также определены Прозрителевым: сбор научных коллекций и отдельных экспонатов; их хранение, обработка, исследование и систематизация; разработка научных проблем; просветительская работа; организация публичных бесед и чтений, курсы по краеведению; устройство экскурсий и научных конференций; организация и проведение археологических и этнографических экспедиций по краю.

Заложенные им основы изучения региона в историческом и археологическом отношении способствовали дальнейшему развитию историко-археологических исследований, в которых прослеживается преемственность научных интересов и проблем.

Использованная литература и источники

1. Лепилкина О.И. Становление системы периодической печати на Ставрополье в XIX – начале XX вв. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. С. 43.
2. СГМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 49.
3. ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 22. Л. 17; СГМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 7.
4. СГМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1-5.
5. Там же. Ед. хр. 301.
6. Библиография трудов Г.Н. Прозрителева // Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы: Биобиблиографические очерки. Ставрополь, 2004. С. 100-108.
7. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмык, 1812–1912: Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года // Труды СУАК. 1912. Вып. 3. С. 1-232.
8. ГАСК. Ф. Р-645. Оп. 1. Д. 7. Л. 3, 5.
9. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69, Л. 21-21об, 595-600, 807–811; ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 11. Л. 20, 29; Д. 22. Л. 18.
10. Прозрителев Г.Н. Непростительная небрежность (По вопросу охраны памятников старины) // Северный Кавказ. 1900. № 26; Его же. Археологическим обществам и ученым архивным комиссиям: [Об охране памятников старины] // Труды СУАК. 1911. Вып. 1. С. 1–6;

- Его же. Необходимо охранять памятники прошлого. Ставрополь, 1911; Его же. Охраняйте памятники старины // Власть Советов. 1928 от 15 февраля; 11, 14 апреля; 19, 30 мая.
11. Прозрителев Г.Н. Древние христианские памятники на Северном Кавказе. Ставрополь, 1906; Его же. Археологическая находка. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь // СССК. 1909. Т. 2. С. 1–3; Его же. Древние тебердинские могильники // Труды СУАК. 1913. Вып. 5. С. 1–6.
12. Прозрителев Г.Н. Мажары: Один из древнейших городов Северного Кавказа. Ставрополь, 1906; Его же. Развалины древнего хазарского города Мажары близ селения Прасковья Ставропольской губернии на реке Куме // СССК. 1909. Т. 2. С. 1–24; Его же. Раскопки, произведенные близ г. Святой Крест Ставропольской губ., Прасковейского уезда председателем Ставропольской ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителевым 18–19 сентября 1909 г. на месте развалин древнего хазарского г. Мажары // Труды СУАК. 1910. Вып. 2. С. 1–7; Его же: К вопросу об изучении мажарских древностей // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону, 1928. Вып. 3–4. С. 71–74.
13. ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 92. Л. 1, 9, 17 об.; Ф. 198. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 36. Л. 31об.
14. Там же. Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

Лебедева Т. Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольский колледж связи им. В. А. Петрова,
преподаватель литературы

«КОРИЧНЕВЫЙ ДУРМАН» НА СТАВРОПОЛЬЕ
(публицистика А. Н. Толстого в годы
Великой Отечественной войны)

Публицистика оказала огромное влияние на все жанры литературы военных лет, и прежде всего на очерк. Очеркисты старались ни на шаг не отставать от военных событий и играли роль своего рода «разведчиков». Многие советские писатели в период Великой Отечественной войны выступали как очеркисты: М. А. Шолохов, А. А. Фадеев, Б. Л. Горбатов, К. М. Симонов, Н. С. Тихонов, Е. П. Петров, А. Н. Толстой.

Потребность дать обобщающие картины войны привела к появлению военных повестей и романов. Книги писателей-фронтовиков по сей день не утратили своего значения, потому что в них запечатлен один из самых значительных этапов в жизни человечества. Так видели и понимали войну те, кто был непосредственным участником на этом жестоком «суде истории», кто мог сказать словами И. Л. Сельвинского:

*Можно не слушать народных сказаний,
Не верить газетным столбцам,
Но я это видел. Своими глазами.
Понимаете? Видел. Сам. [1]*

История не знает еще одного такого массового и непосредственного участия писателей в боевой фронтовой работе, как это было во время Великой Отечественной войны. Алексей Толстой в 1942 году так характеризовал отечественную литературу тех лет: «Война открыла новый этап, новый период. Мы присутствуем при удивительном явлении. Казалось бы, грохот войны должен заглушить голос поэта, должен огрублять, упрощать литературу, укладывать ее в узкую щель окопа. Но воюющий народ, находя в себе все больше и больше нравственных сил в кровавой и беспощадной борьбе, где только победа или смерть, все настоятельнее требует от своей литературы больших слов. Так советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа. Она находит слова правды, высокохудожественные формы и ту божественную меру, которая свойственна народному искусству» [2].

В публицистике военных лет нашло отражение стремление писателей быть вместе с народом, глубоко проникнуть в духовную жизнь советского человека, увидеть его в облике, сознании и чувствах то, что рождали испытания войны. Именно поэтому были так близки и понятны читателям их статьи и очерки, рассказы и повести. Они помогали солдатам и мирным жителям, внушали уверенность в победе.

Писатели работали в самых разнообразных жанрах и формах, отвечающих времени. «Стихи, проза, очерк, рассказ, листовка, статья, обращения – все было взято на вооружение», – вспоминал позднее Тихонов [3].

Отмечая напряженную, поистине героическую творческую работу писателей во время войны, Шолохов говорил: «Была у них одна задача: лишь бы слово их разило врага, лишь бы оно держало под локоть нашего бойца, зажигало и не давало угаснуть в сердцах людей жгучей ненависти к врагам и любви к Родине» [4]. Основная задача, которую ставили писатели, – запечатлеть события по горячим следам, помочь народу в битве с врагом.

16 марта 1943 года Совет Народных Комиссаров СССР утвердил постановление о создании Чрезвычайной Государственной Комиссии (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территориях, освобожденных от оккупантов. Комиссию в Ставропольском крае возглавил А. Н. Толстой. Все, что он увидел на Ставрополье и о чем рассказали очевидцы, вошло в отчет о работе ЧГК и после войны прозвучало на Нюрнбергском процессе.

В Ставропольском крае за время оккупации фашисты уничтожили 31.645 мирных граждан и 277 военнослужащих. Они расстреливали, отравляли в «душегубках». Установлены случаи, когда немцы закапывали свои жертвы живыми в землю. Советские люди узнавали о зверствах фашистов из центральных газет: «Правда», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Известия», «Вечерняя Москва», «Красный флот», «Московский большевик», «Труд» и др., в которых был опубликован очерк А. Н. Толстого «Коричневый дурман» (5 августа 1943 г.). 11 августа 1943 года этот очерк напечатала газета «Ставропольская правда».

Толстой писал: «На Северном Кавказе я видел печальное... Немцы убили все еврейское население, в большинстве эвакуированное из Ленинграда, Одессы, Украины, Крыма. Здесь было много ученых, профессоров, врачей... В Ставрополе 10 августа умертвили окисью углерода в машинах 660 больных психиатрической больницы. 12 августа вывезли в район аэродрома 3.500 жителей и расстреляли их из автоматов. 15 августа – еще 500 расстреляли и зарыли в силосных ямах» [5].

В начале августа 1943 года Толстой лично побывал у стекольного завода в районе Минеральных Вод и видел погребенные в противотанковом рве многочисленные жертвы гитлеровских оккупантов. Он сослался в своей статье на несколько случаев, рассказанных ему очевидцами. Вот один из них: «Когда был приказ раздеваться, люди поняли, что сейчас – конец жизни, сейчас – казнь. Люди начали кричать, метались и так кричали, что вылезали глаза и многие сошли с ума... Тех, кто пробовал бежать, убивали выстрелами. Несколько автомобилей кругами мчались по полю, из них стреляли по разбегающимся» [6].

За время войны Толстой написал 18 статей: «К подвигам, к славе», «Упорство», «Самоотверженность», «Несокрушимая крепость», «Черные дни гитлеровской Германии», «Вера в победу» и др. В них автору удалось раскрыть истинное лицо врага, показать бесчеловечность его действий, его жестокость и

варварство. Автор обращался к уму и сердцам читателей, воздействовал на них эмоционально. Его очерки «брали за душу».

Его коллега, писатель И. Г. Эренбург, говорил о творчестве А. Н. Толстого: «Писатель мог сказать так, как никто другой» [7].

Каждый писатель стремился в дни войны выразить себя наиболее полно, помочь своим талантом борющемуся народу. В военное время публицистику ничто не могло заменить, подчас на фронте не было другой литературы, которую бы мог прочесть солдат перед боем. Статьи военной поры нередко становились последним, что довелось человеку прочесть в конце своей жизни.

Страницы военной публицистики – летопись подвига и борьбы. Отразив сиюминутное впечатление, они стали настоящим документом тех героических лет. Среди статей есть такие, которые заставляют вновь испытать боль и тревогу, волнение и гордость за свой народ. Такова сила воздействия на читателя очерка «Коричневый дурман» А. Н. Толстого.

Использованные источники и литература

1. Сельвинский И.Л. Собрание сочинений в 6-ти томах. М., 1969.
2. Толстой А. Н. Коричневый дурман // Толстой А.Н. Собрание сочинений. М., 1962. Т. 10.
3. Тихонов Н.С. Слово о литературе // Ленинград. 1944, № 13–14.
4. Шолохов М.А. Выступление на II-м съезде писателей в 1954 г. // II-й съезд писателей. Стенографический отчет. М., 1956.
5. Толстой А. Н. Указ. соч.
6. Там же.
7. Эренбург И.Г. Фронтной дневник // Литература и искусство. 1942, от 26 декабря.

Дронов А. В.,
г. Ставрополь,
член Союза краеведов России;

Макодзеба А. П.
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом экспозиционно-выставочной работы,
заслуженный работник культуры России

ПИСАТЕЛЬ-ИСТОРИК МИХАИЛ ЖИЖКО: НЕОКОНЧЕННАЯ БИОГРАФИЯ

Имя нашего земляка Михаила Васильевича Жижко (1903–1943 гг.), обогатившего отечественную историческую литературу произведениями о выдающихся личностях России, сегодня незаслуженно предано забвению. Его биография до настоящего времени практически не изучалась и представляла собой отрывочные сведения с большим количеством «белых пятен». А ведь при жизни автора издание написанных им книг было заметным событием в культурной жизни общества [1].

Авторы статьи поставили перед собой цель вернуть имя М. В. Жижко в исторический ряд ярких представителей Ставрополья и восстановить биографию писателя. Были найдены и изучены материалы о нем в Архиве УФСБ РФ по Ставропольскому краю, ГАСКе, ГАНИСКе, Ставропольском государственном музее-заповеднике, Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова, Российской государственной библиотеке (г. Москва). Кроме того, были найдены живущие в настоящее время на Ставрополье родственники М. В. Жижко (большую помощь в их поисках оказала А. Ф. Ставицкая, уроженка с. Николина Балка). Мы побывали на родине писателя, в Николиной Балке.

Первыми и единственными публикациями в прошлом столетии о жизни и творчестве М. В. Жижко были 2 статьи научного сотрудника Архива крайкома КПСС Н. Дикаловой в местной печати. Поводом для их написания стало случайное знакомство архивиста со старшей сестрой Михаила Васильевича – Анной, жившей в Ставрополе. Ее рассказ о брате-писателе и хранящаяся в их семье книга «Емельян Пугачев» вдохновили Н. Дикалову на поиски документальных свидетельств о Михаиле Жижко. Результаты этой кропотливой работы были опубликованы в газетах «Ставропольская правда» и «Вечерний Ставрополь» [2], но тогда осталось много нераскрытых тайн, особенно о московском периоде жизни писателя. Сегодня некоторые страницы жизни литератора начинают приоткрываться.

Михаил Васильевич Жижко родился в 1903 году в селе Николина Балка (Петровский район Ставропольского края). Село было основано крестьянами-переселенцами с Полтавщины и Харьковщины. Семья Жижко обосновалась здесь практически с первых лет заселения. По ревизской переписи Петровской волости Ставропольской губернии 1854 года в Николиной Балке проживали

8 представителей этой семьи, главой которой был Трофим Петрович Жижко [3]. Их потомок, Василий Жижко, владел в начале XX века небольшой мельницей и паровой молотилкой. С супругой Ульяной они вырастили 6 детей: Анну, Марию, Агафью, Михаила, Федора, Егора. Все дети учились в сельской школе. Михаил, по натуре бойкий, из всех выделялся особой энергией и любознательностью, кроме этого, он прекрасно пел и играл на баяне.

Пора его юности прилась на период становления советской власти. Со всей молодой горячностью он воспринял идеи переустройства мира, став в мае 1923 года одним из первых комсомольцев в Николиной Балке, секретарем ячейки РКСМ. Грамотного молодого человека избрали членом правления сельпо, назначили заведующим магазином, одновременно он был и библиотекарем, а когда в селе организовали новое, так называемое интегральное кооперативное общество, Михаила Жижко выбрали его председателем.

Михаил стремился учиться дальше. С большим желанием он отправился по путевке районного комитета комсомола на учебу в советско-партийную школу 2-й ступени им. В. И. Ленина в Ставрополь. Здесь он учился с октября 1924 по июнь 1928 годов. При поступлении в партшколу Михаил указывал в анкете: «Могу читать, писать, излагать мысли. По естествознанию читал «Географию». По математике знаю 4 правила, простые дроби и десятичные. По общественным наукам читал книги Коваленко «Жизнь русских рабочих полвека назад», «Рабочее движение в России». Читал газеты: «Власть Советов», «Советский пахарь», «Крестьянская», «Кооперативное дело».

Характеризуя Жижко, преподаватели отмечали: «Больше интересовался историей. Имеет пропагандистские и организаторские способности. Активный». Отпуск летом 1925 года Михаил провел в родном селе: помогал в коммуне, выступал с докладами на комсомольском собрании, участвовал в подготовке стенной газеты и в других делах местной ячейки. В октябре 1925 года Ставропольский окружной комитет РКП(б) командировал его в Ставропольский район для проведения праздника 8-й годовщины Октябрьской революции [4]. В 1927 г. М. Жижко вступил в ряды ВКП(б). По окончании партшколы Михаил некоторое время работал пропагандистом в селе Константиновском на Ставрополье.

В 1928 году Михаил продолжил учебу на рабфаке в Москве. В это время ему приходилось зарабатывать себе на жизнь. По словам сестры, он работал в редакции какого-то журнала, писал статьи. Усиленно занимался самообразованием, все свободное время отдавал чтению книг, предпочитая классическую дореволюционную литературу, увлекался С. Есениным, А. Франсом, Г. Гейне. Опираясь на изречение «Сомнение – первое условие для размышления и философии», будучи думающим человеком, Михаил подвергал сомнению некоторые проблемы социалистического строительства. Многие знали о его рассуждениях, поэтому в ходе партийной «чистки» в 1929 году ему был вынесен строгий выговор «за правооппортунистическую практику».

В 1930 году Михаил окончил рабфак. В столице осенью этого же года в Объединении государственных книжно-журнальных издательств был создан

Редакционно-издательский институт. Михаил Жижко стал студентом этого только что открытого высшего учебного заведения, одной из задач которого была подготовка литературных редакторов. Он учился на отделении критики. На одном из собраний, где обсуждались программы института, Михаил выступил с предложением сократить часы по политэкономии и увеличить время на лекции по истории СССР, по древнегреческой и древнеримской литературе. Он критиковал популярный в то время бригадно-лабораторный метод преподавания, по его мнению, «этот метод превращал академические занятия в политическую трескотню и бестолковую говорильню». Он перестал посещать бригадные занятия.

На собрании в начале 1933 года Михаил горячо выступил против исключения из института студентки Анашкиной, которая рассказала подругам о голоде на Кубани. Жижко не понаслышке знал об этом, так как сам каждое лето на каникулах выезжал домой на Ставрополье, где наблюдал за ходом коллективизации. Там тоже в этот период царил голод. Его сочувствие по отношению к своей однокурснице было расценено как примиренческое поведение. Искренние проявления Михаила к реальным событиям и то, что он в течение 5 месяцев не платил партийные взносы, стали причиной исключения его в апреле 1933 года из рядов партии. В мае этого же года Редакционно-издательский институт был упразднен.

С этого времени М. В. Жижко стал работать по договорам с редакциями и издательствами, печатал свои статьи и жил на литературные заработки. Лишившись общежития, переехал в Замоскворечье, где снимал квартиру. Позднее он вспоминал: «После ухода из РИИНа я легко вздохнул. Я почувствовал себя как бы на свободе и с чисто юношеским энтузиазмом и задором взялся за научно-исследовательскую работу по истории народов СССР (2-я половина XVIII в., Радищев, Щербатов и Пугачев). Мои дни проходили однообразно в напряженной и увлекательной работе. Утром к 10 часам я уходил в библиотеку Исторического музея, где работал до 4-х часов, а с 5 до 10 вечера я работал в Архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ) над неопубликованными документами о восстании Емельяна Пугачева» [5].

Михаил Васильевич прочитал огромное количество литературы (в том числе и Собрание сочинений А. Н. Радищева), просмотрел тысячи подлинных архивных документов. У него появилась возможность быстрее завершить работу над книгой о русском писателе, философе, поэте А. Н. Радищеве, которую он начал писать еще будучи студентом, в мае 1932 года.

Знаменательно, что в апреле того же 1932 года в Москву вернулся из Италии Максим Горький, полный надежд на преобразование культуры в Стране Советов и новых замыслов, в том числе и по возрождению российской книжной серии «Жизнь замечательных людей», призванной «знакомить читателей с выдающимися деятелями прошлых эпох».

В кратчайшие сроки была создана редакция «ЖЗЛ», привлечены к сотрудничеству знаменитые советские и зарубежные писатели и ученые (И. Бунин, Р. Ролан, Г. Уэллс, К. Тимирязев). В число приглашенных специалистов в области истории и литературы вошел и М. В. Жижко. Одной из

первых стала книга «Радищев», написанная Жижко (автор стал подписывать свои литературные произведения фамилией Жижка). Эта книга вошла в 5-й выпуск серии биографий «ЖЗЛ» и была издана в мае 1934 года. Примечательны слова посвящения книги «Радищев»: «Красным партизанам села Николина Балка и их славному командиру Семену Михайловичу Буденному посвящает эту книгу автор» [6]. Так название небольшого ставропольского села, родины Михаила Жижко, стало известно тысячам советских читателей.

Жизнь литератора-историка (так себя называл Михаил Васильевич) после издания «Радищева» не стала легче. Он постоянно работал, печатал статьи в журналах. В 1935 году в журнале «История в средней школе», № 6, была опубликована его работа «Атаманы Пугачева. А. Т. Соколов (Хлопуша)», а в журнале «КА», № 1, – статья «Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши». В том же году в издательстве «Academia» вышли из печати Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, где была помещена статья «Социально-политические взгляды», написанная М. В. Жижко ко 2-му тому [7].

Литературные гонорары были невелики и нерегулярны. Михаил Жижко, постоянно нуждающийся в работе и средствах, в середине 1935 года поступил на службу в «Кофесбыт» коммерческим агентом. Занимаясь распространением «чае-кофейных товаров», во время командировок Михаил Васильевич побывал во многих городах СССР. В начале 1936 года он уволился с этой работы по собственному желанию.

В обстановке усиливающейся в стране несвободы статьи М. В. Жижко все реже публиковали. Он несколько раз пытался поступить на исторический факультет Московского университета, но ему отказывали. Причиной такого отношения к нерядовому в то время писателю служило его исключение из партии. Считая это несправедливым, Жижко обратился с письмом к секретарю ЦК партии А. А. Жданову, после чего осенью 1936 года Михаила зачислили студентом сразу 2-го курса МГУ. Но продолжить образование он не смог в связи с тем, что ни стипендии, ни общежития ему не дали. И он опять погрузился в научно-исследовательскую работу в архивах, где выявлял и изучал еще не опубликованные документы о Крестьянской войне 1773–1775 годов, писал книгу «Атаманы Пугачева».

В 1930-е годы личность Е. Пугачева – предводителя народного движения – вызывала большой интерес. В то же самое время, когда М. В. Жижко как историк собирал документальные биографические сведения о бунтаре, известный прозаик В. Я. Шишков трудился в течение 7 лет над историческим повествованием «Емельян Пугачев». Молодой поэт Виктор Багров тоже работал над образом Пугачева для написания поэмы. Он и пригласил Михаила Жижко, как знатока пугачевской темы, на читку своей поэмы в Переделкино.

Именно там состоялось знакомство Жижко с известнейшими представителями советской литературы – писателями, поэтами и драматургами: А. Веселым, Б. Пастернаком, Б. Пильняком, Н. Погодиным. Жижко посчастливилось провести незабываемый вечер на даче Бориса Пастернака,

слушать его стихи в авторском исполнении, беседовать с ним. На даче у Артема Веселого, где присутствовали Погодин и Пильняк с женами, Пастернак и Жижко, свою поэму «Емельян Пугачев» прочитал автор – Виктор Багров. Все они приняли участие в обсуждении этого нового произведения. Всего 2 дня в первых числах января 1937 года провел в Переделкино Михаил Васильевич, но они сыграли роковую роль в его судьбе. Потом он еще несколько раз бывал на даче у А. Веселого, который летом того же года пригласил Жижко в совместное путешествие по Волге. Оно длилось с 3 по 18 июля, закончившись ссорой между писателями. Михаил Жижко поехал на родину в Николину Балку и, погостив там у отца (мать умерла в 1936 году) до 3 сентября, вернулся в Москву и продолжил литературную деятельность.

Это было время беспощадного террора. По необоснованному обвинению в создании контрреволюционной террористической организации одни за другим были арестованы и расстреляны В. Багров, А. Веселый, Б. Пильняк. Очевидно, опасаясь за свою жизнь, Михаил Жижко опять приехал в родное село на Ставрополье. Он был арестован органами НКВД Петровского района 24 августа 1938 года в Николиной Балке во время работы над книгой и доставлен в Ворошиловск (ныне Ставрополь), а 2 сентября привезен в Москву во внутреннюю тюрьму НКВД, содержался в Бутырской тюрьме. Жижко были предъявлены обвинения в том, что он являлся с 1937 года участником антисоветской террористической группы, был сторонником борьбы против руководителей ВКП (б) и советского правительства.

В свидетельских показаниях, написанных собственноручно, арестованный Жижко сначала оговорил себя под действием угроз, а 10 января 1939 года он отказался от своих первоначальных показаний в письме на имя прокурора СССР А. Я. Вышинского. На судебном заседании Военного трибунала, которое проходило в Москве 2 апреля 1939 года, Михаил Жижко заявил: «Я не виноват. Будучи исключен из партии, я работал честно. Я верю в Советскую власть. Какое ни было бы решение трибунала, я приму его с достоинством. Мой арест лежит пятном на моих родственниках. Я прошу освободить меня и дать возможность честно работать. Я прошу суд поверить мне, что я никогда не высказывал террористические высказывания». На этом заседании Михаилу Васильевичу был объявлен оправдательный приговор, и его немедленно освободили из-под стражи [8].

О том, как складывалась его дальнейшая судьба, известно немного. По словам родственников (племянницы Жижко – Е. Ф. Дроваль, проживающей в с. Николина Балка), он продолжил работу в Москве, семьей не обзавелся и по-прежнему регулярно приезжал навещать родственников. Незадолго до начала войны Жижко завершил колоссальную исследовательскую работу, обобщил огромное количество изданных сведений и новых, обнаруженных им в архивах документальных свидетельств. В начале 1941 года в издательстве «Учпедгиз» в серии «Школьная историческая библиотека» вышла в печать написанная им книга «Емельян Пугачев» [9]. Старшая сестра Жижко – Анна Васильевна – рассказывала, что Михаил в одном из последних писем сообщал о том, что написал еще одну книгу – о сподвижнике Пугачева, башкирском герое

Салавате Юлаеве, и уже сдает ее в издательство. Но книга так и не была напечатана, судьба рукописи до сих пор неизвестна.

Началась Великая Отечественная война. Михаил Васильевич в письме известил родных, что он уходит в ополчение. Ему довелось сражаться на фронте, со своим полком он выходил из окружения в брянских лесах. Потом письма перестали приходить, а уже после войны Петровский райвоенкомат прислал отцу извещение о том, что М. В. Жижко в октябре 1943 года пропал без вести, где и при каких обстоятельствах – не установлено [10].

Но вот что интересно. Книга «Емельян Пугачев» не только пережила 2-е издание в Москве [11], но и была переиздана в Венгрии в 1953 году, о чем сообщалось в официальном письме, которое пришло в Николину Балку на имя сестры писателя – Марфы Васильевны [12]. Позже ей перевели и гонорар за издание. На семейном совете решили на эти деньги поставить на сельском кладбище обелиск с фотопортретом без вести пропавшего Михаила.

Сегодня почти никто из николино-балковцев уже не знает, что прах их замечательного земляка покоится не в родной земле, а где-то на чужбине. Много еще осталось нераскрытых тайн в жизни и судьбе Михаила Васильевича Жижко. Биография не окончена. Поиски продолжаются.

Использованная литература и источники

1. Жижка М.В. Радищев. М., 1934 (серия «Жизнь замечательных людей»); Его же. Емельян Пугачев. М., 1941(серия «Школьная историческая библиотека»).
2. Дикалова Н. Больше интересовался историей // Ставропольская правда. 1975, № 115 от 18 мая; Ее же. Мы можем им гордиться // Вечерний Ставрополь. 1993, № 10 от 28 января.
3. ГАСК. Ф.459. Оп. 1. Д. 81. Л. 675.
4. ГАНИСК. Ф. 4418. Оп. 1. Д. 314. Лл. 6–6 об, 7–7 об, 10, 13.
5. Архив УФСБ РФ по СК. Арх. уд № 10818 ПФ. Лл. 3, 11–12, 14–15, 36, 65.
6. Жижка М.В. Радищев.
7. РГАЛИ. Ф. 629. Оп.1. Д. 1359.
8. Архив УФСБ РФ по СК. Арх. уд № 10818 ПФ. Л. 4, 16, 21–23, 30, 62, 67–68.
9. Жижка М.В. Емельян Пугачев.
10. Книга Памяти 1941–1945 гг. Петровский район, Ставропольский край. Светлоград, 1995.
11. Жижка М.В. Емельян Пугачев. 2-е изд. М., 1950.
12. Архив УФСБ РФ по СК. Ф. 89.

Мешечко Н. В.,
г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
младший научный сотрудник

ПАМЯТНИКИ ЖЕРТВАМ ФАШИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ ИЗОБИЛЬНЕНСКОГО РАЙОНА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

На территории Изобильненского муниципального района находятся 135 объектов историко-культурного наследия, 42 из них – памятники воинской славы, 14 – памятники истории. «Никто не забыт, ничто не забыто» – эти слова наполняются особым смыслом, когда мы говорим о Великой Отечественной войне. Говорят, что войны без жертв не бывает, и очень горько, что большую часть этих жертв составляет гражданское население – дети, женщины, старики. Поэтому так трогают сердце молчаливые изваяния, хранящие память о мирных людях, ставших жертвами фашизма. Каждый памятник имеет свою историю.

На восточном въезде в г. Изобильный стоит серый камень-монолит. На нем – мемориальная доска с надписью: «У храбрых есть только бессмертие. Смерти у храбрых нет! 3 ноября 1942 года на этом месте были зверски замучены фашистами комсомольцы-партизаны Григорий Дулин и Илья Иванов». К камню, расположенному на пригорке, ведут ступени; у его подножия установлены три гильзы. Этот памятник был установлен в 1975 году. Он – результат десятилетней поисковой работы учеников школы № 3 г. Изобильного, которые (под руководством завуча школы Анны Михайловны Шошиной) буквально по крупицам восстанавливали историю событий.

3 августа 1942 года Изобильненский район был оккупирован немцами. Подростки Илья Иванов и Григорий Дулин, жившие на х. Веселом близ поселка Передового, не могли смириться с тем, что на их земле бесчинствуют враги. Вместе с друзьями они взяли старый радиоприемник и на заброшенной водокачке у пруда слушали сводки Совинформбюро. Потом писали листовки и расклеивали их на видных местах. Местные жители, читая сводки с фронта, обретали надежду и веру в нашу победу. До войны в поселке Передовом для обслуживания и ремонта техники была построена машинно-тракторная станция (МТС). Немцы разместили в этих мастерских свою технику. Для освещения своего штаба и работы радиостанции немцы использовали энергию от МТС. Илья Иванов и Григорий Дулин ночью подожгли МТС. Яркое зарево осветило весь поселок. Потушить пожар удалось не сразу, большая часть немецкой техники была уничтожена. Немцы метались в поисках партизан. На станции Передовой было объявлено особое положение, из ст. Новотроицкой прибыл отряд автоматчиков. Ребята собирались уничтожить штаб фашистов и уйти из поселка. Но по доносу предателя они были схвачены и отправлены в тюрьму в ст. Новотроицкой, потом – в гестапо в с. Изобильном. Для них начались 10 дней нечеловеческих пыток и бесконечных допросов: немцы не могли поверить, что такой большой урон им нанесли эти двое мальчишек, а не партизанский отряд. Григорию выжгли звезду на груди, Илье сорвали ногти на

руке. На одном из допросов, после того как Илья запел песню «Орленок», – ему вырвали язык.

Утром 3 ноября 1942 года их вывезли за село. Гришу расстреляли, а Илью сбросили к нему в яму и закопали живьем. Григорию было 18 лет, Илье – 17. Они не были солдатами. Их линией фронта была родная земля. Юноши вступили в неравный бой и погибли как герои, стойко выдержав все испытания. Позже эти события легли в основу повести нашего земляка писателя Тимофея Семеновича Шелухина «Зарево в ночи», которая рассказывает о жизни и подвиге Дулина и Иванова.

Только после оккупации, в апреле 1943 года, их как героев перезахоронили в ст. Новотроицкой (бывшем районном центре Егорлыкского района). В 1959 году на этом месте был установлен обелиск. В 1980 году матерью Ильи Иванова Агафьей Михайловной Ивановой был зажжен Вечный огонь.

К 50-летию Победы на этом месте в ст. Новотроицкой был создан мемориал. На высоком постаменте – две фигуры: слева – коленопреклоненный солдат в каске с автоматом, справа стоит солдат без головного убора со знаменем. На постаменте – около 400 имен погибших станичников. С двух сторон к обелиску ведут ступени, между ними мемориальная стена с надписью «Никто не забыт, ничто не забыто».

Анна Михайловна Шошина неоднократно обращалась в Изобильненский райком и Ставропольский крайком комсомола, ЦК ВЛКСМ о представлении героев-комсомольцев к награде. Однако из-за отсутствия соответствующих документов вопрос остался нерешенным. По инициативе Шошиной на месте казни было решено поставить памятный камень. Весной 1975 года на месте гибели героев был установлен огромный камень, привезенный из Домбая участниками автопробега по местам боевой славы – работниками Ставропольской ГРЭС и завода «Атлант».

Мемориальная доска и гильзы были сделаны на заводе «Атлант» ПО «Эльбрус» г. Изобильного. Окончательно памятник был благоустроен в 1980 году – сделаны ступеньки и бордюры. К 40-летию Победы, в 1985 году, было закончено озеленение прилегающей территории. Поисковую работу по увековечиванию памяти юных героев продолжил внук А. М. Шошиной А. В. Коленкин. Его исследовательская работа «У храбрых есть только бессмертие. Смерти у храбрых нет!» в 2005 году была представлена на краевом смотре-конкурсе «Человек и война. Цена Победы».

Памятник «Камень» – скорбное место. Здесь во время оккупации немцы производили массовые расстрелы мирных жителей Изобильного и других населенных пунктов. Повсюду были могильные холмики. После освобождения Изобильного тела погибших были перезахоронены. При вскрытии могил обнаружилось, что у одних не было языка, у других выколоты глаза, перебиты руки, ноги. Некоторых перед расстрелом раздевали, потом спускали собак. За 173 дня оккупации было убито около 300 человек. Памятник «Камень» увековечивает память всех невинно погибших мирных жителей.

Трагическим событиям в истории нашего района посвящен еще один памятник – «Жертвам фашизма», расположенный недалеко от пос. Рыздвяный. Открытие его состоялось 22 июня 2009 года, в День памяти и скорби.

В документах архивного фонда Ставропольской краевой комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, в акте о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Изобильненском районе, имеются сведения: «29 августа 1942 года в с. Московское из района прибыло 3 немецких офицера-гестаповца, которые с комендантом Эренс, офицером гестапо Вайра произвели массовое вылавливание ни в чем не повинных мирных граждан. Мирных жителей было собрано 118 человек, среди них было 26 детей от грудного возраста до 16 лет. Обреченные были отогнаны за 5 километров от села к противотанковому рву, и там был произведен массовый расстрел изощренным способом: по 5 человек загоняли в огневую точку, а остальные ожидали здесь своей очереди. Расстрел производил немец-гестаповец. Детей подвергли смерти путем впрыскивания в нос ядовитых веществ. Из 118 расстрелянных человек 94 проживали на территории с. Московского и 24 человека, захваченных из других мест, фамилии которых остались неизвестными».

подавляющее число этих людей были евреями. Несколько женщин из с. Московского, работавших в поле неподалеку, стали очевидцами этой трагедии. В процессии обреченных они узнали школьных учителей Фрица Юдовича и Бориса Ямпольского, парикмахершу с грудным ребенком и многих других односельчан и их детей. Немцы наспех прикопали расстрелянных, погрузились на автомашину и уехали в село. На следующий день, когда люди шли на работу, в поле повсюду валялись части человеческих тел, обглоданные животными.

Список погибших людей был составлен на основе показаний свидетелей – жителей с. Московского. Он зарегистрирован в книге актов по учету ущерба за № 115 от 30 июня 1943 года.

Шли годы, память о страшных событиях 1942 года постепенно стиралась. Проблему увековечивания этого скорбного места поднимали краеведы А. Е. Богачкова, В. А. Бочарников, ветеран Великой Отечественной войны В. П. Царенко, опубликовавший результаты своей поисковой работы в районной газете «Заря коммунизма» (1990 г., № 39).

В 2007 году представители старшего поколения с. Московского направили в районную администрацию письмо с предложением установить на месте трагедии памятный знак. Совместными усилиями органов местной власти, ООО «Ритм», ОАО «Изобильненская ДМПК» и СПК «Колхоз Московский» был установлен памятный камень с мемориальной доской. Право открыть памятник было предоставлено председателю Совета ветеранов Изобильненского района Г. А. Сыщикову и жителю с. Московского, очевидцу событий П. А. Перегудову, который не смог сдержать слез, рассказывая о погибших односельчанах.

«Мемориал Славы» в пос. Солнечнодольск был первоначально посвящен героям обороны Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Он

расположен на берегу Новотроицкого водохранилища на юго-восточной стороне Солнечнодольска. Инициатором его создания стал поселковый Совет ветеранов. Строительство мемориала шло в 1983–1986 годах.

Роль куратора строительства взяла на себя Ставропольская ГРЭС. Проект был выполнен в Ленинграде. Там же из материала, доставленного из Карелии, была изготовлена скульптура «Два солдата». Металлическая стела, буквы и цифры изготовлены на Ставропольской ГРЭС. Скульптура «Два солдата» была установлена перед мемориальной стеной с надписью: «Остановись, товарищ! Поклонись земле, обогрени кровью ее богатырей, отстоявших мир, в котором ты живешь». Позади стены – стела. Мемориал был торжественно открыт 9 мая 1986 года.

Ранее недалеко от мемориала, на берегу Новотроицкого водохранилища, находился небольшой обелиск. Старожилы называли его «еврейским» и говорили, что это братская могила жителей ст. Новотроицкой, расстрелянных в годы оккупации. В сентябре 1942 года в Новотроицкой, в здании «Каналстроя», собрали и заперли на двое суток 240 евреев. Люди находились там без воды и пищи. Потом их посадили в машины, увезли на берег р. Егорлык, где заставили раздеться, выстроили у обрыва и расстреляли. Через 15 дней сюда привезли еще 313 евреев и расстреляли. Трупы сбросили в яр и присыпали землей.

После войны на месте расстрела был установлен обелиск. Когда был вырыт котлован под Новотроицкое водохранилище, обелиск оказался на его берегу. Со временем берег размыло, и памятник был утрачен. Возможности восстановить обелиск не было. Чтобы увековечить память о погибших во время оккупации, решением Совета ветеранов и администрации Солнечнодольска у подножия мемориала «Героям обороны Северного Кавказа 1942–1943 гг.» была закопана капсула с землей с места массового расстрела мирных жителей. У памятника появилось второе название – мемориал «Жертвам фашизма». Чтобы побольше узнать о том страшном времени и обстоятельствах произошедшего, приказом директора солнечнодольской школы № 17 была создана группа «Поиск» под руководством Александры Михайловны Сердюк, которая в течение 5 лет занималась вместе со школьниками исследовательской работой. Процесс проведения поисковой работы запечатлен в короткометражном фильме «Это нужно живым», который снял учитель школы № 17 К. Г. Рябов. Результаты исследовательской работы группы «Поиск» послужили основанием для установления нынешнего статуса памятника – в 2009 году он был определен как «Мемориал Славы».

Использованная литература и источники

1. Богачкова А.Е. История Изобильненского района. Ставрополь, 1994.
2. Бочарников В.А. О факте расстрела евреев в противотанковом рве между станцией Рыздвяная и селом Московское. Ставрополь, 1994.
3. Коленкин А.В. У храбрых есть только бессмертие. Смерти у храбрых нет. Ставрополь, 2005.
4. Молдаван Л. Через века, через года – помните! // Изобильненский муниципальный вестник. 2009, № 27(144).
5. ГБУК «Музей истории Изобильненского района». Ф. 18. Ед. хр. 2, 3, 4.

Назарова И. М.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела этнографии,
кандидат исторических наук

СПЕЦИФИКА ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА НОГАЙЦЕВ

Северный Кавказ и Предкавказье издавна были местом расселения разных кочевых народов. Некоторые из них – ногайцы, калмыки и туркмены – остались здесь на постоянное проживание, перейдя в конце XVIII–XIX веков к оседлости.

Традиционная одежда кочевников-скотоводов Предкавказья складывалась веками. Одежда ногайцев особым образом сочетала в себе элементы старого костюма разных народов кочевого мира – Средней Азии и Казахстана.

Одежда ногайцев после перехода к оседлому образу жизни подверглась влиянию соседних горских народов Северного Кавказа, а позже еще и влиянию русской городской культуры. Народный костюм ногайцев отличается исключительной красочностью, обилием серебряных украшений. Сами ногайцы не занимались таким сложным ремеслом, каковым является ювелирное дело, так как кочевой быт не позволял этого. Ювелирные украшения приобретались ногайцами у мастеров горских народов: черкесов и кубачинцев.

До конца XIX века одежду у ногайцев шили вручную, занимались этим исключительно женщины [1]. Покрой традиционного костюма передавался из поколения в поколение и сохранялся столетиями. Его отделка, количество и качество украшений говорят о принадлежности человека к определенной группе населения, подчеркивает его социальное и семейное положение.

В качестве основной нательной одежды у мужчин-ногайцев всегда использовалась рубаха. По материалу мужские рубахи были разнообразны: их шили из льна, шелка, тонкой шерсти, хлопчатобумажных тканей. Выбор материала зависел от зажиточности семьи. Дорогие качественные ткани привозили из Европы и России грузинские и армянские купцы. Через существовавший в Бухаре ногайский караван-сарай к ногайцам поступали китайский и индийский шелка и другие нарядные ткани [2]. Представители ногайской знати были богатыми людьми, поэтому они могли позволить себе приобретать для пошива одежды привозные материалы.

Нательная мужская рубаха была туникообразного покроя. Ее шили длиной до колен, с длинным широким рукавом, который вшивался с ластовицей. Лишь в XX веке ластовицы исчезли в связи с разработкой более сложного и изящного кроя рукава. Благодаря боковым клиньям рубаха расширялась книзу. У нее был невысокий стоячий воротник и разрез посередине. На спине от рукава до рукава в области лопаток пришивали второй слой ткани (для прочности и впитывания пота).

К нательной одежде относятся также нижние штаны, их шили из хлопковой или льняной ткани натурального белого цвета. По крою верхние и нижние штаны не отличались. Это были широкие полотнища ткани, которые сшивались, и между ними размещалась вставка ромбовидной формы. Штаны крепились на талии при помощи шнурка, сплетенного из шерстяных ниток с кисточкой на концах. У щиколоток штанины закрепляли штрипками. Штаны были двух вариантов: летние и зимние. Зимние штаны шили из домотканого сукна или овчины (шерстью внутрь) [3].

Поверх нательной рубахи надевали куртку-безрукавку или каптал. Безрукавку шили из овчины мехом внутрь или из холста, стеганного на вате. Каптал шили в талию, он расширялся к бедрам за счет вшивных клиньев, имел стоячий воротник и застегивался на пуговицы-узелки из тесьмы. Капталы различались по сезонам. Летом носили однослойные, зимой – двухслойные (на подкладке, с шерстяной или ватной простежкой). Как правило, мужские капталы были длиной до колена. Каптал подпоясывали кожаным ремнем.

При изготовлении каптала мастерицы использовали самые разнообразные варианты отделки. Это и фигурная строчка, украшавшая его, и тонкий шнур, которым обшивали края каптала. Спинку каптала декорировали четырехугольной аппликацией из сукна (сафьяна) красного или черного цвета. Иногда ее обшивали серебряным галуном.

Поясной ремень был важным атрибутом верхней мужской одежды ногайцев. Он был узким, с металлической пряжкой и ременными подвесками с гравированными, черненными или золочеными серебряными пластинками. Это была весьма дорогостоящая деталь мужского костюма. На поясе также крепили нож или кинжал в сафьяновых ножнах и кiset. Иногда вместо кожаного ремня ногайцы подпоясывались тканевым кушаком. Это могла быть длинная сложенная вчетверо полоса ткани или платок, сложенный по диагонали.

Поверх каптала богатый мужчина-ногаец надевал одежду типа черкески – шебкен. Его шили из высококачественного верблюжьего сукна. Шебкен шили в талию, с цельной спинкой, на груди был довольно глубокий вырез. По обе стороны от выреза нашивали ряд узких карманчиков – газырницы. Чуть выше талии пришивали 3 тканевых пуговицы и петли к ним. Талию затягивали узким кожаным ремнем. Судя по данным исторических источников, шебкены шили из ткани темно-синего, темно-коричневого, белого или черного цвета.

Шебкен – в нарядном его варианте – оживляла яркая контрастная подкладка широких длинных рукавов, отворачиваемых и для удобства, и для красоты. Также декоративное значение имело оформление низа рукавов шебкена небольшим разрезом с застежкой из самодельной черной тесьмы.

С. Ш. Гаджиева отмечает, что каптал и шебкен ногайцев в XIX веке и даже в начале XX века были сходны с одеждой горских народов Северного Кавказа, но в то же время сохраняли ряд отличий, которые сближали их с костюмом других тюркоязычных народов. В начале XX века у ногайцев, так же как и у соседних народов, традиционную нательную рубаху и каптал все чаще стала заменять так называемая «кавказская рубаха».

Одежда богатых мужчин очень отличалась от одежды бедняков качеством используемых тканей, а также дорогими аксессуарами (серебряными пуговицами, поясными пряжками и роскошным оружием). Вот как в журнале «Московский телеграф» был описан костюм ногайского князя Измаила Алиева: «На нем была коричневого сукна шапочка с соболиным околышем, ... бешмет тонкого сукна, коричневого цвета шебкен, кругом обложенный серебряною, вытканною тесьмою как бордюркою; такого же сукна панталоны (шальвары)... с серебряными под чернью и позолотою пуговками и пряжечками» [4]. Как правило, костюм бедняка был сшит из более грубых тканей и не имел отделки.

В непогоду верхнюю мужскую одежду ногайцев дополняла длинная черная бурка колоколообразной формы. Она надежно защищала от дождя, снега и жары. Бурки были с начесом и без начеса. Богатые ногайцы вырез горловины и края бурки до талии обшивали шнуром и золотым позументом. У горловины делали специальные нашивки из сафьяна в форме треугольника или полукруга, через которые продевались тонкие ремешки для застешки.

Зимой ногайцы носили шубы. Их шили из различных шкур: волчьих, лисьих, беличьих и овечьих. Наиболее дорогими и красивыми были каракулевые шубы, сшитые из шкурок трехмесячных ягнят. Такие роскошные шубы были доступны исключительно представителям знатных фамилий. Особым шиком у богатых было покрывать волчьи или лисьи шубы синим или черным сукном. Иногда вместо сукна использовали плис. Основная масса населения носила шубы из овчины. На пошив одной шубы требовалось от 6 до 8 овчин (в зависимости от размера человека). Традиционно шубы шили высушенным сухожилием, с конца XIX века – нитками фабричного производства.

Самой распространенной у ногайцев была цельнокроеная шуба. Реже шили шубы с отрезной талией. Оба типа шуб имели воротник. Он мог быть стоячим или отложным. Шуба имела вшивные карманы, рукава и подол были оторочены ценным мехом. Шубы запахивались слева направо, подпоясывались кожаным ремнем. Для того, чтобы у шубы меньше изнашивались низ рукавов, полы и подол, ее обычно обшивали окантовкой из черной ткани.

Зимний костюм дополняли рукавицы из овчины или сукна. Их украшали аппликацией контрастного цвета и вышивкой, у кисти оторачивали мехом.

Головные уборы ногайцев были разнообразными по материалу и форме. По материалу выделяют шапки из ткани, меховые и войлочные. Общей для всех возрастных групп была зимняя шапка из овчины. Она была круглой формы, ее шили из сукна или бархата и обрамляли мерлушкой, куницей или соболем. Под зимней шапкой старики носили маленькую шапочку типа тюбетейки, ее шили из двух слоев легкой ткани или из тонкого сукна и украшали вышивкой золотыми или серебряными нитями.

Летом пастухи и старики носили войлочные шляпы с круглой тульей и широкими полями. В дождливую и снежную погоду ногайцы надевали башлык. Его шили в виде капюшона с остроконечным верхом и двумя длинными концами, которыми обматывали шею. Башлык украшали тесьмой, галуном, аппликациями. Известный исследователь С. Ш. Гаджиева считает, что

прототипом ногойского башлыка являются головные уборы гуннов и жителей Средней Азии VI – IV веков до н. э. [5].

Весьма разнообразной была и ногойская мужская обувь. Ее мастерили из кожи крупного рогатого скота. По размеру ноги отрезали кусок кожи, по краям делали отверстия, в которые продевали ремешки из сыромятной кожи и ими закрепляли обувь на ноге. Шили также обувь типа сапог. Зимой для утепления внутрь закладывали мягкую сухую траву. Летом носили чувяки, их украшали кожаными аппликациями. Под чувяки надевали сафьяновые чулки. Чулки украшали золотой или серебряной тесьмой. В помещении, сняв верхнюю обувь, ходили в сафьяновых чулках. Из верблюжьей или воловьей кожи шили сапоги с загнутым носком. Они были черные или красные. Богатые ногойцы любили носить сапоги с каблуками [6].

Мужскую одежду дополняло оружие и воинские доспехи. Боевое снаряжение ногойцев было легким. Ногаец был вооружен луком и стрелами, топором и копьем. В бою носил сетчатую кольчугу. Первые образцы огнестрельного оружия появились у ногойцев в середине XVII века.

До конца XIX века одежда ногойцев была практически неизменной по покрою, но с течением времени менялись используемые ткани (домотканые полотнища сменились фабричными). Во второй половине XIX века, в связи с активизацией внутрироссийских товарно-денежных отношений, к тогда уже оседлым ногойцам все чаще стали поступать не только ткани, но и другие товары фабрично-заводского производства. В частности, это была готовая одежда и обувь: сатиновые косоворотки, шерстяные брюки и пиджаки общеевропейского покроя, сапоги, ботинки и галоши. К 20–30-м гг. XX века фабричная одежда вытеснила в среде ногойцев традиционный мужской костюм.

Костюм женщин-ногаек по покрою близок к мужскому. А. Павлов писал: «Одежда их во всем похожа на мужскую, исключая только то, что сверх шапки женщины имеют тонкие кисейные покрывала для закрытия лица» [7]. Традиционный женский комплект подразделялся на нательную и верхнюю одежду. Выделяют также одежду праздничную, повседневную и траурную.

Женская нательная одежда – рубаха и штаны. Штаны шили из ситца, сатина или шелка. Покрой женских штанов был аналогичным покрою мужских. Штаны были длиной до щиколотки, слегка зауженные книзу; они состояли из штанин со вставкой, благодаря которой шаг был свободным. Поверх штанов носили туникообразную рубаху. Рубаху шили без воротника, длина ее была до колен. Рукава были вшивные, широкие, длиной до запястья. На нательную рубаху надевали верхнюю рубаху того же покроя, но длиной до щиколоток. Книзу она расширялась за счет вставных боковых клиньев. Верхняя рубаха имела воротник-стойку, ее подол был обшит кантом. Верхнюю рубаху шили из ткани красного или фиолетового цвета и носили ее как платье.

На платье-рубаху надевали короткий шелковый кафтан. Его шили в талию, с воротником-стойкой, он плотно облегал фигуру. Иногда кафтан шили без рукавов. Кафтан застегивался на петли; у богатых он был украшен вышивкой золотыми нитями и галуном.

Другим типом верхней женской одежды было распашное платье – «шыба». Оно было длинное, с облегающим лифом и длинными рукавами. На рукава праздничных платьев нашивали нарукавные подвески – лопасти. Нарядные платья украшали золотым шитьем и галуном. При выполнении домашних работ женщины надевали поверх платья передник. Его шили из тонкой хлопчатобумажной ткани яркой расцветки.

Еще одним типом верхней женской одежды был каптал. Его шили из красного или зеленого шелка, украшали серебряными застежками, подпоясывали широким расшитым серебром поясом. Капталы шили для лета и для зимы. Летние были на тонкой подкладке, а зимние – стеганные, подбивались ватой или шерстью. Каптал простегивали сверху вниз мелкими стежками, которые называли «мышинный след». Капталы молодых женщин, девушек и детей покрывала затейливая фигурная строчка. Спинку лифа простегивали мелкими квадратами или вертикальными линиями, остальную часть – частой строчкой, причем стан – вертикальными линиями, рукава до локтя – горизонтальными или же елочкой. Благодаря рельефному рисунку, который индивидуально продумывала мастерица, каждый каптал был неповторим.

Зимой носили шубы из мерлушки, каракуля, овчины или куницы. Шили шубы мехом внутрь и сверху покрывали у богатых – красным атласом, у бедных – сукном. Покрой шубы напоминал покррой бешмета (каптала). Ворот, подол и рукава шубы украшали меховой оторочкой.

Г. Ананьев отмечал, что женщины-ногайки никогда не ходят с открытой головой [8]. Традиционные головные уборы были разнообразны. Самыми нарядными и изящными были девичьи шапочки. Исследователи выделяют 3 формы девичьих шапочек: такыя, кундыз борк, ока борк. Такыя – алого цвета круглой формы шапочка из плотной ткани на подкладке, отороченная мехом. Верхняя часть шапочки украшена серебряными монетами разной величины. Кундыз борк шили из меха выдры, с красным суконным верхом, который украшали серебряным галуном. Ока борк высокой, с полусферическим верхом. Ее шили из красного бархата и украшали золотым галуном и вышивкой. Поверх такой шапочки девушки обычно накидывали тонкий платок или шаль.

Во время свадьбы на голову невесты надевали накидку в форме косынки с опускающимся сзади концом. Спереди на уровне висков на накидке были нашиты коралловые бусины и серебряные монетки. На лицо невесте накидывали покрывало из легкой прозрачной ткани (чаще всего из шелка).

После свадьбы молодая женщина надевала на голову большой платок – тастар. Его носили как покрывало, не сворачивая на угол, сзади он свисал почти до пят [9]. У богатых он был из дорогой ткани, у бедных – из бязи. В повседневном обиходе бытовали также небольшие разноцветные косынки.

Во время праздников под платок на затылок подкладывали специальную подушечку – топчак, а спереди на тастар нашивали разноцветные бусины, излюбленными были коралловые. Иногда в холодную погоду женщины носили чалму или суконный капюшон, сшитый по типу башлыка.

Основным материалом для изготовления обуви служили шерсть и кожа. Из войлока делали узорные чулки. Из красного или желтого сафьяна шили

женские сапожки с прямыми или загнутыми носками. Молодые женщины носили сапоги с каблуками, на которых были закреплены маленькие колокольчики. Летом носили кожаные чупяки. Праздничные чупяки были красного цвета, повседневные – желтого.

В целом и повседневный, и праздничный костюм женщины-ногайки был довольно яркий. Лишь в дни траура она надевала одежду темного цвета.

Одежда женщин дополнялась различными украшениями. Их делали преимущественно из серебра, золотые встречались очень редко. Поверх нагрудных украшений подвешивали серебряные или кожаные медальоны-футляры для талисманов. В футлярах хранились бумажные листочки с молитвами, которые, как считалось, предохраняли от сглаза.

Кроме этого, девичьи костюмы украшали серебряными монетками и бляшками. Поверх бешмета носили красный сафьяновый пояс с нарядной серебряной застежкой, которую украшали полудрагоценные камни. Набор украшений дополняли коралловые бусы и бисерные нити. Тонкой ювелирной отделкой отличались украшения для рук. Женщины носили серебряные кольца с красными камнями, на запястьях – широкие браслеты с гравированными арабским шрифтом инициалами владелицы. Браслеты инкрустировали как драгоценными камнями, так и цветным стеклом.

Особое место занимали украшения для головы. Н. Ф. Дубровин писал: «Молодые и замужние женщины часто носят на лбу или под подбородком серебряные украшения, состоящие из серебряных цепочек и колечек, укрепленных концами к серьгам». Украшения из серебряных монеток и цепочек также крепились к налобной части шапочки и свисали до самых глаз. Серьги были разнообразными. Они подразделялись на гнутые из серебряной проволоки и пластинчатые (зачастую в форме птички) с подвесками [10].

Согласно сведениям исторических источников, с ранних лет девочки-ногайки носили на крыльях носа и носовой перегородке кольца, украшенные бирюзой, кораллами или рубинами.

Итак, подводя итоги, можно сделать следующие выводы: традиционный ногайский костюм складывался веками и длительное время бытовал не видоизменяясь. В народной одежде отразился опыт поколений и особенности мировосприятия. Но в XX в., под влиянием русской и европейской моды, произошли существенные изменения в народном костюме ногайцев. Во 2-й половине XX в. все представители этого народа стали носить стандартный общеевропейский городской костюм. Сейчас традиционная кочевая одежда используется ногайцами лишь во время выступлений фольклорных коллективов, в дни народных праздников и изредка на свадебных торжествах.

Использованная литература и источники

1. Бентковский И.В. Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1881. Ч.1. С. 85.
2. Отрывок из путешествия в Бухарию полковника барона Мелендорфа в 1820 и 1822 годах // Северный архив. 1824, № 3. С.156.
3. Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С.145.
4. Измаил Алиев – князь мангытовских ногайцев // Московский телеграф. 1829, № 12. С. 446.

5. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976. С.123.
6. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. СПб., 1871. С. 168.
7. Павлов А. О ногайцах, кочующих по ногайской степи. СПб., 1842. С.46.
8. Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни // СМОМПК. Вып. 2. 1894. С. 9.
9. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т.1. С. 269.
10. Там же; Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С. 196.

Нилова М. И.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
студентка магистратуры;

научный руководитель: **Булыгина Т. А.,**
профессор кафедры истории России СКФУ,
доктор исторических наук

СОЗДАНИЕ МОЗДОКСКОЙ УКРЕПЛЕННОЙ ЛИНИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Екатерина II, вступив на престол в 1762 году, продолжила политику Петра I. Российское правительство всегда обращало особое внимание на укрепление своих границ на Северном Кавказе. Интересы государства требовали создания прочной пограничной военно-оборонительной линии, способной защитить мирное население от нападений как со стороны Крымского ханства, так и со стороны «немирных горцев». К концу первой половины XVIII века укрепленная государственная граница на Северном Кавказе функционировала лишь на отдельных участках.

Как писал В.А. Потто: «В последние 20 лет после кончины Анны Иоановны все действия русских на Кавказе ограничились исключительно защитой Терской линии. И в Петербурге мало интересовались тем, что происходит на этой отдаленной границе» [1].

Основными соперниками в борьбе за влияние в северокавказском регионе были Османская и Российская империи. Иран уже не мог активно бороться за расширение своих границ, в том числе и на Кавказе, так как на подчиненных ему территориях вспыхнули восстания. Османская империя стремилась к захвату Ирана, а это создавало серьезную угрозу российским интересам в Закавказье. К тому же Османская империя значительно активизировала действия, направленные на распространение своего влияния на всю территорию Северного Кавказа. Это обострило противоречие в регионе между двумя государствами и вынудило российское правительство принимать более энергичные меры.

После разорительных набегов на Северный Кавказ крымских татар (40–50-е гг. XVIII в.) российским правительством было принято решение построить на границе с Большой Кабардой сильную крепость. Для этого в конце 1753 г. из Кизляра был послан инженер Деколлонг, который должен был разведать местность для будущей крепости. В докладе Деколлонга говорится, что «промеж рек Черной и Терека, имеется способное место для строения крепости или ретраншемента, по обеим сторонам устья реки Курпа, которое имеет быть для закрытия от Кубанской стороны и от набегов горских татар, а для закрытия коммуникаций до Червленого городка подлежит на удобных местах по берегу реки Терек построить редуты» [2]. В этой крепости предполагалось постоянно иметь хорошо вооруженный гарнизон, чтобы не допустить закрепление

Османской империи на этих территориях и после использовать их как плацдарм для наступательных действий. Но из-за осложнения русско-турецких отношений из-за Польши Россия была вынуждена повременить с реализацией намеченных планов. Решение о строительстве крепости было принято только в 1762 году. Как писал П. Г. Бутков: «главнейший к сему повод подали некоторые владетели Малой Кабарды» [3].

В конце 1759 года один из самых влиятельных владетелей Малой Кабарды Кургока Кончокин (после крещения Андрей Иванович) прибыл в Кизляр к коменданту с просьбой о его допуске к императорскому двору. В следующем, 1760 году, Кончокин выехал в Санкт-Петербург, чтобы добиться разрешения у российского правительства отвести ему и его подданным место под поселение между урочищами Моздок и Мекень. После тщательного и всестороннего рассмотрения данной проблемы Сенатом Кончокину было дано разрешение поселиться в районе Моздока или на Мекене [4]. К тому же ему было позволено построить небольшую крепость. В 1763 году российские власти на Северном Кавказе приступили к строительству Моздокской крепости, а затем и всей оборонительной линии.

Постепенно рядом с крепостью сложилось поселение крещеных горцев. Указом от 1765 года для усиления гарнизона Моздокской крепости разрешалось создать казачью команду из числа осетин, кабардинцев и жителей самой крепости, и в том же году отдельно была сформирована Горско-Моздокская команда под началом кабардинского князя Андрея Кончокина (Черкасского). Правительство создало эту казачью часть с целью привлечения представителей горских народов к несению военной службы.

Быстрое строительство Моздока встревожило не только Стамбул, но и владетелей Большой Кабарды. Вскоре после основания Моздока кабардинские владетели, подстрекаемые турецкими эмиссарами, стали добиваться у российских властей ее разрушения. Это обуславливалось тем, что близость Моздока давала возможность представителям зависимых сословий, рабам и пленникам бежать от своих владельцев под защиту русской крепости, где после обряда православного крещения они становились свободными людьми. Российские власти категорически отказались разрушать укрепление и выплачивать деньги за бежавших от местных феодалов зависимых людей. В ответ на это кабардинские владетели совершили несколько набегов на Терскую линию и даже осадили крепость Кизляр.

В связи с усложнившейся военно-политической обстановкой на границе с Кабардой российское военное командование в спешном порядке приступило к укреплению всей пограничной линии от станицы Червленной до Моздока: стали устанавливаться посты, секреты, высылались казачьи дозоры. Таким образом, на первое место выдвинулась уже не охрана южных рубежей, а подготовка к оборонительным боям на случай начала широкомасштабной агрессии со стороны горцев.

С целью надежной защиты Моздокского участка линии указом на имя графа Н. И. Панина от 2 июля 1765 года было предложено переселить на Кавказ 517 казачьих семей Волжского казачьего войска. За переселенцами на линии

сохранялись уже имевшиеся у казаков привилегии. Для несения пограничной службы были образованы станицы: Наурская, Микенская, Ищерская, Галюгаевская и Калиновская [5].

Из казаков-переселенцев был сформирован Моздокский полк, армейский полковник которого подчинялся моздокскому коменданту. Российские власти рассчитывали укрепить Моздокскую линию такими казачьими формированиями, которые уже имели достаточно богатый военный опыт несения службы на пограничье. Однако напряженная ситуация на границе с Кабардой, а затем и начавшиеся военные действия с турками не позволили быстро и полноценно воплотить все мероприятия, связанные с переселением Волжского казачьего войска. К тому же служебная и боевая деятельность волжских казаков на Кавказе осложнялась слабым, недостаточным обустройством Моздокской укрепленной линии.

Российское командование на Северном Кавказе прилагало большие усилия для инженерного оборудования и артиллерийского оснащения Моздокской линии. В результате этой работы каждая линейная казачья станица стала весьма серьезным узлом вооруженного сопротивления. Кроме рва, вала и других частей укрепления, она имела в своем распоряжении постоянный гарнизон и артиллерию, фактически являясь небольшой, но хорошо укрепленной крепостью. Перед казаками Моздокского полка были поставлены боевые задачи: отбивать нападения горцев на Моздокскую линию и совместно с регулярными войсками проводить против них боевые операции. Во исполнение этого приказа казачьему полку было приказано находиться в полной боевой готовности и в полном составе, чтобы в случае необходимости казаки сразу же могли выступить в поход [6].

В связи с началом русско-турецкой войны 1768–1774 годов, созданное соединение волжских казаков в Моздоке приняло непосредственное участие в активных боевых действиях на территории Северного Кавказа в составе отряда регулярных и иррегулярных войск. Волжские казаки отлично зарекомендовали себя во время этих боевых действий. В результате блестящих побед русской армии и флота при Ларге, Кагуле, Чесме правительство Османской империи было вынуждено пойти на уступки. В итоге Россия твердо закрепила на побережье Черного моря. Мирный договор значительно изменил ранее существующую расстановку сил на Северном Кавказе в пользу России. По условиям Кючук-Кайнарджийского мира, завершившего войну, она получила все восточное побережье Азовского моря, территории по правому берегу Кубани от устья до ее верховьев и на восток до Каспия. Правительство переселило туда запорожских казаков, положив тем самым начало Кубанскому казачьему войску. В Восточном Предкавказье граница устанавливалась от Каспийского моря до устья реки Малки по рекам Терек и Калаус.

Важно отметить, что Терско-Моздокская линия оберегала лишь незначительную часть российской территории на Кавказе. Укрепленная линия, которая проходила между Терекком и Азовом, была по своей протяженности не более 500 верст, но она была практически не защищена, а ее граница была отмечена крайне неопределенно. В пределах этих территорий кочевали

ногайцы, а вместе с ними «кочевала» и граница от Моздока до Азова [7]. Эту границу могли беспрепятственно пройти отряды как закубанских черкесов, так и крымских татар, которые постоянно беспокоили не только Волгу и Дон, но и южные уезды Воронежской губернии. В связи с этим стояла острая необходимость надежно защищать эти территории. Решение этой задачи правительство видело в строительстве дополнительных линий крепостей, казачьих станиц, боевых постов. Так в последующем появилась Азово-Моздокская укрепленная линия.

Использованная литература и источники

1. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577–1801 гг.). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 83.
2. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2. С.196–197.
3. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1772-го по 1803 г. Нальчик, 2001. С. 69.
4. Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 219.
5. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 84.
6. Потто В.А. Указ. соч. С. 244.
- 7.Обозный Н.М. На Азово-Моздокской линии // Невинномысский хронограф / <http://www.nevchronograph.ru/history/oboznyi/3> .

Новрузова Е. Л.,
г. Михайловск,
Историко-краеведческий музей им. Н. Г. Завгороднего,
экскурсовод структурного подразделения «Клуб имени Страхова»

**ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ВЕТЕРАНОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.
А. Е. МОСКВИТИНА и Б. И. КОТЕЛЬНИКОВА**

16 апреля 2014 года в Ставропольской краевой библиотеке им. М. Ю. Лермонтова прошла презентация книги историка, ветерана войны Москвитина А. Е. «Советские воздушно-десантные войска в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.)». 7 мая 2014 года презентация этой книги состоялась в историко-краеведческом музее им. Н. Г. Завгороднего в г. Михайловске. На презентации книги присутствовали учащиеся художественной школы г. Михайловска, директор этой школы С. М. Мазанюк, юные курсанты-армейцы военно-патриотической организации «Типчак», дети войны: Хорошилова Г. П., Андросова Б. Н., Костина А. П., однокашница автора – А. А. Богданова

Творчество писателя направлено на сохранение и передачу личного военного опыта молодому поколению. Новая книга не стала исключением. Автор видит свою высокую миссию в сохранении исторической памяти через литературное творчество. Все книги этого писателя – «Воспоминания и стихи», «У Днепра», «Мои друзья» – проникнуты духом гражданственности и патриотизма.

Александр Ефимович Москвитин родился в Михайловском 25 мая 1926 года. Осенью 1940 года умер отец будущего писателя, и Александру пришлось бросить учебу в школе. В семье было 5 детей. Мать устроила старшего, Александра, работать в колхоз. Он участвовал в строительстве дороги от Ставрополя до Невинномысска, дробил камень на щебень. Эта дорога имела военное значение, позже по ней проходили колонны военных машин. В сентябре 1941 года Александр с группой рабочих участвовал в строительстве аэродрома в Спицевке. В январе–феврале 1942 года юноша окончил курсы трактористов при Пелагиадской МТС и с марта по июнь работал на тракторе. Перед подходом немцев колхозники попытались вывезти трактора, но оккупанты перехватили колонну в с. Сергиевском.

После изгнания немцев Александр работал на той же МТС. В марте 1943 года он прошел военную подготовку на сборе призывников. 17 марта 1944 года получил повестку и 21 марта вместе со своими друзьями – Кожевниковым, Котельниковым и Ткаченко – стал курсантом 18-й Окружной школы снайперов в Майкопе. В сентябре 1944 года Москвитин и Котельников были направлены в Белоруссию в 99-ю Гвардейскую Свирскую воздушно-десантную дивизию. Она только что вышла из боев в Карелии и готовилась к высадке в тыл противника. Бойцы тренировались, совершая прыжки с

аэростата. Но обстановка на фронте изменилась, и дивизию переориентировали на другие задачи, она стала стрелковой. Поэтому Москвитин стал автоматчиком 3-й роты 1-го батальона 303-го Стрелкового полка.

Эшелоны доставили солдат сначала под Краков, а затем под Будапешт. Дивизия расположилась в Моноре, в 40 км от Будапешта. Перед 9-й Гвардейской армией была поставлена задача: прорвать оборону противника юго-западнее Будапешта на Балатонском направлении, разгромить танковую группировку, состоящую из 11 дивизий, расчистить путь на Венском направлении и взять Вену. Задача эта была выполнена с 16-го марта по 11 мая 1945 года. Потом 99-я дивизия пошла на Прагу.

Александр Ефимович вспоминает: «16 марта примерно, в 15 часов, началась артподготовка. Минут через 40 солдаты вышли из траншей. Минут 10 было спокойно, и они плотной цепью шли вперед. Но потом начался ад. Противник обрушил огонь всех своих артиллерийских систем. К концу дня 19 марта дивизия подходила к г. Секешфехервару на берегу о. Балатон. С ходу пулеметный расчет батальона попытался выйти на высоту для прикрытия продвижения вперед. Слева был выдвинут еще расчет. Команда «вперед». Я был с командиром роты рядом. Поднялась вся рота. Еще какое-то время, и вражеские пулеметы открыли огонь. Я все еще бегу вперед, посмотрел направо – никого, налево ... и тут удар в правое плечо, и свист пуль. Упал не помню как. Падаю – жив или убит. Впереди, ниже – кусты. Там увидел наших. Помоему это были корректировщики, я попросил их помочь. А они мне: «Ползи сам, раз жив». Попробовал ползти. Слишком медленно. Я встал на колени. Получилось. Поднялся и, нагнувшись, побежал вперед. «Ну, вот видишь, сам добрался. А то б и нас рядом с тобой положили», – сказал один из них. Тут же рядом оказалась и вся рота и командир. А мой друг Сергей стал перевязывать рану. Причем успел сказать: «О, морда цела. А там вон лежит – вся морда изуродована. У тебя все нормально. Вернешься домой – женишься. А «твой» пулеметчик уничтожен. Он стрелял трассирующими с чердака дома. Посмотри, что от него осталось. Пыль... только. Самоходка туда плюнула». Ротный попросил поднять руку. Она не поднималась. «Все, – сказал он, – иди в полевой лазарет. Ноги целы?»»

Потом были Венер-Нейштадт, Берндорф и другие населенные пункты. Вену брала 103 дивизия. 99-я обеспечивала взятие с фланга.

А. Е. Москвитин имеет награды: орден Отечественной войны 1-й степени, орден Славы 3-й степени, медали: «За победу над Германией», «За взятие Вены», «Ветеран труда», юбилейные медали.

Из 12 михайловских ребят вернулись домой только 10. Работали и учились в вечерней школе, потом в вузах. Однополчанин Александра Москвитина Борис Котельников – творческий человек – стал писателем и поэтом. Он выпустил сборник стихов о своем родном Михайловском. Самое впечатляющее его произведение – баллада о Михайловском, в которой автор воспекает не столько красоту села, но и его доблестную историю.

Борис Иванович Котельников родился 28 октября 1926 года. Учился в школе. В феврале–марте 1943 года прошел военную подготовку на сборах

призывников при Михайловском райвоенкомате. Был активным участником художественной самодеятельности в клубе с. Михайловского. В постановке «Русские люди» (по мотивам пьесы К. Симонова) сыграл роль командира батальона капитана Сабурова. В этой роли Котельников удачно создал образ сильного духом, умелого командира. Постановка имела успех. Чтобы посмотреть постановку, в клубе собиралось много людей. Районное руководство после просмотра пьесы наградило всех участников (в основном это были призывники) премией.

В марте–сентябре 1944 года Котельников успешно окончил Снайперскую школу в г. Майкопе и был зачислен в десантные войска. В апреле–мае 1945 года проходил службу в 7-м Воздушно-десантном полку. С июня 1945 по август 1950 года был помощником командира взвода в учебном батальоне 99-й Гвардейской ордена Кутузова Свирской воздушно-десантной дивизии. Борис Иванович участвовал в Балатонском сражении весной 1945 года, в разгроме танковой группы немцев у Будапешта, в овладении городами Секешфехервар, Мор, Зирез, Векрем, Эньинг и 350 другими населенными пунктами.

Б. И. Котельников имеет награды: орден Отечественной войны 2-й степени, медаль «За победу над Германией» и юбилейные медали. После войны и службы в армии окончил Ставропольский педагогический институт, работал учителем, завучем, директором-организатором внеклассной работы, был секретарем партийной организации средней школы № 2 с. Шпаковского. Занимался организацией работы ученических производственных бригад. За хорошую работу был награжден медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда», а также грамотой Министерства просвещения РСФСР.

Использованная литература и источники

1. Шамшина Л.Л. Александр Ефимович Москвитин // Михайловские вести. 2014, от 30 сентября; Москвитин А.Е. Воспоминания и стихи (рукопись из архива автора).
2. Автобиографии ветеранов ВОВ Москвитина А.Е., Котельникова Б.И., Бакаушина И.А. (рукопись из архива Михайловского историко-краеведческого музея им. Н.Г. Завгороднего).

Карибов Г. Г.,
с. Прасковья,
Краеведческий музей,
старший научный сотрудник,

Обухов Ю. Д.,
с. Прасковья,
Краеведческий музей,
директор музея

БУДЕННОВСК И ПРИКУМЬЕ НА СТРАНИЦАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Один из регионов Ставропольского края – Большое Прикумье, центром которого является город Буденновск – крайне скупо представлен на страницах печатных изданий.

Задача данной статьи – высветить из тьмы имена тех людей, которые занимались исследованием истории родного края. Краеведов-любителей, описывавших историю Буденновска и Прикумья, довольно много, и их работы весьма интересны. Например, статьи краеведа XIX века священника А. Семилуцкого, опубликовавшего ряд материалов о Прикумье в Тифлисе [1].

В данной статье мы расскажем о краеведах XX века: Р. Е. Аджимамедове, Н. В. Петровском, Ю. К. Студенникове, С. И. Серебрякяне, В. Я. Сербиненко и О. В. Зейбель.

Сукиас Ильич Серебрякян – наиболее литературно одаренная фигура в этом созвездии имен. К счастью, воспоминания о нем оставила в своих мемуарах его племянница Тамара Мартыновна Серебрякова [2].

Сукиас Ильич Серебрякян с юношеских лет занимался революционной деятельностью, был членом партии РСДРП(б), занимался журналистской работой, редактировал газету «За Советы» – орган Святокрестовского Комитета РКП(б) и Уездного исполкома. Был корреспондентом окружной газеты «Терек» (г. Пятигорск). Он в совершенстве знал русский и армянский языки, а природный литературный талант позволил ему выступать и в качестве переводчика. Помимо этого, он сочинял музыку и стихи, играл на скрипке, ставил в Прикумске пьесы, спектакли и даже оперетты, зачастую собственного сочинения либо в переводе (он переводил произведения Шолохова и других русских авторов на местный диалект армянского языка).

На слова стихотворения «Дагестан» известного в то время ашуга Сулеймана Стальского Серебрякян написал музыку. Эта песня звучала по Всесоюзному радио.

По состоянию здоровья Сукиас Ильич был вынужден переехать в Пятигорск. Но периодически приезжал в Прикумск, чтобы собрать материалы и написать книгу «Боевой путь красных партизан» [3]. Эта книга стала главным трудом его жизни. Она вышла в 1934 году в Ростове-на-Дону и в настоящее время является библиографической редкостью. Чтобы оценить красоту слога

Сукиаса Ильича и его любовь к родному краю, достаточно вчитаться в первые строки его описания: «Точно огромная ладонь сказочного великана, распростерлась голая и ровная Прикумская степь по обе стороны реки Кумы. Скупно исчерчена эта ладонь линиями маловодных и безводных степных речек и балок».

Функционировавшая в Пятигорске до Великой Отечественной войны городская армянская школа, в которой Серебрякян преподавал русский и армянский языки, а также вел хор, была впоследствии названа его именем. После закрытия армянской школы и создания на ее месте средней школы № 2 память о С. И. Серебрякяне была утрачена. Сукиас Ильич умер в январе 1941 года в Пятигорске, все его рукописи сгорели там во время войны. Память о Сукиасе Ильиче Серебрякяне в Буденновске не увековечена.

Николай Владимирович Петровский не писал объемных книг, но его перу принадлежит несколько сотен статей в местной периодической печати, а также брошюра «Город Прикумск» [4], изданная к 50-летию Октябрьской революции. Николай Владимирович работал учителем географии в городской школе № 2. Однако широта его увлечений, среди которых была и тяга к познанию Прикумья, не могли удержать его в рамках обычного школьного преподавания.

Петровский проводил большую воспитательную и туристическую работу. Почти все его ученики побывали в походах, маршруты которых пролегали по родной стороне. Они буквально пешком обошли все окрестности Прикумска (Буденновска), получая знания и эмоции от общения с природой, встреч и бесед с земляками.

Николай Владимирович известен прежде всего как публицист. Среди его многочисленных публикаций вполне могли бы стать отдельными книгами такие серии статей как «В степях Предкавказья», «Великий Октябрь на Прикумье», «К 180-летию Буденновска», «Из истории родного края», «Заметки краеведа», «Исторические события на Прикумье». Можно выделить серию статей, посвященную экологической проблематике. В них краевед проявил себя как настоящий исследователь не только в области гуманитарных знаний, но и естественнонаучных дисциплин. В статье «Будет ли конец «дубовым» экспериментам?» [5] он аргументированно оппонировал 40-летним неудачным экспериментам по выращиванию в долине р. Кумы в районе Буденновска дубрав, которые в высоких московских кабинетах были запланированы для последующего использования дуба в экономических целях.

Петровский был и среди тех, кто планировал создание краеведческого музея в Буденновске. Отметим также, что он был человеком большой воли, буквально повторившим подвиг Николая Островского. Когда тяжелый недуг приковал Николая Владимировича к постели, он не оставил дела, считая их архиважными. Научившись держать ручку левой рукой, он продолжал писать статьи. Н. В. Петровский ушел из жизни в 1991 году. [6]. Память о нем, к сожалению, в Буденновске не увековечена.

Рубен Емельянович (Мелкомович) Аджимамедов является, пожалуй, самым известным краеведом Прикумья. Особенно часто цитируется его книга

«Страницы истории Прикумья с древнейших времен» [7].

У Рубена Емельяновича была непростая судьба. Его «двойное» отчество объясняется просто: у человека, который был его отцом, было два имени – русское и армянское (это встречалось в то время у армян Святого Креста).

29 июля 1915 года полугодичный русский мальчик был оставлен неизвестной женщиной в вагоне пассажирского поезда № 11 на железнодорожной станции Минеральные Воды. Он был взят армянской семьей на воспитание, крещен в армянской церкви г. Святой Крест и был наречен именем Рубен. Его приемный отец – Емельян Захарович Аджимамедов – житель Святого Креста – занимался садоводством, умер в 1919 году от тифа. Приемная мать – Ольга Герасимовна (в девичестве Ковхаева) – была из семьи первопоселенцев Святого Креста, обосновавшихся там с 1799 года. До конца жизни жила с приемным сыном и умерла в 1957 году в Москве.

В конце 1930 года Рубен Аджимамедов был направлен на краевые радиокурсы во Владикавказ, затем работал начальником коротковолновой радиостанции в Моздоке. В 1932 году окончил курсы по подготовке в вуз и поступил учиться в Воронежский университет на отделение геофизики, а позже перевелся на экономический факультет Московского института народного хозяйства им. Плеханова. В 1936–1939 годах работал начальником планово-экономического отдела прииска на Колыме, в системе Дальстроя.

В 1939–1946 годах служил в Советской Армии, окончил Харьковское военно-авиационное училище, Первую Рязанскую Высшую офицерскую школу ночных экипажей Авиации дальнего действия. Участвовал в Великой Отечественной войне, имел правительственные награды.

В 1946 – 1951 годах работал экономистом-консультантом Конъюнктурно-экономического сектора по ленд-лизу в системе Министерства внешней торговли СССР. Затем 12 лет находился на экономической работе в геологоразведочных организациях, 15 лет работал ведущим специалистом и заведовал отделом в системе Госкомтруда СССР. В течение трудовой деятельности около 7 лет работал советником за рубежом (Иран, Югославия, Куба), 15 лет – в условиях Крайнего Севера (Колыма, Чукотка, Якутия).

В 1978 году, после ухода на пенсию, занялся писательской деятельностью. Им опубликованы три книги по экономике геологоразведочных работ, более 50 очерков и статей по истории Прикумья, Маджара, г. Святой Крест.

В 1991 году Аджимамедов закончил работу над книгой «Страницы истории Прикумья с древнейших времен». На протяжении долгих лет Аджимамедов поддерживал связь с юными краоведами Прикумья. В одном из его писем было сказано: «Изучение прошлого и настоящего родного края является интереснейшей формой познания окружающего мира» [8].

Благодаря неоднократным обращениям представителей общественности к городским властям Рубену Емельяновичу Аджимамедову посмертно было присвоено звание «Почетный гражданин города Буденновска».

Владимир Яковлевич Сербиненко – преподаватель истории в школах г. Прикумска (Буденновска) – вел большую общественную работу. Именно ему

удалось организовать первый музей в городе [9].

Главным итогом научного и литературного труда Владимира Яковлевича стала документальная повесть «Быль о Кочубее». «Автор посвятил более 10 лет сбору материалов о легендарном комбриге, он хочет рассказать читателям о детстве и юности Ивана Кочубея, об участии его в боях на турецком фронте, о неизвестных пока фактах славного и трагического пути Кочубея в бессмертие. Автор использовал огромное количество архивного материала, отыскал уникальные фотографии, встречался со многими соратниками Ивана Кочубея, его родными и близкими, верными друзьями по оружию и просто знакомыми. Он сам прошел с записной книжкой в руках по тем местам, где с клинками наголо ходили в атаку на врага кочубеевцы. Так вот и родилась эта документальная повесть», – говорилось в предисловии к книге [10].

Владимиру Яковлевичу удалось сказать новое слово о Кочубее, несмотря на давний авторитет романа А. А. Первенцева, по которому был снят художественный фильм. Последние годы жизни Сербиненко провел в Ставрополе, где и умер. Память о Владимире Яковлевиче в городе Буденновске не увековечена.

Юрий Константинович Студенников – второй по степени известности краевед Прикумья. Он также, как В. Я. Сербиненко и Н. В. Петровский, написал множество статей, опубликованных в местной периодике. Кроме этого, в Краеведческом музее с. Прасковья хранятся никогда не публиковавшиеся рукописи некоторых работ Юрия Константиновича.

Главной книгой его жизни стала повесть «Сказание о земле Прикумской. К 200-летию города Буденновска» [11]. Надо сказать, что это одна из первых попыток дать системное представление об истории города Святого Креста – Прикумска – Буденновска.

Юрий Константинович был энергетиком по профессии, а в душе – писателем-краеведом. Выйдя на пенсию, он не оставил общественную работу, написав ряд статей и книгу о местном самоуправлении [12].

Ю. К. Студенников при жизни был удостоен звания «Почетный гражданин города Буденновска».

Ольга Васильевна Зейбель всю свою жизнь занималась педагогической деятельностью. В последнее время возглавляла объединение краеведов в Доме детского творчества г. Буденновска. Местная пресса неоднократно публиковала материалы, подготовленные ею. Она ушла из жизни в 2013 году.

Талантливый человек, любитель-краевед, великолепная рассказчица, организатор бесчисленного количества экскурсий по Ставрополью, которое она искренне любила, Ольга Васильевна навсегда осталась в памяти людей, с которыми ей довелось работать. Ее всегда отличали порядочность и честность, дотошность и скрупулезность во всем.

Ольга Васильевна – коренная прикумчанка, выпускница школы № 4, она навсегда осталась верна родному краю, ради сохранения истории которого отдавала себя без остатка. Среди ее литературного наследия есть Календарь знаменательных дат Ставрополья и, возможно, главный труд Ольги Васильевны – карта-путеводитель по Буденновску и Буденновскому району [13]. Она

является автором не только аннотации к карте, но и статей путеводителя [14]. К сожалению, память об Ольге Васильевне Зейбель в Буденновске не увековечена.

Использованные источники и литература

1. Обухов Ю.Д., Карибов Г.Г. К вопросу об истории музеев на территории современного Буденновского муниципального района и города Буденновска // Вторые Прозрителевские чтения: сборник материалов конференции. Вып. 2. Ставрополь, 2006.
2. Серебрякова Т.М. Чтобы память была долгой. Буденновск, 2004.
3. Серебрякян С.И. Боевой путь красных партизан. Ростов-на-Дону, 1934.
4. Петровский Н.В. Город Прикумск. Прикумск, 1967.
5. Петровский Н.В. Будет ли конец «дубовым» экспериментам? // Советское Прикумье. 1988, от 15 октября.
6. Некролог В.Н. Петровскому «Памяти товарища» // Вестник Прикумья. 1991, от 15 октября.
7. Аджимамедов Р.Е. Страницы истории Прикумья с древнейших времен. Буденновск, 1992.
8. Аджимамедов Р.Е. Письмо юным краоведам Буденновска. Ленинград, 1985 (рукопись).
9. Обухов Ю.Д., Карибов Г.Г. Указ. соч.
10. Сербиненко В.Я. Быль о Кочубее. Ставрополь, 1973.
11. Студенников Ю.К. Сказание о земле Прикумской. К 200-летию Буденновска. М., 1999.
12. Студенников Ю.К. Городская Дума 1-го созыва (1997–2001 гг.). Мин-Воды, 2001.
13. Буденновск. Буденновский район. Карта-путеводитель. Пятигорск, 2010.
14. Чтобы помнили: Зейбель Ольга Васильевна, 2013 г. // <http://budennovsk.org/?p=59900>

Пантюхин А.,
г. Ставрополь,
преподаватель Ставропольской
Православной Духовной семинарии,
кандидат исторических наук

ПОЛЕМИКА ПО ВОПРОСУ РЕФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1905–1920 гг.

В контексте либерально-модернистской полемики начала XX века остро встал вопрос реформирования духовных учебных заведений. Проблема поднималась в «Отзывах епархиальных архиереев» 1905–1906 годов, в церковной печати, публицистике церковных и общественных деятелей. Вопрос действительно назрел и был связан с разделением церковной и светской науки, духовного и светского образования, чего никогда не знала Западная Европа.

Епископ Ставропольский и Екатеринодарский Агафодор (Преображенский) отмечал, что духовное образование уже давно не соответствовало нуждам Церкви. Одной из причин этого он считал сословность духовных учебных заведений и фактически принудительное вступление их выпускников в духовное звание. Владыка отмечал, что ни средние (семинарии), ни низшие (училища) духовные учебные заведения не соответствуют необходимому уровню образования, значительно уступая формально соответствующим гимназиям и школам.

Епископ Агафодор предложил преобразовать духовные школы в средние учебные заведения с 8-летним учебным курсом, с программой, соответствующей светским гимназиям с правом последующего поступления в высшие учебные заведения любого типа. Для желающих принять священный сан должны быть созданы дополнительные классы богословско-пастырского обучения сроком на 3 года. Большинство преподавателей должны быть в священном сане, особенно в пастырских классах. Светские преподаватели могут быть только по светским общеобразовательным предметам. Весь процесс обучения должен быть проникнут духом пастырства. Светские преподаватели, не облеченные в священный сан, не могут дать своим ученикам того, чего сами не имеют. Помимо этого широкое распространение получили светские увеселения, в которых порой участвуют и преподаватели не в сане, а это подает соответствующий пример обучающимся. Главное зло современной духовной школы, считал владыка Агафодор, отделенность воспитания от обучения: «светский преподаватель – в лучшем случае только хороший учитель, т. е. передатчик сведений по данному предмету, но не устроитель внутренней жизни учеников, не руководитель ее». Эти недостатки, по мнению епископа Агафодора, могло устранить только отделение пастырского курса от общеобразовательного и закрытый характер воспитания будущего пастыря [1].

Епископ Владикавказский и Моздокский Гедеон (Покровский) не стал уделять вопросу реформы духовных учебных заведений столько же внимания как епископ Агафодор. Его положение о реформе заключено в четырех кратких

пунктах. Духовные училища епископ Гедеон предложил преобразовать в епархиальные шестилетние прогимназии, а семинарии – в четырехгодичные богословско-пастырские курсы. Также он предлагал заменить систему баллов подробным отчетом об успеваемости и поведении, практически устранить из обучения переэкзаменовки и ввести выборное начало при заполнении вакантных административных должностей [2]. При этом он не стал подробно расписывать механизмы проведения реформы духовных учебных заведений.

Продолжавшиеся в стране события революции 1905–1907 годов породили распространение в церковной печати ряда либерально-модернистских публикаций первоначально формировавшегося церковно-обновленческого движения. Не обошла стороной церковно-либеральную печать и церковно-модернистское движение тема реформирования духовных учебных заведений, начало которой было положено епархиальными архиереями в «Отзывах», с оглядкой на которые писали позже практически все церковные и общественные деятели. Клирик Владикавказской и Моздокской епархии священник И. Попов подчеркнул необходимость и своевременность церковных реформ, в числе которых он выделил и «преобразование духовно-учебных заведений» [3].

Священник А. Юрикас разработал свою программу реформирования духовных учебных заведений. Он предлагал существенно расширить круг общеобразовательных дисциплин, а богословско-пастырские предметы выделить в отдельный богословско-пастырский курс. Духовные училища и семинарии, по его мнению, было необходимо преобразовать в духовные гимназии, по окончании которых желающие принять священный сан могли поступать на двух- или трехгодичные богословские курсы. Также он выступал за введение выборного начала, причем не только администрации духовных учебных заведений, но и преподавателей. Выбирать должно местное духовенство и родители учащихся [4]. Юрикас предлагал полное слияние духовного и светского образования. Академии, по его мнению, должны быть преобразованы в богословские факультеты при университетах, а в семинариях, преобразованных в гимназии, должна быть организована максимальная свобода студенческой жизни [5].

На Ставрополье и Кубани ранние обновленческо-модернистские группы не заинтересовались проблемой реформирования духовных учебных заведений, как видно из их программ [6]. Они сосредоточили свою деятельность вокруг идей радикального реформирования церковного управления и церковно-революционного движения. После окончания Первой российской революции 1905–1907 годов и вовсе произошел спад реформаторских начинаний, возродившийся вновь ближе к событиям 1917 года.

25 июня 1917 года в Ставрополе состоялось заседание Епархиального съезда духовенства и мирян Ставропольской епархии, на котором был принят ряд решений по вопросу реформирования духовного образования, предусматривающих уравнивание духовных учебных заведений со светскими соответствующего уровня. Обучение должно быть бесплатным и носить христианский гуманитарный характер, в украинских учебных заведениях должны изучаться украинские язык и литература, преподаватели должны быть

из белого духовенства и мирян. Высшим уровнем духовного образования должны стать богословские институты, средним – духовные гимназии, в которые должны быть преобразованы семинарии, духовные училища и епархиальные женские училища. Здания духовных учебных заведений должны быть освобождены от размещения военных и лазаретов [7]. В целом эти идеи соответствовали предложенным на Всероссийском съезде деятелей духовных заведений, прошедшем в Москве в конце марта 1917 года.

Осенью 1917 года некоторые из новых предлагавшихся мер были введены в Ставропольском епархиальном женском училище. В 1–3-х классах обязательно изучали новую русскую орфографию, а в старших классах – добровольно. Также был реформирован учебный год, который теперь делился на трети, соответствующие временам года. Значительно сокращены обязательные посты, которые теперь с отменой занятий приходились лишь на Страстную седмицу. Все остальное время занятия проводились в соответствии с расписанием [8].

После установления большевиками Советской власти в Ставрополе, в начале января 1918 года, система духовного образования подверглась некоторым изменениям, связанным, в первую очередь, с обстоятельствами времени. Указами священноначалия было необходимо освободить здания духовных учебных заведений от лазаретов [9], организовать из родителей учащихся, сотрудников семинарий и училищ и всех желающих верующих граждан специальные союзы, которые бы отстаивали перед новой властью церковный строй учебных заведений, в том числе преподавание Закона Божия и других специальных церковных дисциплин, а также защищали бы их от захвата [10]. Духовным учебным заведениям, чтобы выправить свое финансовое положение, было разрешено закладывать принадлежащие им ценные бумаги [11]. В соответствии с постановлением Всероссийского Поместного Собора Ставропольской Духовной семинарии было рекомендовано образовать испытательную комиссию для кандидатов на звание священника и диакона [12].

После изгнания большевиков и занятия большей части территории Северного Кавказа белогвардейцами, стремившимися задействовать церковные учреждения для организации идеологической работы и поэтому заинтересованных в проведении ряда церковных реформ, некоторые духовные учебные заведения сделали очередную попытку реформирования системы духовного образования, хотя бы частично.

Уже после образования ВВЦУ на юго-востоке России правление Екатеринодарского духовного училища обратилось с просьбой о проведении преобразования духовного училища в восьмилетнюю духовную гимназию. Инициатором реформы выступил Совет при Управляющем ведомстве народного просвещения, на что согласился и педагогический совет училища при условии сохранения преподавания Закона Божия и философии, а также воспитательного строя, проникнутого церковными началами. Важной причиной проведения преобразований была названа необходимость ехать в Ставрополь для продолжения образования после 4 класса училища. Правление училища также высказалось о необходимости сохранения в преподавании греческого и

латинского языков, православном вероисповедании всех преподавателей, а также подотчетности Епархиальному собранию [13].

Педагогический совет Екатеринодарского духовного училища подал в Ведомство народного просвещения Кубанского краевого правительства основные положения, на которых должно было основываться реформирование училища. Они включали в себя обязательное изучение новых языков и математики, православное вероисповедание преподавателей и учащихся, полное подчинение будущей гимназии епархиальным органам. Самым главным новшеством должна была стать организация на базе училища-гимназии Богословского института, набор абитуриентов в который осуществлялся бы из выпускников гимназии [14]. Несмотря на своевременность предложений, в их осуществлении, а тем более финансировании программы было отказано [15].

В начале 1920 года большевики захватили Ставрополь, Владикавказ и Екатеринодар. Уже в марте того же года все духовные учебные заведения Ставрополя были преобразованы в светские школы. Было запрещено преподавание Закона Божия. Аналогичные мероприятия были проведены на Кубани и Тереке. Вопрос о преобразовании духовных учебных заведений на Северном Кавказе отпал сам собой.

Использованные источники и литература

1. № 38, преосвященного Агафодора, епископа Ставропольского, от 24 ноября 1905 г. // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2-х ч. М., 2004. Ч. 1. С. 866–869.
2. № 1, преосвященного Гедеона, епископа Владикавказского, от 25 октября 1905 г. // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2-х ч. М., 2004. Ч. 1. С. 41.
3. Попов И. С новым годом, отцы-братия, сотрудники-читатели! (новогодняя политика – церковная программа) // Владикавказские епархиальные ведомости. 1906, № 1 от 1 января. С. 5.
4. Юрикас А. К вопросу о реформе духовно-учебных заведений // Владикавказские епархиальные ведомости. 1906, № 4 от 15 февраля. С. 120.
5. Юрикас А. К вопросу о реформе духовно-учебных заведений // Владикавказские епархиальные ведомости. 1906, № 6 от 15 марта. С. 212–213.
6. Рапорт Агафодора епископа Ставропольского и Екатеринодарского в Святейший Правительствующий Синод. 3 февраля 1906 г. // Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 135. Оп. 64. Д. 659. Л. 1.
7. Протокол № 17 вечернего заседания Епархиального съезда духовенства и мирян Ставропольской епархии, состоявшегося 25 июня 1917 г., под председательством о. Николая Карташева // ГАСК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1404. Л. 30–30 об.
8. Журнал общего собрания совета Ставропольского епархиального женского училища на 24-е октября 1917 г. // ГАСК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1478. Л. 230 об., 242 об.
9. Указ из Святейшего Правительствующего Синода преосвященному Агафодору, архиепископу Кавказскому и Ставропольскому. 13 января 1918 г. // ГАСК. Ф. 91. Оп. 2. Д. 166. Л. 1.
10. Постановление № 65 Святейшего патриарха и Священного Синода Православной Российской Церкви 15/28 февраля 1918 г. // ГАСК. Ф. 91. Оп. 2. Д. 166. Л. 4.
11. Указ из Святейшего Правительствующего Синода. 1 марта 1918 г. // ГАСК. Ф. 91. Оп. 2. Д. 166. Л. 3.
12. Его Высокоблагословению отцу ректору Ставропольской Духовной Семинарии. 20 февраля 1918 г. // ГАСК. Ф. 91. Оп. 2. Д. 166. Л. 2.
13. Доклад Правления Екатеринодарского духовного училища в Высшее Церковное

Управление на юго-востоке России. 5 июля 1919 г. // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 492. Оп. 1. Д. 261. Л. 4–5 об.

14. Доклад Педагогического Совета Екатеринодарского духовного училища в Ведомство народного просвещения Кубанского Краевого Правительства // ГАКК. Ф. 492. Оп. 1. Д. 261. Л. 6–6 об.
15. Выписка из протокола № 13 заседания Совета при управляющем Ведомством народного просвещения от 19-го сентября 1918 г. // ГАКК. Ф. 492. Оп. 1. Д. 261. Л. 13.

Плиева Э. Г.,
г. Анапа,
Анапский археологический музей,
заведующая отделом краеведения

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ АДЫГОВ

До XIX века о народах, населяющих побережье Черного моря, были весьма ограниченные сведения. Средневековый автор Дж. Интериано писал: «Народ, называвшийся адыге, занимал (территорию) от р. Дона по азиатскому берегу Азовского моря до Боспорского пролива и далее по берегу Черного моря» [1]. Начиная от р. Суп, все долины, лежащие на северо-запад до р. Шипс были заняты шапсугами. За Шипсом вся территория между низовьем Кубани и Черным морем была заселена племенем натухайцев. Среди натухайцев проживали представители адыгских племен, потерявших свою самобытность: чебеин (чебсин), хетук (адале) (жили на Таманском полуострове) и хегайк (шегаки) – некогда большое племя, занимавшее окрестности Анапы в котловине Чехурай. Военные события и чума 1812 года привели к их исчезновению [2]. Натухайцы и шапсуги имели один язык и самоназвание агучипс. Они давали прибежище всем недовольным из соседних народов, поэтому были самыми многочисленными племенами [3].

В течение столетий адыги сохраняли свои древние верования и обряды, в которых прослеживается почитание природы. В первой половине XIX века Л. Я. Люлье собрал этнографические материалы на земле шапсугов, натухайцев и абадзехов, в том числе о сохранившихся доисламских верованиях и религиозных обрядах. У адыгов одним из главных божеств являлся Шибле – божество молнии, смерть от которой считалась почетной, а могила погибшего – священной. Занятия адыгов определили появление скотоводческих и земледельческих культов. В жертву богу Ахину, покровителю крупного рогатого скота, приносили корову. Бог Амиш (Емишь) был покровителем мелкого рогатого скота – ему даровали коз и овец. Богом плодородия, покровителем земледелия, являлся Созереш (Созерис). Покровительницей пчеловодства была Мерием, в своих молитвах горцы называли ее матерью великого бога. Мезитх – божество лесов, покровитель охотников. Почитали адыги бога кузнецов Тлепш(с)а [4]. Железо и кузнецы, работавшие с ним, считались обладателями сверхъестественной силы, способной исцелять больных и раненых.

Турецкий путешественник Э. Челеби, побывав в Черкесии в середине XVII века, описывает священное дерево во владениях адыгов: «Дерево это такое толстое, что только 22 человека, взявшись за руки, с трудом могут обхватить его ствол... Поклоняющиеся каждую ночь возжигают вокруг него сотни тысяч восковых свечей... и... прибывают... какой-нибудь металлический предмет – сломанное оружие, гвоздь, подкову и т. п. За тысячи лет ствол дерева оделся в своеобразный железный панцирь... Считается, что человек,

подаривший этому дереву какой-нибудь железный предмет, может рассчитывать на его помощь в земной и загробной жизни» [5]. У адыгов долго сохранялись следы не только лечебной, но и бытовой магии.

Культ предков и вера в загробный мир, в бессмертие души нашли отражение в погребальном обряде адыгов. На протяжении времени он менялся в деталях, но сущность его оставалась неизменной. Так, на Черноморском побережье в раннее средневековье зихи хоронили своих покойников в ямах, положив голову на запад. Представление о загробном мире в погребальном обряде связано с сопровождением покойника предметами, которыми он пользовался при жизни.

Большинство исследователей считает, что христианство пришло к адыгам из Византии. Среди черноморских зихов христианство стало распространяться с V – VI вв. С образованием во второй половине X века русской Тмутаракани в распространении христианства активную роль стала играть Киевская Русь. При археологических исследованиях топография находок крестов, икон, христианских надписей и церквей показывает, что христианство проникло во все районы, заселенные тогда адыгами [6]. Это не было «чистое» православие, а смесь языческих и греческих обрядов, переплетавшихся с народными верованиями. Христианство у адыгов продолжало существовать еще в XIV веке в его греко-византийской православной форме, а в церковном клире находились священнослужители из числа горцев [7].

Итальянский путешественник Дж. Интериано, который побывал в Черкесии в XV века, писал об адыгах: «Они исповедуют христианскую религию и имеют священников по греческому обряду. Крещение же принимают лишь по достижении 8-летнего возраста, и крестят у них по несколько человек зараз простым окроплением святой водой, причем священник произносит краткое благословение... Попы у них служат по-своему, употребляя греческие слова и начертания, не понимая их смысла» [8].

С возникновением в конце XIII – начале XIV веков генуэзских колоний на Азовском и Черноморском побережье Кавказа Римская католическая церковь делает попытки распространения католицизма среди горцев, но генуэзских миссионеров сопровождают неудачи. «Католичество принимали лишь отдельные черкесские князья... большая же часть их продолжала исповедовать греческую веру» [9]. После прекращения связи племен Северо-Западного Кавказа с Византией христианским богослужением занимались, скорее всего, местные священники.

После занятия турками Анапы благодаря турецкому духовенству среди адыгов появляются последователи пророка. «Многие шогени (священники) были убиты или сожжены, а пастырские жезлы расхищены и брошены с презрением». Память об этом событии сохранилась до сих пор в народной жизни. «Чтоб твое имущество было расхищено так, как расхищены шогенские жезлы!» – говорит рассердившийся черкес» [10].

Ислам, насаждаемый силой, прививался плохо, принимала его, в основном, адыгская знать. Началась борьба христианства и ислама. Народное предание сохранило рассказ о сопротивлении адыгов исламу. Шапсуги, видя,

что в Анапе, Кабарде и ногайских степях распространяется магометанство, решили сами принять новое учение. Построили мечети и стали молиться на юг. Натухаевцы по-прежнему поклонялись кресту и молились на восток. Чтобы навязать новую религию силой и мечом, шапсуги напали на натухаевцев и сожгли кресты. В ответ натухаевцы напали на шапсугов и сожгли их мечети. Оба племени несколько раз обращались с жалобами к анапским пашам, которые были магометанами. По сказаниям народа, борьба продолжалась на протяжении 20 лет. В результате Анапский Гассан-паша со значительным войском вступил в земли адыгов и склонил всех черкесов (где силой, где подарками) к принятию магометанства [11].

В 1829 году «весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая» юридически был закреплен в вечном владении Российской империи. После четырехсотлетнего перерыва христианская жизнь на Черноморском побережье стала возрождаться. Носителями ее в тот период являлись казаки и славянские переселенцы из центральных губерний Российской империи. В крепости Анапа стала обустраиваться церковь преподобных Онуфрия Великого и Петра Афонского [12].

В октябре 1840 года «штатным священником Анапской крепости Св. Онуфрия Великого и Петра Афонского» стал отец Феодор (Федор Иванович Коссин), который активно занимался миссионерской деятельностью [13].

18 ноября 1854 года он докладывал коменданту Анапской крепости подполковнику Ознобишину, что «горец натухайского племени Ассава Кароли Бостоков, сходно его неизменного желанья принять православное исповедание по уличению над ним троекратного оглашения и испытания в твердости его намерения, окрещен мною 17-го минувшего октября и при крещении наречен Иаковом. Восприемником был... войсковой старшина Азовского казачьего войска Тимофей Леонтьев Сердюков, а 22-го числа того же октября он, Бостоков, обвенчался первым законным браком с вдовою на пред сего принявшею крещение натухайского же племени женкою Еленою Христофоровною». Отец Феодор просил наградить горца денежным пособием или зачислить в горский эскадрон [14].

Весною 1870 года «из бывших закавказских горцев шапсугского (шапсугского) племени магометанского вероисповедания Исаак Кут принял св. крещение и наречен Николаем. Восприемником был... Адагумского казачьего полка сотник Димитрий Александров Борзиков и того же полка надворного советника жена Мария Васильевна Лилле» [15].

Таким образом, религия черкесов характеризуется как сложная и самобытная. Христианство в греко-византийской православной форме представляло смесь языческих и греческих обрядов, переплетавшихся с народными верованиями, и просуществовало с VI до XIV веков. Магометанство насаждалось с XV до середины XIX веков. Ислам также не существовал в своей классической форме и не коснулся большей части простого населения, в особенности жителей морского побережья. Их религиозные верования состояли из смеси христианства, ислама и язычества.

Использованные источники и литература

1. Люлье Л.Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. Нальчик, 2004. С. 63.
2. Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними горскими народами // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе. С. 48.
3. Там же. С. 49.
4. Люлье Л.Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе. С. 73-75.
5. Челеби Э. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып. 2. С. 84–85.
6. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Пятигорск, 2007. С. 28.
7. Там же. С. 25.
8. Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974. С. 47.
9. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.-Пятигорск, 1992. С. 28.
10. Дубровин Н.Ф. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2002. С. 101.
11. Там же. С. 101.
12. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 963. Л. 13.
13. Там же. Л. 13,16.
14. Там же. Д. 17-23. Л. 66.
15. АОАГКА. Ф. 311. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

Смирнова И. В.,
г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
директор

НЕ СТАРЕЮТ ДУШОЙ ВЕТЕРАНЫ

(к 30-летию народного академического хора ветеранов войны и труда МКУ «Центр культуры и досуга» г. Изобильного)

22 апреля 2015 года народный академический хор ветеранов войны и труда г. Изобильного отметил свое 30-летие. По воспоминаниям Антонины Павловны Духненко, одной из старейших участниц коллектива, хор ветеранов был организован по инициативе первого секретаря РК КПСС В. П. Бондарева. В него вошли работники культуры и районной администрации. Впервые собрались в феврале 1985 года. Первое выступление состоялось в мае, накануне 40-летия Великой Победы. Выступили, и хор распался.

Первый руководитель хора – Гудкова (Валова) Валентина Михайловна – выпускница дирижерско-хорового отделения Ставропольского культурно-просветительного училища – проработала недолго. Руководить хором пригласили Анатолия Павловича Брунковского – учителя средней школы № 3 г. Изобильного. В 1991 году он заболел и скоропостижно умер.

Участники хора ветеранов обратились к Т. А. Перемытько – руководителю хора «Зори золотые». Майский концерт 1992 года проходил под ее руководством. С тех пор она стала бессменным руководителем этого коллектива.

Татьяна Александровна Перемытько родилась в 1949 году в Омске. Там окончила школу, а в 1968 году – музыкальное училище им. В. Шебалина по классу хорового дирижирования. Работала в музыкально-хоровой школе Омска, затем руководила хором Детской музыкальной школы в Хабаровском крае. Прожив долгие годы в Сибири и на Дальнем Востоке, она очень хотела переехать на юг. Перемытько отправила запросы в несколько мест, в том числе в Ставропольское управление культуры. Оттуда ей пришла телеграмма за подписью заведующей Изобильненским отделом культуры Е. И. Пожидаевой: «Срочно требуются специалисты вашей квалификации». В августе 1985 года семья Перемытько переехала в г. Изобильный. Татьяна Александровна была принята на работу руководителем хора «Зори золотые», а с 1992 года стала руководить и хором ветеранов.*

Репетиции проходили в районном Доме культуры, в хоровом классе на втором этаже. В 1995 году, к столетию Изобильного была сделана пристройка к Дому культуры, реконструирован хоровой класс. Планировалось проводить занятия в помещении у входа в городской парк, где до 1991 года располагался музей. Но бывшее здание музея разрушили и на этом месте установили

* Татьяна – руководитель хора, ее муж Сергей – руководитель духового оркестра.

памятный знак в честь 100-летия основания Изобильного. С этого момента хор занимается в зрительном зале районного Дома культуры.

В 1990 году хору впервые было присвоено звание «народный». Все последующие годы хор подтверждал это звание. Часто члены комиссии стоя аплодировали ветеранам. С приходом Перемытыко в качестве руководителя хора он стал еще и академическим. В составе хора 30 человек, они исполняют трех- и четырехголосные произведения. В его репертуаре преобладают авторские песни о войне, Родине, людях труда, а также народные песни в обработке для академического хора. Последняя защита звания прошла в июне 2014 года.

Руководитель хора всегда находится в поиске новых форм художественной выразительности песни. Так был создан творческий союз – хор ветеранов и ансамбль мальчиков «Дружба» средней школы № 1 г. Изобильного. Исполнение песен «Катюша» и «Виновата война» не оставило равнодушных в зале, многие не прятали слез.

Участники хора – ветераны войны и труда. Многие из них внесли весомый вклад в социально-экономическое развитие Изобильненского района. А. П. Духненко пришла в хор в январе 1986 года по объявлению в районной газете и была его активной участницей 22 года. Будучи старостой хора, решала вопросы пошива сценических костюмов и организации выступлений. Руководила фольклорной группой.

В апреле 2001 года в с. Донском Труновского района проходил краевой зональный конкурс фольклорных коллективов края «Живая старина», цель которого – сохранение, возрождение и развитие фольклорных традиций на Ставрополье. Фольклорный ансамбль «Лучинушка» хора ветеранов войны и труда ЦКиД г. Изобильного принимал участие в конкурсе со старинным обрядом «Посиделки». Коллектив был назван лучшим на этом конкурсе.

19 мая 2001 года «Лучинушка» приняла участие в фестивале-конкурсе «Казачья сторона», который проходил в День Ставропольского края – 2001 в Ставрополе. И здесь наши земляки оказались в числе лучших. Атаман Терского казачьего войска Василий Бондарев вручил им Почетную грамоту, Диплом I степени и подарок – магнитофон. Руководителю фольклорного ансамбля А. П. Духненко было вручено Благодарственное письмо за бескорыстное служение делу возрождения казачества в России.

В сентябре 2001 года в рамках научно-практической конференции по проблемам изучения, сохранения и развития традиционной культуры славянского населения Юга России был организован и проведен конкурс лучших коллективов традиционной культуры Ставропольского края «Живая старина». На нем выступило более 50 коллективов, опирающихся на местные традиции и использующих в своих программах образцы народной хореографии, мотивы народных песен. Газета «Ставропольская правда» от 22 сентября 2001 года писала: «Настоящим открытием конкурса стал ансамбль А. П. Духненко из г. Изобильного, исполнивший свой песенный репертуар с редкой виртуозностью».

У Антонины Павловны сохранились списки первого состава хора и тексты исполняемых песен. Татьяна Тарасовна Салинка в хоре со дня его

основания, была солисткой хора. Вместе с Духненко они ходили по организациям – выявляли голоса, приглашали в хор. Татьяна Тарасовна была артисткой театра и замечательным садоводом. Принимала участие в озеленении центра Изобильного, территории завода «Атлант». Очень любила рисовать. В фондах Музея истории Изобильненского района хранятся ее живописные работы и карандашные зарисовки с видами Изобильного.

Народный академический хор ветеранов войны и труда ведет активную концертную деятельность. За последние пять лет они участвовали в фестивалях и удостоились ряда дипломов:

В 2009 году хор получил Диплом III-ей степени на I Региональном военно-патриотическом фестивале-конкурсе народного творчества «Во имя Победы, весны и любви!», завоевал Гран-при районного фестиваля «Ветер Победы».

Участникам хора было вручено Благодарственное письмо архиепископа Ставропольского и Владикавказского Феофана за вклад в развитие и сохранение народного творчества и традиционной культуры.

В 2010 году хор получил Диплом участника краевого праздника хоров ветеранов «Песня, опаленная войной», проходившего в рамках Всероссийского фестиваля народного творчества «Салют Победы» в честь 65-летия Великой Победы в городе Невинномыске.

В 2011 году руководителю хора было вручено Благодарственное письмо Главы муниципального образования Донского сельсовета В. В. Вакулы за активное участие в проведении концертов, посвященных Дню пожилого человека в рамках празднования Дня села Донского.

В 2012 году хор получил Диплом I степени 5-го фестиваля хоров ветеранов Северо-Кавказского федерального округа «Нам дороги эти позабыть нельзя», посвященного празднованию Дня Победы.

В 2013 году хор завоевал Диплом участника фестиваля и Диплом лауреата II степени 6-го фестиваля хоров ветеранов Северо-Кавказского федерального округа «Нам дороги эти позабыть нельзя»; Диплом Ставропольской краевой организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов за активное участие в смотре – конкурсе хоров, посвященном 25-летию краевой ветеранской организации и 70-летию освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков. Благодарственным письмом краевой общественной организации ветеранов в 2013 году была отмечена Т. А. Перемытько.

2014 год ознаменовался получением Диплома участника VII фестиваля-конкурса хоров ветеранов Северо-Кавказского федерального округа «Нам дороги эти позабыть нельзя», посвященного празднованию Дня Победы.

Хор активно участвует в городских и краевых мероприятиях. Много гастролирует в Ставрополе, Шпаковском и Труновском районах, выступает в трудовых коллективах, сотрудничает со средними школами. Коллектив хора – частый гость в Ставропольском геронтологическом центре, Пятигорском военном госпитале.

Более трех лет хор ветеранов города Изобильного сотрудничал с хором патриотической песни города Ставрополя (руководитель Валерий Коротков). К юбилею Валерия Кушнарера был организован сводный хор, и оба коллектива, исполняя песни Кушнарера, подтвердили звание «народный».

Хор принимает участие в мероприятиях, проводимых Изобильненским благочинием, участвует в фестивалях «Троицкие гуляния», «Семена благие», «Рождественские гуляния». В репертуаре коллектива более 100 песен. Одни из самых любимых и популярных – «Прощание славянки» и «Старина Кавказ».

С мая 1996 года бессменным концертмейстером хора является Татьяна Анатольевна Епишева – выпускница Кузнецкого музыкального училища. Камо Каграманян аккомпанирует фольклорной группе, занимается с солистами.

Совсем скоро хор отметит свое тридцатилетие. Этот юбилей – свидетельство творческой зрелости и молодости души как хора в целом, так и каждого его участника в отдельности. По-прежнему хор принимает активное участие в конкурсах исполнительского мастерства, в культурном обслуживании тружеников сельского хозяйства в периоды жатвы и зимовки, в городских и районных мероприятиях. Его руководитель – Татьяна Перемытько – ветеран труда, Почетный работник образования Российской Федерации.

Преемственность поколений никогда не прервется! Новые песни хора будут радовать нас долгие-предолгие годы.

Использованная литература и источники

1. ГБУК СК «Музей истории Изобильненского района». Ф. 19, ед. хр.7. Ф. 4, ед. хр. 20.
2. Полевые сборы автора: воспоминания Духненко Антонины Павловны (рукопись); воспоминания Перемытько Татьяны Александровны (рукопись).

Состин Д.И.,
г. Ставрополь,
Ставропольский Государственный педагогический
институт, доцент кафедры истории и права,
кандидат исторических наук

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТАВРОПОЛЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (на материалах губернской статистики)

Проблемы и перспективы социально-экономических преобразований в России на рубеже XIX–XX веков, неоднозначность их восприятия современным российским обществом вызывают особый интерес. Подробное изучение, анализ особенностей российской модернизации начала XX века, обращение к некоторым формам и методам решения стратегических и тактических задач социально-экономического развития того исторического периода позволяют сегодня сформировать новые, более благоприятные условия для экономического роста, устойчивого социального прогресса России. Это особенно важно в условиях, когда экономика России продолжает испытывать на себе негативное влияние таких факторов как коррумпированность, принудительное регулирование цен, монополизм, система экономических рисков, выраженный сырьевой и антиинновационный характер, отсутствие экономической безопасности. Оставляет желать лучшего и социальная сфера.

В этой связи показательным в плане изучения является Ставрополье, где еще во второй половине XIX века, после реформы 1861 года, создавали благоприятные условия для ускоренного социального и экономического развития. Оно сопровождалось внутренней миграцией из центральных губерний страны, а также укрупнением местных социальных групп, особенно казачества, упрочение позиций которого в рамках государственного пространства России сохранялось в регионе на протяжении всего пореформенного периода.

Тогда, как показывают источники, на Ставрополье сложился новый социокультурный тип, черты которого проявились прежде всего в ставропольском крестьянстве, соединившем в своей бытовой культуре как особенности славянского (русского, украинского, белорусского) населения и лучшие традиции местных кавказских народов, так и специфику условий хозяйственного освоения региона.

Значительную роль в изучении социально-экономического положения Ставропольской губернии сыграли материалы губернского Статистического комитета. Много лет Статистический комитет возглавлял И. Бентковский, который первым выступил с ходатайством о создании в Ставропольской губернии Ученой Архивной комиссии. Там же работал и выдающийся общественный деятель, журналист, краевед и юрист Г. Н. Прозрителев. Он оставил потомкам бесценное наследие в виде научных работ и краеведческих

публикаций, имея прямое отношение к собиранию статистических сведений о различных сферах жизни Ставрополя.

Работая в 1906–1920 годах в Архивной комиссии, Прозрителев занимался, в частности, и статистикой. Он проводил сравнительный анализ Ставрополя с другими губерниями. На основании цифр Прозрителев пришел к выводу, что перевес земледельческой деятельности не обусловлен плотностью населения, а наоборот, большее пространство земли, имеющееся в распоряжении населения, способствует развитию культуры земледелия и благосостоянию населения.

Его особое положение при губернаторе, известность в научных, литературных и деловых кругах Петербурга, Москвы, Тифлиса, Ставрополя, Екатеринодара объясняются отнюдь не высоким чином и денежным состоянием. Тысячи страниц его статей, книг, карт и таблиц, прочные и многолетние связи с крестьянами, ремесленниками, торговцами, чиновниками, учителями, военными, скромными тружениками уездной и губернской администраций надолго обеспечили широкое признание и уважение к нему. Его методика статистических исследований использовалась и совершенствовалась позднее многими историками, географами, работниками Статистического комитета.

Статистические материалы свидетельствуют о том, что пореформенная колонизация Ставрополя и развитие капиталистических отношений в регионе обусловили к началу XX века существенные качественные изменения в территориальной организации и социально-классовой структуре населения.

Ставрополье характеризовали следующие особенности:

- в структуре населения преобладали сельские жители (90,5%);
- доля городского населения (9,5%) была ниже общероссийского показателя (на 3,3%); основным типом крестьянских поселений выступали крупные села с десятками и сотнями дворов и более чем 1 тыс. жителей (в них проживало 85% сельского населения), также распространены были отселки и хутора [1];

- более половины населения было моложе 20 лет; соотношение мужчин и женщин составляло 1:0,9; существовала большая пестрота этнических групп, тем не менее преобладали восточнославянские народы – 92%;

- к началу XX века структура сельскохозяйственного производства в губернии в стоимостном выражении изменилась в пользу полеводческой продукции, отличавшейся разнообразием культур и качеством сортов, на что оказали заметное влияние переселенцы из центральных губерний России, Украины и других районов страны, которые принесли с собой передовые методы ведения хозяйства, новые сельскохозяйственные орудия и культуры;

- в губернии сформировался район товарного производства картофеля, подсолнечника, льна, конопли, однако все эти культуры уступали в объемах производства двум главным рыночным зерновым культурам – пшенице и ячменю, которые к концу XIX – началу XX века все больше вытесняли остальные на посевных площадях;

- к концу XIX – началу XX века край был полностью втянут в общероссийский рынок, а за счет высококачественной яровой и особенно

озимой пшеницы – удовлетворял и часть потребностей мирового рынка, что сыграло решающую роль в изменении структуры и уровня развития сельскохозяйственного производства;

– общие показатели социального расслоения крестьянства края существенно отличались от показателей по европейской части России.

К началу XX века в Ставропольской губернии можно было выделить такие тенденции как значительный рост числа и некоторое увеличение доли зажиточных хозяйств; снижение доли бедняцких хозяйств; стабильность внутрисельского средняцкого слоя. При этом первый из долевого показателя превышал, второй был значительно ниже, а третий превосходил в полтора раза аналогичные показатели по европейской России;

Главной фигурой крестьянства Ставропольской губернии выступал середняк. Средняки характеризовались самым устойчивым экономическим положением. Они были лучше наделены землей, чем иногородние, а также крестьяне центральных регионов России. Если в среднем на 1 двор у крестьян центральных губерний приходилось по 6–7 десятин земли, то у ставропольских крестьян такое количество земли приходилось на 1 мужскую душу, а на средний крестьянский двор приходилось 15–20 десятин земли [2].

Разными были размеры посевных площадей у ставропольских и центрально-русских крестьян. Если, например, в хозяйствах крестьян-середняков Ярославской губернии под посевами зерновых культур находилось 1,2–2 десятины земли, в Вологодской, Курской – по 2–3 десятины, то у крестьян-середняков Ставрополя, несмотря на нехватку рабочих рук, вызванную войной, в 1914–17 годах посевные площади составляли 10–15 десятин [3].

Характерной чертой крестьянских хозяйств Ставрополя была обеспеченность их скотом и лошадьми. Как показывает сельскохозяйственная перепись 1917 года, в большинстве крестьянских хозяйств имелось по 3–5 лошадей, 10–15 голов крупного и мелкого рогатого скота [4]. Экономически такие хозяйства были более сильными, чем хозяйства крестьян-середняков центральной России, они приравнивались к кулацким хозяйствам центральных губерний.

Крестьяне Ставропольской губернии активно создавали единоличные хозяйства – хутора. В период войны, мобилизации этот процесс замедлился, но по сравнению с Центральной Россией, где он проходил менее интенсивно и более болезненно, он продолжился. Если в Орловской губернии в 1916 году насчитывалось 17023 домохозяев, вышедших на хутора, в Рязанской – 15.219, то на Ставрополье их количество дошло до 34.900 и продолжало увеличиваться [5]. К 1917 году на Ставрополье было 43.900 хуторских домохозяйств, что составляло более трети всех крестьянских хозяйств губернии [6]. Ставропольские хуторяне были земледельцами, имевшими по 20–25 десятин земли [7].

Следующей группой ставропольских крестьян были крупные собственники, располагавшие сотнями и более десятин земли. К частновладельческим относились хозяйства, владельцы которых не входили в

сельские общества. Частновладельческими были также помещичьи, дворянские хозяйства. Однако в общей массе частновладельческих хозяйств их было немного, их значение в сельхозпроизводстве губернии, и не только ставропольской, снижалось. Это выражалось в интенсивной передаче ими своей земли в аренду.

В Ставропольской губернии в 1917 году помещикам принадлежало 13% всех частновладельческих земель [8]. Арендовали, а также покупали помещичьи земли прежде всего зажиточные крестьяне. Именно они в рассматриваемый период составляли основную массу всех частных владельцев на Ставрополье. Из 6914 имевшихся здесь в 1917 году частновладельческих хозяйств 6340 хозяйств относились к крестьянским [9].

Бедняков в общей массе ставропольских крестьян было сравнительно немного. Это объяснялось относительным многоземельем, хотя к началу XX века свободных земель в губернии оставалось мало, а также благоприятными природно-климатическими условиями, способствующими успешному ведению сельского хозяйства. Эти факторы позволяли населению региона обеспечивать свои минимальные потребности. И все же социальная дифференциация наблюдалась и в этой категории крестьян. С одной стороны, она была результатом продолжающегося развития капитализма в сельском хозяйстве (Столыпинская аграрная реформа), с другой, усиливалась под влиянием войны, экономического кризиса.

По статистике в 1917 году в Ставропольской губернии насчитывалось 5.940 безземельных хозяйств. Некоторые исследователи относят их к бедняцким, учитывая отсутствие в таких хозяйствах посевов и скота. Между тем, можно предположить, что не все безземельные крестьянские хозяйства считались бедняцкими. Многие крестьяне этой категории занимались промыслами, ремеслами, торговлей: 3.365 хозяйств из 5.940 [10].

Итак, большинство аграрного населения Ставрополья представляло собой экономически стабильную категорию местной социальной структуры. Самым многочисленным, экономически крепким социальным слоем крестьян края были середняки, превосходившие во всех отношениях аналогичный слой крестьян центрально-русской деревни. Бедняцкая прослойка среди ставропольских крестьян была сравнительно небольшой.

Большое значение в изменении территориальной организации населения губернии и его социально-классовой структуры имел рост городов, которые в конце XIX – начале XX веков приобрели черты, характерные для индустриальной эпохи. Вместе с тем, доля горожан, занятых в промышленности и торговле, оставалась невысокой. Сформировались (преимущественно за счет рабочих, прибывавших из индустриальных центров России, частично за счет местного безземельного населения) кадры промышленных рабочих, в том числе и квалифицированная их часть.

На противоположном полюсе формировалась буржуазия, при этом удельный вес крупной буржуазии на Ставрополье был почти в два раза ниже среднего показателя по стране в целом.

Таким образом, опыт социально-экономического развития Ставрополья в прошлом, который находит подтверждение в документах находящейся в архивах региональной (губернской), а также общероссийской статистики начала XX века, востребован сегодня. С помощью него возможны реальные преобразования в настоящее время как в экономике, так и во всех сферах российского общества.

Использованная литература и источники

1. Госданкер В.В. Историк-краевед И.В. Бентковский (1812–1890 гг.). Краткий очерк о научно-краеведческой деятельности. Ставрополь, 1976. С. 222–251.
2. Дубровинский С.М. Столыпинская аграрная реформа. М., 1963. С. 586, приложение 6.
3. Кругов А.И. Крестьянское хозяйство России в конце XIX – первой четверти XX в. (на материалах Старополья, Кубани, Дона). Ставрополь, 2008. С. 168–195.
4. ГАСК. Ф. 80. Оп. 2. Д. 17. Л. 7.
5. Дубровинский С.М. Указ. соч.
6. ГАСК. Ф. 80. Оп. 2. Д. 512. Л.36.
7. Там же. Д. 164. Л. 8.
8. Ратушняк В.Н. Аграрные отношения на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. Краснодар, 1962. С. 41.
9. Там же.
10. ГАСК. Ф. 80. Оп. 2. Д. 13. Л. 4.

Стрекалова Е. Н.,

г. Ставрополь,

Северо-Кавказский федеральный университет,

доцент кафедры истории России,

кандидат исторических наук

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СТАВРОПОЛЬЕ

Современная экономика, основанная на знаниях, и значимая роль интеллектуального потенциала в этом процессе актуализируют изучение отечественного опыта создания и развития высшего образования в России. Полинациональная специфика, соседство целого ряда культур, особый характер северокавказского пограничья углубляют интерес к проблеме. Кроме того, само по себе поразительно возникновение высшего образования на Северном Кавказе в условиях разрушительной Гражданской войны. Особенным стало и то, что первыми возникшими в регионе вузами были преимущественно технические по специализации учебные заведения. С созданием Кубанского и Владикавказского политехнических институтов, Ставропольского губернского сельскохозяйственно-технического института и его инженерно-мелиоративного отделения начинается развитие высшего образования в регионе [1].

Необходимость развития технического образования в крае уже в начале XX века понимали многие представители прогрессивной общественности. Деятели Кавказского учебного округа подчеркивали, что отсутствие необходимого количества учебных заведений и специалистов из числа местных

жителей, знающих специфику региона, сдерживает экономическое развитие Северного Кавказа [2]. В отчете начальника промышленных учебных заведений Кавказского учебного округа инженера А. И. Роговского подчеркивалось, что промышленное развитие края – по природным богатствам «жемчужины России» – многое зависит в значительной степени от развития образования, в особенности промышленного [3]. Однако правительство оставалось глухо к призывам образованной элиты, поскольку развитие технического образования требовало вложения крупных капиталов.

Высших учебных заведений на Северном Кавказе не существовало до 1917 года. Желая получить образование было необходимо поступать в вузы крупных промышленных центров страны. К 1916 году в стране было 13 технических вузов. По количеству технические учебные заведения уступали университетам, но опережали педагогические вузы. В них обучалось всего 22 тысячи 825 человек на 130-миллионное население России [4].

Учебу в центральных вузах могли позволить себе только дети очень состоятельных родителей. Препятствием являлись и сословные ограничения. Это влияло на социальный состав студентов. К началу XX века из 79 обучавшихся в вузах жителей Ставропольской губернии 60 принадлежали к дворянскому сословию. В Терской области из 152 учащихся в центральных вузах терцев дворянами было 120 человек [5].

Ближайшим городом, где находился технический вуз, для северокавказских абитуриентов был Новочеркасск. Вуз здесь открылся в 1907 году и включал горный, химический, механический и первый в России инженерно-мелиоративный факультет. На открытие новых высших учебных заведений правительство не выделяло средств.

Об открытии вуза в Екатеринодаре с 1903 года неоднократно ходатайствовали представители местной буржуазии и Екатеринодарская городская дума. В 1913 году на уровне попечителя Кавказского учебного округа поднимался вопрос о важности немедленного создания механического и химического высших учебных заведений с отраслями горнозаводской промышленности на Кавказе. Однако добиться положительного решения и открыть вуз до 1917 года не удалось. Одной из черт отсталости дореволюционной России являлась недооценка необходимости подготовки технических специалистов [6].

В регионе существовало среднетехническое и низшее техническое образование. Во Владикавказе и Ставрополе подготовку специалистов вели 2 ремесленных училища. 11 низших технических школ региона выпускали мастеров разных специальностей [7].

На начало века приходится бурное развитие Майкопских нефтяных промыслов, что актуализировало ценность технических знаний. В это время среди горских народов стала проявляться все большая заинтересованность в техническом образовании. Даже низшее техническое образование стало представлять для многих значительную ценность. Об этом свидетельствует решение Попечительского совета Хакурино-хабльского сельского училища в

Адыгее. Даже с невысоким техническим образованием можно было найти иную работу, кроме земледельческой.

Однако, как показал анализ контингента среднетехнических учебных заведений, среди учащихся были лишь единицы горцев. В 1916 году в технических учебных заведениях всех типов из 1174 обучающихся человек училось всего 18 горцев с Северного Кавказа, то есть не более 1,5% [8]. Низкая грамотность и высокая плата за обучение являлись основными причинами столь низкого представительства горского населения в технических учебных заведениях.

Первые технические вузы на Северном Кавказе появились в 1918 году, в трудные для страны годы Гражданской войны. Инициатором образования учебных заведений в регионе стало созданное в январе 1918 года в Екатеринодаре «Общество попечения о Кубанском политехническом институте», во главе которого стоял физик с мировым именем Б. Л. Розинг. В обществе состояло около 100 единомышленников. Среди них был чиновник городской управы и краевед П. В. Миронов. Он часто выступал в печати с призывами о крайней необходимости технического образования. Миронов писал, что «мировая война воочию показала все наше техническое, и даже интеллектуальное убожество» [9].

После установления Советской власти «Общество попечения» обратилось в Кубано-Черноморский областной совет народного образования и 16 июня 1918 года получило подтверждение об учреждении Политехнического вуза в составе 6 факультетов: инженерно-строительного, электромеханического, горного, экономического и сельскохозяйственного. 1400 человек сразу выразило желание учиться в новом вузе [10]. Утверждение политехнического института в Екатеринодаре Советом народного образования произошло после фактического создания вуза и лишь поставило заключительную точку в этом большом и сложном деле.

Захват Екатеринодара Добровольческой армией был трудным периодом в судьбе института. Только вмешательство А. И. Деникина сохранило жизнь учебному заведению. Однако 10 февраля 1919 года казачье правительство создало свой Кубанский политехнический институт, состоявший из сельскохозяйственного и экономического факультетов, куда могли поступать только казаки. Позже вузам пришлось объединиться, чтобы сохранить учебное заведение.

Успешной работе вуза во многом способствовал приток интеллигенции из центра страны на ее окраины после революции 1917 года: это было 14 профессоров, 17 доцентов и 10 преподавателей. У истоков нового вуза стояло несколько знаменитых ученых-инженеров. В частности, архитектор-строитель морской крепости в Ревеле А. Я. Бурмистров, начальник Морского инженерного училища В. А. Удинцов, инженер путей сообщения Ф. Н. Веригин, горный инженер и прокурор горного департамента С. Ф. Малявкин, адъютант-геолог Геологического комитета А. Н. Огильви [11]. Кубанский вуз стал первым, но не единственным техническим институтом, открывшимся в 1918 г. на Северном Кавказе. В октябре 1918 г. Совет народных

комиссаров Терской области принял решение об организации политехнического института во Владикавказе.

30 мая 1919 года в период наиболее тяжелых боев на восточном и южном фронте Гражданской войны в г. Ставрополе проходило заседание Правления Ставропольского общества содействия распространению сельскохозяйственного, технического, экономического знания на Северном Кавказе. В состав группы интеллигенции, занимающейся созданием вуза, входили представители губернского земства и городского управления, возрожденного при Белой армии – Р. Р. Глиндзич, А. А. Карелин, А. А. Календарь и Г. К. Пправе.

Выступавший на заседании общества профессор М. А. Шапошников заявлял, что созданию вуза в Ставрополе благоприятствует наличие богатейшего музея, опытной сельскохозяйственной станции, обширные поля. Он отмечал, что необходимо открыть и инженерно-мелиоративный факультет, необходимый для развития сельского хозяйства. Завершая свою речь, профессор отмечал, что «было бы большим общественным грехом, если бы открытие института не осуществилось».

Занятия в вузе предполагалось начать с 30 сентября 1919 года. В дальнейшем обучение строилось по триместрам, срок обучения ограничивался 3 годами. Открывались 150 вакансий для высшей ступени и столько же для средней ступени обучения. Правлением было решено назначение на должность ректора профессора В. А. Савича. После чего институт выступил с ходатайством перед Городским обществом о денежной субсидии на содержание института. Предлагалось небольшое обложение в пользу института со всех продуктов питания, выпускаемых городским обществом в продажу. Кроме того, устанавливалась и плата за обучение в размере 300 рублей в год [12]. Создание института приветствовалось общественностью. 7 августа 1919 года на Совете института выступил председатель Союза мукомолов Ставропольской губернии. Он заявил об увеличении отчислений с 25 до 50 копеек с каждого пуда жидкого и твердого топлива на содержание института [13]. Он предложил создать при институте мукомольное отделение, необходимое губернии. Анализ архивных документов создает впечатление о вполне конструктивной, мирной жизни того времени. Эти документы ломают стереотипное представление о жизни населения страны в годы Гражданской войны. Соотнесение даты выступления председателя Союза мукомолов с военными событиями лета 1919 года и разгромом армии А. В. Колчака в Сибири говорит о том, что люди жили далеко не только войной. Очевидно, интеллигенция связывала свое будущее с правительством Белой армии А. И. Деникина и его победой. Эти документы сохранились в архиве института, который с начала 1920-х годов был утвержден Наркомом просвещения и стал советским вузом.

Осенью 1919 года у вуза возникли финансовые затруднения. Сельхозинститут не получил казенного пособия (пособия от Белого правительства) в размере 2 млн рублей, и вопрос о его финансировании находился на рассмотрении Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. Руководство вуза обращалось за помощью ко всем крупным

предпринимателям Ставропольской губернии: Меснянкину, Пастухову. Финансирование было одной из главнейших проблем, оно не было регулярным. Для времени войны это не было удивительным. Хотя 8 июня 1919 года губернская управа ассигновала 200 тыс. рублей на содержание института, но единовременно [14]. Тем не менее, вуз проводил занятия: преподаватели читали лекции, писали и издавали учебники. Архивные документы показывают наличие новых заявлений абитуриентов. Многие пытались восстановиться, ссылались на прерванное обучение в годы войны. Ученый совет вуза планировал создание при сельскохозяйственном институте отделения племенного растениеводства и животноводства [15].

И все это – осенью 1919 года! В стране война, голод, тиф. Гражданская война унесла 13 млн. человеческих жизней. А интеллигенция создает вуз (очевидна ее созидательная роль). Создавать учебные заведения при Николае II они не смогли, хотя многократно обращались с просьбами. Надежды на лучшее будущее они связывали с Белой армией. Важно, что после поражения Белой армии вузы сохранились и были одобрены советской властью. По документам не прослеживается какого-то «непримиримого водораздела» между эпохами существования институтов в 1919 и 1920 годы. Вузы будут реорганизованы уже в период нехватки финансов в 1923 году.

Использованная литература и источники

1. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). Ф. 89. Оп. 1. Л. 27.
2. Рудольф Н.Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа 1908–1912 гг. Тифлис, 1914. С. 207.
3. Роговский А.И. Промышленные школы Кавказа. Пятигорск, 1914. С. 2.
4. Сборник статистических сведений по СССР. 1918-1923. М., 1924. С. 54.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Ставропольская губерния Т. LXVII. СПб, 1905. С.28, 34–39.
6. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 13–17.
7. Рудольф Н.Ф. Указ.соч. С. 206–208.
8. Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 300–302, 307.
9. Куценко И.Я. Кубанский Государственный технологический университет. История и современность. Краснодар, 1999. С. 17–20.
10. Нагучаев Д.М. Высшая школа на Северном Кавказе: история и современность. Майкоп, 1992. С. 20.
11. Куценко И.Я. Указ. соч. С. 10–11.
12. ГАСК Ф. 89. Оп.1. Д. 2. Л. 10, 14–16, 47.
13. Там же. Д. 1. Л. 38.
14. Там же. Л. 28.
15. Там же. Д.2. Л. 48.

Черкашина Е. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский колледж связи
им. Героя Советского Союза В. А. Петрова,
преподаватель истории

ВЛИЯНИЕ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX в. НА ИНТЕГРАЦИЮ УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В МЕСТНУЮ СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ

Изучение общественной организации ставропольских крестьян представляет большой интерес для исторической науки, так как Ставрополье было районом бурно развивающегося аграрного капитализма, где развитие товарных отношений в крестьянском хозяйстве, его специализация, применение наемного труда и сельскохозяйственных машин сочеталось с архаичными формами феодального общинного землевладения [1].

Исторические этапы развития различных сторон хозяйственной и бытовой жизни сельского населения традиционно относятся к наиболее популярным направлениям в исторической науке. Литературу по исследуемой проблеме делят на три периода: досоветский, советский и постсоветский.

К первому периоду относятся работы, написанные накануне, во время или сразу же после окончания рассматриваемого периода. Как правило, они не отличаются глубоким анализом, но содержат ценный фактический материал, непосредственно воспринимавшийся их авторами и отражавший реальные события из повседневной сельской жизни.

Во второй период вошли труды советских исследователей, характерной особенностью которых являлось стремление показать поступательное развитие сельского хозяйства, равноправное положение колхозников в социальной структуре государства, полное искоренение в их среде каких-либо устаревших традиций, суеверий и других не свойственных советскому человеку взглядов.

Исследования, статьи и публикации третьего периода, который длится с начала 1990-х годов до настоящего времени, четко обозначили критический и более глубокий подход к проблеме крестьянской повседневности. В них были сделаны важные выводы о том, что традиционность и обрядность являются неотъемлемой частью сельского бытия и непосредственным образом связаны с социально-политическими условиями существования крестьянского населения.

Наиболее ценными исследованиями, посвященными развитию сельского хозяйства Ставрополья в означенный период, являются труды В. П. Невской и Т. А. Невской, С. А. Чекменева, В. М. Кабузана, в которых исторические сюжеты разворачиваются вокруг хозяйственных, бытовых и духовных традиций крестьянского населения.

Украина была одним из тех регионов, который давал Северному Кавказу значительный контингент переселенцев еще до отмены крепостного права. Основной силой в процессе освоения региона было казачество: донское,

черноморское, терское, а также крестьяне, размещавшиеся по распоряжению правительства на приграничных территориях. Одновременно осуществлялась нерегулируемая «вольная» колонизация, выражавшаяся в стихийном притоке беглых элементов. Начиная с последней четверти XVIII века, сюда устремились мощные миграционные потоки выходцев из исконно украинских территорий: Киевщины, Переяславщины, Черниговщины, Среднего Поднепровья, а позднее Слободско-Украинской губернии. Заселяя обширные пространства, украинские мигранты переносили с собой определенные ценности, традиции и обычаи, претерпевавшие изменения в результате взаимодействия с иным социокультурным пространством.

В результате реформы 1861 года 344 тыс. (12,9%) бывших помещичьих крестьян Украины были отпущены на волю без земли или с нищенскими наделами. Если сравнить обеспеченность землей сельского населения, то она составляла в Левобережной Украине 57,8%, Правобережной – 35,2%, а в 50 губерниях Европейской России 79,5%. [2]. Другим важным фактором развития миграции явилось подворное землевладение. Его суть заключалась в том, что земельные участки составляли личную собственность тех домохозяев, у которых они находились при издании Положения 19 февраля 1861 года. В великорусских губерниях доминировало общинное землевладение. В отличие от них, крестьяне Украины могли продать свою землю и вырученные средства использовать на расходы по переселению [3].

Адаптационные процессы в среде мигрантов с Украины, прибывших в Кавказское линейное казачье войско, проходили намного сложнее, чем у таких же переселенцев в Черноморию. Здесь они попадали в иную этническую среду, в которой преобладающую долю населения конца XVIII–XIX веков составляли русские, отличающиеся от них самосознанием, образом жизни, традиционно-бытовой культурой. Положение казенных крестьян, как и других категорий переселенцев, было крайне тяжелым из-за трудностей переселения, непривычного климата, болезней.

В XIX – начале XX веков основной единицей административного и хозяйственного устройства ставропольских крестьян была община. Община в лице своего высшего органа – схода и должностных лиц решала все основные вопросы как жизни села в целом, так и отдельных ее членов. Община ставропольских крестьян представляла собой прежде всего поземельную организацию, осуществлявшую уравнивательные переделы земли для обеспечения платежеспособности по тяглым окладам. Основными функциями ее были, как и везде в России, – правовая, административная, судебная, финансовая и фискальная. Особой функцией был прием переселенцев [4].

Формально главным принципом общинного владения землей был принцип равных прав на землю. Правом распоряжаться общинной землей владел сход. В больших селах, имевших много земли, для удобства ее распределения землемер делил ее на несколько частей, или «столбов», как говорили крестьяне. Сход решал, какой именно «столб» пускать под какие крестьянские нужды [5].

В середине XIX века крестьян-переселенцев наделяли в размере 15 десятин на душу, однако все дореформенное время фактическое землепользование было значительно выше этой нормы [6]. В прикумских селах у казенных крестьян в середине XIX века было по 27 десятин земли на мужскую душу. Наделы в конце XIX века колебались от 12 десятин в Новогригорьевском до 8,6 десятин в Медвеженском уездах [7]. До 70-х годов XIX века большинство сел, имея значительные земельные наделы, охотно приписывали переселенцев, выдавая им «приемлемые приговоры», на основании которых крестьян причисляли к селам. Однако за выдачу приемных свидетельств сельские общества взыскивали в пользу мирских сборов, по мнению кавказской администрации, «непомерно высокую плату», что отражалось на положении переселенцев.

Функции ставропольской общины были значительно шире, чем полномочия аналогичных структур в других российских регионах. На наш взгляд, это объясняется специфическим положением губернии и особым этническим составом населения. Располагаясь по соседству с представителями горских и степных народов, крестьяне Ставрополя, переняв положительные устои их жизни, в большей степени ориентировались на укрепление собственной традиционности. Кроме того, ставропольская сельская община как совокупное историческое явление чаще всего организовывалась вместе с населенными пунктами и первоначально включала в себя выходцев из различных областей России, которые обладали не всегда одинаковым потенциалом хозяйственного и культурно-бытового опыта. Тем не менее, благодаря общине все они стали представителями единой социальной общности ставропольского крестьянства, у которой сформировались свои традиции, полностью соответствовавшие условиям хозяйствования и быта.

Сельская община не оставалась неизменной на протяжении всего исследуемого периода, она носила сословный характер. Иногородние жители ставропольских сел должны были подчиняться решениям общества, но не допускались к управлению, не имели земельного надела. Переселение украинцев в северокавказский регион сопровождалось сложным и интенсивным процессом социокультурной адаптации. Оно затрагивало почти все стороны материальной и духовной культуры переселенцев: хозяйственные занятия, жилище, одежду, пищу, семейный и общественный быт, нравы, обычаи, религиозные верования. К середине XIX века наблюдается частичная ассимиляция и аккомодация русской и украинской культур, затронувшая практически все стороны быта переселенцев. Приспосабливаясь к новым условиям жизни, украинцы прибегали к использованию межкультурного взаимодействия с целью сохранения этнокультурного своеобразия.

Таким образом, на Северном Кавказе и Ставрополье ассимилятивно-консолидационные процессы в среде украинских переселенцев завершились унификацией украинской традиционно-бытовой культуры, способствуя внутриэтнической консолидации и полной интеграции украинского населения в местную среду.

1. Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII – первой половине XIX в. Пятигорск, 1967. С. 117.
2. Рындзюнский П.Г. К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX–XX веков // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 6.
3. Лещенко Н.Н. Изменения в аграрных отношениях на Украине в результате проведения реформы 1861 г. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1959. С.196.
4. Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период: сборник научных трудов. Ставрополь, 1985. С. 4.
5. РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 802. Л.16, 20, 37.
6. Ястрижембский С.В. Кавказ в сердце России. На вопросы современности ищем ответы в истории. М., 2000. С. 4.
7. История села Дмитриевского (рукопись) // Архив средней школы села. С. 29–30.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Белоус В. Н.,
Хохлов Н. А.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
Институт живых систем

**ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДУДАРЬ – УЧИТЕЛЬ,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ**

Юрий Александрович Дударь родился 4 июля 1937 года в г. Ворошиловске (ныне Ставрополь) Ставропольского края в семье Александра Константиновича Дударя (1906 г. р.) и Марии Степановны Параховской (1913 г. р.).

С 1944 по 1954 годы Юрий учился в средней школе. В 1951 году вступил в ряды ВЛКСМ. Закончил 10 классов с золотой медалью, поступил на агрономический факультет Ставропольского сельскохозяйственного института.

Еще в институте Юрий Дударь достиг определенных успехов, участвуя в олимпиадах и конкурсах. Его замечают и приглашают заниматься в научных студенческих объединениях, в том числе в ботаническом кружке. Со студенческих лет он – ученик выдающегося ученого-биолога, профессора, доктора биологических наук Василия Васильевича Скрипчинского. В стенах вуза Юрий занимался изучением биолого-хозяйственных свойств кормовых и экономически важных растений. В 1959 году он с отличием закончил обучение в сельскохозяйственном институте и получил квалификацию ученого агронома.

В 1959 году Юрий Александрович начинает свою трудовую деятельность в должности коллектора растений Ставропольского краеведческого музея имени Г. К. Праве и вскоре становится заведующим природоведческим отделом музея. Он активно включился в экскурсионно-просветительскую работу и процесс создания в отделе гербарной коллекции дикорастущей флоры Ставрополя.

С 1961 года Юрий Александрович – агроном, с 1966 года – младший научный сотрудник лаборатории интродукции Ставропольского ботанического сада, подразделения Ставропольского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Именно в ботаническом саду наиболее ярко раскрылся его талант исследователя. В лаборатории интродукции Юрий Александрович активно занимался вопросами интродукции, акклиматизации и введения в культуру хозяйственно-ценных и охраняемых растений. В рамках экспедиционных исследований флоры и растительности Ставрополя, проводимых ботаническим садом, он исследовал дикорастущие степные растения, их биологию и экологию, регенерационные возможности лугово-степных растений и сообществ, а также морфогенез монокарпических побегов

геофитов и гемикриптофитов. Часть его исследований посвящена решению проблем воспроизводства, сбережения и рационального использования природных ресурсов. В ботаническом саду ученый создал и курировал научные коллекции эремуруса, примулы, морозника, осуществляя мониторинговые исследования воссозданных участков степной растительности края.

Юрий Александрович всегда много читал, фанатично «отслеживая» новинки периодической и специальной литературы. Его рабочий стол всегда был буквально завален ботаническими и естественно-научными журналами и книгами. Хорошее владение испанским и английским языками позволяло исследователю следить за последними отечественными и зарубежными достижениями той отрасли науки, в которой он в тот момент работал.

Глубина научных знаний и практических навыков помогали Юрию Александровичу, работавшему в ботаническом саду, обучаться в заочной аспирантуре при Ботаническом институте АН СССР, которую он успешно закончил в 1967 году, блестяще защитив кандидатскую диссертацию по специальности «Ботаника». Научным руководителем Юрия Александровича был известный в стране интродуктор, старший научный сотрудник Ботанического института АН СССР, доктор биологических наук, профессор Николай Александрович Аврорин. Диссертационная работа была посвящена введению в культуру инорайонных видов растений и отражала вопросы семеноведения, в частности особенности прорастания семян.

В дальнейшем знания в этой области помогли Юрию Александровичу, когда он в 1969 году продолжил работу в должности старшего научного сотрудника селекционного центра кормовых культур СНИИСХ. Юрий Александрович четырежды был командирован на Кубу. В 1961–1969 годах как консультант он вел подготовку молодых кубинских научных сотрудников в Гаванском университете, а также выполнял работу в качестве агронома при организации первых государственных хозяйств на Кубе. В 1973–1975 годах был главным консультантом на опытной станции «Индио Атуэй», где проводил эксперименты по интродукции, сортоиспытанию и селекции трав. В 1977 году руководство станции поручило Юрию Александровичу разработать предложения по дальнейшему развитию на Кубе системы семеноводства кормовых культур. Он написал научный труд, посвященный формированию побегов, соцветий и семян злаков. Во время пребывания на острове (1973–1981 гг.) он много сделал по организации на Кубе сети станций по сортоиспытанию и размножению семян.

Высоко оценив вклад Дударя в развитие научных исследований по кормовым культурам, правительство Кубы в 1977 году наградило его медалью «XX Anniversary». В 2002 году Госсоветом республики «в качестве выражения признательности за проявление солидарности с Республикой Куба в первые годы после победы Кубинской революции, чтобы оказать помощь и поддержку кубинским крестьянам, а также в связи с 40-й годовщиной этого» Юрий Александрович был награжден кубинской медалью «Дружба».

С 1982 года Дударь занимался административной и педагогической деятельностью. Работал заведующим кафедрой кормопроизводства, ботаники и

физиологии растений Ставропольского сельскохозяйственного института. В 1989 году Юрий Александрович защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора биологических наук по специальности «Ботаника».

Увлечение Дударя фиторитмологией и фитохронологией нашло отражение в его исследовании «Многовариантность и эволюция периодичности генеративного развития покрытосеменных тропиков и умеренной зоны (на примере Кубы и Северного Кавказа). Он изучил генеративное развитие видов в различных экотопах и при смене режима их выращивания. Им были выявлены особенности развития природных и искусственно-восстановленных фитоценозов, установлены типы полных циклов и критические этапы морфогенеза монокарпических побегов, оценена феноструктура генеративного развития популяций, определены пути эволюции сезонного развития и морфогенеза, а также возможные регионы возникновения периодизма генеративного развития травянистых поликарпиков. Полученные результаты обогатили науку ценными материалами, которые по-прежнему актуальны.

С 1994 года он – профессор кафедры ботаники, а с 2000 года – профессор кафедры физической географии Ставропольского государственного университета. Юрий Александрович ведет большую научно-педагогическую деятельность, плодотворно работает в составе специализированных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций при СГУ и Ставропольской аграрной академии. В университете он являлся соруководителем направления «Ландшафтная экология и биоразнообразие», в котором курирует ботанические исследования. Талантливый лектор, он читает лекции по основным курсам и дисциплинам специализации: географии растений, биогеографии.

Будучи разносторонне развитой личностью, Юрий Александрович легко ориентировался во многих вопросах ботаники, с интересом брался за решение актуальных проблем антропофитологии, гидрботаники, фиторесурсоведения, фитохимии и флористики. Будучи бескорыстным человеком, он охотно делился знаниями с подрастающим поколением исследователей. Именно он во многих своих учениках заложил основы исследовательской деятельности. Благодаря открытости и высокой эрудиции Юрий Александрович смог вовлечь в круг своих научных интересов многих студентов. Он руководил работой аспирантов, специализирующихся по различным направлениям ботаники. Кандидатами и докторами наук стали Н. Г. Лиховид, О. М. Мизирева, Ю. А. Маренчук, Е. А. Скрипчинская, Т. А. Прощайло, Е. А. Ляшенко и др. Он подготовил к защите двух докторов и шестерых кандидатов наук.

Ю. А. Дударь вел большую общественную работу. С 1956 года он – член Всесоюзного ботанического общества (Ставропольское отделение), в котором председательствовал в 1987–1992 годах, член Московского общества испытателей природы (с 1979 г.). Дударь активно участвовал в работе городского общества охраны природы (в 1970 – 80-х гг.), принимал участие в выявлении памятников природы и историко-природных объектов охраны. За добросовестный труд он был награжден медалью «Ветеран труда» (1987 г.).

Как бы ни был значителен вклад Юрия Александровича в учебно-педагогическую и общественно-просветительскую область, его призванием

была собственная научная работа. Дисциплина, точность и аккуратность, а также преданность науке снискали ему уважение коллег. Круг его интересов был чрезвычайно широк. Он – один из основоположников реставрационной ботаники, направления «Реконструирование и конструирование полностью разрушенных природных фитоценозов». Юрий Александрович разработал методы и исполнил серию исследований по экологической реставрации естественных растительных сообществ в условиях аридизации и опустынивания. Методом высадки дерна в Ставропольском ботаническом саду воссозданы участки луговой, разнотравно-дерновиннозлаковой степи – аналоги травяных ценозов Новомарьевской поляны, горы Стрижамент, отдельных регионов Карачаево-Черкесии.

За инновационные проекты в области экологии и рационального природопользования он был награжден дипломом Международного фонда биотехнологий им. И. Н. Блохиной. Юрий Александрович внес большой вклад в разработку и издание Красной книги Ставропольского края. Для этой книги им были составлены очерки о 17 редких таксонах, в том числе орхидных, морознике кавказском, ветренице приятной, вейнике седеющем, трубкоцвете Биберштейна, эремурусе представительном.

Российской академией естествознания 23 апреля 1996 года Ю. А. Дударю было присвоено звание члена-корреспондента РАЕН. Он – трехкратный стипендиат Президиума РАН (1994–1996, 1997–2000, 2001–2003 гг.). Он являлся действительным членом Нью-Йоркской Академии наук в 1995–1996 годах и Европейской Академии естествознания.

Исследовательские качества и большой стаж опытнической и научной работы позволяли ему выполнять изыскания по самому широкому кругу проблем. Юрием Александровичем опубликовано более 330 научных статей, методических пособий и рекомендаций, 15 книг и монографий.

Результаты работ, выполненных ученым, неоднократно докладывались на представительных совещаниях международного, всесоюзного и всероссийского уровней. Дударь участвовал в работе более 100 различных съездов, конференций, симпозиумов научного характера. Юрий Александрович скончался 7 января 2006 года, в самом расцвете творческой деятельности. До последних дней он щедро делился своими знаниями и богатейшим опытом. Жизнелюб по натуре, он оставил о себе добрую память приветливого, отзывчивого и высокообразованного человека.

В фондах ГАНИСКа хранятся документы биографии, фотографии, рукописи и научные статьи доктора биологических наук, профессора Юрия Александровича Дударя. Материалы научной биографии ученого представлены в книге «Ученые России» (2005 г.).

Избранные работы ученого Ю. А. Дударя:

1. Дударь Ю.А. Методические указания по восстановлению и изучению травянистых растительных сообществ. Ставрополь, 1976. – 58с.
2. Дударь Ю.А. Сезонные ритмы у растений: адаптация или абаптация // Журнал общей биологии. 1993. № 3. Т. 54. С. 329-332.

3. Дударь Ю.А., Маренчук Ю.А. Антропофитология (растения – спутники человека): экологический словарь. Ставрополь, 2002. – 64 с.
4. [Дударь Ю.А.](#), Маренчук Ю.А. Лекарственные и другие хозяйственно важные антропофиты Ставрополя // Фундаментальные исследования: Материалы II-ой конференции Мониторинг окружающей среды [Рим, 6-9 декабря 2004 г.]. 2004. № 6.
5. [Дударь Ю.А.](#), Маренчук Ю.А. Учение о ноосфере и аксеологические аспекты преподавания естественных наук // Современные проблемы науки и образования: Материалы II-ой научной конференции Научное наследие В.И. Вернадского. Глобальные проблемы цивилизации [Гоа, 1-11 марта, 2006 г.]. 2006. № 4. С. 90-91.
6. [Дударь Ю.А.](#), Олейникова Д. В. Дифференциация травянистой растительности высокогорных ландшафтов северного склона западного Кавказа (Софийский хребет) // Фундаментальные исследования: Материалы III-й конференции Экология и рациональное природопользование [Хургада, 21-28 февраля 2005 г.]. 2005. № 2.
7. Дударь Ю.А., Трухачев В.И., Дорожко Г.Р. Сорные, лекарственные и ядовитые растения (альбом антропофитов). Ставрополь, 2006. – 264 с.
8. Скрипчинский В.В., Дударь Ю.А., Кравцов В.В. и др. Морфогенез монокарпических побегов многолетних травянистых растений (альбом рисунков). Ставрополь, 1970. – 84 с.
9. Скрипчинский В.В., Дударь Ю.А., Танфильев В.Г. и др. Дикорастущие растения Ставропольского края. Ставрополь, 1979. Ч. 2. – 138 с.
10. Скрипчинский В.В., Танфильев В.Г., Дударь Ю.А. и др. Морфогенез растений. Ставрополь, 1970. Ч. 1. - 164 с.; Ч. 2. – 224 с.
11. Скрипчинский В.В., Танфильев В.Г., Дударь Ю.А. и др. Сохраним для потомков (об охране растительного и животного мира Ставропольского края). Ставрополь, 1984. – 239 с.
12. Танфильев В.Г., Дударь Ю.А., Кононов В.Н. и др. Дикорастущие растения Ставропольского края. Ставрополь, 1977. Ч. 1. – 196 с.
13. Шальнев В.А., Дударь Ю.А., Лиховид А.А. и др. Археологический и природный музей-заповедник «Татарское городище» как природное наследие. Ставрополь, 1999. – 100 с.

Будагян В.С.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
студентка 5 курса;

научный руководитель: **Назарова И. М.,**
доцент кафедры истории России СКФУ,
кандидат исторических наук

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АЛАНИИ

Несомненно, интереснейшим явлением средневековой культуры региона была культура Алании. Аланы (предки современных осетин) были язычниками, на протяжении длительного времени они сохраняли традиции почитания солнца, огня, домашнего очага. В духовной жизни народа важное место занимали такие понятия, как «фарн» (божественная благодать), «ард» (истина, клятва). Однако с развитием общества на смену многобожному пантеону пришел единый верховный Бог (на осетинском языке «Хуыцау»). А семь старых божеств превратились со временем в одно существо, которое называли «авдиу» (в буквальном переводе – «семь божеств») [1].

В древности и средневековье религия была неотъемлемой частью жизни людей, основой общественной идеологии, предлагавшей человеку систему ценностей и правил, объяснявшей устройство мира и общества. Как и их далекие предки, аланы считали, что вселенная состоит из трех миров – верхнего, среднего и нижнего. Троичность космоса воплощалась в строении общества из трех сословий – носителей религиозной, военной и хозяйственной функций. Дальнейшее развитие хозяйства и военного дела, массовый переход кочевников к оседлости и земледелию изменили устройство общества. Изменилась и идеология: в это время эпические сказания посвящались рыцарям-богатырям [2].

Идеология господства военной элиты перестала соответствовать реальной жизни в последние века первого тысячелетия. Укрепление государства требовало идеологии, способной сплотить людей разных сословий, разного достатка и общественного положения. Эту миссию история отвела христианству, с которым аланы были знакомы с IV века.

Аланы неоднократно упоминаются в числе «письменных» народов. В V–VI веках сведения об аланской письменности появляются в трудах сирийских ученых. В IX веке создатель славянского письма Константин-Философ (в монашестве Кирилл) называет алан среди народов, «имеющих письменность и славящих Бога на своем родном языке». В XIII веке монах Гильом де Рубрук видел у алан «греческие письмена». До наших дней дошел единственный памятник средневековой осетинской письменности. Это так называемая Зеленчукская надпись – каменная надгробная плита XI века из ущелья Большого Зеленчука. Надпись сделана на аланском языке греческими

буквами [3]. Утрата памятников письменности и самой письменной традиции была одним из следствий катастрофы, пережитой народом в XIII–XIV веках.

Центрами средневековой аланской культуры были города и крупные поселения с развитым ремесленным производством. Больших успехов достигли мастера-металлообработчики. Железо плавил сыродутным способом. Было налажено массовое изготовление орудий труда: лемехов, мотыг, серпов, кос. Оружейники ковали клинки, наваривая твердые стальные лезвия на железную основу. Аланские сабли и кольчуги высоко ценились на Кавказе. Процветало в Алании и ювелирное дело.

Златокузнецы пользовались приемами литья, чеканки,ковки, золочения. Из драгоценных металлов, меди и бронзы мастера изготавливали разнообразные женские украшения, амулеты, детали наборных поясов, предметы конского снаряжения.

В гончарных мастерских Алании производили высококачественную посуду для хранения и приготовления продуктов. Алания также славилась хорошими мастерами деревообработчиками и кожевниками. Вещи из кожи и дерева находили широкое применение в быту.

Художественное ремесло Алании развилось на основе кобанской и скифской культур. В VIII–IX веках особенно широкое распространение получили металлические амулеты – маленькие скульптурки, изображающие всадников, коней, оленей, птиц. Шедевром аланского искусства является конский начальник с фигурой женского божества – он был найден при раскопках могильника у станицы Змейской. Изображения животных и птиц, геометрический и растительный орнамент помещали на золотых и серебряных пластинках, украшавших оружие и конское снаряжение.

В эпоху средневековья у алан активно развивалось камнерезное дело. Царская гробница Кяфарского некрополя (в Карачаево-Черкесии) сложена из каменных плит с резным рельефом. Аланский мастер изобразил сложные сцены религиозно-мифологического содержания, связанные с земной и загробной жизнью погребенного царя. Есть предположение, что этим царем был знаменитый по русским летописям Дургулель Великий [4].

Стены и своды аланских храмов были покрыты фресковой росписью. Лучше других сохранились фрагменты фресок Сентинской, Зругской и Нузальской церквей. Живопись Сентинского храма представляет собою сцены въезда Иисуса Христа в Иерусалим, воскрешения Лазаря, суда над Христом и его воскрешения, образы Богоматери и святых.

Монументальными памятниками аланской культуры являются храмы X–XI веков. В X веке были воздвигнуты знаменитые Зеленчукские храмы (Северный, Средний и Южный) в Нижнем Архызе, Шоанинский – у селения имени Коста Хетагурова на Кубани, Сентинский – у селения Нижняя Теберда. К началу XI века относят строительство Зругского, Тлийского и Нарского храмов (в высокогорной Центральной Осетии) [5].

Знаменитая Нузальская часовня, одновременно являвшаяся мавзолеем Багатара, повторяет архитектурные особенности осетинских склепов. Автором

фресок Нузальской часовни был осетинский художник XIV века Вола Тлиаг. Он создал в Нузале образы Христа, Богоматери, Иоанна Крестителя, архангелов Михаила и Гавриила, святого Георгия. Выдающийся художник работал в драматический период осетинской истории – в начале XIV века, когда окруженная неприятелями Алания героически боролась за свое будущее.

Светская архитектура X–XIV веков представлена замками аланских алдаров. Это замки Зылги, Ускур и Болат-кала. Замечательным образцом феодального замка является крепость Зылды-масыг у селения Едыс в верховьях Большой Лиахвы. Предполагается, что она была первоначально резиденцией алдаров Бибылта, предков ксанских эриставов.

Самым распространенным видом фортификационного сооружения в Алании была боевая башня. В аулах Северной Осетии Лисри, Абана, Даргавс, Джимара до сих пор сохранилось около десятка средневековых башен. Боевая башня обычно воздвигалась на скалистом выступе и занимала главенствующее в данной местности положение с обязательно хорошим обзором округи. Башня имела до 5–6 ярусов, она имела четырехугольное основание, кверху ее стены постепенно сужались [6]. Вход в башню устраивали на уровне второго этажа. Этот этаж предназначался для бытовых целей. В ночное время при осаде на верхних углах башни устанавливались горящие факелы. Это позволяло в случае штурма вести прицельный огонь. Самые ранние башни строились насухо, без связующего раствора, позднее стал широко применяться известковый и песчано-известковый раствор. Родовые башни почитались как святыни потому, что они считались местом обитания святого духа.

Замки («галуан») у алан представляли собой укрепленный комплекс, состоящий из боевых, жилых и хозяйственных построек, защищенных стенами. В таких замках жили, как правило, крупные феодалы и большие патриархальные семьи. Сооружались замки на неприступных скалах [7]. Самым большим и знаменитым является замок-фрегат Цаллаевых в селении Ханаз, в Дигории. Своими очертаниями замок напоминает парусный корабль, за что и был назван Фрегатом. Основная его часть – боевая башня, к которой позднее пристроили заградительную стену.

В комплексе Багайт есть священные места. Недалеко от замка, на широкой поляне, находится «ныхас», как его сейчас называют «Аланский Стоунхендж» – это огромные плиты, располагающиеся по кругу. По версии ученых, здесь проходили народные собрания богатей и старейшин. По другой версии, здесь проходили судебные заседания [8].

Аланская музыка развивалась как искусство устной традиции, представленное песнями, эпическими сказаниями, а также инструментальными наигрышами. Древнейшие виды музыкального фольклора сложились в пору общинно-родового строя, и многие из них сохранились до наших дней. У алан, как правило, ведущих певцов два, и они чередуются между собой. В отличие от мужских многоголосных, большая часть женских песен исполняется одногласно.

Жанр героической песни у алан емко сконцентрировал народный характер, психологию, мироощущение. Вместе с тем, героическая песня была

не только отражением духа народа, но и весьма действенным средством формирования самосознания и психологии молодых поколений. К наиболее древнему пласту музыкальных инструментов, описываемых в нартском эпосе, относится 12- или 8-струнная арфа. К струнно-щипковой группе относится «дала-фандыр», напоминающий русскую балалайку. Род трещотки-кастаньеты, сопровождающей танцевальные мелодии, называется «къæрцгæнæн». Аланам также были известны такие инструменты как: пастушеская свирель и струнный смычковый инструмент «хъис фандыр» [9].

Подводя итоги, следует отметить, что культура средневековой Алании развивалась на основе древних пластов культуры кобанцев и скифов. Она являлась отражением определенного уровня развития хозяйства и культуры региона, вместе с тем сохраняла специфические, присущие только аланам черты. Образцы духовной и материальной аланской культуры, дошедшие до наших дней, передают нам особое миропонимание алан, особенности их традиций и быта. Высокого уровня развития достигло в эпоху средневековья искусство возведения башен, камнерезное дело, резьба по дереву, оружейное и ювелирное мастерство алан.

Использованная литература и источники

1. Абаев В. И. Дохристианская религия алан // XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960. С.11.
2. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 2. М., 1882. С. 259; Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра // «Archiv Orientalni». XXIV, № I. Praha, 1956. С. 23–56.
3. Абаев В. И. Этимологические заметки // Труды Института языкознания АН СССР. Т. VI. М., 1956. С. 450; Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С. 57; Кузнецов В. А. Новые данные о Зеленчукской надписи X в. // ИСО НИИ. Вып. XXVII. Орджоникидзе, 1968. С. 193-199; Миллер В.Ф. Древнеосетинский памятник из Кубанской области // МАК. 1893. Т. III. С. 110–118.
4. Кузнецов В. А. К вопросу о производстве стали в Алании // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 217; Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971. Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957. С.97; Малахов С. Н. К вопросу о локализации епархиального центра Алании в XII–XVI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992. С.149.
5. Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С.115; Демаков А. А., Чумак И. Л., К вопросу об исторической интерпретации Верхнекубанской группы храмов X в. // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С.34; Долидзе В. О. «Хозита-Майрам» – документ культурных связей Грузии с народами Северного Кавказа // Сообщения АН ГССР. Т. XV. 1954, № 2. С.119–126; Долидзе В. О. Архитектурный памятник Тли – новый документ культурных взаимоотношений Грузии с Двалети // Сообщения АН ГССР. Т. XXI. 1958, № 6. С. 767–773.
6. Кокиев Г. Материалы по истории Осетии, т. I. ИСО НИИ, т. VI. Орджоникидзе, 1934. С. 169; Мизиев И.М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970. С. 16; Гутнов Ф.Х. К вопросу об общественном строе Алагирского общества (XIV–XVIII вв.) // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985; Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996. С. 142–147.
7. Джандиери М.И., Лежава Г.И. Народная башенная архитектура. М., 1976. С. 118–119; Нечаева Л.Г. Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин // Этническая история народов Азии. Л., 1972. С. 267–293; Ковалевская В.Б. Культурологический анализ, ареальный метод и проблемы выделения локальных вариантов археологической культуры

// Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 20; Тепцов В.Я. По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Вып. XIV. Тифлис, 1892. С. 161–162.

8. Тменов В.Х. Средневековые и историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 217; Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С.119; Гутнов Ф.Х. Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1988. С. 29.
9. Инал-Ипа Ш. Д. К абхазо-осетинским этнокультурным контактам // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 159; Дюмезиль Ж. Указ.соч. С. 26; Галаев Б. А. Осетинские народные песни. М., 1964. С. 69.

Драчева О. Н.,
с. Татарка,
младший научный сотрудник филиала
Ставропольского государственного музея-заповедника
«Музей истории села Татарка»

ЭКСКУРСИЯ В ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГОРЫ В РАЙОНЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЫ СЕЛА ТАТАРКА

Полезно совершить поход по горе села Татарка, чтобы узнать геологическое прошлое и настоящее Ставропольской возвышенности в районе северо-восточной окраины села Татарка. Во время экскурсии мы пройдем по степной и лесной зоне склона и проведем геологические изыскания, которые расскажут нам, из каких горных пород состоит склон в этом районе села Татарка, попробуем понять, как образуются родники, встречающиеся на нашем пути, а также полюбуемся красотой этих мест с высоты птичьего полета. Наблюдая, экскурсанты смогут сделать свои заключения о встреченных на их пути горных породах и водоносных горизонтах.

Встречаемся у Историко-краеведческого музея села Татарка. От музея идем в северо-восточном направлении. Вскоре выходим к глубокому оврагу, вымытому дождевыми потоками. Сейчас он зарос кустарником и деревьями, которые приостановили дальнейшее его расширение. Здесь на поверхность выходит родничок. Это наша первая остановка. Вода собирается в небольшую запруду и потом стекает вниз по оврагу и бежит дальше в речку Татарку.

Местные жители выложили родник камнем-ракушечником и берут воду для своих нужд. В засушливое время года воды становится меньше, и она тонкой струйкой вытекает из трубы, заботливо вставленной в место выхода воды. Пробуем воду, записываем свои наблюдения в дневник: вода чистая, холодная и приятная на вкус. Зная, что источники воды появляются в тех местах, где под пористыми водоносными породами известняка находятся водоупорные глины, мы можем сделать вывод, что в этом месте есть залегание песков, известняка-ракушечника и водоупорной глины, отложенных на дне Сарматского моря.

Дальше дорога уходит в гору. По ней давно никто не ездит, и она заросла дерном. Водный поток после дождей местами оголил почву, и мы можем увидеть в глине отложения ракушечника и даже найти отдельные раковины моллюсков, как разбитые, так и целые; местами выглядывает разноцветная галька. Склон с северной стороны дороги обнажен, и видны слои желтой глины и суглинка. Это работа оползней. Здесь расположена наша вторая станция «Дорога в прошлое». Останавливаемся ненадолго, чтобы на оголенных участках дороги определить состав грунта и записать свои наблюдения в дневник. Дорога, упираясь в еще один овраг, круто поворачивает на северо-запад, а наш путь лежит на север, к пруду. Он образовался от стекающего в искусственную

запруду небольшого родничка и весь зарос камышом и осотом. На тропинке видны вырытые кротом кучи серого песка с ракушечником.

У обрыва, обнажившего глину и известняк, можно рассмотреть небольшое болотце, заросшее хвощом и другими влаголюбивыми растениями. Где-то в глубине горы выходит вода. В 1970-е годы местные жители сделали недалеко от этого места каптаж для забора воды и провели водопровод на улицу Кавалерийскую. Эрозийные процессы в оползневых участках обнажили слой ракушечника. Недалеко образовалась небольшая пещерка с узким лазом, где сверху капает вода и осыпается ракушечник. Рядом с болотцем в пласте ракушечника вырыта яма – это местные жители берут мягкий ракушечник для прикорма птицы.

На стенках выбранной ямы и на ее дне можно рассмотреть раковины моллюсков (пелеципод), гладкие створки Мактры и ребристых Кардиумов – самых типичных животных, по которым всегда можно узнать отложения Среднесарматского моря, миллионы лет назад заливавшего окрестности Ставрополя. Здесь можно найти спиральные раковины, принадлежавшие брюхоногим моллюскам – Трохусам и Барботеллы – улитки, жившей в Сарматском море 15 миллионов лет назад. Это наша третья станция «Встреча с прошлым и настоящим».

В этом месте мы проводим исследования и делаем записи в дневнике. Теперь наш путь лежит на запад по тропинке в сторону леса по улице Горной. На нашем пути встречается еще один родничок, бьющий на обочине дороги и текущий по краю дороги. Отмечаем его местоположение в своем дневнике. Поднимаемся вверх к месту оползня – это наша следующая станция «Таинственные круги» – и рассматриваем обнажившийся участок.

В открывшемся пласте глины мы видим норки, возможно, сделанные птицами. В месте оползня просматривается тонкий слой чернозема со свисающими корнями растений и кустов, пласт суглинка, глины, вкраплений ракушечника и круглых образований – «катышей» – кайнозойских лессовидных суглинков, образовавшихся из кусков глины и песка, сносимых водными потоками с возвышенностей, а также пылевых частиц, принесенных ветром. Срез обветрился, потрескался, покрылся белым налетом (возможно, из каких-либо солей или гипса, появившихся в условиях сухого климата в высохших заливах древнего моря). Проводим исследования и записываем их результаты в дневник.

Поднимаемся к лесополосе, которая играет природоохранную роль. Здесь на склоне слепыш сделал себе отдушины и вынес на поверхность серый песок, на прогалинах виден желтый и ржаво-желтый песок. Белые, желтые, буроржавые пески формировались в условиях быстро мелевшего моря и жаркого влажного климата (о чем свидетельствует белый песок с каолином). Когда климат становился сухим, в песках отлагался гидроксид железа, придававший песку бурый цвет.

Дальше дорога ведет нас на Татарское городище. Над Анненским ручьем нависают скалы из слоев известняка-ракушечника, мощный пласт которого постепенно разрушается под ветром и дождем. Местами скальные породы

обрушились и большими кусками лежат недалеко от берега ручья. Поднимаемся к скале «Кит». Он слоист, покрыт белым налетом солей, потемнел, сверху зарос лесом. Ветер и влага постепенно разрушают его.

Спускаемся к ручью. Вода в нем чистая, спокойно бежит по руслу, иногда встречая на своем пути препятствие в виде валуна, упирается в него и, обтекая, небольшим водопадом стекает вниз. На дне ручья можно разглядеть окатанные части раковин моллюсков и осколков керамики. На крутом берегу растут деревья, корни которых свешиваются с обрыва к ручью и цепляются за скалу, пытаюсь выжить. Берега ручья состоят из смеси голубой глины, песка и ракушечника, а нижний мощный слой уложен пластами голубой сарматской глины – жирной и маслянистой. Остатки водорослей и морских организмов, отложившиеся с глиной, придают ей темно-серую окраску. Глина не пропускает воду, и она мелкими родничками сочится с берегов, местами выход воды окрашен в ржавый цвет, это говорит о примеси железа в воде. Наш путь лежит вверх по тропинке ко Второму городищу. Здесь открывается прекрасный вид на село Татарка, и, обнажаясь, висят над селом Татарские скалы. Это наша следующая остановка.

Татарские скалы – это следы, оставленные Среднесарматским морем – замкнутым пресноводным водоемом. Сначала оно было глубоким и откладывало глины с прослойками мергеля, затем по мере подъема дна оно мелело и осаждало пески. В последний период его жизни на дне моря был отложен пласт известняка-ракушечника, часть его залегает теперь на поверхности Ставропольской горы на северном склоне села Татарка.

Скала «Сотовая» с необычным рельефным узором. Горизонтальные выступы чередуются с множеством мелких округлых и щелевидных полостей с натеками углекислого кальция, образующих мелкие сталактиты, сталагмиты и геликтиты. Под воздействием воды и ветра возник этот ажурный рисунок. «Большая ниша» длиной около 50 метров расположена западнее. Ее нижняя часть сложена рыхлыми ракушечниками. Некогда здесь было углубление высотой 3 и глубиной 2 – 3 метра, перекрытое навесом из плотного известняка. Теперь этого навеса нет – он оторвался под собственной тяжестью от основной скалы и лежит у ее подножия.

На тропе, между скалой «Сотовой» и «Большой нишей», лежат два крупных обвальных камня-отторженца из плотного ракушечника. Голая стена поблескивает на солнце кремниевыми отложениями, которые настолько крепки, что трудно отбить кусок. Но снизу скала разрушается. На ее склонах из щелей растет лишайник, красивыми кисточками свисая над обрывом. Поднявшись на верхнюю площадку, выходим из леса на ровную площадку – это мощная плита из ракушечника, покрытая черноземом и дерном. Здесь богатое разнотравье. Идем по извилистой тропе, ведущей к карьеру по поверхности известковой плиты. На пути встречаются небольшие кучи чернозема, серого и желтого песка, перемежающегося с глиной и ракушечником – это работа слепыша.

На небольших склонах, подверженных эрозии, видно разрушение ракушечника, мелкие части которого лежат повсюду. Проходим дальше по тропе и спускаемся в карьер, являющийся «кровлей» известняка, чтобы прочитать

дальнейшую историю Сарматского моря. Видна вся толща известковой плиты, откладывающейся много тысяч лет. Здесь разрабатывался известняк-ракушечник. На спилах отчетливо видна его структура. Здесь можно найти отпечатки раковин с плоской и ребристой поверхностью, сохранившихся благодаря своим толстым стенкам, и собрать небольшую коллекцию горных пород и отпечатков раковин моллюсков. Окончив осмотр карьера, интересно пройти на видовую площадку – нашу следующую остановку, с которой открывается прекрасный вид на Татарку с высоты птичьего полета.

Пласты известняка мощными козырьками выпирают в сторону глубокой балки и обрываются вниз. Площадка образовалась много миллионов лет назад из сильно перетертых морским прибоем раковин моллюсков в прибрежной полосе бывшего здесь Сарматского моря. Эти же пласты определяют равнинность местности.

Скальные породы покрыты грунтом и заросли дерном, весной и летом здесь богатое разнотравье. Места, где почвенный покров вовсе отсутствует и камень выступает наружу, растут многочисленные лишайники и мхи: желтые, серые, коричневые, темно-зеленые. Сделав записи своих наблюдений, спускаемся по улице Горной. По обочинам дороги обнажен 50-сантиметровый пласт мягкого ракушечника, в котором просматриваются целые раковины Мактры и Трохуса. Ниже по склону сочится вода, сбегая вниз по глинистой каменистой дороге.

Наша экскурсия завершена. Возвращаемся в музей, обсуждаем свой поход, рассматриваем сделанные нами геологические находки, чтобы определить их в музейную коллекцию.

Использованные источники и литература

1. Гниловской В.Г., Скрипчинский В.В., Резник П.А., Голушко А.И. Экскурсии по Ставрополю. Маршруты экскурсий и походов. Ставрополь, 1951.
2. Савельева В.В., Магомедов К.А. География Ставропольского края: Учебное пособие. Ставрополь, 1987.
3. Савельева В.В. Природа города Ставрополя. К 225-летию города Ставрополя. Ставрополь, 1999.
4. Гниловской В.Г. Занимательное краеведение. Беседы с юными краеведами о природе Ставропольского края. Ставрополь, 1974.
5. Годзевич Б.Л., Охонько Н.А., Савельева В.В., Кудрявцев. Встречи с прошлым и настоящим. Путеводитель по археологическому и природному музею-заповеднику Татарское городище. Ставрополь, 1999.
6. Госданкер В.В., Скрипчинский В.В., Охонько Н.А., Швырева А.К. Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 15-16. Ставрополь, 1988.
7. Физическая география Ставропольского края: Учебник / Под ред. В. В. Савельевой и
8. В. А. Шальнева. Ставрополь, 1995.

Кравцова С. Л.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом археологии

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ПОЛИВНЫХ СОСУДОВ ИЗ РАЗРУШЕННОГО СКЛЕПОВОГО ЗАХОРОНЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В ЛЕСНОМ МАССИВЕ БЛИЗ СТАНИЦЫ НЕСТЕРОВСКОЙ (ИНГУШЕТИЯ)

Осенью 2013 года в музей-заповедник поступили археологические сосуды для экспертного заключения. Предоставил их Цамаев Алхазур Михайлович, гражданин Республики Ингушетия, проживающий в ст. Нестеровской. Со слов владельца, предметы были найдены им случайно в лесном массиве между ст. Нестеровской и с. Бамут весной 2013 года. Артефакты оказались извлеченными из археологического контекста в результате «падения дерева от сильного ветра». Корневая система рухнувшего дерева вывернула землю, обнажив древнее склеповое захоронение, где находились указанные выше сосуды. Цамаеву А. М. было предложено передать обнаруженные артефакты на хранение в музей-заповедник с уверением в том, что его имя обязательно будет указано во всех документах музея и аннотационных текстах при экспонировании предметов. Кроме того, в случае передачи сосудов он получил бы экспертное заключение об исторической и культурной значимости переданных материалов. Но поскольку Цамаев отказался передать предметы на государственное хранение в музейное собрание, в экспертном заключении ему было отказано¹. По просьбе сотрудников отдела археологии владелец разрешил сфотографировать предметы и описать их для того, чтобы они не были безвозвратно утрачены для науки.

Первый сосуд из сборов Цамаева изготовлен из бежево-розовой глины и покрыт глазурью светло-зеленого цвета снаружи и внутри. Типологически относится к малым кувшинам без слива (см. рис. 1). Кувшин имеет ровное горло, расширяющееся к слегка отогнутому венчику. Горло сосуда в верхней части украшено рельефным поясом из вертикальных «лент», пространство между которыми заполнено глазурью марганцево-коричневого цвета. Нижнее поле горла оформлено широкой горизонтальной «лентой», обрамленной такими же марганцево-коричневыми прорезными линиями. Тулово сосуда биконической формы с полихромным декором из С-образных скоб, словно захватывающих глазурные изумрудные и марганцевые окружности. Донце оформлено кольцевым прорезанным поддоном. Ручка сосуда крепится верхним прилепом к середине горла, а нижним прилепом – к средней части тулова. В

¹ См. дополнение № 245 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» от 2 июля 2013 г.

поперечном сечении ручка имеет овальную форму. Высота сосуда составляет 12,5 см, диаметр горла – 7,3 см, диаметр тулова – 10 см.

Второй сосуд изготовлен из красной глины. Типологически относится к малым кувшинам, но со сливом или без слива, определить невозможно из-за множественных утрат по венчику (см. рис. 2). Кувшин с высоким, усеченно-коническим горлом. По горлу сосуда ближе к венчику размещен орнаментальный пояс, напоминающий арабскую вязь, и заключенный в рамку из двух поперечных линий. Тулово сосуда округлое, украшено изображениями прорезных фигур, условно напоминающих треугольники с изогнутыми внутрь сторонами. Фигуры расположены на равноудаленном расстоянии друг от друга и словно бы закреплены одним из углов по линии плечиков и тулова сосуда.

Донце с кольцевым прорезанным поддоном. Ручка сосуда крепится верхним прилепом к верхней части горла, нижним прилепом – к границе плечиков и тулова. В поперечном сечении ручка имеет округлую форму. Кувшин покрыт глазурью травянисто-зеленого цвета. Высота сосуда – 13,2 см, диаметр тулова – 9 см.

Оба описанных выше сосуда, по классификации А. А. Масловского, можно отнести к импортной поливной керамике (полихромной и монохромной) с территории Юго-Восточного Крыма (Солхат, Судак, Кафа) – 3-я группа, 9-й вид: кувшины, 5-й подвид [2]. Не характерным для данной группы керамики является прорезанный кольцевой поддон. Керамика 3-й группы занимает 2-е место по количеству находок после местной гончарной продукции. Предварительно сосуда датируются серединой XIV века.

Третий сосуд – миска – изготовлен из бежево-розовой глины с прямыми, сильно разведенными стенками (см. рис. 3). По внутренней поверхности стенок нанесен орнаментальный пояс, обрамленный с двух сторон тремя прочерченными линиями. Основной орнамент пояса выполнен зигзагообразной рельефной линией. На внутренней стороне донца помещен медальон с цветком из 8 лепестков. Миска покрыта глазурью изумрудно-зеленого цвета. Высота сосуда – 5,5 см, диаметр тулова – 15,5 см, диаметр донца – 6 см. По классификации Г.А. Федорова-Давыдова, данный вид керамики относится к XIV категории: тарелки [3]. Предварительно миску можно отнести к импортной поливной керамике, предположительно, с территории Закавказья (Армения) или Восточного Крыма с датировкой – XIV век.

Использованная литература и источники

1. См. дополнение № 245 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» от 2 июля 2013 г.
2. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978; Масловский А.А. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азаке и на Нижнем Дону. Вып. 21. Азов, 2006. С. 355, 359, 366.
3. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М., 2001. С. 134.

Приложения

Рисунок 1.

Рисунок 2.

Рисунок 3.

Леонова С. Г.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник отдела археологии

**КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОЛЛЕКЦИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ.
ЛЕВОКУМСКИЙ РАЙОН (С. ВЕЛИЧАЕВСКОЕ)»**

В 1968 г. в фонды музея поступила случайная находка из хутора Кочубей Левокумского района Ставропольского края. Это три предмета: череп человека; глиняный сосуд диаметром 16 см, высотой 13 см и бронзовое изделие (предположительно, VII–VIII вв., раннее средневековье).

Предметы располагались на глубине 50 см, однако, по словам дарителя – оператора Нефтепромысла № 2 ГСП-4 Обмачевского М. З., изначально захоронение было примерно на 2,5 м покрыто земляной насыпью, впоследствии срытой бульдозером. При обнаружении скелет лежал головой на восток. Примерный рост погребенного 1 м 55 см.

Сосуд керамический, цельный, выполнен в технике скульптурной лепки. Дно и стенки образуют плавную, почти округлую (дугообразную) линию. Форма сосуда сферическая. Венчик сосуда с горловиной в большей или меньшей степени отогнут наружу и оформлен карнизом шириной 0,5–0,8 см. Плоский участок дна сосуда имеет диаметр 14,5 см, горловина сосуда – 11,6 см, донце имеет ярко выраженное структурное отграничение от стенок. Декор сосуда подчеркнута скуп и прост.

Череп склеен. В сравнении с черепами, не подвергавшимися деформации, описываемый череп выдает наличие легкой формы теменной (предположительно, кольцевого типа) деформации. Поскольку, как правило, на черепе с кольцевым типом деформации обнаруживаются углубления в местах предполагаемого давления повязки и утолщения над ними, именно это мы и можем наблюдать в данном случае.

Бронзовая подвеска-амулет диаметром 3,4 см, толщиной 0,7 см покрыта патиной. Она выполнена в технике литья, имеет форму округлой петли, обрамленной вздутиями-бородавками по всему периметру.

Опираясь на ранее датированный погребальный инвентарь могильника Чир-Юрт I (территория Республики Дагестан), конкретнее – погребение 144, где и была встречена аналогия данному изделию. Верхне-Чирюртский могильник был исследован в 1956 г. И. П. Костюченко, а в 1957 г. – Н. Д. Путинцевой.

В. Б. Ковалевская в работе «Кавказ: скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.» предложила датировать находки Верхне-Чирюртского могильника не ниже VII – сер. VIII вв. [1]. Данное предположение было сделано, основываясь на остатках железной коррозии на одной из сторон изделия

(возможно, на данном месте крепилась тонкая железная игла, и изделие служило в качестве фибулы). Однако изначально смущал тот факт, что даритель (Михаил Захарович Обмачевский) обнаружил данное бронзовое изделие на грудной клетке покойного и отпечаток железной коррозии принял за остатки тканевого материала.

Все выше перечисленные предметы поступили в музей 18 октября 1968 г., они были сданы в основной фонд [2] и определены в коллекцию «Случайные находки» в феврале 1969 г.

Каждая археологическая находка – это вклад в развитие исторических знаний, так как обнаруженные предметы позволяют сопоставить их с ранее найденными, а на основании этого сравнения можно узнать то, что прежде было неизвестно. Предметы из коллекции «Случайные находки» достаточно интересны для науки, они ждут своего исследователя для более детальной интерпретации.

Использованные источники и литература

1. Ковалевская В.Б. Кавказ: скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.
2. СГМЗ. Ф. 15427/1-3.

Проконова Т. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела природы,
кандидат биологических наук

ЗООГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПОЗИЦИИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

2013 год был объявлен Правительством Российской Федерации годом экологии и прошел под знаком охраны окружающей среды. В связи с этим в Ставропольском государственном музее-заповеднике были проведены экологические праздники с открытием соответствующих тематических выставок. Воспитание экологически грамотного населения, относящегося с ответственностью к проблемам экологии, – актуальная проблема не только педагогов, но и сотрудников музея, призванных сохранять наследие истории, культуры и их неотъемлемой части – природы.

Зоологическая экспозиция музея-заповедника построена по зоогеографическому принципу: в ней демонстрируются наиболее характерные для каждой природной зоны представители животного мира. Но подобный принцип при построении естественнонаучной экспозиции – не единственный. Многие музеи мира используют систематический либо ландшафтно-региональный принципы размещения экспонатов [1]. В первом случае экспонаты располагаются по принципу систематики, принятой в номенклатуре зоологии: близкие систематические группы животных, принадлежащие к одному классу, отряду, семейству, располагаются в одной витрине. При подобной расстановке также соблюдается принцип усложнения организации. По данному пути развития пошел Дарвиновский музей [2].

Во втором случае экспозиционеры отдают приоритет ландшафтному принципу. Применительно к Ставропольскому краю, который краеведы справедливо называют географическим музеем, зоологическая экспозиция должна продемонстрировать фауну полупустынного, степного, предгорно-лесного и интразонального (околоводного) ландшафтов. Большинство музеев краеведческого профиля придерживаются подобного принципа демонстрации природоведческой экспозиции [3].

В связи с обновлением витрин зала зоологии в феврале 2014 г. и появившейся возможностью выбора одного из вариантов построения экспозиции у сотрудников отдела природы возникла дискуссия: какому из принципов отдать предпочтение? Покажем на конкретных примерах наиболее сильные стороны зоогеографического принципа построения экспозиции «Животный мир Земли». На наш взгляд, именно подобная организация способна наглядно продемонстрировать экологические законы взаимоотношений особей в биоценозах, их адаптации к среде обитания, а также биологическое разнообразие животного мира.

Подводя посетителей музея к витрине «Арктика», экскурсовод объясняет, что в жестких климатических условиях Крайнего Севера все животные в ходе эволюции приобрели ту или иную форму адаптации к среде обитания. Это и толстый подкожный слой жира, который животное к зиме, как правило, удваивает, и особо устроенные волоски, и опушение на лапках (у белой полярной совы), черный цвет кожного покрова (у белого медведя), дополнительно притягивающий УФ солнечные лучи, является органом терморегуляции. Весьма удачно рядом с белым медведем расположился песец, который в арктических льдах преследует медведя с целью насытиться оставшейся с «барского стола» (недоеденной) пищей. Подобный тип взаимоотношений в экологии биоценозов называется комменсализмом. Абсолютно все животные Арктики имеют белую окраску меха (она называется покровительственной) – под цвет снега, это помогает жертве быть менее уязвимой. Итак, возможности витрины «Арктика» способствуют раскрытию таких важных экологических понятий как адаптация организмов к среде обитания, отношения организмов в биоценозах.

Витрина «Тундра» предоставляет экскурсоводу возможность раскрыть такие понятия как птичьи базары, жизнь особей в колонии. Не менее познавателен мир животных тайги, которому посвящена соответствующая витрина. Изучив ее внимательно, мы снова узнаем об интереснейшей адаптации клеста-еловика к жизни в таежных лесах. Клеста-еловика мы постарались расположить в витрине таким образом, чтобы отчетливо просматривался клюв птицы, в котором надклювье и подклювье, перекрещиваясь, формируют своеобразный инструмент для извлечения семян из шишек. В ходе экскурсии посетители узнают, что именно по этой причине птенцы клеста появляются на свет зимой – в лютый мороз, когда созревают семена. Из этого следует очень важный с точки зрения экологии вывод о том, что лимитирующим фактором для развития и жизнедеятельности птиц является не температура, а наличие пищевых ресурсов. У этой же витрины есть возможность продемонстрировать интереснейшие сцены из семейной биологии птиц, а именно – ток глухарей. В позе токования представлен глухарь-самец, поющий брачную песню расположившейся рядом самке.

Подходя к витрине «Смешанные и широколиственные леса», мы еще раз закрепляем важное понятие существующих в биоценозах отношений типа «хищник-жертва». При построении экспозиции мы расставили животных соответствующим образом: лиса устремила хищный взор к ежу и кроту, взгляд куницы направлен на белок, расположившихся в биогруппе напротив, а виртуозная ласка как будто готова наброситься на лесную соню. Кроме того, опытный экскурсовод не упустит возможности разъяснить понятия экологической ниши и пищевых цепей, существующих в сложившейся экосистеме.

На примере демонстрации экосистемы леса это можно представить следующим образом. Если по какой-либо причине для белок не оказалось достаточного количества пищевых ресурсов, это приведет к снижению их численности, что, в свою очередь, приведет к снижению численности куниц.

Снижение же численности куниц, с большой вероятностью, приведет к снижению численности хищников низших звеньев пищевой цепи. Последний фактор повлечет за собой увеличение количества грызунов и, как следствие, распространение эпидемий. Таким образом, на примере экосистемы леса мы наблюдаем динамику численности особей в популяции, называемую флуктуацией [4]. Кроме того, мы можем продемонстрировать, как изъятие одного экологического звена из целостной системы ведет к изменениям последующих звеньев пищевой цепи и дестабилизации сложившейся экологической пирамиды.

Классическим примером, наглядно представляющим явление полового диморфизма, являются утки кряквы в витрине «Околоводные пространства». На крыле у селезня есть ярко-фиолетовое, окаймленное белой полосой зеркальце, тогда как самка окрашена в скромный темно-бурый наряд. На примере экспонатов этой витрины четко просматриваются адаптивные анатомо-морфологические особенности птиц к обитанию в водной среде: обтекаемая форма тела, наличие плавательной перепонки на лапках и наличие цедильного аппарата, который хорошо просматривается у уток, характерная форма клюва, необходимая для ловли рыбы (наиболее демонстративно представленная у пеликана). В подобный клюв помещается около двух килограммов рыбы, и данная природой возможность была успешно использована представителями древних цивилизаций Индии и Китая, которые приручали пеликана для ловли рыбы.

Совершая в ходе экскурсии виртуальную поездку по разнотравным степным и песчаным полупустынным ландшафтам, учащиеся знакомятся с такими понятиями, как анатомо-морфологические и физиологические особенности адаптации к среде обитания с экстремально высокими температурами и недостаточным количеством воды. Наиболее ярким примером подобной адаптации является нос сайгаков, в котором в условиях жесткого континентального климата полупустынь холодный зимний воздух согревается, а горячий летний – охлаждается. Кроме того, в носу сайгаков, имеющем большое число перегородок – хоан, задерживаются частицы песка. Таким образом, нос этих животных имеет двоякую функцию – терморегуляции и фильтра. Другой характерной особенностью приспособления животных к обитанию в полупустынных ландшафтах являются чрезмерно выступающие части тела: уши и хвосты. Эти органы, сосредоточивающие большое количество мелких капиллярных сосудов, отводят избыточное тепло, выполняя функцию терморегуляции. Данное явление наглядно демонстрируют чучела ушастого ежа и малого тушканчика. На примере биогрупп «Суслик малый», «Тушканчик малый» экскурсовод имеет возможность рассказать о жизни животных в колонии, их физиологической адаптации к обитанию в совершенно безводной местности (пустыне). Во время экскурсии посетители узнают о том, что тушканчики всю жизнь обходятся без воды, используя лишь метаболические процессы расщепления жира, скапливающегося в хвосте.

Знакомясь с необычайным биологическим разнообразием фауны Африки, Австралии, Америки, учащиеся отчетливо выделяют закономерность

между формой, размером тела, окраской покрова того или иного животного и средой обитания. Особенно наглядно проявляется закономерность между формой клюва птиц и характером питания, а также образом жизни. Так, массивный клюв попугаев необходим им для виртуозного лазания по веткам и справедливо именуется орнитологами «третьей ногой».

Мощный, огромный клюв птицы-носорога жизненно важен для нее, так как с его помощью она вскрывает твердую, как камень, заслонку, сооружаемую в дупле из помета с целью защитить птенцов от множества хищников. Сама птица также находится с птенцами в дупле «в добровольном заточении» до тех пор, пока они не окрепнут. В этот сложный и ответственный период ее опорой является самец, который систематически приносит плоды и передает их через небольшое отверстие. Пройдет время, и птице понадобится ее чрезвычайно мощный клюв для вскрытия заслонки и выхода из заточения.

Гости музея эмоционально реагируют на «рекордсменов» животного мира по размерам. Этому способствует расположение экспонатов в экспозиции: самая крупная птица земного шара – страус – соседствует с самой маленькой представительницей мира пернатых – колибри. В конце экскурсии учащиеся поднимаются на балкон и с удивлением отмечают сцены охоты, которые не были видны при рассмотрении экспозиции снизу: филина, схватившего зайца, орлана, вцепившегося когтями в утку. Данные примеры еще раз рассказывают нам об отношениях типа «хищник-жертва» в биоценозах.

Для более четкого понимания значимости зоологической экспозиции в формировании у посетителей музея экологических понятий, систематизируем все сведения в таблицу (см. таблицу 1).

Понятно, что возможности зоологической экспозиции гораздо шире и содержание приведенной таблицы не исчерпывает всего тематического разнообразия, применяемого в экскурсионно-лекционной работе. Тем не менее, узловые понятия, изучаемые в разделе «Экология», в ней обозначены.

Рассмотрев таблицу, можно отметить, что в случае реализации систематического принципа построения экспозиции было бы невозможно продемонстрировать отношения организмов в биоценозах, раскрыть в ходе экскурсии понятия пищевых цепей, целостности сложившейся экосистемы. Кроме того, представляемые в экспозиции анатомо-морфологические особенности адаптации животных тесно связаны со средой обитания и той природной зоной, в которой они представлены в витрине.

В случае реализации ландшафтно-регионального принципа организации экспозиции мы не смогли бы отразить все многообразие форм, размеров и необычайно ярких красок экзотической фауны континентов земного шара, которые вызывают живые эмоции посетителей музея.

В заключение хотелось бы отметить, что учителя, приводя школьников на экскурсию, ставят своей целью наглядно продемонстрировать то, что они теоретически преподают на уроке. Экспозиция «Животный мир Земли», организованная по принципу зоогеографии, наиболее оптимальна для реализации данной цели.

Таблица 1. Основные экологические понятия, формируемые во время экскурсии по экспозиции «Животный мир Земли»

Название витрины	Экспонаты	Формируемые экологические понятия
Арктика	Белый медведь, белая куропатка, полярная сова, песец	Анатомо-морфологические и физиологические особенности адаптации к условиям Крайнего Севера с экстремально низкими t , отношения организмов в биоценозах
Тундра	Птицы отрядов: чайки, чистики, гагары	Птичьи базары, жизнь особей в колонии
Тайга	Клест-еловик, глухари, тетерева	Анатомо-морфологические особенности адаптации к среде обитания, лимитирующий фактор, семейная биология птиц – ток глухарей, тетеревов
Смешанные и широколиственные леса	Белка, куница, филин, еж, крот	Отношения организмов в биоценозах типа «хищник-жертва», экосистема, цепи питания в экосистеме, динамика численности особей в популяции, целостность экосистемы
Околоводные пространства	Кряква, пеликан, чомга, лебедь-кликун	Явление полового диморфизма, анатомо-морфологические особенности адаптации к обитанию в водной среде
Степи и полупустыни	Биогруппы «Сайгаки», «Суслик малый», «Тушканчик малый», еж ушастый	Анатомо-морфологические и физиологические особенности адаптации к среде обитания с экстремально высокими t , жизнь особей в колонии
Африка, Австралия, Америка	Экспонаты соответствующих континентов	Биологическое разнообразие, соответствие формы, размера, окраски животных среде обитания и образу жизни

Использованная литература и источники

1. Папков А.И. Актуальные проблемы научного проектирования экспозиции регионального краеведческого музея // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX-XXI вв. Труды ГИМ. Вып. 127. М., 2001. С. 433–449.
2. Дарвиновский музей – <http://tonkosti.ru> /Дарвиновский музей.
3. Букарева Л.С. Краеведческие музеи в прошлом, настоящем и будущем (сетевые аспекты) // Музееведение. На пути к музею XXI века. М., 1989. С. 66–86.

Прокопенко Ю. А.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
профессор кафедры культурологии и искусств,
доктор исторических наук

**О МАТЕРИАЛАХ ИЗ ГРОБНИЦЫ,
РАСКОПАННОЙ Л. Н. ГЛУШКОВЫМ
(в 1965 г. на ул. Орджоникидзе г. Ставрополя).
ИХ СООТНОШЕНИЕ С ИНВЕНТАРЕМ ЗАХОРОНЕНИЙ
СКЛЕПОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ПРЕДКАВКАЗЬЯ**

Открытие склеповых сооружений с материалами конца IV–III веков до н.э. на территории Центрального Предкавказья датируется концом XIX века. В течение XX – нач. XXI веков на Ставрополье и в Кабардино-Балкарии был выявлен целый ряд склеповых грунтовых и подкурганых сооружений. К числу таких памятников следует отнести гробницу, исследованную на ул. Орджоникидзе г. Ставрополя¹.

В 1965 году в центре Ставрополя – на ул. Орджоникидзе – строители случайно наткнулись на гробницу из каменных плит. Памятник был осмотрен историком-краеведом, сотрудником краеведческого музея Л. Н. Глушковым. Коллекция предметов, выявленная при исследовании склепа, была доставлена им в Ставропольский краеведческий музей, где она и хранится в настоящее время.

Все находки условно можно разделить на 4 категории: керамическую посуду, предметы вооружения, украшения (в том числе амулеты) и бытовые предметы.

Во время исследования гробницы Л. Н. Глушковым были обнаружены два лепных миниатюрных горшочка с округлым туловом №№ 1 и 2. Такие сосуды характерны для гончарного производства кобанской культуры скифского времени [1]. Следует отметить, что горшки, в том числе миниатюрные, являются обычной категорией посуды в керамическом комплексе гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья конца IV–III вв. до н.э.², аналогичных исследованным Глушковым. Например, они обнаружены при исследовании склепа на левом берегу Подкумка (севернее лесхоза г. Кисловодска), могильника Мамайка и гробницы № 3 Вербовского могильника [2].

¹ Приношу искреннюю признательность коллективу отдела археологии Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе и лично директору музея Н. А. Охонько за оказанное содействие в процессе изучения материалов из гробницы, раскопанной Л. Н. Глушковым в 1965 г., и предоставленную возможность их публикации.

² Все находки чернолаковой керамики в гробницах склеповых могильников датируются концом IV – началом III в. до н. э.; 1-й четвертью III в. до н. э.; 2-й четвертью III в. до н. э. или 1-й половиной III в. до н. э. Здесь же обнаруженные амфоры, судя по клеймам, они относятся к III – началу II в. до н. э.

Сосудики усеченно-биконической формы с орнаментацией верхней части тулова, подобной декору на сосуде, найденном Глушковым, мне не известны. Однако форма таких миниатюрных экземпляров характерна для керамических комплексов склеповых захоронений (могильник № 1 Татарского городища, склеп № 2; склеп на левом берегу р. Подкумок (севернее лесхоза г. Кисловодска) [3].

Сосуд № 4 – темно-серолощенный кувшин с усеченно-биконическим туловом (с заметным ребром), имеющим раструбовидно расширенное горло, напоминает своим геометризированным абрисом кувшины предскифского времени и скифского периода из захоронений кобанской культуры. Однако самые близкие аналогии представлены в керамическом комплексе восточного варианта кобанской культуры в Затеречье.

В частности, ряд подобных сосудов с ребристым туловом, в том числе кувшины, были выявлены в процессе исследования Ильиновского поселения V–III веков до н. э. [4].

Все найденные в гробнице бронзовые наконечники стрел являются обычной находкой в комплексах V–III веков до н. э. В отличие от подобных наконечников конца VI–V веков до н. э. экземпляры из склепа, обнаруженного Глушковым, отличаются более легкими пропорциями, что явно свидетельствует об их более позднем происхождении.

Железный трехлопастной наконечник стрелы условно относится к группе 1 – втульчатые, отделу I – лопастные; подотделу II – трехлопастные; типу 2 – с лопастями, срезанными под тупым углом к втулке; варианту 1 – с втулкой, равной по длине с головкой. Подобные наконечники находились в употреблении у местного населения в течение VI–I веков до н. э. Однако экземпляры с лопастями, срезанными под тупым углом к втулке, больше характерны для комплексов последних веков до н. э.

Железный наконечник копья условно относится к типу III – наконечникам с удлинено-лавролистным пером без ребра жесткости и с конусовидной втулкой (I отдел, 3-й тип по А. И. Мелюковой и по В. И. Козенковой, 3-й тип по М. П. Абрамовой). В основном они встречены в памятниках скифского времени, но в Центральном Предкавказье зафиксированы и в комплексах раннего сарматского времени. В частности, 2 наконечника с узким ланцетовидным пером выявлены в Нижне-Джулатском могильнике (погребение 62; 100) [5].

Кроме хронологического анализа керамики и предметов вооружения для определения даты возведения гробницы, также важно морфологическое исследование найденных здесь украшений.

Височное кольцо № 1 условно относится к типу I (по классификациям В. И. Козенковой и Ю. А. Прокопенко) – привескам в форме простого круглого кольца из бронзовой, серебряной или железной проволоки. Такие украшения использовались в течение длительного времени скифского и сарматского периодов.

Височные кольца №№ 2 и 3 условно относятся к типу II (по классификациям В. И. Козенковой и Ю. А. Прокопенко) – височным подвескам

в форме спирали, скрученной из проволоки или плоской пластинки в 1,5–3 оборота. Такие украшения использовались длительное время, характерны для женского костюма как скифского, так и сарматского времени. Такие подвески характерны для склеповых сооружений конца IV–III веков до н. э. Проволочное кольцо в 2 оборота находилось в числе материалов склепа № 1 могильника № 1 Татарского городища.

Два кольца выявлены при исследовании склепа на левом берегу р. Подкумок (севернее лесхоза г. Кисловодска). Один экземпляр, выполненный из бронзовой, круглой в сечении проволоки, происходит из гробницы № 1 Вербовского могильника. Серебряное и бронзовое кольца в 1,5 оборота присутствовали в инвентаре склепа № 3 этого же могильника. Такое же кольцо найдено в склепе на северо-западном подножии западной вершины г. Верблюд [6].

Височные кольца №№ 4 и 5 условно относятся к IV типу (по классификациям В. И. Козенковой и Ю. А. Прокопенко) – подвескам овальной формы, с заходящими друг за друга концами. Такие украшения характерны для захоронений кобанской культуры восточного и западного вариантов скифского времени. Также они отмечены в материалах последних веков до н. э. склеповых могильников. Такая подвеска из тонкой серебряной проволоки происходит из склепа № 1 могильника Волчий ручей № 1. Размеры: 2 x 3,5 см. Такая же подвеска выявлена в склепе № 2 могильника на северном подножии западной вершины г. Верблюд [7].

Четыре подвески из бронзы в 1,5 оборота, согнутые из круглой в сечении проволоки, обнаружены в склепе № 3 Вербовского могильника. Здесь находилась такая же золотая подвеска [8].

В отличие от вышеотмеченных вариантов височных колец экземпляр № 5 из материалов Глушкова не характерен для комплексов кобанской культуры. Наиболее близкими к данному височному кольцу по форме изделия и кеглевидному оформлению концов являются украшения из памятников Прикубанья: золотые и медная подвески, обнаруженные в захоронении IV века до н. э. в кургане № 30 у аула Нечерзий, и бронзовые височные кольца из материалов погребения 25 кургана, 7 могильника у аула Уляп (IV–III вв. до н. э.) [9].

Привески, обнаруженные в гробнице, исследованной Л. Н. Глушковым, условно относятся к четырем типам: XV; XVII; XXIV; XXV (по классификациям В. И. Козенковой и Ю. А. Прокопенко).

XV тип (привески из натуральных клыков и костей животных) представлен клыком кабана. Такие амулеты (?) зафиксированы в памятниках кобанской культуры VI – IV вв. до н. э. (могильник Каррас, гр. I, II, VIII). Также они характерны для материалов склеповых могильников конца IV–III вв. до н. э. (склеп на г. Брык).

К XVII типу (бронзовые привески – амулеты в виде отдельных головок и целых статуэток животных и птиц) относится обнаруженная Глушковым бронзовая полая фрагментированная фигурка птички со зверовидными ушами. Для памятников кобанской культуры предскифского и скифского времени

характерны литые птички-подвески с отверстием в теле для подвешивания. Головы птичек с удлинёнными носами имеют направленные в стороны зверовидные уши. Птичье туловище завершается широким треугольным хвостом (могильник № 2 Татарского городища, погребение 23 – 2 экз. и др.).

Такие подвески характерны для памятников 1-й половины и середины I тысячелетия до н. э., но встречаются и в комплексах III–I вв. до н.э. (могильник Нижний Джулат, погребение 40, склеп Кабан-гора) [10]. Скорее всего, птичка из гробницы, исследованной Глушковым, является поздней разновидностью литых птичек-привесок.

Обнаруженные привески из раковин каури (*Syrrea moneta*) характерны для комплексов скифского времени. Такие раковины характерны и для инвентаря склеповых захоронений конца IV–III веков до н. э. (могильник № 1 Татарского городища, склеп № 2 – 2 экз.; Вербовский могильник, склеп № 3 – 1 экз.) [11].

Бронзовые литые привески-лунницы с петелькой (или отверстием) для привешивания, аналогичные вышеотмеченной из гробницы, исследованной Глушковым, относятся к типу XXV привесок (по классификациям В. И. Козенковой и Ю. А. Прокопенко). Такие украшения характерны для погребений кобанской культуры западного варианта V–IV веков до н. э. (Белореченский 1-й могильник, погребение 4; Минераловодский могильник – хранится в Пятигорском музее; могильник Каррас, гр.1) [12]. Наиболее близкой аналогией лунницы из материалов Л. Н. Глушкова является привеска из гробницы № 1 Карасского могильника.

Вышеотмеченные браслеты №№ 1 и 2 условно относятся к типу XIII (по классификациям В. И. Козенковой и Ю. А. Прокопенко) браслетов из бронзового прута, выпукло-уплощенного в сечении с раскованными концами. Характерны для памятников кобанской культуры VII–IV веков до н. э. Аналогичные бронзовые браслеты из круглой в сечении проволоки, с расплюснутыми ромбическими концами (в виде змеиных головок), украшенные геометрическим орнаментом, характерны и для комплексов III–II вв. до н. э. Такие браслеты отмечены в материалах склепа, раскопанного в 1991 г. у пос. Быкогорка [13].

Браслет № 3 из материалов Л. Н. Глушкова относится к типу XV (по классификациям В. И. Козенковой и Ю. А. Прокопенко) или группе 1, типу 2 (по типологии М. П. Абрамовой) – браслетам из бронзового, круглого в сечении прута, с конически расширенными концами. Такие украшения характерны для памятников Центрального Предкавказья VI–IV веков до н. э. Также они продолжают употребляться в III–I веках до н. э. Один экземпляр отмечен в погребении 23 могильника Нижний Джулат [14].

Браслет № 4 представляет собой тип XVIII (по классификациям В. И. Козенковой и Ю. А. Прокопенко) – украшения из узкой бронзовой пластины с закругленными или приостренными концами. Такие браслеты были характерны для комплексов кобанской культуры 1-й половины и середины I тыс. до н. э. [15]. Видимо, они продолжали бытовать и в IV – III вв. до н. э. В

частности, подобный браслет с овальным сечением пластины зафиксирован в материалах погребения второго могильника на р. Калаус [16].

Браслет № 5 относится к типу ХХІХ (по классификациям В. И. Козенковой и Ю. А. Прокопенко) – браслетам из бронзового овального в сечении прута, с уплощенными концами, оформленными в виде фигурных кеглеобразных окончаний. Следует обратить внимание на сходство в оформлении концов данного браслета и вышеотмеченного рельефно декорированного височного кольца. Возможно, это свидетельствует о том, что украшения составляли гарнитур.

Время оформления погребального комплекса из гробницы, исследованной Л. Н. Глушковым, позволяет уточнить хронологический анализ представленных в нем бус.

Цилиндрическая бусина из глухого темно-синего стекла с поперечным (частичным) пояском из бугорков № 1 условно относится к разновидности бус типа 15 (по классификации Е. М. Алексеевой). Автор отметила, что такие экземпляры характерны для эпохи эллинизма, особенно для II века до н. э. [17].

Ромбовидные бусины из прозрачного желтого и темно-синего стекла № 2, 3 условно относятся к типу 171 (по Е. М. Алексеевой). Они использовались в течение длительного времени с III века до н. э. по IV век н. э. [18].

Цилиндрические бусы с металлической прокладкой – тип 2 (по Е. М. Алексеевой), аналогичные экземплярам из материалов Л. Н. Глушкова, также находились в употреблении с III–I веков до н. э. по I–III века н. э. [19].

Особо следует отметить находку в гробнице на ул. Орджоникидзе города Ставрополя бронзовых бусин. Такие бусы являются характерной особенностью женских захоронений кобанской культуры предскифского и раннескифского времени. В комплексах последних веков до н. э. они не выявлены. Исключением являются бронзовые экземпляры биконической формы (4 экз.), обнаруженные в склепе № 2 могильника № 1 Татарского городища [20].

В данном случае бронзовые бусины в погребальном инвентаре сопровождали чернолаковый канфар (сохранился профиль). По материалам Афинской агоры форма канфара, сочетающаяся с лаком с металлическим блеском, датируется 2-й четвертью III века до н. э. (275–250 гг. до н. э.)³ [21].

Керамические пряслица усеченно-биконической формы, декорированные поперечными насечками, аналогичны экземпляру из материалов Л. Н. Глушкова, являются обычной находкой в погребениях кобанской культуры скифского времени. Пряслица также являются обычной находкой в склеповых захоронениях. В частности, 8 экземпляров найдены в гробнице № 3 Вербовского могильника. Четыре пряслица орнаментированы пятью группами прочерченных полосок [22]. Аналогичное пряслице происходит из вышеотмеченного склепа № 2 могильника № 1 Татарского городища (в комплексе с чернолаковым канфаром 2-й четверти III в. до н. э.) [23].

³ Выражаю искреннюю признательность сотруднику Государственного Эрмитажа О. Горской за помощь в датировании чернолаковых сосудов.

Таким образом, морфологический и хронологический анализ материалов из гробницы, исследованной Л. Н. Глушковым, позволяет включить данный комплекс в группу склеповых захоронений с аналогичным инвентарем и датировать данные материалы концом IV–III веков до н. э. Следует отметить, что бронзовые наконечники стрел, аналогичные экземплярам, найденным Глушковым, не встречаются позже III века до н. э. Височные кольца вытянутой грушевидной формы, характерные для памятников IV–III веков до н. э., в сарматских памятниках III–I веков до н. э. не зафиксированы. Обнаруженные Глушковым бусы не производились ранее III века до н. э. Как было отмечено, материалы Глушкова идентичны комплексам из других склеповых захоронений, датирующихся по чернолаковой керамике конца IV–III веков до н. э.

Для этнической атрибуции рассматриваемой гробницы, на мой взгляд, является важным феномен смешения в данном комплексе элементов двух культурных пластов разноэтнического происхождения: автохтонного (кобанской культуры) и кочевого (культуры скифов) при доминировании первого сегмента. Прежде всего это проявляется в длительном сохранении форм кобанской керамики и традиционных для автохтонов типов украшений. В частности, выявленные здесь 3 варианта височных колец, 4 вида привесок и все 4 типа браслетов находят себе аналогии в памятниках кобанской культуры. Височные кольца вытянутой грушевидной формы являются результатом дальнейшего развития формы небольших овальных колец, характерных для захоронений кобанской культуры западного и восточного вариантов VII–V веков до н. э. Бронзовая птичка и бляшка-лунница, а также бронзовые бусы по стилевому оформлению, безусловно, являются продукцией местной – кобанской бронзолитейной мастерской.

Находки стеклянных бус и височного кольца с кеглевидным оформлением концов свидетельствуют о связях населения Ставропольской возвышенности с племенами Прикубанья и античными центрами Северного Причерноморья в конце IV – III веков до н. э.

Использованная литература и источники

1. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. Б 2 – 5. М., 1998. Табл. XXVIII.
2. Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Склеповые сооружения эпохи раннего железного века района Кавминвод // Из истории народов Северного Кавказа. Вып 3. Ставрополь, 2000. Рис. 9, 3; Прокопенко Ю.А. Разведки в черте Ставрополя // Археологические открытия 2003 г. М., 2004. Рис. 2, 3, 9. С. 284; Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005. Рис. 162, 10–12; Прокопенко Ю.А., Охонько Н.А. Вербовский могильник. Конец IV–III вв. до н.э. (северо-западные окрестности Ставрополя). Ставрополь, 2012. С. 26. Рис. 2, 4, 7.
3. Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Склеп № 2 Татарского 1 могильника // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Сб. науч. ст. Ставрополь, 1999. С. 89. Рис. 3, 5; Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Указ. соч. Рис. 4, 10.
4. Дударев С.Л. Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. Табл. 50, 13.

5. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М., 1993. С. 74; Прокопенко Ю.А. Указ. соч. Рис. 95, Г, 2, 3.
6. Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М., 2012. Рис. 9, 94; Прокопенко Ю.А. Указ. соч. С. 23, 76; Рис. 217, Б, 4, 7; Прокопенко Ю.А., Охонько Н.А. Указ. соч. С. 6; Рис. 4, 5; 13, 14, 15; Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А., 2005. Археологические памятники у г. Верблюд. Пятигорск, 2005. Рис. 8, 11.
7. Прокопенко Ю.А. Указ. соч. Рис. 217, В, 3; Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Указ. соч. С. 27. Рис. 8, 4.
8. Прокопенко Ю.А., Охонько Н.А. Указ. соч. С. 20. Рис. 13, 8–12.
9. Ждановский А.М. Курган № 30 у аула Нечерзий // Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону, 2006. С. 91. Табл. 7, 1а, б; Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине IV - начале III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М., 2005. С. 72. Рис. 60, 2а, 2б.
10. Абрамова М.П. Указ. соч. Рис. 29, 53, 54; Прокопенко Ю.А. Указ. соч. Рис. 217, В – 19; 209, 30.
11. Прокопенко Ю.А. Указ. соч. Рис. 58, 63, 64, 78.
12. Козенкова В.И. Указ. соч. С. 24, 47. Прокопенко Ю.А. Указ. соч. Рис. 202, 2, 3.
13. Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Указ. соч. С. 9. Рис. 3, 4, 7; Прокопенко Ю.А. Указ. соч. Рис. 3, 7, 80.
14. Абрамова М.П. Указ. соч. Рис. 29, 69.
15. Козенкова В.И. Указ. соч. С. 55.
16. Прокопенко Ю.А. Указ. соч. Рис. 194, 22.
17. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г 1–12. М., 1978. С. 31–32; Табл. 26, 53.
18. Там же. С. 73. Табл. 33, 77.
19. Там же. С. 30, Табл. 9, 12, 26.
20. Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Указ. соч. С. 73, Рис. 11, 13–16.
21. The Athenian Agora. Princeton. V. XXIX. № 89. New Jersey, 1997. № 89.
22. Прокопенко Ю.А., Охонько Н.А. Указ. соч. Рис. 14, 11–18.
23. Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Указ. соч. С. 71. Рис. 3, 10; Прокопенко Ю.А. Указ. соч. Рис. 16, 78.

Савенко С. Н.,
г. Пятигорск,
Пятигорский краеведческий музей,
директор музея, кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры РФ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИЗВАЯНИЯХ В КОЛЛЕКЦИИ ПЯТИГОРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Пятигорский краеведческий музей (ПКМ) определенным образом связан с первым на Северном Кавказе Музеем древностей под открытым небом, существовавшим в Пятигорске с 1850 по 1881 год. Эта связь подтверждается тем, что в фондах ПКМ и сегодня находится один из подлинных экспонатов Музея древностей – жертвенный камень, или «порог» с изображениями животных из района с. Покойного, выявленный там караимским археологом и любителем древностей А. Фирковичем в 1849 году и доставленный затем в Пятигорск. В собрании Пятигорского музея древностей было, как минимум, 3 каменных изваяния, наиболее известным из которых была статуя «Дука-Бек» [1].

«Дука-Бек» и еще одна более сохранившаяся средневековая «каменная баба», происходящая из района ст. Эссентукской, были переправлены в конце 1881 года по инициативе А. С. Уварова в Москву в формирующийся Государственный Исторический музей. Более грубая статуя и еще одна частично сохранившаяся фигура остались в Пятигорске. Они находились в курортном Николаевском цветнике до XX века. Вероятно, именно о них писал археолог Н. Е. Макаренко в 1907 году: «В цветнике... в Пятигорске по тропинке на Горячую гору у Грота Дианы по обеим сторонам стоят две каменные бабы. Справа от входа в 1½ аршина высоты от земли, часть находится в земле. Материал серый песчаник. Работа очень примитивная, лицо плоское, с совершенно стертой поверхностью, на которой кто-то процарапал глаза, нос, рот и расписал голубой масляной краской. Руки не выражены. Между верхней частью и животом заметна мягкая перемычка в виде талии, нижняя часть живота очерчена определенно круговой линией, бока плоско стесаны. Выше лба вырезанная кругом углубленная полоса в виде какого-то головного убора, как бы низенькой шапки. Спина в виде ровного плоского среза, по которому сверху вниз проходят две парные бороздки на расстоянии вершка одна от другой. Вырезана она... из плоского бруса, близкого к доске. Вторая баба по формам грубее... с едва намеченными основными частями туловища, из того же материала. Она не зарыта в землю и передвигается с места на место, служа точилкой топоров и ножей кухни местного ресторана. Она имеет всего около $\frac{3}{4}$ аршина вышины» [2].

Первое описание по ряду деталей соответствует виду одного из изваяний из ст. Эссентукской, отраженных на рисунке Н. А. Нарышкина 1867 года, и на фото Пятигорского музея древностей 1881 года А. К. Энгеля. Второй фрагмент бабы запечатлен на рисунке Ф. Туркестанова 1852 года из Музея древностей и

обозначен в описаниях экспонатов как «обломок головы с туловищем» [3]. Еще одно изваяние было найдено в окрестностях Пятигорска и доставлено в музей А. Фирковичем. Это половецкая женская статуя в полный рост, в длинной одежде, головном уборе, с тремя ожерельями на шее и сосудом в руках. О ее сложной судьбе стало известно из переписки основателя и директора Музея Северного Кавказа в Ставрополе Г. Н. Прозрителева и работника сферы охраны памятников Кавминвод Д. М. Павлова [4]. Из писем следует, что во время подготовки к одной из встреч важных персон из семьи Романовых в 1850-е годы статую перевезли в Ставрополь и установили у здания Городской думы. К открытию в 1865 году Кавказского музея в Тифлисе изваяние отправилось в Закавказье. В 1926 году в Тифлисе была сделана фотография этого изваяния, которую прислали ветерану ПКМ, его директору Н. М. Егорову. Археологи Т. М. Минаева в 1964 году и С. А. Плетнева в 1974 году приводили данные сведения в своих публикациях, профессор В. А. Кузнецов в 1980 году впервые опубликовал прорисовку этой фотографии, а мы недавно – и само фото [5].

В архиве Егорова, хранящемся в ПКМ, содержатся указания на то, что в 1920–1922 годах в Пятигорске существовало ученическое археологическое общество (ПУАО), члены которого сняли две каменные бабы с кургана, располагавшегося за Горячеводской больницей, и доставили их на Советский проспект к флигелю дома, где размещалось общество. В 1925 году оба изваяния были перевезены в помещение Терокрмузея¹ краеведения, размещенного тогда в здании по улице Крайнего, № 42 и поставлены слева и справа у первой ступеньки лестницы. Председатель ПУАО археолог Б. В. Лунин, работавший в 1920–1921 годах в Пятигорске [6], указывал, что эти два изваяния были перенесены от грота Дианы, где они размещались в начале XX века.

Эти сведения запечатлены в 1-й книге поступлений ПКМ, которую вел Егоров с 4.11.1924 года.² Там же сделана более поздняя приписка Егорова от 19.08.1930 года с изложением обстоятельств поступления изваяний в музей. Указывалось, что бабы ранее находились у кухни ныне разрушенного ресторана возле Цветника, «причем повара, используя этих баб для своих поварских нужд... привели их в такой вид, что сейчас трудно узнать в них тех, про кого говорил дир. М. Милютин». Дальнейшая судьба этих экспонатов не ясна. Вероятно, они были утрачены, так как в фондах музея их в настоящее время нет. Не исключено, что это случилось в апреле 1950 года, когда по инициативе и при попустительстве руководства городских коммунальных структур изваяния, выставленные перед зданием ПКМ по ул. Советской (проспект Кирова), были разбиты на куски и использованы для мощения улиц [7].

5 ноября 1927 года в музей доставили каменную бабу половецкого типа, обнаруженную в 1925 году П. Кулагой, крестьянином села Ново-Благодарного на его пахотном участке. Известие о находке было опубликовано в 1926 году в «Науке и технике». В записи 7.11.1928 года были указаны размеры скульптуры:

¹ Терский окружной музей.

² Под №№ 399, 400 от 13 и 19 сентября 1925 г. кратко описаны 2 каменные бабы, одна из которых высотой 90 см, диаметр в груди 137 см, другая – высотой 182 см, диаметр в груди 129 см.

высота 202 см, без пьедестала 162 см, до края одежды 142 см, голова – 34 см. В руках чаша с выделенным поддоном, высотой 18 см, диаметр основания 8 см, в перехвате 4 см. Отмечалось, что изваяние было закопано в землю, и П. Кулага обнаружил его, когда зацепился за скульптуру при пахоте [8].

Сведения о данном изваянии были приведены Минаевой, которая указала, что «статуя изображает женщину во весь рост в головном коническом уборе с низками бус вокруг шеи, в руках она держала сосуд прямоугольной формы... однотипно с каменной бабой, поступившей в Кавказский музей» [9]. Плетнева детализировала описание, отметив, что статуя из серого известняка отбита до колен, повреждена «шляпа» на голове. Размеры: 206х46х25 см. Присутствуют «рога». Лицо портретное. Изображены брови, нос и рот, от носа к уголкам губ – глубокие морщины-борозды. От «шляпы» с двух сторон отходят петли, соединенные под подбородком шнуром или лентой. «Низки бус» исследователь трактовала как витые гривны. На запястьях указаны витые браслеты, на венчике сосуда орнамент в виде насечек. Полы кафтана – расходящиеся [10].

Данная статуя сейчас выставлена в вестибюле ПКМ. Туда она перемещена в 2011 году вместе с обломанной нижней частью. В ходе транспортировки лицевая часть головы обломилась, но была сразу же закреплена на цементе. Цвет отколовшейся части при этом потемнел относительно остального камня скульптуры. Описание экспоната необходимо уточнить. Изваяние вытесано из серо-желтого плотного песчаника. Проработка деталей качественная, поверхности зашлифованы. Высота фигуры 159 см. Ширина в плечах 46 см, в талии 41 см, в бедрах – 42–43 см. Толщина от 23 см вверху до 30 см в сечении постамента. Размеры округлого уплощенного лица 21х17 см. На спине изображены рельефные элементы задней части головного убора и две косы. Нижняя часть фигуры находится на горизонтально выработанной площадке и полусидит на подпрямоугольной вертикальной подставке высотой 54 см, шириной 42–44 см, толщиной 7–10 см. Нижняя часть постамента не обработана, имеет подтреугольную в плане форму (47х30 см).

В 1930-е годы в ПКМ поступило еще два изваяния. Об одном из них в книге поступлений есть запись, сделанная Егоровым 27 февраля 1932 года. «Баба» стояла в ст. Боргустанской у силосной ямы в 5 квартале и перевезена в музей в декабре 1931 года В. П. Николаевым. Материал – желто-серый песчаник, высота 285 см, ширина 45 см. Баба примитивна, на шее украшение в виде ожерелья, руки сложены на животе. Приводилась легенда, связанная со скульптурой, записанная директором музея Л. Якуценой: «По рассказам сына местного атамана Нелипы, баба была привезена в станицу 90 лет назад его отцом, желавшим отомстить неприятелю, от которого потерпел поражение. Ранее она находилась в 20 – 25 км от Боргустана в районе аула Кумско-Лоовского. Позже казаки, уходившие на сражение, собирались у каменной бабы и устраивали пирушки, угощали при этом и изваяние, выливая на него ведро водки. Когда статую увозили в музей, многие старухи станицы жалели об этом и расставались с ней со словами: «Прощай, каменная баба».

Примечательно, что эту каменную бабу описал и В. М. Сысоев во время археолого-краеведческих разведок в Верхнем Прикубанье летом 1895 года. Он

указал, что «В ст. Боргустанской на одной из улиц стоит баба высотой около 1 сажени из песчаника толщиной $\frac{1}{2}$ – $\frac{3}{4}$ аршина. Отделана только передняя сторона и голова со слабо выделенным кругом толстым ожерельем... Передняя сторона имеет овальное лицо (очень избито), ожерелье, груди, руки, сложенные на животе, причем левая рука выше правой, ниже рук идет какой-то пояс, слабо отмечены ноги. В руках, по-видимому, нет ничего. Баба эта, как говорят, найдена в 1870 году близ Лоовско-Кумского аула» [11].

Когда музей в 1930-е годы находился в здании Верхних Пушкинских ванн, статуя была установлена возле входа и простояла там до начала 1960-х годов. В 1961 году ПКМ занял помещение на ул. Бернардацци, куда была перевезена и каменная баба. Краткие сведения о ней приводила Т. М. Минаева. Сегодня баба выставлена в вестибюле музея. Следует привести дополнительные данные об экспонате. Материал статуи – светло-серый плотный известковый камень. Высота фигуры – 215 см, ширина в плечах – 45 см. Размеры бруса скульптуры на уровне бедер – 50х36 см, постамент – 55х33 см. Голова 50х35х30 см. Овальное лицо 40х30 см. Признаки пола подчеркнуты. Обладает чертами скифских изваяний, но женские фигуры в этот период были исключительно редкими.

Второе изваяние было зафиксировано в книге поступлений 4 августа 1938 года. [13]. Сообщалось, что статуя мужчины грубой работы из твердого темно-серого песчаника, «архаического вида» имеет высоту 170 см, ширину в плечах – 60 см, в бедрах – 50 см. На левом боку изображен колчан, на туловище – следы пояса. На правом боку – акинак и плетка. Доставлена из ст. Боргустанской И. Г. Савченко, который сообщил, что статуя была вмонтирована в ограду дома колхозника Говды и вывезена от него. Раньше она находилась в степи на землях ст. Бекешевской. Один из жителей станицы перевез каменную бабу к себе во двор. Вскоре после этого умерли почти все члены семьи этого станичника, а сам он заболел, поэтому решил вернуть статую на место, причем вкопал ее вниз головой. После этого в его семье все наладилось. Говда забрал статую к себе и установил в ограде также вниз головой. Для него никаких последствий это не имело. История изваяния была поведена в «Пятигорской правде» в 1938 году. В статье говорилось, что статую называли «каменный дед» и первоначально она располагалась у ст. Бекешевской [14].

Егоров и Крупнов считали статую скифской. Минаева упомянула ее в списке половецких каменных баб, усомнившись в ее скифской принадлежности, и называла «висящий значительно ниже пояса несколько наискось» акинак кинжалом. У колчана на левом боку она заметила длинный ремень, перекинутый через плечо [15]. Кузнецов опубликовал фото изваяния из архива Егорова с лицевой и оборотной стороны, уточнил некоторые детали. Он писал, что верхняя часть головы имела коническую форму, что, возможно, отражало желание изобразить шлем. Лицо плоское со слегка выделенным подбородком. Правая рука согнута и прижата к животу. В ней, может быть, сосуд. Левая рука короче правой. На спине две округлые выпуклости, возможно, детали одежды. На талии углубленным желобком показан пояс.

Кузнецов трактовал акинак как «короткий меч с прямым перекрестием» и рукоятью со слабым изгибом, что позволило предположить, что изображена сабля. Но ученый подчеркивал и отличие ряда деталей от половецких каменных баб: колчан на левой стороне, особенности одежды обтягивающего типа, передник впереди между ног [16]. Изваяние, к сожалению, погибло в ходе хозяйственно-благоустроительных работ 1950 года возле музея.

В предвоенный период в музее оказалось еще одно средневековое изваяние. Оно запечатлено на фотографии уголка экспозиции музея в здании Пушкинских ванн вместе с половецкой бабой из Ново-Благодарного [17]. По прорисовке с фотографии его описал Кузнецов. Высота статуи 160–165 см. Она определена как цилиндрический монолит с расширением в нижней части. Четко намечены плечи и проработана голова с ушами, приплюснутым носом, бровями, соединяющимися с носом, губами и глазами. На груди изображены две рельефные «сердцевидные» бляхи, имеющие на фото листовидный контур. По данным Егорова, на спине изображались 2 косы, соединяющиеся на расстоянии 35 см в одну [18]. После уничтожения части изваяний в ПКМ в 1950 году сохранилась лишь голова данной статуи 33x26 см, толщиной 18–25 см. Глаза крупные овальные с прочерченными контуром и овальными зрачками. Уши на боковых сторонах – овальные рельефные. Глаза, брови, нос и рот позже были обведены серой краской. В настоящее время голова статуи выставлена в зале «Страницы истории Пятигорья».

ПКМ располагает еще одним экспонатом рассматриваемой категории. Это мужское изваяние скифского времени, находящееся в настоящее время в вестибюле музея возле женской статуи из Кумско-Лоовского аула. Она была кратко описана Минаевой в работе 1964 году на основании статьи Егорова «Еще одна скифская статуя» и фотографии. В статье указано, что скульптура доставлена в музей в 1958 году М. И. Рыбенко из долины речки Бугунты (5 – 6 км к северо-западу от г. Ессентуки). Первоначально она стояла на кургане, затем была сброшена в реку.

Статуя вытесана из серого ессентукского песчаника. Высота ее – 105 см. Лицо сбито. Руки сложены на животе, правая выше левой [19]. В архиве Егорова содержится рисунок А. Рунича (15.09.1958 г.) с указанием размеров, помимо высоты (105 см), ширина (22–36 см) и толщина (17–19 см) в разных частях статуи. Под рисунком подпись: «В начале сентября 1958 года доставлена в музей Пятигорска Г. П. Лушниковым».

Мы можем добавить, что изваяние из серого – светло-серого плотного и крепкого известкового камня. Имеет неровный подтреугольный в плане и уплощенно-подпрямоугольный в сечении выступ снизу для крепления высотой и шириной около 40 см и толщиной 20 см. Овальная с уплощенной лицевой частью голова имеет размеры 32x22x19 см. Ширина статуи в плечах 32–33 см. На руках четко видны кисти с пальцами. На оборотной стороне верхней части рук имеются два уплощенно-овальных выступа размерами 24–26x13–15x2–4 см.

Из окрестностей Пятигорска, вероятно, происходит еще одно изваяние скифского времени, переданное в коллекцию Кисловодского народного музея

24 апреля 1964 года заведующей фондами ПКМ Л. Н. Красивской и выставленное сейчас в лапидарии Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость» [20]. Обстоятельства находки экспоната не выяснены.

Таким образом, Пятигорский краеведческий музей располагал и располагает сейчас одной из представительных и интересных подборок древних и средневековых каменных изваяний на Северном Кавказе, детальное изучение которых может предоставить исследователям дополнительные важные научные данные.

Использованная литература и источники

1. Савенко С.Н. Воссоздание музея древностей под открытым небом в Пятигорске: научно-методические материалы к проекту. Ставрополь, 2013; Его же. Уникальный памятник духовной культуры и изобразительного искусства населения Предкавказья в фондах Пятигорского краеведческого музея // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова). Сб. материалов Международной научной конференции (10–11 мая 2011 г.). Сухум, 2011. С. 178–185; Кузнецов В.А. Изваяние «Дука-Бек»: историко-археологические проблемы // Историко-археологический альманах. Вып. 5. М.–Армавир, 1999. С. 83–99.
2. Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 43. СПб., 1911. С.127–128.
3. Савенко С.Н. Воссоздание музея древностей... С. 18, 41–42; Боглачев С.В. Архитектура старого Пятигорска. Пятигорск, 2005. С. 233–234; Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод. 1872, №№ 9, 10, 16 от 16, 23 и 17 сентября.
4. Савенко С.Н. Вопросы развития музейного дела и охраны культурного наследия в переписке Г.Н. Прозрителева с Д.М. Павловым и другими кавминводскими археологами-краеведами // Прозрителевские чтения. Вып. 1. Сб.ст. научно-практической конференции Ставрополь, 2005. С. 113.
5. Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Вып. 11. Ставрополь, 1964. С.182; Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. 2–4. 1984. С. 1–2; Кузнецов В.А. Тюркские изваяния из Пятигорья // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. I. Нальчик, 1980. С. 71. Рис. 1, 2; Савенко С.Н. Воссоздание музея древностей... С. 16.
6. Лунин Б.В. Курганные могильники в окрестностях г. Пятигорска Терской области (некоторые данные к вопросу о погребениях старых северокавказских племен) // Записки Северокавказского общества археологии, истории и этнографии. Кн.1. Т. III. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1927. С. 7.
7. Книга поступлений 1924–1931 гг. №№ 399–400 // Архив Н.М. Егорова. ПКМ. Оф. 34563; Алексеев А. Воинствующие невежды // Пятигорская правда. 1950, от 7 апреля; Находка каменной бабы // Наука и техника. 1926, № 6 (151). С. 16.
8. Книга поступлений 1924–1931 гг. Оф. 34563; Минаева Т.М. Указ. соч. С.183.
9. Плетнева С.А. Указ.соч. С.102. № 1078.
10. Книга поступлений 1931–1942 гг. № 6444. Оф. 34562.
11. Сысоев В.М. Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. // МАК. Вып. VII. 1898. С. 131.
12. Минаева Т.М. Указ.соч. С.182-183; Книга поступлений 1931–1942 гг. № 6825. Оф. 34562.
13. Б.Р. Статуя времен скифов // Пятигорская правда. 1938, от 24 сентября.
14. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 279.
15. Минаева Т.М. Указ.соч. С.183.
16. Кузнецов В.А. Тюркские изваяния из Пятигорья... С. 72–75. Рис. 2, 1-2.
17. Савенко С.Н. Воссоздание музея древностей... С. 22.
18. Кузнецов В.А. Тюркские изваяния из Пятигорья... С. 70–71. Рис. 1,1.
19. Минаева Т.М. Указ.соч. С. 183–184.

20. Савенко С.Н., Лачинов И.А. Лapidарий Кисловодского музея // Прозрителевские чтения.

Сальников А. В.,
г. Армавир,
Северо-Кавказский институт БИИТ,
заместитель проректора по науке и инновациям,
кандидат исторических наук

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА НАКОНЕЧНИКОВ КОПИЙ С КРЮКАМИ

Этот тип наконечников копий, насколько нам известно, представлен пока единственным экземпляром, опубликованным Е. И. Нарожным. Данный наконечник копья является случайной находкой, поднятой в окрестностях современного города Гудермеса Гудермесского района Чеченской Республики (рис. 8).

Однако, что следует подчеркнуть особо, такие же копья с крюком ныне хорошо известны и в виде изображений на каменных статуях Северного Кавказа (рис. 1–3), которые Т. М. Минаева связывала с половецкой скульптурой [1].

Как известно, самые ранние прототипы копий с крюками считаются характерными для древностей раннесредневековых чжурчженей Дальнего Востока (рис. 4) [2].

Согласно историческим данным, чжурчжени были покорены Чингизидами задолго до их появления на Северном Кавказе [3]. На этом основании вполне логично предположить, что уже в 1222 году, когда Чингизиды в первый раз появились в регионе, в составе их войск могли быть и подчиненные им чжурчжени, которые имели в своих арсеналах традиционные типы вооружения, включая и копья с крюком (рис. 9–10). Тем самым именно они и «обеспечили» интересующее нас заимствование, которое получило распространение на Северном Кавказе.

В настоящее время на территории Золотой Орды известны и другие предметы чжурчженей – дальневосточного происхождения. Есть они и на Северном Кавказе. Таковы, например, деревянные подражания чжурчженскому фарфору. Известны и находки бронзовых рыбок-привесок из Северо-Западного Прикаспия. Они подобны тем, которые на Дальнем Востоке использовались представителями чжурчженской гражданской администрации [4].

Все это далеко не полный перечень предметов чжурчженского происхождения, ныне известных в нашем регионе, которые подтверждают возможность широкого пребывания выходцев с Дальнего Востока на территории Золотой Орды, включая и районы Северного Кавказа. Живя здесь, они внесли свою лепту в распространение традиционных элементов своей культуры, включая и предметы вооружения [5]. На этом фоне накопленных артефактов вполне оправданной будет и попытка сопоставления именно с чжурчженскими заимствованиями и интересующих нас наконечников копий с боковым крюком.

По крайней мере, уже в первой половине XIII века наличие таких предметов в вооружении Чингизидов подтверждает Плано Карпини. В разделе

своего труда «Об оружии» он пишет: «У некоторых из них (монголов) есть копья и на шейке железа копья они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла» [6]. Это свидетельство дает нам повод связывать распространение подобных наконечников копий в Восточной Европе со сферой влияния Чингизидов. Именно у них подобные образцы, вероятно, были заимствованы и обитателями Северного Кавказа.

Таким образом, рассматривая интересующие нас находки как позднейшие образцы чжурчженского (дальневосточного) вооружения, мы склонны оценивать их как еще одно привнесение Чингизидов, разошедшееся по Восточной Европе. В связи с чем следует обратить внимание и на то, что близкие изображения, напоминающие копья с боковым крюком, есть и на половецких статуях (рис. 1–4) [7].

Несмотря на традиционно «домонгольскую» датировку половецких каменных изваяний, отмеченный факт наличия на них изображений подобных «крюков» – копий предоставляет возможность пересмотра времени бытования данных памятников монументального искусства. Такое утверждение вполне реально, если учитывать факт, что на некоторых половецких скульптурах ныне известны и рисунки орнаментированных колчанов, которым С. А. Плетнева находит аналогии исключительно в золотоордынских древностях [8].

Судя по поздним изобразительным источникам, такие же копья имели хождение и на Руси, что также сопоставляется с числом заимствований, распространившихся на русской территории под влиянием комплекса вооружения Чингизидов [9].

Таким образом, несмотря на малочисленность имеющихся в нашем распоряжении наконечников копий с боковыми крюками, мы склонны относить их к заимствованиям, распространившимся в северокавказском регионе вследствие этнополитических процессов в эпоху монгольских завоеваний.

Использованные источники и литература

1. Нарожный Е. И. Новые находки половецких изваяний с территории Прикубанья // Археологический журнал. 2008. № 2. С. 74–78.
2. Деревянко Е. И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск, 1987. С. 96.
3. Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. М., 2002. С. 66.
4. Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 196; Нарожный Е. И. Несколько деревянных изделий XIV–XV вв. с территории Северо-Восточного Кавказа // Вопросы северокавказской истории. Вып. 1. Армавир, 1996. С.13–22; Еремин Н.М., Мялковский В.А., Нарожный Е.И. Новые средневековые комплексы с левобережья нижнего Терека // Археология на новостройках Северного Кавказа. Грозный, 1991. С. 40–45; Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей удигэ XII – XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990. С. 288.
5. Белинский А., Березин Я., Калмыков А. Предварительные итоги комплексного археологического изучения северной части Ставропольского края // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов. Кисловодск, 2000. С. 18.
6. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. М., 1957. С. 31.
7. Нарожный Е. И. Несколько деревянных изделий XIV–XV вв. С. 46.
8. Нарожный Е.И. О каменном изваянии из Черкесского музея (По поводу историко-культурной атрибуции Т.М. Минаевой и Х.Х. Биджиева) // III «Минаевские чтения».

9. Кирпичников А.Н. Оружие времени Куликовской битвы // Вестник Академии наук СССР. 1980. № 8. С. 97–98.

Приложение

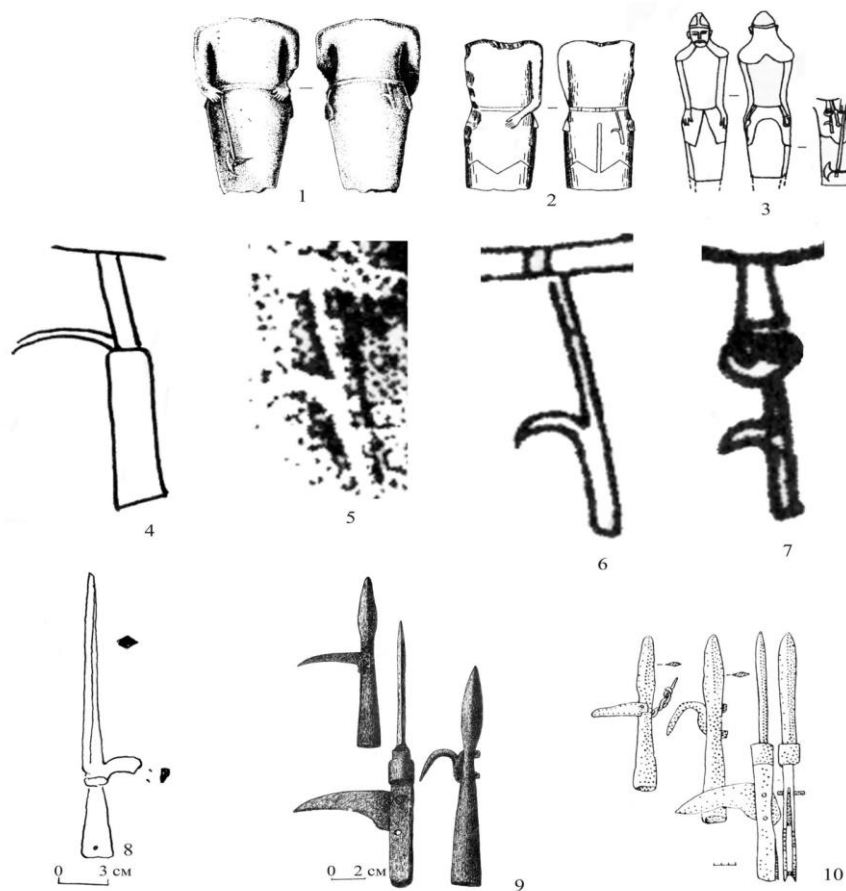

Рис. 11 Копья с боковыми крюками.

1-3. Каменные изваяния XIII-XV веков. (По Т.М. Минаевой);

4. Прорисовка с палеолитических статуэток (По С.А. Плетневой);

5-7. Прорисовка с каменных изваяний Северного Кавказа;

8. Копье из-под г. Гудермеса (Чечня);

9-10. Чжурчженские копья. (9 - по Э.В. Шавкунову; 10 - по Е.И. Деревянко).

Стрелова А. В.,
с. Донское,
Историко-краеведческий музей,
директор

ТРУНОВСКИЙ РАЙОН КАК ОБЪЕКТ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА

*«Чувство Родины нужно заботливо возвращать,
прививать духовную оседлость.
Если не будет корней в родной местности,
в родной стороне – будет много людей, похожих
на иссушенное растение перекати-поле».*

Д. С. Лихачев

Культурно-познавательный туризм – это туризм, предполагающий посещение памятников природы, истории, архитектуры, литературы, археологии, а также участие в праздниках, фестивалях, народных гуляниях и других общественных мероприятиях. Такого типа туризм предоставляет возможность школьникам и молодежи знакомиться с историей, культурными традициями своего родного края, района, села, воспринимать историю России как свое собственное прошлое и представлять будущее в неразрывной связи с будущим своего края и своей Родины. Экскурсии позволяют полноценно задействовать огромный познавательный потенциал природных, культурно-исторических памятников и собраний музеев, где происходит соприкосновение с историческим предметным миром через подлинные музейные предметы.

Историко-краеведческий музей Труновского района два года занимается разработкой и организацией туристических маршрутов по территории муниципального района. Более 500 человек уже совершили путешествие по историческим, природным и культурным достопримечательностям района.

Труновский район расположен на северо-западе Ставропольского края, его площадь – 168,6 тыс. га, в его составе 6 муниципальных образований и 15 населенных пунктов. Центром района с 1970 года является с. Донское, но так было не всегда.

История района уходит в далекий 1935 год, когда на этих землях был образован район, с центром в с. Труновском. Наш первый маршрут посвящен истории Труновского района: из с. Донского – в Труновское, далее в Ключевское. Своим названием район обязан герою Первой мировой и Гражданской войн, георгиевскому кавалеру, организатору краснопартизанского отряда К. А. Трунову. Ознакомиться с историей образования района, увидеть своими глазами подлинные предметы 20–30-х годов XX века можно в филиале нашего музея в с. Труновском. В 2015 году музею исполнится 55 лет.

Здание музея построено в 1870 году для волостного правления. В 1918 году в нем размещался Ревком, Исполком сельского совета. С 1935 по 1962 годы – райисполком. В 1986 году здание было отдано музею.

Село Труновское было основано в 1825 году. Местность эта с начала XIX века была занята казаками и составляла охранную линию от набегов народов Кавказа. Именовалось село по-разному: Новогеоргиевским – по имени прославленного генерала Георгия Арсеньевича Емануеля – героя Отечественной войны 1812 года, наместника Кавказской области; затем село называли Терновкой, по названию одноименной реки, а в XX веке переименовали в Труновское. Село Труновское, пожалуй, одно из немногих в крае, где сохранились все три храма, построенные в разные годы.

В самом центре возвышается красавец-храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Он был построен в 1843 году. В прошлом году исполнилось 170 лет со дня его освящения. В западной части с. Труновского – храм Св. Серафима Саровского. Строительство храма началось в 1896 году и продолжалось в течение 12 лет. Освящение его было совершено в 1908 году. В военные годы храм был закрыт. Позже в церковном доме находилась контора колхоза, а в храме хранили зерно. После войны храм был открыт для службы. Здание является памятником культуры, хотя и не значится в федеральном реестре. Большой и красивый храм Святой Троицы был построен в восточной части с. Труновского в начале XX века, а в 1930-е годы закрыт. В годы Великой Отечественной войны храм подвергся разрушению, затем использовался как склад.

В недавнем прошлом по благословению Преосвященного Владыки Феофана, бывшего епископа Ставропольского и Владикавказского, и с участием руководителя хозяйства СПК «Колхоз Терновский», депутата Думы Ставропольского края И. А. Богачева храм был реконструирован и восстановлен. В храме пока проходит только престольный праздник на Троицу-пятидесятницу. Необычность храму придают купола ярко-зеленого цвета.

Памятником архитектуры является бывший дом М. Л. Милосердовой (Тарасовой), построенный в 1887 году. В 1922–1925 годы здесь размещалась школа-коммуна; с 1935 года – Труновский райком КПСС; с 1962 года – правление СПК «Колхоз Терновский».

Труновское – родина полного кавалера ордена Славы М. П. Апалькова, героя-разведчика, получившего высшие солдатские награды за 1944–1945 годы. Свои стихи посвящал родному селу известный поэт Андрей Бахтинов, чье имя теперь носит библиотека села, здесь ежегодно проходит районный поэтический конкурс «Журавлиное сердце».

Серая асфальтированная дорога уносит путешественников на окраину района, в село под звучным названием Ключевское. Еще издалека привлекают к себе внимание два кургана на вспаханном поле, малый и большой. Говорят, на нашей земле оставили следы скифы и сарматы. Возможно, эти два исполина и есть скифские захоронения. Дорога резко уходит вниз, сквозь каменное плато, прорубленное в скалах, – и перед глазами предстает небольшое село, все в прудах, зелени и родниках.

*Под небом, цветом в васильки, а может быть, еще небесней,
Вы пойте вечно, родники, свои серебряные песни.*

(А. Бахтинов)

Именно обилие подземных ключей дало название селу. Всех гостей ключевцы непременно приглашают посетить два освященных источника, которые располагаются на двух противоположных склонах над селом: родники «Целительница» и «Живоносный». Они были освящены в 2009 году, возле каждого из них установлены гранитные иконы, а вода, как считают верующие, целебная. В православный праздник Крещения в купелях около родников происходят традиционные рождественские купания. Полюбовавшись пейзажами, попробовав студеной родниковой воды, экскурсанты направляются в с. Донское.

Старейший населенный пункт района, с. Донское ведет свою историю с крепости № 9 «Донская» Азово-Моздокской оборонительной линии (1777 г.). Кстати, название крепости было дано самим Г. А. Потемкиным. В 1803 году станция Донская становится почтовой станцией на тракте Санкт-Петербург – Тифлис, а с 1827 года, когда казаки из крепости были переведены на Кубань, Донское стало селом, а первыми его жителями – переселенцы-крестьяне из Курской, Орловской и Воронежской областей России:

*Когда-то прадеды мои
Из императорской неволи,
Сюда, на эти земли шли, –
Искали здесь покой и волю!»*
(Т. С. Алексеева)

От крепости «Донская» остался небольшой фрагмент земляного вала, которым крепость была окружена. В районном историко-краеведческом музее в Донском хранится копия чертежа крепости (1801 г.) и макет, воссозданный по описаниям к чертежу. Посетителям музея предлагают познакомиться с особенностями быта и культуры русских и украинских крестьян. Этнографическая коллекция музея составляет более тысячи подлинных экспонатов.

Из музея, здание которого было построено в 1872 году для одноклассного училища, отправляемся на пешеходную экскурсию по историческому центру с. Донского. Здесь сохранилось несколько зданий XIX – начала XX веков: вальцовая мельница с дизельным двигателем, построенная в 1864 году стараниями крестьянина с. Птичьего А. С. Зюзюкина. Ее чугунные вальцовые станки были изготовлены известной в то время швейцарской компанией «Бюлер» из Уцвиля. В 2014 году на здании была установлена мемориальная доска.

В самом центре села на улице Красной стоит здание, где в 1915 году был открыт Народный дом, в нем работала первая в селе библиотека, первый народный театр, первая киноустановка. Трудно узнаваемое на снимках начала XX века, сильно перестроенное здание и памятная доска на нем хранят память минувших лет. Недалеко, на этой же улице, в XIX – начале XX веках располагалась мельница, был большой заезжий двор купцов Поздняковых. Въезд украшала каменная арка. Еще 50 лет назад арка была целой – над воротами и калиткой. Сегодня можно видеть только небольшой фрагмент арки.

На берегу р. Ташла стоит однокупольная церковь Святой Троицы. Троицкий храм с. Донского был построен в 1895 году и в настоящее время является одним из 18 соборов Ставрополя, относящихся к историческим памятникам. До революции храм был старообрядческим, впоследствии частично разрушен, а восстановлен уже православными прихожанами.

А когда-то храмов в селе было три! В 1935 году была разрушена Михаило-Архангельская церковь, построенная в 1841 году. В 1941–1942 годах разрушили храм Николая Чудотворца (был построен в 1915 г.) в южной части села в конце 2-й Разбегайловской улицы (ныне улица Московская).

В разных частях села стоят памятники и обелиски, напоминающие о событиях Великой Отечественной войны: в парковой зоне обелиск «Вечная слава» на братской могиле солдат и офицеров, погибших в 1942–1943 годах; на выезде из села, в сторону г. Изобильный, памятник на месте расстрела фашистами мирных жителей района в период оккупации в 1942 году. У здания музея в 1989 году был установлен бюст нашего земляка Героя Советского Союза А. В. Невдахина.

Второй туристический маршрут переносит экскурсантов на север Труновского района – через хутора Невдахин, Эммануэлевский в с. Безопасное. Название экскурсии «Безопасное – россыпь талантов и героев». Небольшой хутор «Эммануэлевский», лежащий между с. Донским и с. Безопасным, назван в честь его первого владельца. Когда «в воздаяние за отличные заслуги генерала от кавалерии Емануеля, оказанные в 1830 году», император Николай I «всемилоостивейше пожаловал ему в вечное и потомственное владение 6000 десятин земли в Кавказской области», Георгий Арсеньевич выбрал себе 2 участка. Один из них, в 2000 десятин, располагался по большой дороге от Ставрополя к Новочеркаску, за Донским укреплением; второй, в 4000 десятин, близ Пятигорска. Так появился хутор Эммануэлевский.

Безопасное образовано в 1804 году на месте дислокации казачьего поста, защищенного поначалу земляными окопами, а затем переоборудованного в редут. Службу на редуте несли казаки Хоперского полка из Донской крепости. Следы окопов долгое время сохранялись на левой стороне р. Большой Егорлык, почти напротив устья р. Ташла. Населенный пункт расположился на Черкасском почтовом тракте в 69,5 верстах от Ставрополя.

Первыми поселенцами Безопасного стали крестьяне Курской, Орловской и Воронежской губерний, а основание ему положил крестьянин Лунев, построивший здесь в 1804 году мельницу, возле которой и начал устраиваться прибывающий сюда народ. Очень важным для истории села является 1820 г., когда на добровольно собранные средства началось строительство каменной церкви Дмитрия Солунского. Сооружение храма завершилось в 1828 году, и в 1832 году он был освящен. Это один из самых старых храмов, сохранившихся в Ставропольском крае.

Недалеко от храма располагается здание, где в 1840-е годы было открыто учебное заведение для обучения мальчиков-писарей. Учеников набирали (преимущественно из сирот) в обязательном порядке в поселениях по всему

Ставропольскому округу Кавказской области в расчете один ученик на одну тысячу ревизских душ.

В 1857–1871 годах в Безопасном жил И. В. Бентковский – известный статистик, краевед-исследователь, оставивший большое количество бесценной информации о жизни Северного Кавказа в XIX веке. В 1869 году Иосиф Викентьевич опубликовал в «Биржевых ведомостях» свой первый объемный труд «Историко-статистические сведения о селении Безопасном». Дом, который снимал Бентковский в Безопасном, сохранился и ждет туристов в центре села.

26 октября 1894 года в Безопасном (в доме на углу улицы Ленина и переулка Северного – современные названия) в большой крестьянской семье родился Дмитрий Данилович Головин, который впоследствии станет солистом Государственного Академического Большого Театра в Москве, заслуженным артистом РСФСР. Мальчишкой Митя Головин пел в хоре Дмитриевской церкви с. Безопасного, поражая односельчан силой и красотой голоса. Неподражаемым, ни на кого не похожим был артист Дмитрий Данилович Головин. О таких говорят: «божий дар». Его голос не имел себе равных среди баритонов. Его сценические возможности не укладывались ни в какие академические рамки. «Он блеснул, как яркий метеор, и погас». Блистательная карьера певца оборвалась в 49 лет.

В 1908 году было построено здание волостного правления (ныне Дом быта). Прекрасно сохранился дом купца И. П. Галкина, где сегодня располагается правление хозяйства СПК «Колхоз им. Ворошилова». На этих зданиях, благодаря районной программе развития туризма, весной 2014 года размещены мемориальные доски.

В 1912 году в Безопасном открылась больница на 15 коек, ранее и не планировавшаяся, так как своих средств на строительство не хватало. Подрядчиком строительства здания выступил М. П. Галкин. Уникальное в плане архитектурного решения здание ныне нуждается в срочной реставрации.

Экскурсию по центру Безопасного завершает посещение музея села, который носит имя удивительной женщины, стоящей у истоков этого музейного собрания – заслуженного работника культуры РФ М. А. Русановой. На небольшой выставочной площади собрано более трех тысяч экспонатов по истории с. Безопасного и окрестных хуторов.

Экскурсоводы покажут туристам дом, где родился и вырос Герой Советского Союза В. Ф. Громаков, совершивший подвиги в годы Великой Отечественной войны. На территории Безопасненского сельсовета расположено 5 захоронений, в которых погребены воины и мирные граждане, расстрелянные немецко-фашистскими захватчиками в годы оккупации края.

Всего на территории Труновского муниципального района расположено 58 памятников истории и культуры. У района хороший потенциал для развития культурно-познавательного туризма, а также паломнического и событийного.

Использованная литература и источники

1. Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII по 1920 г.: справочник. Ставрополь, 1999.

2. Бентковский И. В. Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1869.
3. Головин Дмитрий Данилович // Музыкальная энциклопедия. М., 1973. Т. 1.
4. Земля Ставропольская // Памятники Отечества. 2001. № 48.
5. История Хоперского полка. Тифлис, 1900. Ч. I.
6. Материалы из фондов музеев Труновского района.
7. Михайлов Н.Т. Справочник по Ставропольской епархии. Ставрополь, 1911.
8. На краю Ставропольских высот. История Труновского района и его поселений. Ставрополь, 2013.
9. Твалчрелидзе С.А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897.

Чубинова Т. Г.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
студентка магистратуры ФИФИИ;

научный руководитель: **Ермоленко Л. П.,**
доцент кафедры Истории России,
кандидат исторических наук

ХРИСТИАНСКОЕ ХРАМОВОЕ ЗОДЧЕСТВО НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АЛАНИИ

Строительство крупных храмовых комплексов на территории средневековой Алании относится к началу X века, хотя уже в V–VIII веках существовала и активно действовала Аланская христианская епархия, где были сформированы многочисленные христианские приходы и существовала сеть христианских храмов. Возводимые в этот период храмы различных композиционных типов: крестово-купольные, одно- и трехапсидные, различных размеров, преимущественно не более 8–20 м по продольной оси, в целом соответствовали образцам ранневизантийского классического архитектурного стиля. Это знаменитые Зеленчукские храмы (Северный, Средний и Южный), Шоанинский и Сентинский (все на территории нынешней Карачаево-Черкесии). К началу XI века относят строительство Зругского, Тлийского и Нарского храмов (в высокогорной Центральной Осетии) [1].

Позже были сооружены многочисленные аланские церкви в горных ущельях и на равнинах Алании. Среди них не только монументальные купольные здания, но и малые: небольшие и непритязательные одноапсидные церкви и часовни-капеллы. Только в Нижнем Архызе общее число церквей малых форм достигает 14 (с купольными храмами – 17). Исторически важен вопрос о генезисе архитектурных форм храмов и их истоках с учетом того, что после принятия христианства в Аланию приезжали для строительства храмов византийские мастера, но вскоре появились и собственные зодчие [2]. Они использовали как сложившиеся в христианских странах правила сооружения храмов, так и аланские традиции каменного строительства.

Самая крупная христианская церковь Алании – Северный Зеленчукский храм, прототипом которого по архетипу мог быть храм Св. Софии Трапезунда. Это был Кафедральный собор Аланской епархии, центр ее духовной и культурной жизни в X–XIII веках. По своей архитектурной композиции он представляет собой крест, в центре которого возвышается купол. Это образец развитой крестово-купольной четырехстолпной композиции. Его длина без притвора (21 м) равна его высоте и в 2 раза больше его ширины (по канонам Витрувия «длина храма определяется тем, что ширина его должна быть вдвое меньше длины») [3].

Во время раскопок внутри собора, в нартексе, известным археологом В. А. Кузнецовым была обнаружена крещальня, сделанная из плоских

каменных плит [4]. В этой купели происходило одно из главных таинств христианства – обряд крещения, приобщение к лону христианской церкви. Именно здесь в начале X в. принимали христианство аланы, здесь открывалась новая страница их истории. Около крещальни был найден крест с греческой надписью: «Обновлен честной крест боголюбивейшим монахом Фомой-пресвитером. Года от Адама 6575-го, индикта 5-го». Эта дата в переводе с византийского летосчисления соответствует 1067 году.

Еще одной важной находкой, сделанной в непосредственной близости от Северного Зеленчукского храма, являются древнерусские складные кресты – энколпионы. Данная находка зримо подтверждает наличие торговых и культурных связей между Аланией и Киевской Русью.

Особое положение Северного храма подтверждается и другими археологическими находками. Летом 1940 года в ходе раскопок у южной стены храма найдено богатое женское погребение. В нем сохранилось более 100 ювелирных украшений, в основном – мелкие золотые нашивки на платье в виде трилистников, но были и более крупные предметы: серьги, перстни со вставками из полудрагоценных камней. На одной из таких вставок вырезана арабская надпись с именем армянского царя Ашота I из династии Багратидов, который правил Арменией в 886–891 годах.

Стены храма внутри были покрыты великолепными фресками, которые, увы, не сохранились до наших дней. К счастью, часть фресок в конце XIX века зарисовал художник и археолог Д. М. Струков (рисунки хранятся в архиве ИИМК). По этим рисункам видно, что расписывал собор высокопрофессиональный византийский художник, так как собственных мастеров такого уровня у алан в то время не было.

Средний Зеленчукский храм, относящийся к крестово-купольному типу построек, композиционно задумывался зодчим как «крест свободный», с двумя равными по длине ветвями. В плане храм представляет трехапсидное, крестово-купольное, бесстолпное здание; восточными устоями служат алтарные простенки, западными – стены храма. Подпружные кирпичные арки опираются на вмонтированные в них импосты и несут цилиндрический барабан с низким куполом. Подкупольный квадрат имеет правильную форму со сторонами 3,8 м. В трансепты с юга и севера ведут два входа с люнетами подковообразной формы.

Внутреннее пространство храма освещалось 25 узкими окнами и входными пространствами, причем световой центр приходился на подкупольный квадрат.

Кладка Среднего и Северного храмов одинакова: из крупных тесаных песчаниковых плит на известковом растворе, с бутобетонным заполнением между панцирями. Характерна кладка тычком и ложком из крупных, хорошо отесанных плит и блоков. Этот римско-византийский прием кладки описан Витрувием: «греки же поступают не так: они кладут плиты плашмя и с ложками чередуют тычки, вставляя их в толщу стены» [5].

Вопрос датировки Среднего Зеленчукского храма уже рассматривался учеными на фоне явных точек соприкосновения с Северным храмом, настолько

значительных, что далеко хронологически «раздвигать» эти 2 памятника невозможно – они относятся к одной строительной культуре и эпохе. Это время в пределах X века, но Средний храм, скорее всего, был возведен чуть позже Северного [6].

Второе название Южного храма Архыза – Ильинская церковь. Это единственный постоянно действующий храм Зеленчукской группы. Этот храм находится непосредственно на территории Нижне-Архызского городища. Датировка его строительства точно неизвестна, но не позже 2-й половины X века. Эта небольшая четырехстолпная крестово-купольная церковь (7,7 x 6,16 м) сложена, как и остальные храмы Архыза, римско-византийским способом, но более грубо. Особенностью Южного храма является овальная форма барабана. Эта домовая часовня, судя по скромным размерам и месторасположению, принадлежала знатному и богатому жителю древнего города.

Нижне-Архызское городище было крупнейшим христианским центром Северного Кавказа до XIII–XIV веков. Но на основе того материала, которым мы располагаем, можно высказать предположение о том, что группа Зеленчукских храмов X века свидетельствует о включении Нижне-Архызского городища в X–XII веках в зону периферийного греко-византийского политического и культурного влияния на Северном Кавказе. Городище дает беспрецедентную для Северного Кавказа концентрацию христианских храмов, напоминающую аналогичную ситуацию в крымском Херсоне.

В число храмов входят не только монументальные купольные здания, но и постройки малых форм – небольшие и непритязательные одноапсидные церкви и часовни-капеллы. Всего их сейчас известно 11, из них 7 – на территории поселка епархии и вокруг него. Все они связаны генетически в своих исходных формах с византийским провинциальным зодчеством, представленным в Малой Азии, Абхазии, Крыму, Болгарии, Венгрии. В то же время нельзя не заметить их местные особенности.

Центральным храмом Кубанской епископии В. А. Кузнецов считает Шоанинский храм на вершине горы, господствующей над долиной Кубани, на левом ее берегу рядом с современным осетинским селом Коста Хетагурово [7]. Упомянутая гора занимает выгодное положение при выходе Кубани из ущелья на предгорную равнину близ пересечения двух важных путей, один из которых шел от Большой Лабы по упоминавшейся северо-юрской депрессии (в широтном направлении) к Кубани и р. Мара, поднимался на перевал Кумбаши и далее на Подкумок. Второй путь, теперь известный как Военно-Сухумская дорога, по Кубани и Теберде направлялся на Клухорский перевал и далее к побережью и Сухуми.

Таким образом, близ Шоаны скрещивались два важнейших ответвления Великого Шелкового пути – Даринский и Мисимианский. Естественно, это место было оживленным и густо населенным, надежно защищенным могучим Хумаринским городищем – мощной крепостью на правом берегу Кубани. С севера и юга храм имеет закрытые притворы с входными проемами, с запада притвора нет, т. к. западный фасад выходит к отвесному обрыву материковой скалы. Наиболее обширная площадка и наиболее удобный подход

к храму с севера [8]. Длина здания 12,9 м, ширина по западному фасаду – 8,9 м, высота приравнена к длине. В боковых апсидах сохранились следы одноступенчатой солеи, повышающей алтарную часть.

По-видимому, у ученых достаточно оснований синхронизировать строительство Шоанинского храма со временем строительства Северного храма Большого Зеленчука и отнести его к 1-й половине X века. [9].

После Бернардацци Сентинский храм изучали и публиковали данные о нем во 2-й половине XIX века В. М. Сысоев и И. А. Владимиров. Наиболее значительна и информативна публикация Владимирова, сделавшего не только подробное описание храма (его план и разрезы, но почему-то не показан цоколь храма), но и – что очень важно – хорошие рисунки фресок, которые до наших дней не сохранились.

Художник и археолог И. А. Владимиров в 1899 году оказал большую услугу науке своими графическими работами в Сентах. По мнению Владимирова, Сентинский храм есть «образец храма чистого византийского стиля», а боковые притворы явно пристроены позже. Храм сложен из тесаного красноватого песчаника на извести, кирпич в строительстве не употреблялся, угловая кладка тычком и ложком. В апсиде имелась полукруглая скамья-синтрон, в интерьере стены совершенно не расчленены, кроме того, они плоские, рассчитанные на живопись. Фрески были выполнены тремя красками: белой, красной и темно-коричневой.

По мнению В. Б. Бесолова, Сентинский храм был освящен во имя Богородицы, так как в его алтарной части над окнами еще в XIX веке сохранялась фреска с изображением Богородицы Оранты. В могиле, содержащей захоронение двух человек, было обнаружено несколько уникальных вещей, в том числе хрустальная шахматная фигура, золотой колт с фигуркой птицы, фрагменты шелковой красной ткани с вышивкой из «полос чистого золота». Установлено византийское происхождение ткани XI века, подчеркнуто, что красный цвет для византийцев относился к числу высших цветов. Золотой колт также византийской работы XI века. Судя по этим археологическим реалиям, статус погребенных в южном рукаве храма был очень высоким [10].

К территории Кубанской епископии, по мнению В. А. Кузнецова, надо отнести все небольшие приходские или индивидуальные церкви и часовни, археологически известные в бассейне верхней Кубани на многих аланских поселениях и городищах с XIX века. Массивный и высокий Шоанинский храм в плане представляет трехапсидное и трехнефное здание с четырьмя квадратными в сечении столбами, несущими подпружные арки и главу [11].

Центральная апсида шире боковых, алтарные простенки прорезаны низкими входами в жертвенник и диаконник. Крестово-купольный Сентинский храм в плане – чистый равносторонний крест, композиция «*croix libre*», осложненная тремя притворами с запада, севера и юга. Вытянутая подковообразная апсида (глубина от заплечий 1,7 м) прорезана тремя узкими (40 см) окнами. Рядом с храмом – остатки мавзолея, который, согласно историко-архитектурному анализу, представляет собой сочетание двух

строительных традиций. Местная традиция – полуподземные и надземные гробницы и склепы, с квадратными входными отверстиями на фасадной стене. Привнесенная традиция характеризуется трехчастным коробовым сводом и декоративной аркатурой на всех фасадах [12].

Итак, основными итогами архитектурного и градостроительного наследия IX–XIII веков на территории Центрального Предкавказья следует считать освоение техники каменного строительства как в фортификационной, так и в культовой архитектуре. Важно также отметить тот факт, что внешнее влияние византийских традиций в архитектуре было настолько сильным, что автохтонные архитектурные формы не играли сколько-нибудь заметной роли в создании образа построек.

Использованные источники и литература

1. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. М., 2007. С. 30, 45.
2. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 28.
3. Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977. С. 130.
4. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. С. 32.
5. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе. С. 38, 56.
6. Там же. С. 57.
7. Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. С. 52.
8. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе. С. 67–68.
9. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. С. 72.
10. Марковин В. И. Исследование Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкесии // Историко-Археологический Алтманах. Армавир – М., 1996. Вып. 2. С.184.
11. Науменко С. А. Разведки в долинах рек Теберды и Аксаута // Археологические открытия за 1978 г. М., 1979. С. 37.
12. Пищулина В.В. Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа VI–XVI вв. М., 2007. С. 350.

Швырева А. К.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела природы,
кандидат биологических наук;

Титов В. В.,
ученый секретарь Южного научного центра РАН,
кандидат биологических наук

ЗАМЕТКИ О БОЛЬШЕРОГОМ ОЛЕНЕ ИЗ ГЕОРГИЕВСКОГО ПЕСЧАНОГО КАРЬЕРА

К северо-западу от г. Георгиевска, на высокой террасе правого склона р. Кумы, в косослоистой песчано-глинистой толще дельтовых отложений «бурундукской» свиты [1] располагались так называемые «старые» и «новые» песчаные карьеры. Возраст этих отложений ранее определялся как нижне-среднеапшеронский [2] или как верхний акчагыл – нижний апшерон [3].

Позднее в отложениях, вмещающих останки крупных животных, была обнаружена фауна мелких млекопитающих. Эти находки позволили удревнить возраст данной свиты и определить его как доапшеронский [4]. Ныне эти карьеры рекультивированы, но они знамениты находками раннеплейстоценовых млекопитающих.

В старом Георгиевском карьере собраны остатки «*Elephas meridionalis*», *Equus cf. stenorhinus* и *Eucladoceros sp.* [5]. Из нового Георгиевского карьера, который располагался на правом берегу р. Кумы, против западной окраины с. Подгорное, происходит полный скелет типичного южного слона *Archidiskodon meridionalis meridionalis* [6]. Этот скелет ныне экспонируется в зале палеонтологии Ставропольского музея-заповедника [7].

Кроме того, в коллекции музея-заповедника хранятся отдельные кости из вышеупомянутых карьеров: *Leptobos cf. etruscus*, *Equus (Allohippus) cf. major*, *Eucladoceros sp.*, *Aves*. Приведенный состав фауны представляет Псекупский фаунистический комплекс*. Этот комплекс известен из ряда местонахождений на северном побережье Черного моря, из Молдавии и Северного Кавказа.

Формирование Псекупского фаунистического комплекса относится к середине эпохи Матуяма палеомагнитной шкалы. Нижняя граница этого комплекса находится немного ниже основания эпизода Олдувей. Верхний предел располагается ниже эпизода Харамильо. Псекупская фауна соответствует стадии развития фаун Тассо и Оливола верхнего виллафранка Италии [8]. Интервал развития Псекупского от 2,2 до 1,1 млн лет.

В ходе сверки коллекции ископаемых оленей особое внимание привлек ранее неописанный рог крупного оленя хорошей сохранности [9]. Выяснилось,

* Комплекс получил название по местонахождению: на р. Псекупс, в окрестностях ст. Саратовской Краснодарского края.

что в палеонтологическую коллекцию Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе экспонат был передан коллекционером Г. Л. Дорофеевым (рис.1). Рог был найден в Георгиевском песчаном карьере, таким образом, список фауны из этого карьера пополнился.

Это правый рог крупного оленя с обломанными первым надглазничным и концами трех задних отростков лопаты. Пенек и розетка рога частично разрушены. Остатки породы на экспонате показывают, что он происходил из слоя серого цементированного разнородного песка с небольшой примесью глины. Поверхность рога покрыта продольными узкими (шириной до 2 мм) и широкими (до 6 мм) бороздками. Штанга слегка изогнута назад и в сторону. Сечение штанги – субтреугольное, дистально постепенно уплощается. На дорзальной стороне рога в месте перехода надглазничного отростка в штангу заостренного гребня не наблюдается. Первый надглазничный отросток был направлен вперед, наружу и немного вверх. Его основание овальное в сечении.

Лопата рога достаточно большая, широкая и плоская, в центре лопаты с медиальной стороны есть слабая вогнутость. Плоскость лопаты располагалась почти параллельно продольной оси черепа, раскрыта вперед под углом около 16° (рис. 2). Первые два уплощенных отростка лопаты отходят от переднего края и имеют раздвоенные верхушки. Три задних отростка лопаты, отходящие от ее дистального края, относительно массивные, округлые в сечении, изолированы друг от друга. Задний отросток крупный, дистально загибается кверху, входит в состав лопаты.

Находку из Ставропольского края отличает небольшая длина и незначительный изгиб ствола, а также отсутствие выраженного среднего отростка. Кроме того, задний отросток рога у описываемого экземпляра входит в состав лопаты, а не располагается отдельно от нее.

Олень из Георгиевского карьера обладает относительно прямым стволом, относительно короткой и массивной штангой рога, более вертикальным расположением лопаты.

Наличие хорошо развитой лопаты позволяет ограничить сравнение этого оленя только с представителями трибы *Megacerini* и отнести его к роду *Megaloceros*. С представителями рода *Megaloceros* оленя из Георгиевского карьера сближает наличие хорошо выраженной лопаты, единичного первого надглазничного отростка, расположенного близко к розетке.

Сравнение показало, что олень из Георгиевского карьера имеет существенные отличия от других представителей рода *Megaloceros* (рис. 3). Это позволило выделить новый вид большерогого оленя *Megaloceros stavropolensis* sp. nov. Название вида от Ставропольского края (Ставрополья).

Значение находки рога оленя из Георгиевского карьера в том, что находки других раннеплейстоценовых *Megaloceros* представлены фрагментами.

В коллекции музея-заповедника имеется практически полный рог нового вида большерогого оленя. Кроме того, находка рога из Георгиевского карьера с территории Ставрополья позволяет внести ясность в понимание эволюции большерогих оленей рода *Megaloceros*.

Оказалось, что появление этой группы оленей произошло раньше, чем считалось. Степень развития и расположение заднего отростка, мало отделенного от остальных отростков лопаты, и отсутствие изолированного среднего отростка может свидетельствовать о примитивности данной формы из Георгиевского карьера. Это наиболее ранний из известных представителей рода, обладавший рогами с хорошо развитой лопатой.

Таким образом, в палеонтологической коллекции Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе хранятся очень ценные и редкие экспонаты, помогающие ученым-палеонтологам точнее воссоздать древнюю картину природы нашего региона.

Использованные источники и литература

1. Гарутт В.Е., Сафронов И.Н. Находка скелета южного слона *Archidiskodon meridionalis* (Nesti) близ г. Георгиевска (Северный Кавказ) // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1965. № 30. С. 79–88.
2. Там же.
3. Лебедева Н.А. Корреляция антропогенных толщ Понто-Каспия. М., 1978.
4. Тесаков А.С. Биостратиграфия среднего плейстоцена – эоплейстоцена Восточной Европы. М., 2004.
5. Верещагин Н.К. Млекопитающие Кавказа. М., 1959.
6. Швырева А.К. Уникальный экспонат // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 11. Ставрополь, 1964. С. 347–348; Гарутт В.Е., Сафронов И.Н. Указ.соч.; Байгушева В.С., Титов В.В. Обзор находок древних слонов по материалам Приазовья // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. М., 2001. С. 71–81; Титов В.В. Крупные млекопитающие позднего плейстоцена Северо-Восточного Приазовья. Ростов-на-Дону, 2008; Baigusheva V., Titov V. The evolution of Eastern European meridionaloid elephants' dental characteristics // Quatern. Int., 2012. V. 255. P. 206–216.
7. СГМЗ. Оф. 14120.
8. Azzaroli A. Evolutionary patterns of Villafranchian Elephants in Central Italy. *Atti dell' Accademia Nazionale dei Lincei Memorie Classe Scienze Fisiche*. 1977. 14:149–168; Вангенгейм Э.А., Пивзнер М.А., Тесаков А.С. Магнитостратиграфические исследования в страторегии псекупского фаунистического комплекса млекопитающих // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1990. С.81–92.
9. СГМЗ. Оф. 31306/06.

Приложения

Таблица 1. Неполный правый рог *Megaloceros stavoropolensis* sp. nov., голотип СМЗ, № 31306/06, а – латеральный вид, б – каудальный вид, в – медиальный вид, г – дорзальный вид; Ставропольский край, Георгиевский карьер, нижний плейстоцен, начало верхнего виллафранка.

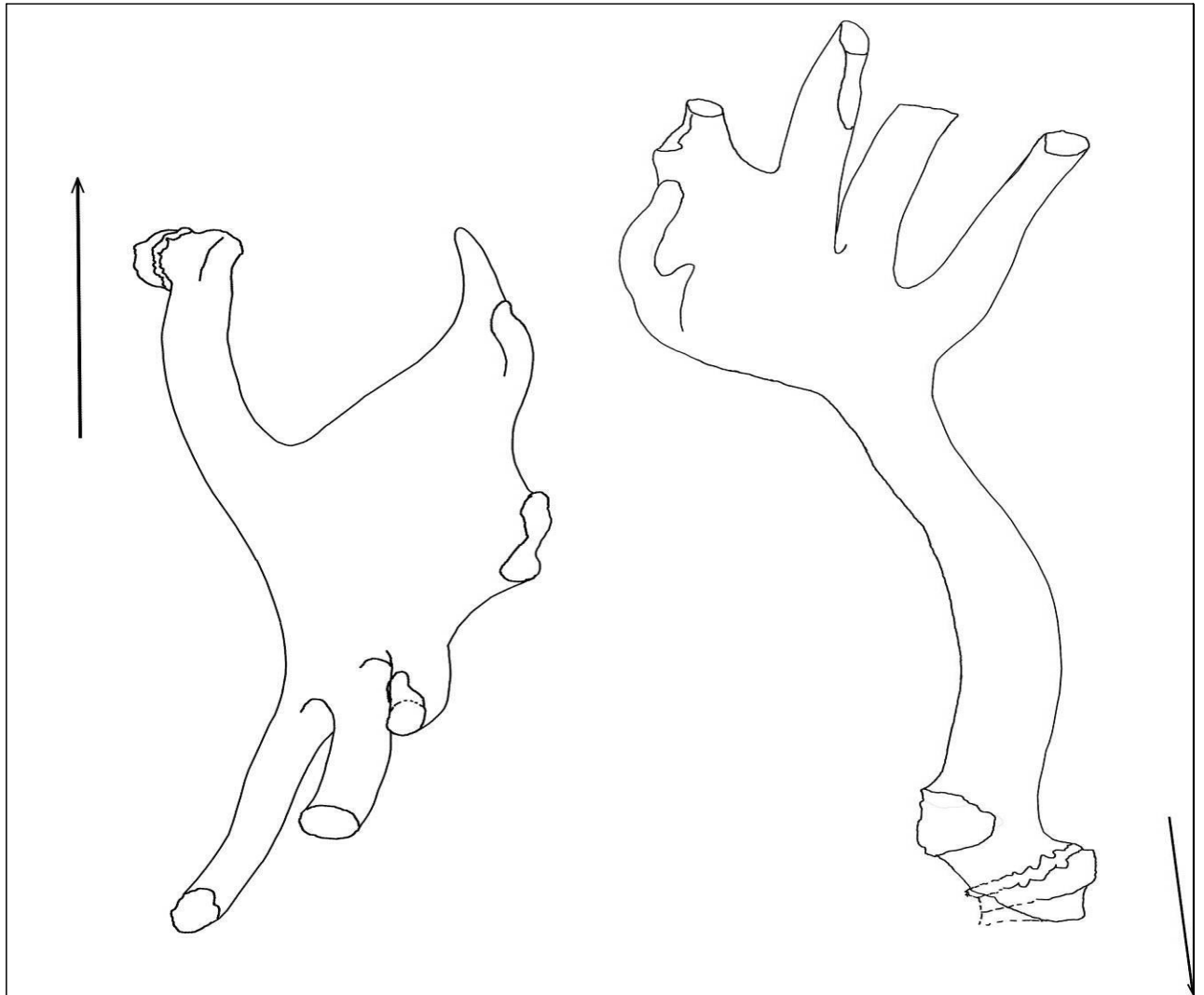

Таблица 2. *Megaloceros stavropolensis*, экз. СМЗ, № 31306/06, реконструируемая ориентация рога относительно продольной оси черепа: а – вид сверху, б – вид спереди; Ставропольский край, Георгиевский карьер, нижний плейстоцен, начало верхнего виллафранка.

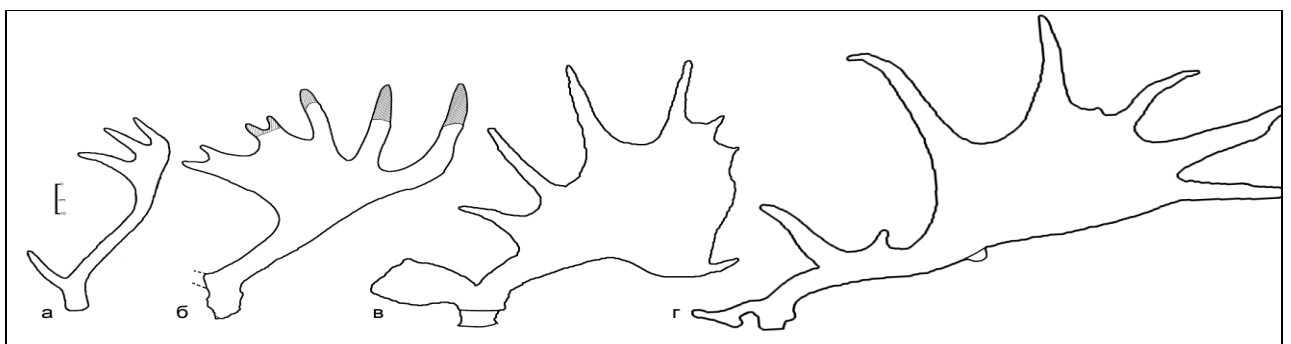

Таблица 3. Сравнение формы рогов у ряда представителей Megacerina. а – *Arvernoceros ardei* неотип, Франция, Этуэр; нижний виллафранк (по Heintz, 1970), б – *Megaloceros stavropolensis* sp. nov., голотип; Ставропольский край, Георгиевский карьер; начало верхнего виллафранка, в - *M. giganteus antecedens*, голотип; Германия, Штейнгейм; средний плейстоцен (по Вислобоковой, 2012), г - *M. giganteus giganteus*; Казахстан, Джамбул; поздний плейстоцен (по Шпанский, 2014). Заштрихованные области – реконструированные.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ХРАНЕНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Барабанова Е. Г.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный музей-заповедник,
главный научный сотрудник отдела фондов

«ЗНАКИ ДОЛЖНОСТИ» – ОБЗОР МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЗНАКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Среди великого множества знаков социального этикета, принятого в России в XIX веке, – должностные знаки строго обозначают принадлежность к определенным служебным обязанностям. Должностной знак дополнял или заменял форменный костюм.

В собрании фалеристики из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве выделяется коллекция должностных знаков, которая насчитывает 61 предмет. На сегодняшний день проведена их научная инвентаризация, которая подразумевает углубленное изучение, систематизацию, выявление связей и детальное описание этих памятников. Такая работа позволяет сделать аналитический обзор исследуемой коллекции. Проследим на примере должностных знаков нашей коллекции их событийную связь с историей нашего государства.

19 февраля 1861 года Александр II подписал законоположение о реформе и Манифест об отмене крепостного права: отныне крепостные крестьяне стали свободными обывателями и получили гражданские права. Все это ознаменовало начало новой эпохи в развитии России – эпохи перемен. Были проведены важнейшие для страны реформы: крестьянская, судебная, городская, военная, которые подразумевали создание прогрессивного государственного устройства со стройной системой власти. По замыслу в ней должны были участвовать все социальные слои империи, и принадлежность к властным структурам призваны были выражать особые знаки должности.

С крестьянской реформы 1861 года начались все основные государственные преобразования. Для управления появившимися сельскими обществами и волостями на сельских сходах избирались сельские старосты, на волостных – волостные старшины. Для контроля за деятельностью сельских и волостных управлений и взаимоотношениями их с помещиками, вводилась выборная должность из дворян – Мировой посредник. Он контролировал деятельность крестьянской общины, утверждал выборных старост и старшин, рассматривал соглашения между помещиками и крестьянским сообществом. В губернии избиралось 30–50 посредников: один посредник на 3–5 волостей.

Знак «Мировой посредник» был учрежден одним из первых. Это крупный медальон (6,3х6,3см) из позолоченной бронзы с изображением герба Российской империи и названием должности на лицевой стороне; на оборотной

стороне – дата реформы «1861 года 19 февраля» [1]. Знак носили на шейной цепи с крупными плоскими кольцами.

Волостной сход крестьян выбирал волостного старшину сроком на 3 года: «из домохозяев не моложе 25 лет, не судимого, не состоявшего под следствием и не бывшего заведомо развратного поведения». Избрание могло происходить и без согласия кандидата, который имел право отказаться, только если был болен или старше 60 лет. Труд волостного старшины был хлопотным, но оплачивался. Волостной старшина руководил Волостным правлением, которое состояло из старост и помощников старшины. Знаки этих сельских должностных лиц были однотипными: овальными или круглыми медальонами из бронзы с губернскими гербами, с названием должности – на лицевой стороне и вензелем правящего императора – на обороте. Различие состояло в способе ношения знаков: старшины носили их на длинной шейной цепочке, младшее деревенское начальство – закрепляло булавками на груди.

В коллекции Ставропольского музея-заповедника хранятся следующие знаки: Помощник волостного старшины Ставропольской губернии, Сельский староста Московской губернии и несколько знаков – Волостной старшина и Помощник волостного старшины Лифляндской губернии. Даты, стоящие на оборотной стороне знаков, разные – это связано с более поздними этапами реформы в различных регионах нашей страны, особенно окраинных, к которым относилась и Ставропольская губерния.

К должностям, порожденным крестьянской реформой, относится еще один знак нашей коллекции – Лесной сторож [2]. Этот должностной знак выполнен из латуни, он отличается своим внушительным размером (11,6x11,7см) и ажурным прорезным рисунком. Введен знак в 1863 году. Служба лесных сторожей была устроена по-семейному: им предоставляли дом на охранной территории, члены семьи помогали и приучались к службе с малых лет, охраняя вверенный участок казенного леса. При вступлении в должность лесник приносил присягу в церкви.

В дореформенной России подавляющее большинство населения страны не имело никаких прав, и высшей властью для них был помещик. Осуществлялась эта власть руками общественных полицейских – десятников и сотников. Должности эти существовали еще со времен царя Алексея Михайловича, были выборными, название происходило по числу дворов выборщиков. Десятник избирался на сходе своей деревни, подчинялся старосте или волостному старшине. Бляхи, которые носили крестьянские «стражи порядка», были заменой мундиру; они были большого размера (10x8,5см), выполнены из латуни, овальные. Начищенные до блеска, они были видны издали. Такие бляхи изготавливались на местах – в губерниях, поэтому они разнятся по внешнему виду. В коллекции музея хранится знак с надписью «Десятский» и 4 знака – с гербом Лифляндской губернии и надписью «Десятник» [3].

В основном все должностные знаки изготавливались на Санкт-Петербургском Монетном дворе. Известны и знаки, отчеканенные в мастерских

Генке и Буха. В отдаленных губерниях сами чеканили свои должностные знаки, которые могли отличаться по внешнему виду и технике изготовления.

В ноябре 1864 года последовала судебная реформа, которая породила новые судебные должности: в волостях были созданы волостные суды. Волостного судью избирали из крестьян не моложе 25 лет, это был человек примерного поведения, желательно, грамотный. В его полномочия входило: решать тяжбы и споры между крестьянами, если иск не превышал 100 рублей, рассматривать мелкие преступления. Он имел право приговаривать к общественным работам сроком до 7 дней, денежному штрафу до 3-х рублей и наказанию розгами до 20 ударов.

Знаки волостного судьи вводят лишь в конце 1889 года. Такой знак в виде бронзового медальона с гербом Ставропольской губернии и двумя датами на обороте «19 февраля 1861 г.» и «12 июля 1889 г.» хранится в коллекции музея, как и аналогичные знаки, но с гербом Лифляндской губернии и датой «9 июля 1889 г.» [4]. Знаки носили на груди, на булавке с короткой цепочкой. Волостной суд вершился в присутствии 3–4 судей, один из которых избирался председателем. Председатель носил знак с названием должности «Председатель волостного суда» [5], который висел на тонкой шейной цепочке.

Волостные суды делились на 2 разряда: в судах I разряда председатель получал 480, а судьи 120 рублей в год; в судах II разряда председатель получал 360, а судьи 100 рублей в год. Волостные суды были подчинены надзору Мирowych судей, которые должны были не менее одного раза в год ревизовать волостные суды своего участка.

Должность Мирowego судьи была выборной из местных жителей, кандидат был не моложе 25 лет, с высшим или средним образованием, желательно, со стажем работы в судебной системе, с имуществом ценою не менее 15 тысяч рублей, что закрывало крестьянам доступ к этой должности. Мировые суды занимались разбором мелких текущих судебных дел.

Должностной знак Мирowego судьи [6] из музейной коллекции – большой (8,8x6,7см) овальный медальон с гербом Российской империи, названием должности и датой судебной реформы. Его носили на крупной плоской цепи: все чеканилось из позолоченной бронзы. В коллекции имеется еще один знак-миниатюра к этой должности (2,1x1,8см), вероятно, он более позднего времени.

На Кавказе из-за сложного национального состава и особенностей менталитета и обычаев судебная реформа внедрялась тяжело, с 1880-х гг. ввели должности сельских судей, которые заменяли волостных судей. В фондах музея хранятся 2 знака Сельский судья [7]. 1-й – с гербом Дагестанской области и вензелем Николая II (такие знаки, вероятно, появились уже после 1894 г.); 2-й – с гербом Российской империи, вензелем Александра III и датой 1861 г. – связан с территориями Северного Кавказа, где также стали вводить унифицированные знаки.

В 1871 году появляется должностной знак Начальника межевой партии. Главное Управление государственным межеванием создавало Межевые партии и отправляло их на места. Партия состояла из начальника, 2-х землемеров и 3-х канцелярских служащих. Для того, чтобы произвести впечатление на местах,

знак Начальника выглядел очень внушительно: размер 7,4х6,1 см; в центре позолоченного овального медальона изображен «Столп Закона» на фоне межевых приспособлений; внизу надпись: «Каждый при своем», на обороте выбит индивидуальный номер (на знаке, хранящемся в фондах музея-заповедника это № 789) [8]. Знак закреплен на шейной позолоченной цепи из крупных колец.

Городская реформа последовала несколько позже судебной. Городовым Положением от 16 июня 1870 года устанавливались законы для городских должностных лиц. В органы городского самоуправления избирались мужчины не моложе 25 лет. Ограничением был достаточно высокий имущественный ценз. Высшим органом была Городская дума, из числа ее членов избирался исполнительный орган – Городская управа, которая состояла из городского головы и нескольких членов. Знаки этих должностей очень репрезентативны: большие (9,2х6,7см) овальные медальоны из бронзы с серебрением носили на шейных цепях крупного размера.

Музейную коллекцию украшают 2 таких должностных знака. Знак члена Ставропольской городской управы украшен гербом Кавказской области, размещенным под имперской короной. Так как герб Ставропольской губернии был утвержден лишь в 1878 году, знак можно отнести к 1871–1878 годам. Второй знак такого же вида, но более низкого ранга относится к должности члена Ставропольской торговой полиции [9], на нем – герб Ставропольской губернии, на обороте – дата городской реформы. Знаки такого типа просуществовали до нового Городского положения 1892 года.

Помимо общих для страны должностных знаков, в коллекцию музея попали знаки, изготовленные на местах, для различных мелких городских должностей. Например, знак «Доверенный» со Ставропольским гербом, с цифрой «1» изготовлен кустарно из латуни, возможно, этот знак относился к полицейским, так как именно у них на знаке был указан порядковый номер. Знак пришивали на шапку или к околышу фуражки. Ярко выглядит знак «Счетчик всеобщей переписи населения» 1897 года, изготовленный из жести с цветной эмалью. Бляха палатного надзирателя, похожая на ременную пряжку, предназначалась для вольнонаемной прислуги Санкт-Петербургского Морского госпиталя [10].

Несколько слов об источниках поступлений предметов в коллекцию. Почти все предметы коллекции должностных знаков – из старых поступлений. В книгах 1937 года Ворошиловского музея краеведения есть ссылка «М.П.», вероятно речь идет о Музее Г. К. Пправе, так как датой поступления назван 1925 год. Там же есть еще одна ссылка на «Музей Археологического подворья» (Ставропольский Епархиальный музей Церковно-Археологического общества). В Ставропольском музее-заповеднике достаточно много должностных знаков Лифляндской губернии, все они явно не были в употреблении. Можно предположить, что эти знаки попали в Ставрополь, а затем в музей, будучи привезенными сюда бывшим чиновником, предположительно, после событий 1917 года.

Знак «Волостной судья» с гербом Ставропольской губернии был найден школьниками села Константиновского в 1958 году на берегу местной речки.

Музейная коллекция должностных знаков дореволюционной России не претендует на полноту охвата темы, но даже в таком объеме дает богатый материал по теме масштабных реформ, проводимых Россией во 2-й половине XIX в., особенностях их проведения на Кавказе, эволюции власти и появлении новых должностей для обновленного государственного механизма Российской империи [11]. Кроме того, знаки могут служить своеобразными маркерами для определения должностных лиц на старинных фотографиях.

Использованная литература и источники

1. СГМЗ. Оф. 165; 299; 307.
2. Там же. Оф. 165; 299; 300/1–4; 302/1–23; 307; 1042.
3. Там же. Оф. 23151, 1041/1–4.
4. Там же. Оф. 13270, 305/1–3.
5. Там же. Оф. 301/1–9.
6. Там же. Оф. 580, 1040.
7. Там же. Оф. 286, 20095.
8. Там же. Оф. 1039.
9. Там же. Оф. 22083, 22082.
10. Там же. Оф. 21781, 22086, 986.
11. Мельник Г.К., Можейко И.В. Должностные знаки Российской империи. М., 1993; Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. СПб, 2001; Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XII. СПб, 1894. С. 614; Валянский С.И., Калюжный Д. В. Русские горки. М., 2004.

Бородина С. Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
научный сотрудник отдела истории

ТВОРЧЕСТВО СКУЛЬПТОРА Ф. И. ПЕРЕТЯТЬКО **(по материалам фондов Ставропольского государственного** **музея-заповедника)**

В фондах Ставропольского государственного музея-заповедника в настоящее время хранится более 100 предметов из коллекции «Скульптура». Среди них: кабинетные статуэтки, бюсты, барельефы, копии отечественных монументальных памятников дореволюционного, советского и постсоветского периодов, а также скульптуры иностранных авторов. Каждое из этих произведений, в соответствии с краеведческим профилем музея-заповедника, иллюстрирует ту или иную страницу жизни нашего региона.

Автором целого ряда портретов наших соотечественников, оставивших след в истории Северного Кавказа, является ставропольский скульптор, член Союза художников СССР Ф. И. Перетятько.

Имя скульптора Федора Ивановича Перетятько хорошо знакомо жителям Ставрополя. Его работы украшают различные города и села нашего края; их приобретали учреждения Ставрополя, Кисловодска, Москвы и других городов.

Скульптор родился 20 октября 1920 года на Украине, в селе Бодаква Полтавской области. В Ставропольский край Федор Иванович перебрался в 1946 году после завершения обучения на отделении скульптуры Московского художественного училища им. М. И. Калинина. Сначала он жил в Кисловодске, где работал при Художественном фонде, а в 1956 году переехал в Ставрополь [1].

Скульптору всегда была близка тема Великой Отечественной войны. Это неудивительно. В 1940 году, по окончании второго курса, Федора Перетятько призвали на действительную службу в армию. Он попал в учебный отряд подводного плавания им. С. М. Кирова в Ленинграде. В начале Великой Отечественной войны его отряд был направлен на Черноморский флот, где Перетятько воевал рядовым краснофлотцем сначала на подводных лодках «Л-4», «Л-23», а затем в 1-й Ударной бригаде морских пехотинцев. Во время жестоких боев с фашистами в районе Сиваша он был взят в плен. Затем потянулась череда фашистских концлагерей. Лишь в мае 1945 года узник был освобожден из страшного концентрационного лагеря Бухенвальд [2].

После войны молодой скульптор завершил свое профессиональное образование и стал трудиться на избранном поприще. У него сохранилось особое отношение к людям, которые прошли испытания войной. И это он воплотил в создании скульптурных образов Героев Советского Союза.

В фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и

Г. К. Праве хранится бюст Л. И. Севрюкова¹ [3]. Скульптура из гипса создана по заказу Ставропольского краеведческого музея для экспонирования в зале истории советского периода, в разделе «Великая Отечественная война». Еще один бюст Севрюкова, выполненный скульптором, установлен во дворе ставропольской школы № 3, носящей имя Героя [4]. Автор очень удачно воплотил в своих работах образ 20-летнего героя, представителя военного поколения.

В 1956 году скульптору выпала честь создать большую серию из 600 портретов советских и партийных деятелей Ставрополя по заказу Художественного фонда. За один месяц неутомимый Федор Иванович успел создать около сотни портретов. Для Ставропольского краеведческого музея он изготовил бюсты Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирова.

Бюст Орджоникидзе² – это тонированная скульптура из гипса довольно внушительных размеров – ее высота около метра. На оборотной стороне изваяния инициалы автора «ФП». Бюст Кирова³ выполнен в той же технике [5]. Эти две работы Ф. И. Перетяtko – классические образцы отечественного реалистического искусства середины XX века.

В 1957 году на краевых художественных выставках Федор Иванович показал сразу несколько своих замечательных работ, среди которых – скульптурные образы командиров Красной Армии периода Гражданской войны на Ставрополье: И. А. Кочубея, Ф. Г. Шпака, Я. Ф. Балахонова, В. И. Книги. Эти произведения тем более интересны, что тема Гражданской войны в творчестве ставропольских скульпторов не нашла широкого отражения [6].

Бюсты красных командиров Д. П. Жлобы⁴ и И. А. Кочубея⁵ в 1957 году были приобретены Управлением культуры Ставропольского крайисполкома, а затем переданы на постоянное хранение в фонды Ставропольского краеведческого музея [7]. Бюст Кочубея, в отличие от других монументальных работ Перетяtko, – кабинетная скульптура. Небольшие размеры позволяют часто экспонировать этот портрет на различных выставках по истории нашего края начала XX века.

В 1959 году Ф. И. Перетяtko завершил работу над портретной гермой осетинского просветителя, поэта и художника Коста Левановича Хетагурова.

¹ Леонид Иванович Севрюков во время войны воевал в составе ВВС Черноморского флота. Летчик-истребитель совершил 151 боевой вылет. 28 апреля 1942 г. Севрюков вступил в неравный бой с группой вражеских бомбардировщиков, прорывавшихся к порту Новороссийска. Сбив «Юнкерс» и растратив все боеприпасы, пошел на таран фашистского самолета и погиб.

² Григорий Константинович Орджоникидзе – большевик, советский государственный и партийный деятель. С 1926 г. он был первым секретарем Северо-Кавказского крайкома РКП(б). После его смерти, с 1937 по 1943 гг., Северо-Кавказский край назывался Орджоникидзевским.

³ Сергей Миронович Киров – государственный и политический деятель советской эпохи. В 1920–1926 гг. был членом Кавказского бюро ЦК РКП (б). Одна из улиц Ставрополя названа в его честь. В Труновском районе Ставропольского края в 1930 г. был основан поселок, названный именем Кирова.

⁴ Дмитрий Петрович Жлоба в 1918 г. был одним из командиров Красной армии Северо-Кавказской Советской Республики.

⁵ Иван Антонович Кочубей (1893–1919 гг.) – уроженец х. Рощинский Ставропольского края, участник I-й Мировой и Гражданской войн. В 1918 г. организовал на ст. Тихорецкая красногвардейский отряд, бился с белоказаками. Попал в плен и в марте 1919 г. был казнен в г. Святой Крест (ныне Буденновск). В его честь назван район Ставропольского края и село.

Садово-парковая скульптура из светло-серого гранита была установлена в Ставрополе на проспекте Карла Маркса в честь столетия основоположника осетинской литературы. Искусствоведы признали эту изящную работу Федора Ивановича образцом реалистической портретной скульптуры 1950-х годов. [8].

В 2014 году, в год 155-летия со дня рождения Хетагурова, это место стало особенно посещаемым, его знают и любят тысячи горожан. Уменьшенная копия этого скульптурного портрета хранится в коллекции «Литературный музей», в собрании бывшего Литературного музея Северного Кавказа [9].

Стремление воплотить характер советского человека – строителя коммунизма – являлось общим для многих представителей отечественной школы ваяния. В 1960-е годы Федор Иванович работал над серией портретов ставропольцев – Героев Социалистического Труда. В скульптуре «Чабан Иван Никитович Малашенко» Перетяtko постарался передать внутренний мир трудового человека. Имя Малашенко¹ вошло в историю развития овцеводства в нашей стране. Его скульптурный портрет экспонировался на выставке «Наш современник», по окончании которой был приобретен Ставропольским краеведческим музеем [10].

Портрет другого Героя Социалистического Труда – Андрея Алексеевича Волобуева² – был изготовлен скульптором по заказу музея в 1960 году. [11]. Скульптура представляет собой композицию, в которой портрет дополнен натюрмортом из строительных инструментов: кирки и мастерка для штукатурки.

Помимо самих работ, в фондах музея-заповедника хранятся фотографии скульптур, выполненных Ф. И. Перетяtko, украшающих различные населенные пункты нашего края. Ставропольский архитектор Геннадий Дмитриевич Ламанов в автобиографии вспоминал, как они совместно с Федором Ивановичем в 1950–1960-х годах разработали 12 проектов различных памятников, установленных на территории Ставрополья [12].

Многогранное творчество скульптора Ф. И. Перетяtko представляет собой достояние ставропольской культуры. Ставропольский государственный музей-заповедник может гордиться тем, что часть этого замечательного наследия хранится в его фондах.

Использованные источники и литература

1. Каталог выставки «Прошлое. Настоящее. Будущее». 75 лет Ставропольскому краевому отделению ВТОО Союза художников России. Ставрополь, 2013. С. 348.
2. Блохина Т.И. Своя песня (к 85-летию со дня рождения Федора Ивановича Перетяtko) // Ставропольский хронограф. Ставрополь, 2005. С. 182–183.
3. СГМЗ. Оф. 14106.
4. Энциклопедический словарь Ставропольского края. Ставрополь, 2006. С. 325.
5. Блохина Т.И. Указ. соч. С. 184–185; СГМЗ. Оф. 12974, 12975.

¹ И. Н. Малашенко – старший чабан колхоза им. Сталина Кочубеевского района Ставропольского края. Его опыт получения трижды за год приплода молодняка за счет уплотнения окотов использовался в отрасли животноводства в разных уголках Советского Союза. В 1959 г. он заслуженно получил почетное звание Героя Социалистического Труда.

² А. А. Волобуев – бригадир комплексной бригады каменщиков строительного-монтажного управления № 1 треста «Ставропольпромстрой». В 1958 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

6. Бендик Б.А. Художники Ставрополя. Ленинград, 1982. С. 36; Блохина Т.И. Такие любимые герои // Ставропольская правда. 2005, от 20 октября.
7. СГМЗ. Оф. 13117, 13118.
8. Блохин Н., Блохина Т. Ермоловский бульвар: вчера, сегодня, завтра. Ставрополь, 2002. С. 87.
9. СГМЗ. ЛМС Оф. 1302.
10. Там же. Оф. 14858; ф. 595.
11. Там же. Оф. 13503.
12. Там же. МД. 1816. Оф. 39278.

Волошенко Л. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский краевой музей изобразительных искусств,
искусствовед, старший научный сотрудник

**РУССКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ИСКУССТВО XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА
В СОБРАНИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
(итоги каталогизации коллекции)**

Коллекция религиозного православного искусства в собрании музея включает иконопись, металлопластику (иконы, оклады, кресты), резную деревянную икону, скульптуру малых форм и предметы отправления религиозного культа.

Начало собранию было положено в 1965 году экспедиционно-изыскательной работой по краю. В дальнейшем предметы поступали через музейную закупочную комиссию и в качестве дара от частных лиц. Иконописные памятники относятся к позднему периоду русской иконописи, которая по традиции считалась временем упадка. В 1960–1970 годах к поздним иконам после многих лет недооценки специалистами стал пробуждаться интерес. Важную роль в процессе переоценки старых эстетических критериев сыграл показ образцов поздней иконы на выставках. Изменение отношения к этому культурному явлению повлекло за собой интерес к ним: их изучение, классификацию, реставрацию.

В результате детального рассмотрения предметов данной коллекции (57 иконописных памятников и 18 предметов прикладного религиозного искусства) они были атрибутированы, получили художественную оценку и характеристику.

Стилистический анализ, включающий особенности колорита, письма фигур и ликов, пластики, а также сравнительный анализ иконографических черт позволил определить принадлежность каждого памятника к той или иной художественной традиции. В частности, установлено, что образ краснофонной иконы Богоматерь Одигитрия Тихвинская (XIX в.) близок Новгородской школе живописи XIV–XV веков, которая отличалась чистотой колорита и смелостью обобщенных силуэтных очертаний фигур.

К среднерусским иконам, которые характеризует не графическая структура, а живописное начало, отнесены иконы Параскева Пятница (XIX в.); Христос Вседержитель в окладе (1-я половина XIX в.); Николай Чудотворец (конец XIX – начало XX вв.); Распятие. Снятие с креста. Положение во гроб (середина XIX в.); О тебе радуется с предстоящими преподобным Савватием и преподобным Серафимом (1-я половина XIX в.).

Ярославская художественная традиция, для которой характерны мягкие силуэты фигур, плавные движения, лики, написанные мягкими переходами охры с неяркою подрумянкой, не преувеличенные черты в ликах, – все это

прослеживается в иконах Константин и Елена (начало XX в.) и Богоматерь Смоленская (1-я половина XIX в.).

Изображение на полях иконы Смоленской Богоматери Святого Димитрия Ростовского подтверждает принадлежность ее к Ярославской школе. Святитель, родившийся под Киевом (1651 г.), был игуменом в разных монастырях Малороссии. В 1702 году Димитрий стал митрополитом Ростовским.

Другая икона Ярославской школы получила новую атрибуцию. Вместо «Воздвижение Креста» названа «Константин и Елена», так как она не соответствует сложившейся иконографии Воздвижения: посвящена не торжеству христианства, а двум образам – византийскому императору Константину Великому (272–337 гг.) и его матери Елене (250–330 гг.), с которыми связано утверждение христианства в качестве официальной религии.

Характер некоторых изображений Богоматери восходит к московским прототипам с их кротостью и просветленностью: Богоматерь Донская (2-я половина XIX в.); Богоматерь Казанская (начало XX в.); Богоматерь Смоленская (1-я пол. XIX в.); Богоматерь Корсунская (XIX в.). Еще одна икона XIX века Богоматери Корсунской в окладе (Касперовская) является списком с оригинала середины XIX века Московской иконописной мастерской. Такого типа икона, принесенная в конце XVI века на Юг России из Трансильвании неким сербом, переселившимся в Херсонскую губернию, с 1809 года была во владении помещицы И. Касперовой, отсюда ее второе название «Касперовская» (в данном случае на окладе).

С Палехом – центром традиционного иконописного мастерства с ярко выраженными особенностями, связано создание иконы Святой Николай Чудотворец с житием (2-я половина XIX в.)

Основные черты икон, созданных на Севере Руси, несут памятники, отличающиеся изяществом письма, глубиной проникновения в образ: Иоанн Предтеча (предположительно XVII в.); Богоматерь Троеручица (1-я половина XIX в.); Святой апостол Иоанн Богослов (середина XIX в.)

По ряду стилистических особенностей, признакам школы, манере исполнения двум иконописным памятникам изменена атрибуция, из «народных» они отнесены к «профессиональным», это иконы конца XIX – начала XX веков. Рождество Христово и Богоматерь Одигитрия в окладе.

Пересмотрена датировка иконы Христос Вседержитель в серебряном окладе, относящейся к концу XIX – началу XX веков. Иконография здесь интерпретирована в духе религиозной живописи XVIII–XIX веков. Особенность письма также свойственна этому времени. Обращает внимание более раннее перстосложение Христа, не характерное для иконописи рубежа веков, и необычное написание имени (ИИС), установленное Русской Церковью после раскола. Примечательно, что оклад иконы имеет городское клеймо Санкт-Петербурга 1818–1864 годов. Все это позволяет датировать памятник периодом первая половина – середина XIX века.

Изучение музейных предметов с точки зрения иконографии позволило выяснить интересные свидетельства, связанные с историей возникновения образа, преданиями и другими моментами, обогащающими наше представление

о хранимых памятниках. Вот некоторые из них. С именем Иоанна Дамаскина (680–749 гг.), христианского писателя, состоявшего на службе у арабского халифа, наместника Сирии в Дамаске, связано появление иконы, популярной в поздней русской иконописи «Богоматерь Троеручица». В России эта иконография получила распространение со времени патриаршества Никона, по заказу которого в Хиландаре – сербском монастыре на Афоне – был сделан точный список, в 1661 году поставленный в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре.

Начальные слова гимна, сочиненного Иоанном Дамаскиным и вошедшего в литургию («О тебе радуется, Благодатная, всякая тварь земная») легли в основу образа иконы «О тебе радуется». В нашем собрании это образ, созданный в 1-й половине XIX века. Стилистический анализ позволил определить близость данного образа к московскому изводу. Определение, какой именно святой с именем «Савватий» изображен на полях, позволяет установить первоначальное место нахождения иконы: Тверской Оршинский монастырь. Как выяснилось в ходе исследования, этот памятник связан с именем Серафима Саровского, преподобного старца-пустынника и затворника (1759–1833 гг.), канонизированного Церковью в 1903 году по инициативе Николая II. Серафим, как сказано в житии, имел дар прозорливости исцеления от болезни. Был посещаем знатными особами, в том числе императором Александром I.

Преподобный Сергей Радонежский, величайший подвижник земли Русской, изображен на полях иконы Рождество Пресвятой Богородицы (начало XIX в.). Важное иконографическое определение сделано в отношении среднерусского образа Николая Чудотворца конца XIX – начала XX вв. Святой представлен держащим раскрытое Евангелие с текстом, который читается 22 мая и 19 декабря. Подобные изображения Николая с раскрытым Евангелием встречаются не часто. Самым ранним примером данного иконографического типа является фреска Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. Этот факт придает наибольшее значение музейному предмету.

Особые сложности возникли при описании и установлении иконографии среднерусских икон Святой преподобный Макарий с житием и Святой Николай Чудотворец (2-я половина XIX в.). Провинциальный иконописец ввел в заблуждение ошибкой в сокращении слова «преподобный», он написал рядом с именем Макария «про». Вызвало недоумение и житийное клеймо, названное «Поставление в епископы», где одежды персонажей не соответствуют подобному событию. Погружение в нюансы, существующие в истории христианства в связи с названием «епископ», позволило сделать предположение, что настоящая икона посвящена Макарию – великому Египетскому пресвитеру, духовному писателю (390–391 гг.). Это предположение основывается на сходных деяниях, описанных в житии святого и отраженных в иконе, а также объясняет представление Макария в монашеских одеждах в центральной части и в сцене «Поставление в епископы».

Во времена апостолов пресвитерами (2-я степень христианского таинства священства) часто назывались епископы и, наоборот, епископами – пресвитеры,

не в смысле обозначения иерархической степени тех и других, а лишь в древнем общепринятом смысле слов «епископ» и «пресвитер» для указания на личные качества, обозначаемые этими словами в буквальном их смысле. Тех пресвитеров, которые были поставлены самими апостолами и находились под их непосредственным руководством, хотя и без права посвящения других в пресвитеры, называли епископами (надзирателями, управителями)

Икона на медной основе Богоматерь Скоропослушница (1915 г., автор Н. И. Адамович) написана во время Первой мировой войны и связана с историей Павловского лейб-гвардии полка. Она посвящена полковому празднику – Дню памяти Александра Невского (23 ноября). Иконографически является главным изводом оригинального изображения Богоматери из монастыря Дохиар на Афоне, выполненного, согласно легенде, в X веке и названного «Скоропослушницей», так как Богоматерь обещает «скорую всем милость и исполнение прошений».

В ходе исследования раскрылся целый ряд интересных исторических фактов, в частности, о создании иконы Святой Благоверный князь Александр Невский с избранными святыми. Написание иконы явилось своеобразным откликом на очередное покушение в 1879 году на императора Александра II (1818–1881 гг.) и непосредственно связано со Ставрополем и иконописной мастерской, которая существовала в Епархиальном женском училище.

Проведенный анализ единственного новодела, имеющегося в коллекции, позволил установить, что, создавая в 1992 году образ Богоматери Умиление, автор А. В. Керимбеков следовал иконографическому типу Богоматерь Игоревская. По преданию, перед иконой Богоматери подобного извода, впоследствии получившей название Игоревская, молился перед смертью святой Великий князь Киевский и черниговский Игорь Олегович, убитый киевлянами в 1147 году. Икона не сохранилась, известен один из древнейших списков с нее, находившийся в церкви Успения Богоматери в Киево-Печерской лавре. По мнению специалистов, ее можно отнести к околomosковскому кругу и датировать 1-й половиной XVI века.

Благодаря обнаруженным на обратной стороне иконных досок и расшифрованным надписям стали известны следующие факты. Среднерусская икона с изображением Распятия, Снятия с креста, Положения во гроб, со святыми в клеймах на полях (середина XIX в.) имела монастырское назначение, указано имя ее заказчика. Ярославская икона Смоленской Богоматери была выполнена в 1-й половине XIX века.

Из надписи на обратной стороне иконы Богоматерь Казанская со святыми на полях (XIX в.) следует, что образ Казанской Богоматери, преподобного Иоанна и Николая «живописал раб Божий В.» Надпись на обратной стороне иконной доски с изображением Огненного восхождения пророка Илии (XVIII в.), единственного в нашем собрании образа из ветхозаветного сюжета, говорит о том, что икона поновлялась по желанию заказчика (его имя приводится) с условием: «При тот же лику какои было. Лицы подіувнуе». Характер надписи, ее содержание передает колорит времени, указывает на особые обстоятельства, связанные с историей памятника.

Изучение предметов русского прикладного религиозного искусства выявило их происхождение, определило место и значение в коллекции. Наиболее важные открывшиеся факты связаны с литым четырехстворчатым складнем: Дванадцатые праздники (XIX в.), который является репликой на выдающееся произведение выговских мастеров-старообрядцев, создавших крупнейший художественный центр на р. Выге в XVIII – 1-й половине XIX века.

Позиция приверженцев старой веры прослеживается в литых изображениях Креста Господня, которым они уделяли особое внимание, наглядно воплощая свою позицию, признавая только одну иконографическую схему. Исчерпывающие сведения получены о Евангельской книге в металлическом окладе. Выяснилось, что напрестольное Четвероевангелие, отпечатанное в 1800 году повелением Павла I в Московской Синодальной типографии, является переизданием Евангелия 1766 года, выпущенного при Екатерине II, экземпляр которого хранится в фондах музея-заповедника «Кижи». Обычный тираж церковных книг кириллической печати, выпускаемых Синодальной типографией, составлял тогда 1200 экземпляров. Смены изобразительного ряда при переиздании не произошло. Тексты Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна предваряют гравюры с изображением евангелистов. В заставках изображаются олицетворение Святой Троицы, Рождество Христово, Богоявление, Воскресение Христово. Инициалы, заставки, концовки, рамки на полях орнаментированы. Печать в две краски.

Надписи под резцовыми гравюрами, размером 39x25 см, с образами евангелистов сообщают имена авторов композиций и гравюров. Среди них рисовальщик Семен Второв и гравер Василий Иконников, получившие профессиональное академическое образование. Их работы определяли стилистику книжной иллюстрации 2-й половины XVIII века, соответствовали эстетическим установкам зрелого барокко и в большинстве своем создавались художниками под влиянием гравюр западноевропейских книг начала XVIII века. Второв и Иконников воспитали в 1750-е годы в Московской Рисовальной палате целую плеяду художников-иллюстраторов, в том числе гравюров Степана Ефимова (Юфимова), Семена Назарова и Алексея Андреева, чьи имена находим в данном издании. Известно, что они стали ведущими мастерами. Граверы не только создавали новые печатные формы, но и поновляли медные доски, используя композиции, утвержденные Синодом еще при Елизавете Петровне, как в случае с настоящим изданием.

С древних времен напрестольное Евангелие украшали металлическими накладками или окладами, что должно было подчеркивать торжественность эмоционального настроения, который был необходим в момент сакрального чтения евангельского текста. Настоящая книга имеет латунный оклад, где в технике штамповки, чеканки, канфарения традиционно на лицевой стороне изображены 4 евангелиста и образ Воскресения Христового; на обратной стороне – Богоматерь. Созданные пластическими средствами образы и качественно выполненные элементы художественного оформления придают особое значение памятнику.

В результате исследования расширилось представление об отдельных музейных предметах и коллекции русского религиозного искусства в целом. Итоги работы освещены в изданном каталоге, музейные предметы впервые опубликованы.

Гальфингер Н. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
главный хранитель фондов,
Почетный работник культуры Ставропольского края

ТРОФЕЙНОЕ ДЛИННОКЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ В СОБРАНИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В собрании Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе 13 предметов относятся к длинноклинковому холодному оружию утвержденных образцов военных и морских чинов иностранных государств. Захваченные у иностранного противника в качестве трофеев, они разными путями попали в музей.

Личный военный трофей¹ – предмет особого, а в XX веке и отчасти спорного статуса. Трофеем простейшего типа был столб либо очищенное от листьев и сучьев дерево, на котором навешивались собранные на поле битвы неприятельское оружие и доспехи. Трофеи посвящались божествам, поэтому были неприкосновенны. Чтобы памятники не служили объектами длительных раздоров, законы запрещали их сооружение из долговечных материалов. Лишенное же кроны дерево стояло не долго. Со временем с поля боя трофеи переместились в культовые сооружения, затем в Древнем Риме возникли архитектурные памятники – тропеумы и триумфальные арки, которые были уже не только вотивными, но и мемориальными объектами. Трофеи в их первоначальном виде сохранились только в искусстве в виде скульптурных или орнаментальных изображений оружия, иначе – военной арматуры, а слово «трофей» приобрело переносное значение военной добычи: сначала оружия и доспехов, потом любых материальных ценностей: предметов искусства, религиозного культа.

Если захват армейских символов – [знамен](#) и штандартов – во все времена был исключительно актом военной доблести, то овладение другим имуществом требовало регулирования права собственности. Распоряжения военачальников, а позднее законодательные акты были направлены на то, чтобы захват военной добычи и ее распределение были организованы. Согласно 261-й статье Воинского устава о наказаниях, действовавшего в Российской империи с 1860-х годов, «всякий нашедший или отнявший трофеи обязан представить их по команде. Присвоение или утайка трофеев влекут для виновного ответственность как за присвоение вверенного по службе имущества ценою выше трехсот рублей, независимо от действительной стоимости последнего» [1]. Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов о законах и обычаях войны впервые

¹ Слово трофей (лат. trophaeum, франц. trophée) произошло от греческого слова «τρόπαιον» (тропайон), так древние греки называли памятник, который оставляли на поле сражения в знак победы; буквально – памятник обращения врагов в бегство (от τροπή – поворот, бегство).

в истории определили действующие и ныне международные правовые нормы в отношении собственности оккупированного государства, частной собственности населения, то есть потенциальных трофеев [2]. Захват трофеев-сувениров обычно не считается военным преступлением. Несмотря на правовые ограничения, простые солдаты-победители и их командиры увозили с войны домой самые разные трофейные предметы: часы, компасы, бинокли, а также оружие. Многие из этих трофеев затем «осели» в отечественных музеях.

Создается впечатление, что иногда ни сами победители, ни музейные работники не знали в точности, что попало в их руки: территориальное происхождение половины длинноклинкового трофейного оружия из музейной коллекции при первичной атрибуции либо не было определено, либо было определено неверно. Может быть, вполне известная информация намеренно не фиксировалась в документах. Вот что написано в легенде 1988 года о поступлении в коллекцию клинков-трофеев прусской шпаги: «шпага к нему (дарителю) попала совершенно случайно, поэтому какие-либо сведения о предмете он сообщить не смог» [3]. И это не удивительно, ведь до сегодняшнего дня в нашей стране хранение незарегистрированного антикварного оружия приравнивается к незаконному хранению боевого оружия и влечет за собой одинаковую ответственность.

В 1953 году восемь имевшихся тогда в музее иностранных сабель, шпаг и палашей военного образца были описаны «полковником Маркевичем», как следует из надписи на обложке папки с листами, исписанными простым карандашом. Эти тексты сделаны, по-видимому, под диктовку отечественного знатока истории огнестрельного оружия, начальника отдела стрелкового вооружения Артиллерийского исторического музея в г. Ленинграде инженер-полковника артиллерийско-технической службы В. Е. Маркевича (1883 – 1956 гг.)¹.

Клинки из разных стран конца XIX – начала XX веков в учетных документах не только обрели ссылку на свою родину, но и впервые были определены как трофеи I Мировой войны. В этом В. Е. Маркевичу, участнику русско-японской и I Мировой войн, можно было полностью доверять [4].

В дальнейшем в музей поступили еще 4 клинка-трофея, и одна незарегистрированная сабля из старых поступлений была поставлена на учет. Благодаря изданным в последние годы книгам-определителям А. Н. Кулинского и другим оружиеведческим изданиям [5], а также Интернет-ресурсам стало возможным атрибутировать каждый из имеющихся на сегодняшний день в музее образцов. Ныне маленькая коллекция включает следующие виды оружия.

1. Западноевропейская солдатская кавалерийская сабля первой трети XIX века была экспонатом военного отдела Ставропольского музея Северного Кавказа [6]. Пока не удалось точно определить этот старый клинок из коллекции оружия Г. Н. Прозрителева. Эфес сабли имеет сходство с

¹ Почерк не принадлежит В. Е. Маркевичу. Это выяснилось в результате переписки с его внуком – В.Ф. Левченко. В 1955 г. описания предметов были перенесены заведующим фондами Ставропольского краевого музея краеведения Даниилом Ивановичем Дегтяревым в инвентарную книгу коллекции «Оружие».

солдатским кавалерийским оружием европейских стран первой трети XIX века. Саблю отличают характерно изогнутая рукоять с очень большим количеством (28) желобков и острым выступом на плоской головке, а также 2 красиво изогнутые боковые дужки D-образной гарды.

Прочие образцы являются оружием главных противников России и СССР в I-й и II-й Мировых войнах: Германии, Австро-Венгрии, Турции.

2. Прусская пехотная офицерская шпага конца XIX – начала XX века изготовлена на одном из самых известных предприятий германского оружейного центра – г. Золинген, крупным производителем холодного оружия, фирмой «Вайерсберг, Киршбаум и Компания», а реализовывалась через торговую фирму «Е. Закс, Поставщик Двора, Берлин». На клинке сохранился выполненный в технике травления растительный орнамент из пальметт, вьющихся стеблей и классических трофеев: клинкового оружия, каски, щита, военного барабана. В центре композиции справа прусский орел, слева – реалистичное изображение клекочущего орла с приподнятыми в плечах крыльями. Обух тоже орнаментирован. Латунная гарда выполнена в стиле классицизма: ее отличает симметрия и строгая простота, головка рукояти имеет форму вазы, а защитная дужка и крестовина украшены пальметтами. Шпага данного образца с рукоятью, обмотанной серебряной проволокой, так называемая пехотная шпага старого типа, была на вооружении прусских офицеров пехоты с начала XVIII века до 1889 года, когда было принято оружие нового образца. С 1881 года внутренняя половинка чашки стала откидной. С конца XIX века шпага стала принадлежностью формы гражданских чиновников военного министерства, железной дороги, почты и других ведомств, ее носили офицеры и фельдфебели 1-го и 2-го батальонов 1-го, 2-го, 3-го и 4-го пехотных гвардейских полков [7]. Оружие передано в музей жителем с. Пелагиада Шпаковского района Ставропольского края в 1988 году.

3. Прусский гвардейский пехотный офицерский палаш (шпага¹) образца 1889 года. [8], судя по клеймам, выпущен на предприятии «Вайерсберг, Киршбаум и Компания», принят на военный учет в 1912 году. Предназначен для прусской армии (составная часть союзной общегерманской армии 1871 – 1918 гг.). На латунной гарде имеется рельефное прорезное изображение орла с монограммой прусского короля и германского императора Вильгельма II «WR II» на груди, кожаная петля для указательного пальца окрашена в цвета флага Пруссии – черный и белый. Палаш принадлежал офицеру Гвардейского корпуса, о чем говорит накладной гвардейский знак на рукояти в виде звезды прусского Ордена Черного Орла: восьмиконечная лучистая звезда с изображением орла, двух лавровых ветвей и латинским изречением «SUUM CUIQUE»². Палаш состоял на вооружении офицеров, унтер-офицеров и фельдфебелей пехоты, егерей, стрелков, инженерного и пионерного корпусов до конца I Мировой войны, в музейных коллекциях встречается часто,

¹ Данный образец оружия по-немецки называется Degen и не имеет точного соответствия в русском языке – оружейеды классифицируют его как палаш либо как шпагу с сабельным эфесом.

² Буквально «Каждому свое», в данном случае «Каждому за свои заслуги».

гвардейский вариант реже. Поступил в музей в 1916 году от доктора А. И. Перекропова.

В учетных документах Ставропольского центрального народного музея имени Праве и Ворошиловского краевого музея краеведения 1915–1936 годов для многих предметов, связанных с фронтовыми событиями I Мировой войны – оружия, фрагментов боеприпасов и военного снаряжения как отечественных, так и иностранных – указано в качестве источника поступления «Дар доктора А. И. Перекропова», «Из музея госпиталя дар Перекропова», из чего можно утверждать, что они попали в Ставрополь непосредственно с фронта.

4. Прусский гвардейский парадный кавалерийский палаш (шпага) образца 1889 года с темляком – замечательный образец парадного коммерческого оружия, которое приобреталось на личные средства солдатами и офицерами кавалерии (кроме кирасир), изготовлен фирмой «Вайерсберг, Киршбаум и Компания». Все металлические детали никелированы. Клинок отличной сохранности с обеих сторон украшен в технике травления и синения. Справа серебристая надпись на ярко-синем поле: «2. Garde Ulanen Regt.», изображение улана верхом на коне в полной экипировке, головы коня и скрещенных ветвей дуба и лавра. В центре композиции на левой стороне клинка 3 шеренги скачущих верхом улан под руководством командира, направившего обнаженный палаш вперед. У пяты – описанный выше гвардейский знак, а ближе к острию классический трофейный орнамент: композиция из скрещенных винтовки и палаша, пистолета, седла со стременами, пики с флажком, горячей гранаты. Военные атрибуты окружены ветвями дуба. Изображения на клинке заключены в картуши с растительным орнаментом. Гарда имеет 2 откидных крыла с прорезным изображением орла. Сохранился оригинальный черно-серебристый темляк цветов флага Пруссии. Палаш принадлежал военнослужащему 2-го уланского полка Гвардейского корпуса прусской армии¹ [9]. Источник поступления палаша в музей не установлен; самая ранняя из обнаруженных записей относится к концу 1930-х годов.

Уже в XVIII веке клинковое оружие из боевого стало переходить в элемент военного обмундирования. В Германии периода Третьего Рейха этот процесс достиг своего апогея, когда для множества организаций были разработаны свои образцы отличительно-опознавательного оружия, которое прилагалось к форменной одежде. В большинстве своем это были кортики и кинжалы. Среди длиноклиновых образцов самой распространенной была сабля офицеров сухопутных войск, которая не имела строго утвержденного образца и в каталогах золингенских фирм представлялась в более чем 100 вариантах.

5. Немецкая офицерская сабля периода 1933 – 1945 годов в музейном собрании представлена изделием с торговой маркой «PUMA-Werk» золингенской фирмы «Lauterjung & Sohn» [10]. Она подарена музею в 1961 году ветераном Великой Отечественной войны А. И. Лопуховским. У этой модели № 3 никелированный клинок, алюминиевые детали эфеса вызолочены, украшены рельефным орнаментом из дубовых листьев и желудей, головка

¹ Полк основан в 1819 г., в 1888-1914 гг. дислоцировался в Потсдаме.

рукояти гладкая. На правом щитике крестовины изображен символ нацистской Германии – орел с распростертыми крыльями, в лапах которого лавровый венок со свастикой. На левом щитике гладкий фигурный геральдический щит. Сабля имеет Р-образную переднюю дужку эфеса, прямую крестовину с полукруглыми щитиками и слегка загнутым вниз закругленным концом, расширения на планке рукояти.

А. Н. Кулинский выделяет клинки с такими признаками в многочисленную группу оружия с «блюхеровским» эфесом, которая берет начало от базового образца – «сабли Блюхера» – прусской кавалерийской солдатской сабли образца 1811 года. Она впервые появилась на вооружении в частях военачальника Гебхарда Леберехта фон Блюхера. Хотя кавалерийские сабли с Р-образными дужками были известны еще с конца XVIII века, именно от «блюхеровской» сабли родилось огромное разнообразие клинкового оружия XIX–XX веков, в том числе сабли Османской Империи. В Турции сабли «блюхеровского типа» были введены в конце XIX века, в процессе модернизации армии, которая проходила под руководством приглашенного в 1883 году турецким правительством германского военачальника Кольмара фон дер Гольца. При «Гольц-паше» у турецких военных появилось много клинков, скопированных с немецкого оружия [11].

6. Турецкая кавалерийская солдатская сабля конца XIX века имеет стальной «блюхеровский» эфес с такими типологическими признаками, как 5 концентрических бороздок на гладкой головке рукояти и широкие щитики крестовины [12]. Но два других признака оружия оригинальны. Конец крестовины до самого его основания сточен, причем столь аккуратно, как будто его и не было вовсе. А гайки с кольцами одеты на ножны так, что оружие можно повесить на портупее исключительно вверх лезвием.

Можно предположить, что турецкая сабля не просто трофей, а оружие, обращенное новым владельцем против врага. Вверх лезвием носят кавказскую и казачью шашки, которые, к тому же, не имеют гарды, что позволяет молниеносным движением выхватить их из ножен, а также мастерски фехтовать. По-видимому, захваченная в бою с турками сабля стала служить русскому казаку в качестве шашки неуставного образца.

7–8. Турецкая пехотная офицерская сабля начала XX века представлена в ряду клинков-трофеев нашего музея двумя образцами с латунным эфесом «блюхеровского типа».

Первый отличает никелированный клинок, изготовленный на фабрике Юлиуса Фооса в Золингене [13]. С обеих сторон его поверхность богато орнаментирована в технике травления. Главным мотивом украшения являются разнообразные трофеи: длинные и короткие клинки, топоры, барабаны, литавры, лук, колчан, щиты, рыцарские шлемы с плюмажами, латы, пики с флажками, бунчук и знамена на длинных древках с навершиями в виде полумесяцев. На клинке имеются изображения солнца, лавровых ветвей, элементы растительного орнамента. Гладкое поле делает ключевыми в композиции символы ислама – полумесяц с пятиконечной звездой. Сабля поступила в 1916 году «из музея госпиталя [от доктора] Перекропова».

Вторая сабля из собрания Северо-Кавказского музея горских народов им. большевика Муссы Кундухова (г. Ростов-на-Дону) поступила в наш музей в 1936 году. [14]. На правом щитике крестовины выгравировано изображение полумесяца с пятиконечной звездой. На клинке 2 дола, которые дамаскированы в технике травления.

9. Турецкая артиллерийская офицерская сабля 3-й четверти XIX века имеет красивый латунный эфес. Головка и передняя дужка украшены рельефными изображениями пальметт. Защиту руки обеспечивают 5 плавно изогнутых боковых дужек, на крестовине напаяны скрещенные пушечные стволы [15].

10. Австрийская кавалерийская солдатская сабля образца 1869 года – боевое оружие тяжелой кавалерии. Клинок справа с 1 широким долом, слева гладкий. Имеется клеймо неустановленной фирмы «JUNG», по-видимому, германской, а также государственное клеймо приемки в виде двуглавого австрийского орла. Стальная гарда с характерной широкой симметричной защитной чашкой с 7 круглыми маленькими отверстиями. Клеймо полковой приемки «4 LUR» позволяет отнести саблю к оружию 4-го уланского полка австрийского ландвера 2-й кавалерийской бригады, которая формировалась в Краковском ландверном округе (Северная Моравия, Силезия и Западная Галиция) из немцев и чехов [16]. Поступила в 1916 году из госпиталя, дар доктора Перекропова.

11. Парадная офицерская кавалерийская сабля образца 1861 года венгерских частей Австро-Венгерской армии (гонведа) [17]. Приобретена в 1968 году у жителя Ставрополя В. И. Гурновича, по словам которого, взята в качестве трофея у венгерского генерала в Будапеште в 1944 году. Изготовлена в Германии золингенской фирмой «Ф. С. Юнг», которая в XIX веке производила австрийские сабли различных образцов. На башмаке ножен клеймо приемки в виде венгерского герба. Сабля имеет примечательный эфес: широкая защитная дужка, расширяясь, переходит в симметричную чашку с треугольными, круглыми, миндалевидными и иными сквозными отверстиями, для темляка имеются 2 прямоугольные прорези. С внешней стороны гарда украшена легкой гравировкой. Клинок трофейного оружия имеет по одному долу с каждой стороны, что характерно для более ранней модели австрийской сабли – образца 1850 года.

12. Японская сабля военнослужащих сержантского состава армии (кроме кавалерии) и военной полиции образца 1899 года [18] – еще один образец европеизации национальной армии. В этом оружии сочетаются режущий клинок традиционного японского меча и европейский эфес с D-образной гардой и рукоятью, рифленой косой сеточкой. Стальные детали эфеса и ножен вороненые, имеется кожаная петля для пальца. Сабля фиксируется в ножнах пружинным зажимом. На гарде 2 иероглифических инспекционных штампа и клеймо Токийского арсенала. Такие сабли были на вооружении до 1935 года, но использовались и позже, до 1945 года. Поступила из Северо-Кавказского музея горских народов в 1936 году.

13. Латвийский парадный морской офицерский палаш образца 1931 года имеет необычную музейную историю [19]. В 1954 году в книге поступлений было зарегистрировано оружие с таким описанием: «Шашка трофейная, взята в ВОВ войсками ген.-лейт. Голубовского В. С.». Похоже, что, имея учетную запись, сам клинок для сотрудников «пропал»: нет ни одной пометки о его наличии при проверках. В 1976 году в инвентарной книге коллекции «Оружие» появляется противоречивая запись об этом предмете: «Шашка. XX ст. 1940 г. СССР. Трофей Великой Отечественной войны, принадлежала немецкому генералу». В 1980 году в результате очередной проверки коллекции «Оружие» был выявлен предмет, не имеющий учетных обозначений, который атрибутировали как «палаш парадный (немецкий, трофейный) (?)». Не вызывает сомнений, что этот палаш – тот самый трофей войск В. С. Голубовского: на шляпке винта рукояти выбита надпись «9 мая 1945». Определить оружие было не просто: гарда и наконечник ножен утрачены. Подсказкой были кожаная обтяжка ножен и волнистые края обоймиц, которые обычны для оружия офицеров флота. Оказалось, что это латвийский морской палаш периода Первой республики 1920–1939 годов. Изначально он имел гарду с прорезным изображением латвийского герба, а на головке винта изображение свастики, которая широко использовалась в символике Латвийской Республики еще до того, как стала символом нацизма. Свастика советскими солдатами была сбита, а на ее месте появилась дата Великой Победы. Изготовлен палаш в Германии фирмой «Александр Коппель, Золинген».

Проведенная атрибуция длинноклинкового оружия военного образца иностранных армий позволяет экспонировать их теперь как памятники различных страниц военной истории России, а также как замечательные коллекционные образцы антикварного оружия.

Использованная литература и источники

1. Большая Советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 26. М., 1977; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXXIII. СПб, 1901.
2. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (1907). Из цикла «Гаагские конвенции 1899 и 1907» // <http://ru.wikisource.org>.
3. СГМЗ. Оф. 26033.
4. Маркевич С.В., Левченко Я.В. [Владимир Еронимович Маркевич \(к 120-летию со дня рождения\)](#) // Охота и охотничье хозяйство. 2003, № 8.
5. Джонсон Т. М. Коллекционирование холодного оружия Третьего Рейха. В 2-х т. М., 2008; Кулинский А.Н. Европейское холодное оружие. СПб, 2003; Его же. Немецкие клинки и клейма. СПб., 2000; Его же. Холодное оружие немецких государств. СПб, 2000.
6. СГМЗ. Оф. 11785/1–2; Ставропольский Губернский музей Северного Кавказа. Военный отдел (Каталог) // Труды СУАК. Вып. 7. Ставрополь, 1915.
7. Infanterie offiziersdegen alter Art // http://www.zietenhusar.de/ioid_aa; СГМЗ. Оф. 26033.
8. СГМЗ. Оф. 12039/1-2.
9. Там же. Оф. 12036/1–2; Веремеев Ю.Г. Организация Германской армии 1888–1914гг. // <http://army.armor.kiev.ua>.
10. СГМЗ. Оф. 14005/1–2.
11. Кулинский А.Н. Наследники Блюхера. Холодное оружие с «блюхеровским» эфесом // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2002, №№ 3–4.
12. СГМЗ. Оф. 27824/1–2.

13. Там же. Оф. 11812/1–2.
14. Там же. Оф. 12038/1–2.
15. Там же. Оф. 12028.
16. Там же. Оф. 12025/1–2; Вооруженные силы Австро-Венгрии. СПб, 1912 // CoolLib.net – <http://coollib.com/b/235467>
17. СГМЗ. Оф. 15233/1–2.
18. Там же. Оф. 11816/1–2.
19. Там же. Оф. 27121/1–2; Оф. 12565.

Гордылева М. Ю.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом истории,
кандидат философских наук

**ПАРТИЗАНЫ, РАЗВЕДЧИКИ И ПОДПОЛЬЩИКИ СТАВРОПОЛЬЯ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.
(по материалам фондов Ставропольского государственного
музея-заповедника)**

В летописи сражений Великой Отечественной войны видное место занимает битва за Кавказ. Она сорвала далеко идущие планы гитлеровского руководства: разгромить основные силы Красной Армии, захватить богатейшие районы СССР, усилить военно-экономический потенциал Германии и развить наступление на Восток. Летом 1942 года командование Вермахта планировало, что специально подготовленные войска преодолют перевалы Главного Кавказского хребта и выйдут в Закавказье к портам Черного моря. План носил кодовое название «Эдельвейс». Важную роль в срыве плана сыграло партизанское и подпольное движение, развернувшееся на оккупированной территории Северного Кавказа [1].

Предвидя угрозу оккупации, на Ставрополье создали Краевой штаб партизанского движения во главе с первым секретарем райкома ВКП(б) М. А. Суловым. Ставропольский крайком партии 22 июля 1942 года утвердил «План организации партизанского движения на территории края», согласно которому основными задачами партизанских отрядов были следующие: организация тесной связи с населением, систематическая массово-политическая работа среди населения (беседы, собрания, издание листовок, газет); разведка для Красной Армии, выявление сведений о передвижении и расположении войск противника; их численности и вооружении; о политических и экономических мероприятиях на оккупированной территории; об отношении местного населения к оккупантам и фактах коллаборационизма.

С начала июля на территории края действовали 47 партизанских отрядов, которые объединяли свыше 2000 патриотов. На Ставрополье партизанские силы предполагалось разделить на группы: Северная, Южная, Западная и Восточная. Но уже в начале августа осталось 3 группы: Западная – 16 отрядов (834 чел.), Южная – 13 отрядов (441 чел.), Восточная – 11 отрядов (686 чел.). Дислокация партизанских отрядов многократно корректировалась. Это было обусловлено тем, что единственными удобными и приемлемыми для партизанских действий в крае были горные районы Карачаево-Черкесии и Кавминвод, а также труднодоступные для врага полупустынные районы на востоке Ставрополья [2].

В фондах Ставропольского государственного музея-заповедника хранятся документы и личные вещи участников партизанского и подпольного движения

на Ставрополье, которые мужественно защищали родной край от немецко-фашистских захватчиков.

В селе Величаевском Левокумского района, расположенном в 15 км от линии фронта, для ведения подпольной борьбы с фашистами была создана подпольная организация, руководителем которой был Александр Скоков. В ее состав входило 14 человек: сестры Наталья и Анна Антоновы, Петр Базалеев, Таисия Барко, Мария Бойко, Михаил Заворотынский, Лидия Карабутова, Василий Обмачевский и другие. Все вступавшие в организацию давали клятву, текст которой был написан Скоковым. Общее руководство ее действиями осуществлял Иван Дрогин – командир взвода партизанской разведки. Он часто встречался с Александром и его товарищами, инструктировал их по тактике ведения подпольной работы, давал конкретные задания. Участники этой организации вели среди жителей антифашистскую пропаганду, минировали дороги, передавали советскому командованию различные сведения, снабжали партизан теплой одеждой, оружием, боеприпасами, похищенными у противника. Юные подпольщики помогли переправиться через линию фронта 40 добровольцам, совершили несколько диверсий [3].

С помощью предателя фашистам удалось раскрыть подпольную организацию и схватить А. Скокова и его товарищей. Во время допроса гитлеровцы подвергли подпольщиков зверским пыткам и истязаниям, но комсомольцы ни в чем не сознались. А. Скоков, К. Напханюк, В. Обмачевский героически погибли, но спасли жизни другим членам организации.

Смертью героя погиб и руководитель подпольщиков И. Дрогин. Когда его окружили фашисты, он был с 16-летним Петром Базалеевым. Партизаны смогли уничтожить восьмерых и ранили троих немцев. Чтобы не попасть в руки врага, раненый Дрогин взорвал себя гранатой. Петю Базалеева гитлеровцам удалось захватить, и они закопали его живым в землю. Он умер со словами: «Да здравствует наша Родина, победа будет за нами!» [4].

За мужество и героизм, проявленные в борьбе с фашистами, Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза Александру Скокову и наградил посмертно орденами Великой Отечественной войны Ивана Дрогина и Петра Базалеева. Медалью «За отвагу» были награждены Наталья и Анна Антоновы, Таисия Барко, Михаил Заворотынский и Василий Обмачевский.

Среди юных партизан, защищавших Родину, было немало отважных девушек. В станице Советской был создан партизанский отряд, в который вошло около 70 человек, среди них была 19-летняя Анна Шилина. 25 октября 1942 года партизанам было дано задание разведать силы противника у села Величаевского. В эту разведку пошла и Анна. Партизаны наткнулись на передовую линию противника. Немцы открыли огонь, троих бойцов ранило, и командир разведки приказал отступать. Пятерым разведчикам было поручено вынести раненых. Аня добровольно вошла в эту группу, она подползла к раненому и начала его перевязывать. В это время немцы приблизились к ним и продолжили обстрел. Аня отстреливалась из пистолета, затем бросила гранату в приближавшихся врагов, но подкравшийся немец нанес ей удар штыком в

сердце, и она упала замертво. Позже советские воины обнаружили на этом месте 7 убитых Анной немцев. В октябре 1964 году в селе Камыш-Бурун был открыт памятник Анне Шилиной, а героиня была посмертно награждена орденом Красной Звезды [5].

6 января 1943 года, за 5 дней до освобождения Пятигорска от фашистских захватчиков, партизанка Нина Попцова пробралась в город, чтобы выполнить очередное задание командования. По доносу предателя гитлеровцы схватили девушку, подвергли ее зверским пыткам. За несколько минут до смерти Нина написала на клочке бумаги письмо матери: «Прощай, мамочка! Я погибаю. Не плачь обо мне. Я погибаю одна, но за меня погибнет много врагов. Придет наша Красная Армия, передай ей, что и я погибла за Родину». Ее расстреляли во дворе тюрьмы. В 1961 году был открыт памятник Нине Попцовой, а в 1965 году по решению Пятигорского горсовета одна из улиц города получила ее имя [6].

В фондах музея-заповедника хранится головной убор разведчицы Нины Савенко. Нина – уроженка села Дивное, до войны работала учителем географии. В годы войны стала партизанкой. Во время очередного задания 11 декабря 1942 года девушку схватили немцы и после пыток и издевательств убили [7].

В 1942 году Наталья Василенко вместе с другими патриотами вступила в ряды Преграденского партизанского отряда. Смелая и решительная, она несколько раз пробиралась в стан врага, приносила в отряд ценные сведения о противнике. В декабре 1942 года немцы проводили операции по ликвидации партизанских отрядов у подножия Главного Кавказского хребта. Проведя несколько сражений, отряд, в котором находилась Наталья, лишившись основной базы снабжения, пробирался с боями для соединения с другими группами. Партизаны проходили недалеко от пос. Курджиново. Наташа тяжело заболела, и командир отряда решил оставить ее в поселке. Укрыться партизанке не удалось. Немцы схватили ее, пытали, но девушка не выдала своих боевых друзей. Посмертно Наталья Василенко была награждена орденом «Отечественной войны» I-й степени и медалью «Партизану Отечественной войны» I-й степени [8].

В августе 1942 года отважная девушка Дора Карабут добровольно вступила в Северную (впоследствии Восточную) группу партизанских отрядов. В конце 1942 года, получив задание пробраться в тыл немецко-фашистских войск, в оккупированный Ставрополь, Дора была схвачена и после злодейских пыток расстреляна как разведчица-партизанка. За доблесть и героизм Дора Карабут посмертно была награждена медалью «Партизану Отечественной войны» I-й степени [9].

Партизанский отряд «Мститель» был сформирован летом 1942 года в городе Микоян-Шахаре (нынешний г. Карачаевск) под руководством А. Однокозова, начальником штаба был назначен М. Мартынов. В отряд вошло 74 человека. Этот отряд с первых же операций в тылу врагов утвердился как один из лучших в Северной группе. В период оккупации Карачаево-Черкесии партизаны этого отряда первыми на Ставрополье встретили с оружием в руках

гитлеровцев из состава дивизии «Эдельвейс». Бой начался 14 августа 1942 г. в Тебердинском ущелье, у р. Гоначхир. Ценой жизни многих партизан продвижение фашистских частей к Клухорскому перевалу через Аксаутский было задержано. Партизаны действовали во взаимодействии с регулярными частями Красной Армии, нанося удары по тылу врага, дезорганизуя снабжение фашистских войск. В фондах музея хранятся личные вещи пулеметчика отряда «Мститель» Федора Самуиловича Томашенко: курительная трубка, панамы, фонарь [10].

В тылу врага проявили себя партизаны Кумской группы партизанских отрядов под руководством Захара Прохоровича Яблонского и Георгия Дмитриевича Письменского. Письменский отличился осенью 1941 года в боях за освобождение Ростова, командуя 402-й отдельной механизированной разведывательной ротой. За боевые заслуги он был награжден орденом Красного Знамени. Получил тяжелое ранение, после лечения, осенью 1942 года, был назначен начальником штаба Кумской группы партизанских отрядов. За доблесть и мужество, проявленные в борьбе против немецких захватчиков, был удостоен второго ордена Красного Знамени [11].

Настоящими героями в борьбе с оккупантами показали себя десятки юных патриотов. 16-летний учащийся ставропольской школы № 7 Геннадий Голенев установил на чердаке своего дома радиоприемник, принимал сводки Совинформбюро и распространял их среди населения. Там же он прятал гранаты, винтовки, незаметно пробирался к вражеским машинам и портил в них управление. Однако юноша был выдан предателем, и оккупанты после жестоких пыток бросили его в горящее здание.

Валентина Плугарева, Евгения Буланова, Нелли Белявская были арестованы гестаповцами за связь с партизанами. При отступлении немцев, 18 января 1943 года, девушки были сожжены электрическим током.

Ставропольцы вели борьбу с врагом не только в крае, но и за его пределами. Александр Иванович Козлов по праву был назван асом советской контрразведки, переигравшим опытных разведчиков фашистского Абвера.

А. И. Козлов родился 26 июля 1920 года в селе Александровском. В 1939 году поступил в пехотное училище, осенью 1941 года был назначен командиром взвода Московского народного ополчения, воевал под Смоленском.

В одном из боев вместе со своим взводом попал в окружение. Вывел оставшихся в живых в фашистский тыл, организовал там крупный партизанский отряд, который позже вошел в партизанскую дивизию. Был контужен, попал в плен. Из лагеря военнопленных, где он находился вместе с женой Евдокией (она была фельдшером), был завербован в немецкую разведшколу «Сатурн». «Видимо, то обстоятельство, что я был не один, а с женой, мне и помогло, так как гитлеровцы питали слабость к системе заложников. Они считали, что никуда я не денусь, если у них заложницей будет моя жена», – рассказывал Александр Иванович.

После обучения в разведшколе «Сатурн» Козлов получил задание: проникнуть через линию фронта в Москву, передать одному из заброшенных

туда агентов деньги, питание к рации, чистые бланки документов. «Разумеется, все это я доставил советской контрразведке», – вспоминал Козлов, который и не думал работать на немцев, будучи патриотом своей страны. Советская контрразведка разработала план дальнейших действий своего резидента. Козлов, вернувшись в разведшколу, получил звание офицера и орден «За заслуги» от немецкого командования за «успешно» проведенную операцию. Разведчик остался в Германии до конца войны. Он обезвредил 128 агентов и диверсантов, подготовленных в «Сатурне» и заброшенных в наш тыл. В апреле 1945 года разведцентр, передислоцированный в г. Бисмарк, оказался в полосе наступления союзных войск, и Козлов, как немецкий офицер, попал в плен к американцам, а затем в ГУЛАГ.

После освобождения Козлов вернулся в Александровское. В 1969 году переехал в г. Горячий Ключ Краснодарского края. Был реабилитирован, награжден орденом Красного Знамени и медалями. Он – почетный гражданин Александровского. О подвиге Козлова писателем В. Ардаматским был написан роман «Сатурн почти не виден» (1963 г.), сняты художественные фильмы «Путь в «Сатурн» и «Конец «Сатурна» (1968), документальные фильмы «Лицом к «Сатурну» и «Байкал-60» [12].

Наш земляк Борис Захарович Коронный был участником движения Сопротивления. За заслуги в деле освобождения Франции он удостоен высшего французского ордена «Военный крест с мечами и бронзовой звездой», медалей «Отличнику партизанской борьбы» и «За боевые заслуги».

Б. З. Коронный родился в 1919 году в Ставрополе, закончил филологический факультет Педагогического института. В первые дни войны ушел на фронт. В боях под Минском был тяжело ранен, попал в плен. Бежал из лагеря военнопленных на юг Франции, где сражался против немцев в составе интернационального отряда «Маки», командовал батальоном 1-го Интернационального партизанского полка.

После войны Коронный стал организатором массового физкультурного движения на Ставрополье, работал в спортивном обществе «Трудовые резервы» в Ставрополе, а затем на Всесоюзной спортивной базе в Кисловодске [13].

Ставрополье – родина героев, и мы гордимся ими! Благодаря их подвигам жива Россия и живы мы, их потомки.

Использованные источники и литература

1. Завьялов А.С., Калядин Т.Е. Битва за Кавказ. М., 1957. С. 28–31.
2. Саренц Р.Г. Непокоренный край. Ставрополь, 1962. С. 83–86.
3. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): документы и материалы / Сост. Водолажская В.А., Кривнева М.И., Мельник Н.А. Ставрополь, 2002. С. 96.
4. СГМЗ. Ф. 290. Ед. хр.1–7.
5. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации... С. 105;
 - а. СГМЗ. Ф. 288. Ед. хр.10.
 - б. Там же. Ед. хр.11.
 - в. Там же. Ед. хр.13.
 - г. Там же. Ед. хр.14.
 - д. Там же. Ед. хр.15.

10. Там же. Ф. 286. Ед. хр.7.
11. Там же. Ф. 288. Ед. хр. 4.
12. Энциклопедический словарь Ставропольского края / Гл. ред. Шаповалов В.А. Ставрополь, 2006. С. 170; СГМЗ. Ф. 295. Ед. хр. 1, 2.
13. Энциклопедический словарь Ставропольского края. С. 180.

Григоренко Н. Б.,
г. Невинномысск,
Невинномысский историко-краеведческий музей,
директор

МОЛЧАЛИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ ПРОШЛОГО

*Рушник – это не просто красота.
В нем наставленья, счастья пожеланья.
В нем сердце матери, любовь и теплота,
Костра добра извечное сиянье.*

*Рушник как книгу можно прочитать.
Ведь вековая мудрость в нем хранится.
И чтобы этим знаниям не пропасть,
Нам нужно вновь к истокам обратиться.*

У каждого региона своя биография, свой облик, отраженный в истории и культуре. Сохранять их – это не только интересная, но и многотрудная, общественно-значимая задача, в решении которой огромная роль принадлежит музею. Знакомство с культурно-историческим наследием – это знакомство с удивительным миром и историей нашего города. В данное время Невинномысский историко-краеведческий музей обладает значительным и весьма интересным фондовым собранием из 12,4 тыс. экспонатов.

Одной из самых ярких коллекций в нашем музее является коллекция «Этнография», первые экспонаты которой появились в фондах в 1957 году. С тех пор коллекция постоянно пополняется. На сегодняшний день она насчитывает около 1 тыс. экспонатов, которые можно разделить на три основные группы: мебель, посуда, ткани. Предметы коллекции датируются XIX–XX веками.

В старину не найти было ни одного дома без рушников – самобытных полотенец, в украшении которых использовались традиции глубокой древности. В стародавние времена женщина украшала вышивками все, что ее окружало: одежду (рубахи, передники, сарафаны), предметы быта (скатерти, полотенца, которые в наших краях называют рушниками). В нашем музее хранится около 20 расшитых вручную полотенец. В процессе исследования техники вышивки наших рушников выяснилось следующее.

Отмена крепостного права в России повлекла за собой довольно бурные миграционные процессы, в результате которых казачья станица Невинномысская пополнилась переселенцами из разных регионов страны. Основу населения станицы в конце XIX века составили русские, украинцы и белорусы, стекавшиеся на южные рубежи России из разных губерний и областей. Удаленность от промышленных центров, определенные социально-экономические условия бытования позволили им надолго сохранить свою самобытность. Расцвет вышивального искусства в России приходится на начало

XIX века, когда вышивкой занимались не только крепостные крестьянки, но и их хозяйки – помещицы.

Женщины коротали длинные зимние вечера, склоняясь над пяльцами. Покой и удивительная гармония русской души отражались в узоре на полотне. Вроде бы ничего особенного. Вышивают женщины, используют разные техники, материалы. Рисунки выдумывают сами. Например, глядя на морозный узор на оконцах зимой, вышивальщицы переносили его на ткань. Часто орнамент для вышивки составляли из стилизованных изображений растений, животных и человека. Книг и журналов с рисунками не было, поэтому, как правило, учились друг у друга. Для женщины вышивка была своего рода выражением душевной потребности в красоте, способом выражения эстетического восприятия окружающего мира.

Узор на вышивке имеет не только эстетическое значение, но несет и смысловую нагрузку. В каждой губернии рождалась своя, отличная от других техника вышивания: тверская мелкая строчка, новгородская крестецкая строчка, тамбурный шов, двусторонняя гладь. Даже вышивка крестом (хорошо известная техника вышивания во всех регионах) различается по виду (простой крест, двойной «болгарский» крест, полукрест) и по цвету: воронежские узоры вышивались преимущественно черной нитью, на Белгородчине характерным было сочетание черного и красного цветов. Это объясняется тем, что красный цвет у славянских народов был символом жизни и здоровья, а черный – богатства и стабильности.

Особенностью вышивки жительниц станицы Невинномысской был синтез вышивальных традиций трех славянских народов – русских, украинцев и белорусов. Рушники, вышитые крестом красными и черными нитями, выполнены переселенцами из средней полосы России. Техником глади, ярким разноцветьем вышивали узоры переселенки из Белоруссии, где именно эта техника вышивки была широко распространена.

По своему назначению рушники бывают: крестильные, хлебосольные, благословенные, свадебные, любовные, казацкие или «солдатики», киотные или «иконнички», погребальные.

Из всего вышесказанного следует, что рушник играл в жизни наших предков сакральную роль, сопровождал человека от рождения до смерти, был важным элементом в быту и некоторые символические значения сохранил до наших дней. Вышитые рушники радовали своих владельцев и сохранившиеся до наших дней экземпляры еще много лет будут радовать своей красотой посетителей музеев.

Ведь рушник – это история наших предков, думы и надежды, красота и богатство духовной культуры: мамина песня, отцова хата, дедушкина сказка, бабушкин узор и ласка, доброе слово соседа, традиции взаимопомощи. На рушниках запечатлена родовая память наших предков. Вышивка – важная часть народной культуры. Музейные экспонаты – украшенные вышивкой рушники – надо бережно сохранять для наших потомков, чтобы не прервалась нить поколений.

Ефименко Г. В.,
г. Буденновск,
Буденновский краеведческий музей,
директор

ИЗУЧЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ И ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА: ФРОНТОВЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ

«Здесь бьют снаряды. Пока письмо напишешь, несколько раз отрываешься, засыпает землей. Я в конверте посылал сахару с ложку, зашил в непромокаемую бумагу, но, думаю, его вытащили...». Письма с фронта, они как птицы, опаленные войной, долетали до своих адресатов, неся и любовь, и заботу, и весть о том, что родные защитники живы, что воюют, что бьют врага. «Любимая моя голубка, родненький голубочек», – такое обращение к тем, кто остался ждать, молиться, верить, – лучшее подтверждение неразрывности родных душ. «Шлю от всего сердца и души ласковый, скромный привет», – и тут же, – «тут бьют снаряды...».

Листы в линию и в клетку, рваные обложки тетрадей, конторские карточки по заготовке зерна – каждый листок бумаги был дорог солдату, на нем он писал весточку домой; потому почти в каждом фронтовом треугольнике – просьба выслать чистой бумаги для писем. Почти все они начинались самыми долгожданными и радостными строчками для тех, кто ждал: «Я хочу сообщить, что жив и здоров», «Обо мне не беспокойтесь», «Обо мне не скучайте, скоро разобьем врага, вернемся домой. Готовимся к решающим боям».

Нет ни одного письма из прочитанных мною, в котором бы не излагалась просьба, адресованная близким: «Пишите больше писем, когда получишь из дома письмо, станет на сердце немножко легче».

Приветы с фронта прибавляли сил тем, кто остался в тылу, питали надеждой на победу. Из письма Андрея Григорьева от 1 января 1945 года, первого дня победного года: «Добрый день, дорогие родители. Поздравляю вас с Новым годом. Стоим мы на передовой, готовимся к боям, скоро пойдем вперед. Мама, пропишите, как провели Новый год. Пишите больше писем. Скоро разобьем фрицев, вернемся домой, и письма больше не нужны будут».

Вот самый маленький фронтовой треугольник (всего 7 см грань), он датирован 27 сентября 1944 года. Мелким аккуратным почерком И. Г. Жидков пишет своим знакомым: «Вспоминается дом, в который полетит это послание. Меня интересуется, как вы живете, чем занимаетесь, какое ваше здоровье?».

Среди всех фронтовых писем, хранящихся в музее, выделяется одно, «фирменное», написанное на почтовой бумаге. В правом верхнем углу пометка: «Военное», слева – воззвание: «Смерть немецким оккупантам!». Посередине четким шрифтом как заклинание: «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти». В этом письме фронтовик А. П. Лескин сообщает своим близким: «Начиная с 1 сентября 1943 года, все время шел вперед на запад». Письмо датировано 12 декабря 1943 года.

9 октября отправляет письмо родным Василий Величко: «Добрый день, дорогая моя мамочка и братик Толечка. Дорогая мамочка, я сейчас нахожусь в госпитале в Тбилиси. Рана уже зажила. Здесь мне сделали операцию, вытащили из ноги осколок мины. Была сильная температура, меня трепала малярия. Рана за месяц зажила. Я хочу быстрее пойти на фронт, чтобы скорее судьбу испытать. Обо мне не беспокойтесь. Только и того, что сильно скучаю по вас, о доме. Целую Вас и Толика несчетно раз».

Беспокойство о родных, проявленное там, на фронте, звучит в каждом письме: «Беспокоюсь о вас, дорогие. Пишите мне открытки. Я жив, здоров и бодр» (Полевая почта 45329, 27.04.1944 г. Лескин А. П.).

«Получишь письмо с родного края, как будто сам побываешь дома...» (Из письма Андрея Григорьева, 22 мая 1944 г.). Вера в Победу, мечта о мирной жизни, о возвращении в родные места, в родной дом – это еще одна составляющая фронтовых писем. «Здравствуйтесь, многоуважаемые и дорогие родители – Папанька и Мама. Из вашего письма узнал, что вы живы и здоровы, мое здоровье пока прекрасное. Войне, видно, конец. Потом вернемся по домам, к своим семьям и заживем счастливой жизнью».

Время стирает графит, выцветивает чернила, но навсегда оставляет самое главное – память. Теперь уже пожелтевшие от времени фронтовые треугольники хранятся в краеведческом музее г. Буденновска. Мы благодарны тем людям, которые хранили их в течение десятилетий и передали в музей свои самые дорогие семейные реликвии.

Пусть память о войне и ее героях живет в сердцах новых поколений!

Карагодин Е. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заместитель директора по научной работе

ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ ДОКУМЕНТОВ, ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ И ФОТОГРАФИЙ Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА В СОБРАНИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Григорий Николаевич Прозрителев (1849–1933 гг.) прожил долгую и насыщенную жизнь. Ему посчастливилось работать в эпоху, когда в интеллектуальном сообществе российской провинции, и в частности на Ставрополье, необыкновенно вырос интерес к местной истории, археологии и этнографии. Под влиянием этого интереса во второй половине XIX столетия возникли первые провинциальные научные общества, краеведческие по сути и характеру своей деятельности.

Результатом их деятельности стало формирование массива разноплановых материалов и документов, позволивших увидевшим последующим поколениям исследователей неповторимую прелесть провинциальной истории в первозданном виде.

На протяжении полувека Григорий Николаевич находился в эпицентре этой работы. Талантливый юрист, археолог, этнограф, историк, краевед, архивист, археограф, основатель и бессменный руководитель губернского музея Северного Кавказа в Ставрополе, председатель и активный участник различных общественных организаций – таким знали его современники и помнят потомки.

Большинство его работ, как и работ провинциальных исследователей в целом, было выполнено в форме краеведческих описаний, представлявших собой наиболее распространенный тип научной работы в рассматриваемую эпоху. Описаниям был присущ междисциплинарный подход и комплексность, одновременное наличие исторических, археологических, этнографических, статистических и географических сведений, иногда философско-лирических отступлений. Составлялись они, как правило, на основе личных наблюдений и исследований Г. Н. Прозрителева и различались по своей тематике, объему материала, специфике преподнесения текста источников. Из старых архивных документов и воспоминаний он пытался «сложить» местную историю прошлого нашего края и через нее представить историю страны в целом.

Проблематика исследований определялась им самостоятельно и чаще всего зависела от его научных интересов, особенностей и разработанности источниковой базы, ее доступности. На специфику работ оказывало влияние то, что объектом исследований был отдельно взятый регион – Северный Кавказ, с его природно-климатическими, историческими и экономическими особенностями, спецификой народонаселения, сохранностью тех или иных

источников и, конечно же, со своей историей. Чаще всего он обращался к проблемам древней истории края, истории его заселения и освоения, основания и развития городов, к вопросам церковного строительства, развития просвещения и культуры, охраны памятников древности [1].

За десятилетия неустанных трудов Прозрителевым был собран научный архив, который красноречиво показывает современному исследователю обширность и разносторонность его интересов. В настоящее время эти документы хранятся в собрании письменных источников Ставропольского музея-заповедника.

Хотелось бы дать краткий обзор коллекции документов, печатных изданий и фотографий Г. Н. Прозрителева. Коллекция сформирована из предметов, отложившихся в фондах музея в 1920–30-е годы. Они отражают как его частную жизнь, так и проблемы, связанные с его профессиональной и общественной деятельностью.

В числе документов мы встречаем исторические, археологические и этнографические материалы, относящиеся как к Ставропольской губернии, так и к Северному Кавказу в целом.

В 299 единицах хранения коллекции находится 1502 наименования документов и печатных изданий. Проанализировав внутреннюю структуру коллекции, эти документы можно условно разделить на 6 тематических групп:

1) В единицах хранения 1–3 находятся документы, относящиеся к частной жизни и профессиональной деятельности Прозрителева в качестве присяжного поверенного, в период с конца 1880-х по 1918 годы.

Среди этих документов – переписка по некоторым судебным делам, которые он вел; документы Тифлисской судебной палаты и Ставропольского окружного суда о работе Прозрителева в качестве присяжного поверенного; записки из адвокатской практики, а также документы личного характера (копия свидетельства о рождении; копия аттестата о том, что он является кандидатом на судебную должность, за 1889 год; копия метрической выписки о бракосочетании Прозрителева, за 1927 год; удостоверение на имя Прозрителева о присвоении ему звания «Почетный гражданин Большедербетовского улуса»; удостоверения о членстве в различных общественных организациях).

2) В единицах хранения 4–15 хранится 148 различных документов, относящихся к истории и деятельности Ставропольской ученой архивной комиссии (СУАК) и деятельности ее члена Прозрителева. Среди них: инструкция для разбора старых дел, принятая в СУАК; каталог книг, находившихся в научной библиотеке СУАК; исторический очерк о деятельности СУАК; переписка по различным вопросам архивного дела и издательской деятельности комиссии за 1910–1917 годы, а также переписка с советскими учреждениями по вопросам организации музейно-архивной работы и сохранения памятников старины за 1921–1927 годы.

3) 526 наименований документов, или треть всей коллекции, относятся к деятельности Ставропольской этнолого-археологической комиссии. Комиссия была учреждена 28 мая 1921 года и стала первым советским научным учреждением по изучению края, заложившим основы учета и охраны

памятников истории и культуры. Григорий Николаевич был избран председателем этой комиссии и на общественных началах исполнял эти обязанности вплоть до своей смерти.

Многообразие научных интересов членов комиссии определили основные направления ее деятельности: этнографические, культурно-охранительные и архивные.

Комиссия сыграла важную роль в организации археологических исследований Ставропольской губернии, тесно связанных с охранными мероприятиями. Были организованы археологические экспедиции по раскопкам кургана у с. Безопасного (1921 год); раскопки кургана по старой дороге между Ставрополем и Татаркой, а также осмотр кургана близ с. Благодарное и древнего становища у с. Надежда (1924 год); раскопки на месте Варваринского городища в Ставрополе, исследования курганов около сел Донское и Старомарьевское и другие работы. Большое внимание уделялось изучению памятников степной зоны Центрального Предкавказья. Богатые археологические материалы пополнили собрание музея Северного Кавказа.

4) В единицах хранения 34–49 хранится 14 наименований документов, относящихся к археологическим работам Прозрителева. Заметки, рукописи с описанием различных находок, в частности сделанных на территории Маджар, статьи и лекции по археологии.

5) В единицах хранения 50–130 находятся рукописи Прозрителева по вопросам истории, этнографии и археологии Ставропольской губернии и Северного Кавказа: мемуары о деятельности в качестве участника «хождения в народ»; воспоминания о современниках, статьи и анекдоты из истории Ставрополя; блок материалов по истории и этнографии калмыков, рукописи по истории переселения русских на Кавказ.

6) В единицах хранения 130–299 находятся 594 наименования документов. Это переписка Прозрителева личного и делового характера с 1897 по 1930 годы (переписка с дочерью); книги и брошюры, находившиеся в личной библиотеке по истории Ставрополя и Северного Кавказа; некоторые отчеты, рукописи статей и заметки по истории населенных пунктов Ставрополья; рисунки различных археологических и исторических памятников; документы по истории благотворительных учреждений и православной церкви [2].

Представляется, что приведенный выше перечень документов не только говорит о масштабах исследовательской и просветительской работы Григория Николаевича Прозрителева, но и позволяет нам сегодня, в начале XXI века, дополнить и уточнить многие факты по истории региона, музейному делу, охране памятников истории и культуры. Данный вид источников заслуживает дальнейшего углубленного изучения, публикации и введения в научный оборот ранее не опубликованных материалов.

Использованные источники и литература

1. Колесникова М.Е. Начало историографического изучения Северного Кавказа // Прозрителевские чтения. Вып. 1. Ставрополь, 2005. С. 56.
2. СГМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 136.

Коркмазова З. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
научный сотрудник отдела фондов,
кандидат философских наук

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДПРИЯТИЯ
«КИСЛОВОДСКИЙ ФАРФОР – ФЕНИКС»
(по материалам Ставропольского государственного музея-
заповедника)

Многовековой опыт эстетического восприятия мира, воплощенный в изделиях народных художественных промыслов, позволяет сохранить художественные традиции, отражающие самобытность культур многонациональной России. Художественные изделия определенной местности создаются на основе развития самобытных традиций народного искусства с использованием местных сырьевых ресурсов.

В Ставропольском крае предприятием, выпускающим изделия народных промыслов из фарфора, рога, кости и полистирола, является «Кисловодский фарфор – ФЕНИКС». Оно было основано в 1930 году группой умельцев-косторезов и металлообработчиков как артель для изготовления сувениров с местной тематикой им. 1 Мая. В 1937 году изделия этой артели представляли нашу страну на Парижской выставке. В 1943 году артель была переименована в «Художпром». В 1970 году было создано производственное объединение «Сувенир». В его состав входили: Кисловодская и Пятигорская фабрика сувенирных изделий (изделия из кости, рога, керамики), Ковровая фабрика имени Ильича (ковроткачество, роспись тканей), Ессентукский комбинат (роспись тканей).

В 1988 году Кисловодская фабрика получила статус предприятия народных художественных промыслов. В 1996 году реорганизована в ЗАО «Кисловодский фарфор – ФЕНИКС». Первое изделие из фарфора – кружка для минеральной воды – было создано в 1961 году, а первое изделие с ручной лепкой появилось в 1975 году и на много лет определило лицо предприятия. На ВДНХ в 1976 году набор «Декоративный» (автор Л. Маркуль) был удостоен серебряной медали.

В народных художественных промыслах, являющихся одновременно и отраслью промышленности и областью народного творчества, индивидуальный труд мастера играет значительную роль. В конце 1990-х годов на Кисловодской фабрике начали работать несколько участков, объединившие мастеров живописи и лепки с правом авторской подписи на изделии. Новым этапом развития предприятия стало начало 2000-х годов, когда были внедрены сотни новых, сложных изделий, освоены десятки разновидностей декора.

В 2002 году прошла персональная выставка «Кисловодского фарфора – ФЕНИКС» в знаменитом музее фарфора и керамики в Кусково. Коллекция изделий фабрики имеется в Музее народного искусства (г. Москва). Изделия фабрики легко атрибутировать, так как на них, как правило, стоит клеймо:

- КХПК в круге и без (Кисловодский ХудожПромКомбинат) 1952–1967 гг.;
- КФС (Кисловодская фабрика сувениров) 1967–1970 гг.;
- КС (Кисловодская фабрика сувениров) в круге, в художественном оформлении – КС не в «круге», а внутри буквы «Ф» 1970–1985 гг.;
- птица «Феникс» без текста (ПО «Сувенир») 1985–1988 гг.;
- птица «Феникс» с надписью FENIX (ЗАО «Кисловодский фарфор – ФЕНИКС» с конца 1990-х гг.

Кисловодская фабрика выпускала сувениры из зуба кашалота и рога; броши, кулоны и бусы в технике объемной резьбы. Национальные мотивы, характерные для орнамента народов Северного Кавказа, использовались в оформлении изделий из кости. Традиционными изделиями были броши и кулоны в виде роз. С 1950-х годов мастера фабрики освоили анималистическую скульптуру и стали создавать изделия из сочетания кости и дерева [1].

В 1957 году в артели «Художпром» музеем были приобретены косторезные изделия для экспонирования в отделе советского периода. Это мелкая пластика, изготовленная из кости мамонта: «На старт», «Пловчиха», «Физзарядка», «Мичуринец», «Салават Юлаев», «Зубр», «Дикий кабан»; барельеф «За родную Украину». Из моржовой кости изготовлены: портсигар, броши «Роза», «Тур», «Цевка», 6 брошей с анималистическим рисунком, 2 броши «Кубачинский орнамент». Предметы, инкрустированные костью: шкатулка, туалетная коробочка с костной вставкой «Конек-Горбунок».

В 1963 году художником Кисловодского комбината А. Д. Митиным были созданы: скульптурная группа из мамонтовой кости «Тачанка», статуэтки из оргстекла «Лань» и «Тур». Его произведения экспонировались на Международных выставках в Брюсселе, Лейпциге, Измире, Загребе и Нью-Йорке. Произведения, которые хранятся в нашем музее (авторское повторение), экспонировались на Брюссельской Международной выставке и получили высшую оценку. В 1964 году А. Д. Митиным были подарены музею изделия из рога «Кумушки» и «Горянки», инкрустированные алюминием [2].

В 1967 году на комбинате к 50-летию Октябрьской революции были выпущены: коллекция мелкой пластики из 5 статуэток с изображением сценок из жизни братских народов, символизирующих дружбу союзных республик СССР (художник-керамист А. Д. Сащиков); коллекция изделий из оргстекла и рога – анималистические скульптурки и сосуды для вина. Предметы экспонировались в музее на выставке «Культура и быт трудящихся СССР».

Художественным руководителем Кисловодского комбината С. А. Невским музею была передана коллекция изделий из белого фарфора с подглазурной росписью: это сосуд «Кавказ» в виде кумгана и сосуд «Кавказский» в виде кувшина, украшенные полоской орнамента синего цвета; сосуд для вина в виде уплощенного бочонка на двух опорах и два стакана-бочонка, с рельефным рисунком серого цвета, дополненным позолотой,

имитирующей металлические обручи на деревянных бочках; коллекция курортных кружков для минеральной воды из белого фарфора с изображением Эльбруса и орла – символа Кавказских Минеральных Вод [3].

В ноябре 1984 года в честь 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов в Кисловодске было выпущено юбилейное настенное именная панно из латуни, в форме многоугольника: в верхней части – орден Отечественной войны, даты «1941–1945», справа и слева – композиция из лавровых и дубовых ветвей и военной атрибутики. В центре надпись: «Участнику Великой Отечественной войны тов. Королевой Людмиле Ивановне в день сорокалетия Победы 9 мая 1985 года» [4].

Нина Ивановна Королева – наша землячка, ветеран Отечественной войны, инструктор лечебной физкультуры эвакогоспиталя 4820, кавалер ордена «Знак Почета». Н. И. Королевой на встрече женщин в Октябрьском РК КПСС (21 декабря 1984 г.) панно не было вручено из-за допущенной ошибки (вместо «Нине» значилось «Людмиле»), поэтому райком КПСС счел возможным передать его в музей как образец изделий Кисловодского предприятия.

В наши дни ЗАО «Кисловодский фарфор – ФЕНИКС» производит более 500 видов продукции, реализуемой в сотнях городов России и за ее пределами. Изделия кисловодского фарфора декорируются лепниной, люстрированием, орнаментальными и пейзажными подглазурными росписями.

К 70-летию Октябрьской революции по заказу музея в 1987 году на сувенирной фабрике г. Кисловодска были изготовлены юбилейные вазы из фарфора с ручной росписью с изображением крейсера «Аврора». Данные образцы были выпущены на фабрике в количестве около 12 штук по индивидуальным заказам (авторы росписи Н. В. Бирюков, Т. В. Пахалуева, А. В. Митина, Ф. И. Сребный). Данные вазы экспонировались на выставке «Реликвии Октября». Они интересны, с одной стороны, как образцы юбилейной продукции, с другой, как уникальные образцы художественных промыслов Ставропольского края [5].

К 120-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина в 1990 году были изготовлены сувенирные вазы из фарфора для награждения трудовых коллективов и трудящихся – победителей в социалистическом соревновании. Вазы имели разные формы: амфоры, цилиндра, расширяющегося кверху и книзу. Их поверхность покрыта ручной росписью, изображающей ленту, серп и молот с лавровой ветвью и текст золотой краской: «120 лет со дня рождения В. И. Ленина». Одна из ваз декорирована фоновым люстровым покрытием [6].

В 2004 году к 90-летию со дня рождения Ю. В. Андропова, генерального секретаря ЦК КПСС (1982–1984 гг.) была выпущена ваза из фарфора с погрудным портретом именинника и надписью: «В нем было человеческое величие!» (авторы: А. Н. Ящук, Н. Б. Ледовских) [7]

К 10-летию юбилею Государственной думы Ставропольского края в 2004 году была выполнена по специальному заказу сувенирная напольная ваза с двумя фигурными ручками, лепными розами и групповым портретом председателей Госдумы Ставропольского края: В. Г. Зеренкова, Ю. А. Гонтаря, А. А. Шиянова и надписью: «Ставропольской краевой думе 10 лет» [8].

В фондах музея хранятся разнообразные по форме и декору юбилейные вазы из фарфора: ваза в форме тюльпана с изображением ордена Отечественной войны на фоне красного креста и золотых колосьев с надписью: «Всесоюзная встреча медиков-участников Великой Отечественной войны. Кисловодск 1980» (принадлежала доктору медицинских наук, профессору СГМА Т. В. Захарченко); ваза в форме тюльпана на широком цилиндрическом дне, покрыта белой эмалью, декорирована по бокам медальонами с надписью: «Чемпионат России 1998. Невинномысск»; ваза белого цвета в форме вытянутого эллипса, украшена золотистыми цветами в технике объемной росписи, внутренняя поверхность волнистого края венчика декорирована люстром, на дне надпись: «Юбилейная» (автор: Л. М. Маркуль, Г. Г. Гладченко); ваза в форме греческой амфоры на ножке бело-синего цвета, декорирована лепниной в виде цветов, с двумя ручками по бокам горловины с надписью: «От железнодорожников СКЖД»; еще одна ваза декорирована росписью в жанре классического пейзажа. На лицевой стороне изображение государственного флага РФ и знака «За отличие». На обороте надпись: «МВД РФ 50 лет Вневедомственной охраны России 1952–2002»; ваза «Вернисаж» со схематичным изображением части карты мира «Великий шелковый путь. Гранпри»; ваза яйцевидной формы с узким горлом и ваза грушевидной формы с расширяющейся кверху горловиной украшены виртуозно исполненным растительным орнаментом [9].

В 2006 году с логотипом празднования Дня Ставропольского края – 2006 год были выпущены фарфоровые вазы с лепным декором в виде букета цветов [10].

В фондах музея хранятся предметы из фарфора, популярные среди курортников и туристов: это сувенирные статуэтки «Слоник», «Заяц», «Козел», «Дракон», «Тигр»; сосуды в виде плоской фляжки, украшенные стилизованным изображением горца; сосуды в виде фляги для водки, с изображением горы Машук и эмблемой Пятигорского ликероводочного завода; флаконы для духов в виде античной амфоры, украшенные лепными розами; кружки для минеральной воды с изображением кисловодских пейзажей [11].

В документальном фонде музея «Промышленность Ставропольского края» хранятся материалы о ЗАО «Кисловодский фарфор – ФЕНИКС»: это рекламная продукция, календари; вырезки из ставропольских газет [12].

Использованная литература и источники

1. Художественные промыслы РСФСР: справочник / Сост. Смолицкий В.Г., Скавронская З.С. М., 1973. С. 234–235; Энциклопедический словарь Ставропольского края. Ставрополь, 2006. С. 166. Промышленность Ставропольского края в архивных документах (1945-1991 гг.). Ставрополь, 2007. С. 242–243, 254–255, 298–302, 314–318; «Кисловодский фарфор – Феникс» / <http://www.fenix-kislovodsk.ru>.
2. СГМЗ. Оф. 13220–13228, 13236, 13237, 13217, 13238–13240, 13218, 13219, 14481–14483, 14400.
3. Там же. Оф. 38066–38070, 33616/1–11, 37882, 37883, 37890, 37891/1–2, 37886–37889.
4. Там же. Оф. 23484.
5. Там же. Оф. 25927, 25928.
6. там же. Оф. 27188–27190.

7. Там же. Оф. 33919.
8. Там же. Оф. 35611.
9. Там же. Оф. 26571, 37026, 37028, 37027, 32572, 35423, 30445, 37031.
10. Там же. Оф. 35245, 35246.
11. Там же. Оф. 37877–37881, 35579, 37086/2,3,5,8; 37876/1–2; 37885, 39173–39174, 36731.
12. Там же. Ф. 600. Оф. 31123/1–2; 31122/1–2; 30896/1–4; 31119, 31120/1–2, ед. хр. 142–144.
13. 31121/1-2; Оф. 32190, ед.хр. 145, 146.

Лапшова Н. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела фондов

ОБЩЕСТВО АВТОДОР НА СТАВРОПОЛЬЕ

В документальном фонде № 597 «Коллекция документов по истории автотранспорта и дорожного строительства на Ставрополье» Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе хранятся уникальные фотографии. На 1-й фотографии 1929 года мы видим участников съезда общества Автодор в Пятигорске. Вокруг машины (к сожалению, невозможно определить марку) стоят и сидят руководители Автодора [1]. На 2-й фотографии – «Коллектив № 8 Автодора» [2], в центре стоят руководители, а по бокам — члены Общества с велосипедами. За ними на стене здания виден плакат с лозунгом «Все в Автодор». На одежде у многих автодоровцев закреплен значок «АВТОДОР».

Что же это за общество Автодор? Автодор – это добровольное общество содействия развитию автомобильного транспорта и дорожного дела в СССР. Общество возникло в сентябре 1927 года в РСФСР и других союзных республиках. 26 октября 1927 года на его заседании были созданы первые секции: организационно-финансовая, агитационно-издательская, профобразования, автомобильная, мотоциклетно-мотороводная, дорожная. В 1928 году в Автодоре было организовано пожарное бюро (позднее секция), задача которого заключалась в переводе тушения пожаров с конной тяги на автомобиль.

Какие задачи стояли перед Автодором? После революции многие в один голос говорили, что «автомобиль есть «буржуазный», а не «рабоче-крестьянский экипаж». Пусть-де на Западе ездят на машинах буржуи, а рабочему и крестьянину автомобиль не по карману. Автодор был призван развеять эти предрассудки и убедить население страны, что без развития автомобильного транспорта невозможно развитие страны.

К концу 1920-х годов перед СССР встала проблема создания своей автомобильной промышленности. Тех автомобилей, что собирали в полукустарных условиях, народному хозяйству было явно недостаточно. Требовались заводы, способные производить десятки тысяч современных легковых и грузовых машин в год. Для решения исследовательских задач в автомобилестроении был создан Научный автотракторный институт, преобразованный в 1932 году в Научный автотракторный институт. В Москве стал работать Научно-исследовательский институт городского движения. Исследовательские и проектные работы вели другие институты, конструкторские бюро. В научно-исследовательской работе принимали участие и члены общества Автодор. Постепенно под эгидой Автодора сформировались собственные конструкторские коллективы, финансируемые как из средств

общества, так и за счет договоров или госбюджета. Чтобы выбрать подходящую конструкцию машин для производства Автодор вместе с представителями заводов организовывал испытательные авто-, мото-, вело-, водо-моторные и аэросанные пробеги.

4 июня 1934 года стартовал автопробег Москва – Тифлис – Москва. В газете «Власть Советов» за 24 июля 1934 года появилась заметка: «Более 40 большегрузных советских и зарубежных машин пройдут через село Московское – Пелагиада – Ставрополь – Татарка – Извещательный на Невинномысск с остановкой в Ставрополе. Дизель-моторы, установленные на шасси грузовиков ГАЗ-АА (Горьковский автозавод), АМО-3 (Московский завод), ЯГ-5 и ЯГ-10 (Ярославский завод) как новинки на нефтяном топливе пройдут испытания на прочность... Члены Автодора должны провести разъяснительные беседы среди населения, где расскажут о советских и иностранных машинах».

Ячейки общества организовывались практически на всех предприятиях, как профсоюзы. В ставропольской газете «Власть Советов» за 13 марта 1932 года была напечатана заметка: «Рабочие и служащие завода «Красный металлист» решили вступить в члены Автодора и организовать на заводе технические кружки по изучению автотракторных машин».

В фондах Ставропольского музея-заповедника хранятся фотографии Всесоюзного испытательного автопробега 1925 года [3]. 18 августа с Дворцовой площади Ленинграда стартовали 22 легковых автомобиля. Они проследовали по пути: Москва – Тула – Харьков – Ростов-на-Дону – Пятигорск – Владикавказ – Тифлис – Москва. При взгляде на фотографии этого автопробега сразу вспомнилась строчка из книги Ильфа и Петрова «Золотой теленок»: «Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству!». На одной из фотографий мы видим: под Пятигорском собралось множество мужчин и мальчишек. Они смотрят на парад чудо-машин. Это американские Форды, Паккарды, Мерседесы, Венцы, чешская «Татра-12». Водители в кожаных шлемах и очках гордо взирают на публику.

В начале 1930-х годов Автодор оказал огромную помощь создаваемым колхозам, совхозам, МТС, организуя авторемонтные бригады, передвижные автоколонны, готовя в многочисленных школах общества специалистов автомобильного, тракторного и дорожного дела.

30 декабря 1929 года было принято Постановление СНК СССР о тракторных обязательствах. Тракторные обязательства – это ценные бумаги типа облигаций. Выпускались они Всесоюзным автомобильно-тракторным объединением. Газета «Власть Советов» за 6 марта 1930 года писала: «Автодор взял на себя обязанность – содействовать тракторостроению и внедрению трактора в деревню и в колхоз. Пропаганда трактора в работе Автодора должна занять такое же место, как и пропаганда хорошей дороги и автомобиля». «Постановление Правительства о тракторных обязательствах предполагает, что предварительный сбор тракторных обязательств для закупки тракторов обеспечит своевременное снабжение ими колхозов. Популяризация тракторных обязательств, значение предварительного сбора задатков – должна стать

главной задачей каждого автодоровца. ...Автодор ставит еще одну задачу – сбор утильсырья. Утильсырье в общей массе является экспортным материалом, которое за границей может найти применение, за него можно получить лишнее количество тракторов. Автодор призывает развернуть работу по сбору утильсырья» [4].

В начале 1930 года в стране началось массовое производство автомашин, и члены общества Автодор призывали приобретать машины в рассрочку, в кредит, и не поодиночке, а небольшими коллективами: кооперативами, жилищными товариществами или группами рабочих. Автомобилизация страны повлекла увеличение числа мелких автохозяйств. Эти хозяйства, как правило, находились в худших условиях, чем крупные. Мелкие автомобильные хозяйства не обладали доступным техническим обслуживанием, бесперебойным снабжением запчастями, горючим, резиной, у них не было складских помещений и оборудованных гаражей. Перед Автодором встала задача – помочь этим мелким автомобильным хозяйствам. Автодоровцы создавали передвижные автомастерские, следили за распределением горючего, запчастей среди мелких автохозяйств. В те годы (как и сейчас) многие служащие и «спецы» пользовались служебным автотранспортом, и значительные расходы шли на содержание шоферов и обслуживающего персонала. Автодор предлагал специалистам покупать машины самим (можно в складчину) и ездить тоже самим, что создало бы большую экономию. В 1932 г. были образованы заочные учебные курсы для подготовки любителей-автомобилистов. 24 мая 1933 г. в газете «Власть Советов» было объявлено: «При Крайавтодоре открываются курсы по подготовке шоферов» [5].

Многие в Советском Союзе в то время уверяли, что прежде чем покупать и производить машины, нужно построить хорошие дороги. Опыт же зарубежных стран показывал, что, наоборот, появление массы машин дало толчок к постройке новых современных дорог, причем дороги строились на местные средства при поддержке государства. Автодор был призван участвовать в дорожном строительстве и в подготовке специалистов.

Ставропольская газета «Власть Советов» за 1 марта 1930 года писала: «В ближайшее время единственный путь к ликвидации бездорожья – широкое участие населения в дорожном строительстве. Призываем вступать в Автодор и тем самым помогать строительству дорог. Организовав в селе общество Автодор, надо ставить задачу собирания средств. Источники могут быть следующие: отчисления от самообложения, специальные посеы на хорошую дорогу «гектар Автодора», специальный сбор средств, участие населения трудом. Ячейка Автодора на селе может сделать многое: наметить, где нужно строить, как собрать средства, как организовать население для трудового участия в строительстве дорог». В той же газете за 24 мая 1932 года была помещена заметка о работе Ставропольского Автодора в деле дорожного строительства и фотография, на которой мостят улицу Пролетарскую (пр-т Октябрьской революции) [6].

В те времена бытовало заблуждение: «Пусть бывшая Россия остается «непроезжей», в случае войны бездорожье помешает противнику. А у нас есть

много аэропланов, и мы сможем дать отпор врагу в воздухе». По сути дела, это была вариация формулы «шапками закидаем». Армии срочно нужен был автотранспорт. В 1929 году была организована военная секция Автодора, был выдвинут лозунг «Красная Армия – друг Автодора!» В 1931–1932 годах Автодор развернул кампанию под девизом: «Усилим охрану наших границ». В газете «Власть Советов» за 3 и за 8 августа 1931 года были размещены заметки, в которых говорилось: «Ставропольское общество Автодор приступило к сбору средств для усиления моторизации пограничных войск. Мы должны усилить боеспособность нашей страны, дав в руки пограничнику глиссер, аэросани, мотолодку, мотоцикл и т. п.».

Согласно докладу помощника начальника Главного управления пограничных войск 2 августа 1931 года, Автодор передал чекистам 124 легковых автомобиля, 118 грузовых автомобилей, 128 мотоциклов, 20 аэросаней, 42 глиссера (из них 8 морских), 119 мотолодок, а также танкетки и бронеавтомобили. В 1932 г. было передано еще 30 автомобилей, 15 танкеток, 15 глиссеров.

Печатным органом Автодора был журнал «За рулем». Его стали выпускать с апреля 1928 года. 5 декабря 1932 года в газете «Власть Советов» было напечатано объявление о подписке на журнал «За рулем»: «СССР становится страной тракторов, автомобилей, проезжих дорог. Пропаганда технических знаний. Стройка автогигантов. Борьба с вековым бездорожьем. Моторизация мировой и советской техники. Работа Автодора. Все это находит широкое освещение в иллюстрированном журнале «За рулем» [7].

Основным источником финансирования Автодора были лотереи. Первая автомобильная лотерея была организована в 1928 году. Появление стабильного источника дохода позволило организовать агитационно-пропагандистскую работу, наладить координацию научно-технического творчества, редакционно-издательскую деятельность и осуществлять сбор средств на реализацию государственных оборонных программ. В частности, Автодором были профинансированы работы НАТИ по созданию полугусеничных автомобилей, собраны средства на поставку армии трехосных автомобилей, организованы специальные курсы по подготовке специалистов. Общество просуществовало всего 8 лет (1927–1935 годы), но оно многое успело сделать: «распространяло среди населения знания по автотранспортному и безрельсовому транспорту, транспортному и дорожному делу; ...широко и активно содействовало росту молодых кадров из рабочих, колхозников и батрацко-бедняцких слоев населения».

23 октября 1935 года Автодор прекратил свое существование, его функции и имущество были распределены между Всесоюзным Советом Физической Культуры и Осоавиахимом.

Глядя, какими темпами сегодня развивается автотранспорт, как быстро и качественно строятся дороги и мосты, не устаешь удивляться, как правы были создатели Автодора. Похоже, лозунг «Автомобиль – для всех!» [8] мы претворили в жизнь только сейчас, опоздав всего лишь на... 88 лет.

1. СГМЗ. Оф. 39669/8.
2. Там же. Оф. 39669/7.
3. Власть Советов. 1934, от 24 июля; 1932, от 13 марта; СГМЗ. Оф. 39669/1, 2, 4.
4. Известия ВЦИК. 1930, от 1 января; Власть Советов. 1930, от 6 марта.
5. Власть Советов. 1933, от 24 мая.
6. Там же. 1930, от 1 марта; 1932, от 24 мая.
7. Там же. 1931, от 3 и 8 августа; 1932, от 5 декабря.
8. За рулем. 1928, № 2, 5. Власть Советов. 1930–1934.

Лысанская О. Л.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
научный сотрудник отдела фондов

МАЛЕНЬКИЕ ГЕРОИ БОЛЬШИХ КОЛХОЗОВ

В фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе хранится коллекция документов, рассказывающих о коллективизации, образовании колхозов и совхозов на территории Ставропольского края. Фотографии посевных работ и уборки урожая, работы птичников, кошар, ферм; биографии передовых колхозников и работников совхозов, первых коммунаров рассказывают о том, что дети в возрасте 9–14 лет с середины 1920-х до конца 1940-х годов были активными участниками сельскохозяйственного производства. Они – настоящие юные герои, выполнявшие свои трудовые обязанности наравне со взрослыми, не уступая им в выносливости и в качестве выполнения работ.

Архивных свидетельств на эту тему немного, хранятся они в разных документальных фондах музея-заповедника и, к сожалению, не позволяют подробно изучить биографии маленьких селян, сопоставив фотографии с документальными источниками. Вместе с тем они иллюстрируют многие страницы трудовых будней сельской детворы.

Как и сегодня, жизнь любого героя начинается с родильной палаты. В коллекции фотодокументов есть снимок палаты рожениц больницы-амбулатории колхоза «Россия» Новоалександровского района Ставропольского края [1]. Женских консультаций и специализированных родильных отделений в сельских районах не было. Женщин принимал фельдшер в общем приемном покое. Если рожениц было несколько, то их клали вместе в одну палату, если она была одна, ее определяли в общую женскую палату. Зачастую женщины попадали в больницу прямо с работы: с поля или фермы. После родов мать и ребенок находились в больнице 3–5 дней.

Выписываясь из больницы, женщина выходила на работу, а ребенка передавали в ясли. В фондах музея-заповедника имеются фотографии полевых выездных ясель [2]: это 2 деревянных вагончика, внутри них располагаются люльки с младенцами, за которыми присматривает женщина-нянька. Матери несколько раз в день в определенное время приходили сюда кормить своих детей.

В большинстве хозяйств Ставропольского края специально оборудованных детских учреждений не было, и женщины брали детей с собой на работу. Судя по фотографиям, так было в колхозах «Пролетарская воля» Предгорного района, «Коммунистический маяк» Кировского района Ставропольского края и других [3]. Под присмотром одной из матерей детей оставляли в комнате отдыха или же на полевом стане, где можно было покормить и перепеленать ребенка. Семьи были многодетными, и такие

полевые детские сады не пустовали.

В селе на каждом подворье было хотя бы небольшое хозяйство: у всех – птица, а большинство семей имели корову, свиней, лошадь и т. д. Детям с 5–6-летнего возраста поручали пасти гусей и уток, выгонять на пастбище коров, пополнять запасы сена и дров. В период посевных работ и уборки урожая дети помогали своим родителям на колхозных полях.

С 7–9 лет дети посещали школу. Вид зданий сельских школ колхоза имени Шаумяна Георгиевского района, колхоза «Путь коммунизма» Степновского района Ставропольского края и других запечатлен на фотографиях конца 1940-х годов. [4]. Школьное образование было 7-летним, но обязательными для посещения были только 3–4 класса начальной школы. В 1-м классе учились дети от 7 до 14 лет, некоторые из них уже имели стаж работы в колхозе. Уроки проходили утром или вечером, чтобы маленькие колхозники могли не отрываться от работы. А учебный год начинался не с 1 сентября, а позже, когда заканчивались полевые работы. Подтверждение этому мы находим в автобиографии одного из первых коммунаров – Суменко Никиты Леонтьевича (1910 г. рожд.), который в 1922 году начал работать в коммуне «Заря свободы № 1». Он писал, что «подростки вместе с взрослыми участвовали в работе на лошадях и волах, пахали и сеяли, летом убирали урожай, начиная с сенокоса и кончая обмолотом хлеба и уборкой кукурузы. Работу начинали в 4–5 часов утра, а заканчивали с темнотой. В школу шли в октябре, потому что сеяли озимые» [5].

Посещение школ детьми осложнялось рядом причин. Школы не отапливались. Многие семьи, особенно многодетные, были очень бедными. Одежда передавалась от старших детей к младшим, в лучшем случае перешивалась, но часто дети ходили в одних и тех же пальто и обуви по очереди. Обновки были так редки, что их покупка была событием, которое запоминалось на всю жизнь. Одной из причин пропусков занятий в школе было домашнее хозяйство, за которое отвечали дети, пока родители работали в колхозе: в их обязанности входил присмотр за младшими братьями и сестрами, доение коровы. Как указывают источники, все без исключения дети страдали от педикулеза.

После окончания 3–4-х классов, в возрасте 11–16 лет, дети уходили из школы работать в колхоз уже как полноправные взрослые работники (см. фото 1, 2) [6]. Девочки на фермах ухаживали за молодняком – телятами, ягнятами, поросятами, работали доярками. Мальчики работали пастухами, помощниками трактористов. Подтверждение этому мы находим в автобиографиях женщин – первых на Ставрополье трактористок [7].

Например, Климова Ксения Васильевна (1924 года рождения) окончила 2 класса, с 9 лет работала в колхозе; Сулова Наталья Кирилловна (1923 года рождения) в возрасте 10 лет уже работала в тракторной бригаде прицепщиком, а в 16 лет получила удостоверение трактористки; Репина Наталья Минаевна (1912 года рождения) с 12 лет работала звеньевой в колхозе «Первое Мая» в с. Дубовка, «с раннего утра до позднего вечера и часто приходилось оставаться в ночь»; Совинова Прасковья Тимофеевна (1918 года рождения) в 12 лет пошла

работать дояркой в колхоз «Свободный труд» в с. Калиновка, окончив лишь 4 класса школы.

Таких жизненных примеров, отраженных в документах, достаточно много. В фонде История совхоза «Темижбекский» Новоалександровского района Ставропольского края хранятся 2 очень яркие фотографии маленьких тружеников-героев. На одной из них 2 девочки лет 12–13. Они стоят на птичьем дворе с утками на руках (см. фото 3). На оборотной стороне нет информации об их именах и фамилиях, но указано, что это лучшие птичницы, которые за год вырастили 10000 уток. На 2-м снимке – лучший чабан. Это мальчик лет 13, одетый в ватник и сапоги, рядом его «подопечная» – ухоженная овца [8].

Большая часть подобных фотографий не имеет даже такой скудной информации. Но сюжеты, запечатленные на них, сами по себе документируют тот факт, что сельские дети работали рядом со взрослыми без скидок на возраст.

Проработав год-два в колхозе или совхозе, некоторые из них возвращались обратно в школу, чтобы закончить 7 классов. Лучшие из выпускников семилетки направлялись на курсы агрономов, ветеринаров, механизаторов, учетчиков, чтобы вернуться в колхоз уже квалифицированными специалистами.

Использованная литература и источники

1. СГМЗ. Ф. 582, ед. хр. 13, нвф. 3765/1.
2. Там же. Ф. 571, ед. хр. 11.
3. Там же. Ф.547, ед. хр. 18, оф. 24651; Ф. 579, ед.хр. 28; Ф. 589, ед. хр. 5; Ф. 578, ед.хр. 39, нвф. 5328.
4. Там же. Ф. 591. Ф. 584, нвф. 7565/5; Ф. 580, нвф. 7822.
5. Там же. Ф. 578, ед. хр. 3.
6. Там же. Ф. 578, ед. хр. 6, оф. 25069, ед.хр. 17, оф. 15102, ед.хр. 36, оф. 5283, оф. 22917a/2, ед.хр. 37, оф. 22917a/8, ед.хр. 40, оф. 5261; Ф. 591, ед. хр. 8.
7. Там же. Ф. 578, ед.хр. 21.
8. Там же. Ф. 591; ед.хр. 6.

Фотоприложение

Фото 1.

Фото 2.

Фото 3.

Нафгалиева О. М.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела фондов

«КОЛОКОЛЬЧИК ЗВОНКИЙ...»

(коллекция поддужных колокольчиков в собрании Ставропольского государственного музея-заповедника)

Более ста лет насчитывает история поддужного колокольчика – простого сигнального устройства, используемого при гужевой езде. В XIX – начале XX веков экипажи, перевозящие пассажиров и почту, были на конной тяге и колокольчик под дугой коренника был необходимым атрибутом – символом преодоления расстояний.

В Ставропольском государственном музее-заповеднике колокола, колокольчики и бубенцы в зависимости от материала и времени изготовления можно встретить в составе разных коллекций. Поддужные колокольчики (8 предметов) входят в состав коллекции раздела этнографии и относятся к «Музыкальным инструментам». Коллекция колокольчиков сформировалась в музее в 1970–80 годы в ходе этнографических экспедиций по Ставропольскому краю [1]. Например, один колокольчик был найден жителем Прикумска в развалинах старого дома и передан в музей [2]. Ряд колокольчиков были обнаружены в ходе очередной сверки фондов и поставлены на учет [3].

До появления колокольчика об отъезде и приезде почтовой повозки должен был сигнализировать почтовый рожок. Ямщики же заменяли его обыкновенным свистом. В свое оправдание они говорили, что свист дальше слышно. Колокольчик же быстро полюбился ямщикам и с успехом исполнял роль почтового рожка.

В народе поддужный колокольчик ассоциировался с танцующей барышней в праздничном наряде. Исходя из этого, народ именовал колокольчик и его части обиходными словами, взятыми из бытовой речи («плечи», «тулово», «ухо», «язык», «юбка», «пояс»).

Поддужные колокольчики отливались литейщиками. Итог отливки – бронзовая рубашка с ушком и впаянной петлей. Петли и языки изготавливали не сами мастера, а профессиональные кузнецы. Если петли устанавливал литейщик, имея договор с определенным кузнецом своей местности, то язык покупатель самостоятельно заказывал у кузнеца. Вместе с тем, некоторые литейщики (пурехские) практиковали и заказ языков у местных кузнецов, которыми затем комплектовали свои изделия [4].

Начиная с 1834 года, когда почтовая дорога из Петербурга в Москву уже была сдана в эксплуатацию, специальным распоряжением властей была запрещена езда каких бы то ни было экипажей с колокольчиком, кроме почтовых троек (постановление сената от 18 декабря 1836 г.). В 1860 году данный запрет снова был продублирован властями. Такое распоряжение было необходимо в целях упорядочения работы персонала почтовых станций (ям),

обеспечивающих быструю смену лошадей экипажам, перевозящим почту. Другие экипажи, двигающиеся с колокольчиками, мешали этому, дезориентируя служащих. Однако это распоряжение касалось только езды экипажей по почтовым трактам и улицам городов. На других дорогах эти ограничения не вводились, и потому поддужный колокольчик весело звенел по проселкам. Тройки с колокольчиками часто сопутствовали свадьбе, проходам рекрутов и другим событиям крестьянской жизни. Именно народная любовь к звучной ямской езде и массовые заказы почтовой службы обеспечили расширение литейного промысла поддужных колокольчиков.

Почтовые тракты как линии дальнего конного почтового сообщения стали возникать с конца XVII – начала XVIII веков. Главнейшими трактами были следующие:

1. Москва – Клин – Тверь – Торжок – Вышний Волочек – Зимогорье (около Валдая) – Новгород – Чудово – Тосно – Петербург.

2. Москва – Владимир – Нижний Новгород – Казань – Елабуга – Ижевск – Пермь – Кунгур – Суксун – Екатеринбург – Тюмень – Тобольск и далее на восток.

3. Москва – Серпухов – Тула – Плавск – Мценск – Орел – Курск – Белгород.

4. Москва – посад Троицкого монастыря (Загорск) – Переславль Залесский – Ростов Великий – Ярославль – Данилов – Вологда – Вельск – Шенкурск – Холмогоры – Архангельск.

Так как поддужный колокольчик являлся прежде всего почтовым атрибутом, становится понятно, почему основными местами их массового производства стали: 1) Валдай, 2) с. Пурех, 3) г. Слободской, 4) г. Павлово, с. Сосновское и деревня Виткулово Горбатовского уезда, 5) г. Рязань, г. Касимов и деревня Поповская, 6) г. Тула, 7) г. Елабуга, 8) г. Тюмень, 9) г. Кунгур (Пермская область), 10) г. Петербург, 11) с. Жерновогорское Яранского уезда, 12) г. Вологда, 13) г. Баранча [5].

Почтовые тракты Ставропольской губернии, судя по карте за 1854 год (в «Почтовом дорожнике Ставропольской губернии» за 1868 г. указывалось, что в губернии в это время работало 10 почтовых направлений) не пересекались с основными центрами поддужного производства [6]. Возможно, это объясняет немногочисленность коллекции поддужных колокольчиков музея-заповедника.

Тракт Москва – Петербург проходил через Валдай, которому принадлежит выдающаяся роль в развитии промысла не только поддужных колокольчиков, но и отливки церковных колоколов. Популярность изделий колоколотейных заводов и мастерских Валдая была столь велика, что валдайские колокольчики вообще отождествлялись с поддужными.

Предположительно, колоколотейный промысел на Валдае родился примерно в 70-е гг. XVIII века. В коллекции музея хранится колокольчик валдайского производства. По величине его можно отнести к среднему. На юбке колокольчика надпись: «1816 СЕЙ·КО·ЛИТЬ·ВАЛДАЕ·КОГО·ЛЮБЛЮ·ТОГО·ДАРЮ». Автор колокольчика неизвестен [7].

В это время работали заводы Смирновых и Митрофанова. Оба

производства начали отливать поддужные колокольчики с 1816 года. Форма колокольчика валдайская классическая с одним поясом и обрезом. На тулове изображен одноглавый орел. Петля треугольной формы с приливом, язык отсутствует. В верхней части тулова пробойна. У оснований уха по три резки на каждой из сторон. Данный колокольчик, если верить датировке на нем, был изготовлен во времена расцвета колоколотейного промысла на Валдае. Это было связано с тем, что в 1817–1834 годах дорога из Петербурга в Москву впервые в стране была снабжена твердым покрытием, причем дорожное покрытие было сделано из щебня, плотно укатанного с помощью прицепных каменных катков.

Предположительно валдайского производства малый колокольчик, на юбке которого имеется надпись: «КОГО ЛЮБЛЮ ТОГО ДАРЮ 1856ГО» [8].

В этот период действуют колоколотейные заводы Макара Стуколкина, Алексея Чистюнина, Василия Усачева. Дата на колокольчике указывает на период, когда начинается упадок колокольного промысла на Валдае. Форма колокольчика «валдайская классическая» с одним поясом. Петля трапециевидной формы с приливом, язык отсутствует. К концу XIX века производство колокольчиков на Валдае практически прекращается.

Одним из главных центров колокольного промысла в середине XIX века стал г. Касимов. В коллекции музея хранится средней величины колокольчик касимовского производства. На его юбке имеется надпись с ошибками, смазанная в некоторых местах: «В∞М∞ЕВСЕИИЛ∞БАРАНОВЪ∞1840». Мастер Евсей Баранов был одним из наиболее видных литейщиков Касимовского района. Два пересекающихся кольца, разделяющих буквы и слова, обозначают свадебные кольца, что позволяет предположить, что данный колокольчик был изготовлен для свадьбы. Форма колокольчика валдайская классическая с одним поясом. Петля и ухо были заменены на новые в период бытования колокольчика в качестве сигнального устройства для крупного рогатого скота, язык отсутствует [9].

Касимовские колокольчики чаще других встречаются с поврежденными ушами либо вовсе без них. Причина этого в некоторой технологической ошибке. Так, постанка мощной петли из железа изнутри колокольчика на том же самом месте, где снаружи стоит ухо, часто мешает качественному их литью. Разная плотность металлов (железо-бронза) на месте лапок петли создавала сложности в обеспечении плотности у основания уха. Мелкая постанка при формовке петли угрожала ее вывалом при эксплуатации, а глубокая – сколом уха. Это происходило еще и от неоднородности металлов на стыке ухо-петля при литье изделия, как раз на месте, где только и может располагаться ухо [10].

Предположительно касимовский средне-большой колокольчик, на юбке которого надпись, частично стертая из-за попыток реставрации: «ЗВЕНЮ ПОТЕШАЮ ЕДУ ПОСПЕШАЮ». Надпись разделена цветком с 8-ю лепестками. Тулово украшено декоративными проточками и пятью изображениями двуглавого орла в шестиграннике. Форма колокольчика валдайская. Петля круглоовальная с приливом. Язык пальцевый, кованный, изготовленный из железа [11].

Самым молодым и впоследствии самым плодовитым центром изготовления поддужных колокольчиков был Пурех. Возникновение в с. Пурех меднолитейного промысла относят к 1830–1835 годам, основателями которого стали местные крестьяне Веденеевы и Трошины. Пурех славился не только значительным объемом производства колокольчиков, но и широким распространением своих изделий по России. Первоначально промысел развивался слабо, не выдерживая конкуренции с более старыми центрами (Валдай, Касимов, Слободской). Но постепенно большой спрос на колокольчики и удобное местоположение (рядом с Нижегородской ярмаркой) дали возможность пурехскому производству прочно укрепиться.

В частности, И.Ф. Штукенберг в своем описании торговых отношений в Ставропольской губернии отмечал, что «рогатый скот... в большом числе сгоняется в обе столицы и на Нижегородскую ярмарку». Возможно, все вышеизложенные факторы и объясняют преобладание в коллекции музея-заповедника поддужных колокольчиков именно из Пуреха [12].

В разное время в Пурехе и окрестностях насчитывалось от 8 до 15 мелких заводов по литью колокольчиков, больше похожих на мастерские, а также ряд еще более мелких кустарных производств. Наиболее известными мастерами были Веденеевы, Трошины, Ключиков, Овечкины, Ерохин.

Значительный вклад в совершенствование литейного дела внесли мастера и заводчики Трошины. Заведение Трошиных начало функционировать в 1847 году. Оно было основано Яковом Трошиным. С начала 50-х годов его дело продолжили сыновья Алексей и Федот. Имея совместное предприятие, они отливали колокольчики с надписью «Братья Трошины». Предприятие работало достаточно стабильно. Встречаются колокольчики с датировкой: 1853, 1857, 1860, 1863–67, 1870–76, 1879 гг. В коллекции музея хранится малый колокольчик этих производителей. На его юбке надпись с ошибками: «ЛИТЪ. ВЪ ПУРИХЕ. БРА.ТРОШИНЫХЪ». Форма колокольчика валдайская классическая с одним поясом. Петля круглоовальная с приливом, язык отсутствует. На дне надпись: «А 4» [13].

Самостоятельно изготавливал аналогичную продукцию их младший брат Макар Яковлевич Трошин. В коллекции музея хранится средне-большой поддужный колокольчик этого мастера, на юбке которого надпись с ошибками в точечном обрамлении сверху и снизу, разделенная цветком с восемью лепестками: «ЛИТЪ ВЪ ПУРИХЕ МАСТЕРЪ МАКАР ТРОШИНЪ 1871». На тулове четыре раза повторяются попеременно изображения всадника в медальоне (Георгий Победоносец) и двух трехлистников с пальметтой в центре. Форма колокольчика валдайская классическая. Петля круглоовальная с приливом. Язык в виде стального кольца на проволочной привязке, скорее всего самодельный, изготовленный позднее (при въезде в город в целях борьбы с шумом колокольчики подвязывались, для этого языки колокольчиков и делались в виде кольца). На дне надпись: «№ 1» [14].

Известностью пользовались поддужные колокольчики пурехского мастера Алексея Александровича Ерохина, жившего в деревне Осташино. Он работал с 1873 по 1889 годы, и его продукция шла на Нижегородскую ярмарку.

В коллекции музея хранится поддужный колокольчик работы этого мастера. По величине его можно отнести к малому. На юбке имеется надпись, разделенная разломом и двумя отверстиями, местами стертая из-за попытки реставрации: «МАСТЕР АЛЕКСЕЙ ЕРОХИН 1889». Слова в надписи разделены орнаментом в виде цветков с 12 и 6 лепестками. Форма колокольчика валдайская с укороченной юбкой. Петля круглоовальная с приливом, язык утрачен. На дне имеется надпись: № 3 [15]. Разлом идет по линии плеча, переходит на тулово, меняя конфигурацию колокольчика на юбке. Дело в том, что олово и медь для отливки колокольчиков стоили дорого и потому при изготовлении продукции экономились. Чем больше олова, тем дороже изделие, так как металл ввозили в Россию из-за границы, и стоимость его была весьма высока. Правильная пропорция, в которой доля олова соблюдена, обеспечивала защиту изделия от окисления. Аккуратность пластики литья давала красоту звучания. Вместе с тем, даже незначительная передозировка олова приводила к колкости изделия. Лишь путем совершенствования практики формовки и литья мастера добивались внешней красоты изделия и его мощного звучания, радующего слух. Каждый литейщик сохранял в тайне только ему известную пропорцию металлов, технологию и приемы формовки. В данном случае мастеру не удалось соблюсти пропорции.

Самым поздним было пурехское товарищество Ивана Митрофановича Трошина и Андрея Ивановича Бадянова. Оно владело меднолитейным заводом с 1910 года и проработало до 1928 года. В коллекции музея хранится колокольчик этого производителя. По величине его можно отнести к среднему. На юбке колокольчика надпись: «ДАРЪ ВАЛДАЯ СЪ СЕРЕБРОМЪ». Под надписью по краю юбки выгравированы на разном расстоянии вертикальные резки. Форма колокольчика валдайская с двумя поясами. Так как любые надписи, декоры на юбке и тулове ухудшают звуковые характеристики, многие литейщики Пуреха переносили большинство текстов на крышу колокольчика. Данный колокольчик как раз имеет надпись на крыше: «ЗАВ.И.М.ТРОШИНА И А.И.БАДЯНОВА ПУРЕХЪ НИЖ. 3». Ухо, петля и язык были заменены в более позднее время. На дне надпись, которую из-за этой замены нельзя прочитать [16].

Колокольчики «Дар Валдая» пурехских мастеров стали итогом долгих поисков сочетания всех параметров: лучшее звучание, рациональная масса, красота формы, износостойчивость.

Установлено, что среднее суммарное количество серебра в колокольчиках с надписью «СЪ СЕРЕБРОМЪ» – 0,04%, в то время как во всех остальных ямских колокольчиках – 0,05%. Из этого можно сделать вывод, что серебро в ямских колокольчиках присутствует лишь как естественная природная примесь в металлах. Даже колокольчики с надписью «СЪ СЕРЕБРОМЪ» не содержат серебра, специально вкладываемого в сплав. Такие вложения относятся лишь к заказным (единичным) изделиям. По своей инициативе литейщик никогда в сплав не добавлял серебро. Они боролись за снижение себестоимости изготавливаемой продукции. Вместе с тем, большинство колокольчиков серебрилось, то есть покрывалось тонким слоем

серебра с целью уберечь изделие. К концу XIX века именно пурехское производство занимало передовые позиции в России, а к началу XX века стало по существу единственным на российском рынке. Правда, в этот период производство колокольчиков в России уже находилось в состоянии упадка. Железнодорожный транспорт, захватывая все новые и новые области, стал оттеснять ямщичество, а вместе с ним и поддужный колокольчик в более глухие уголки России. Правда, значительное количество колокольчиков еще покупалось в деревнях для украшения праздничной упряжи. Поддужные колокольчики стали использоваться на железнодорожных станциях, в школах. Все же спрос на этот товар резко сократился. Участь промысла была предрешена. В 1851 году была проложена Николаевская железная дорога, связавшая Петербург с Москвой. И хотя дорога прошла мимо некоторых трактовых пунктов (Новгород, Валдай, Торжок), главный почтовый тракт утратил свое значение. Окончательный удар промыслу был нанесен Первой мировой войной, сильно сократившей число молодежи в деревне и как следствие – уменьшившей количество свадеб и катаний на тройках.

Подводя итоги, следует отметить, что изготовление и использование поддужных колокольчиков представляло собой заметное явление в жизни России. Оно затронуло такие сферы как почтовая связь, гужевой транспорт, кустарная промышленность, быт, литература, искусство. Появившись во второй половине XVIII века в качестве атрибута для почтовых повозок, колокольчики в короткие сроки получили всенародное признание и стали одним из наиболее выразительных символов нашего государства в XIX веке.

Использованная литература и источники

1. СГМЗ. Оф. 20443, 20521.
2. Там же. Оф. 20606.
3. Там же. Оф. 20605, 20607, 20608.
4. Сукач С.И. Каталог статей по дужным колокольчикам. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kolokol.at.ua/publ/1>; Галунич А.К. К истории производства поддужных колокольчиков в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mybells.ru/>
5. Галунич А.К. Слышен звон бубенцов из далека... М., 1996.
6. СГМЗ. Оф. 21648, ЛМС. Оф. 2193; Галунич А.К. К истории производства поддужных колокольчиков в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mybells.ru/>
7. СГМЗ. Оф. 20606 (диаметр 115 мм, вес без языка 530 г).
8. Там же. Оф. 20605 (диаметр 94 мм, вес примерно 432 г).
9. Там же. Оф. 20443 (диаметр 107 мм, вес без языка 755 г).
10. Сукач С.И. Указ. соч.; Хрунов В.И. Колокольчики России. Каталог коллекции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://andhelga.io.ua/album282225_11#p1180828
11. СГМЗ. ЛМС. Оф. 2521 (диаметр 123 мм, вес без языка 601 г, вес языка 44 г).
12. Штукенберг И.Ф. Описание Ставропольской губернии с землею черноморских казаков // Статистические труды. СПб., 1857. С.34.
13. СГМЗ. Оф. 16812, 20607, 20608, 20521.
14. Там же. Оф. 20607 (диаметр 130 мм, вес без языка 582 г, вес языка 18 г); 16812 (диаметр 90 мм, вес без языка 240 г).
15. Там же. Оф. 20608 (диаметр 85 мм, вес без языка 208 г).
16. Там же. Оф. 20521.

Петренко В. Б.,
г. Ставрополь,
Ставропольский колледж связи
им. Героя Советского Союза В. А. Петрова,
преподаватель истории

МУЗЕЙ «ЗАЛ ИСТОРИИ СВЯЗИ» ГОРОДА СТАВРОПОЛЯ

7 мая 2013 года в Ставрополе открылся единственный в крае и на всем Северном Кавказе «Зал истории связи». Уникальный музей, связавший воедино прошлое, настоящее и будущее отрасли. Символично, что «Зал истории связи» расположился в Ставропольском колледже связи, где сегодня продолжают готовить специалистов, «стирающих» расстояния между людьми и городами. Своим каждодневным трудом работники Ставропольского филиала ОАО «Ростелеком» продолжают традиции предшественников и развивают технологии связи будущего. Теперь все этапы этого замечательного пути можно увидеть своими глазами, посетив музей.

Инициатором и вдохновителем создания «Зала» стал руководитель Ставропольского филиала ОАО «Ростелеком» **Александр Макаркин**. Непосредственным исполнителем и хранителем вновь созданного музея стал ветеран отрасли «Мастер связи» Леонид Воронков, кстати, в прошлом - выпускник Ставропольского колледжа связи. Ему помогали Пискун Владимир Михайлович, Пивень Владимир Андреевич и Кузнецов Петр Григорьевич.

Организаторская работа была проделана громадная. Ездили в Санкт-Петербург в Центральный музей связи имени А. С. Попова, где знакомились с принципом создания экспозиции. Рассылали запросы во все подразделения Ставропольского филиала «Ростелекома». Собирали и восстанавливали старое оборудование, искали ценные фотографии и документы, общались с ветеранами-связистами.

Результатом этой работы стал нынешний музей, расположившийся в просторном зале на первом этаже главного корпуса Ставропольского колледжа связи на улице Черняховского краевого центра. «Зал истории связи» оборудован по последнему слову техники. Наряду с традиционными стендами, где под стеклом хранятся экспонаты, здесь есть большой видеозэкран для демонстрации фильмов и фотографий, а рядом с каждой тематической экспозицией размещены электронные терминалы. С их помощью можно стать «самому себе экскурсоводом» и узнать много интересного и нового о прошлом и настоящем связи на Ставрополье.

Кстати, «Зал истории связи Ставропольского края» задуман и создан в том числе и в образовательных целях. Здесь проходят занятия для учащихся колледжа и устраиваются экскурсии для школьников. Но побывать в музее сможет и любой желающий, доступ к экспозициям свободный.

История радиосвязи началась в 1895 году, когда русский ученый Александр Степанович Попов впервые провел успешный сеанс передачи информации по радио. Однако еще задолго до этой исторической даты люди

активно пользовались услугами почты, которая долгое время оставалась единственным доступным и массовым видом связи. Вот почему первые стенды «Зала истории» посвящены именно почтовикам. Здесь можно увидеть старые и современные почтовые ящики, различные технические средства и интереснейшую картину, на которой изображено почтовое отделение XIX века.

Несколько позже стал бурно развиваться телеграф. Еще в 1863 году была послана первая телеграмма из Тифлиса в Ставрополь. В начале XX века телеграф получил массовое распространение. На соответствующем стенде размещена телеграфная аппаратура разных лет и приборы для проверки качества телеграфной связи.

Большое место в экспозиции отведено отраслям подразделений Ставропольского филиала ОАО «Ростелеком». Первым расположен прибор для проверки специальной связи КИП-1-А центра спецсвязи и информации. Следующий стенд посвящен междугородной телефонной связи. На нем демонстрируется оборудование, применяемое на станциях «междугородки», а также приборы, необходимые для качественной работы междугородных телефонных станций.

Об истории городской телефонной связи рассказывает отдельная экспозиция. Впервые телефонная связь была установлена в Ставрополе между домом губернатора и Присутственными местами. А первая городская телефонная станция на Северном Кавказе заработала 15 мая 1898 года. На стенде можно увидеть многократный координатный соединитель и сигнально вызывное устройство координатной станции, таксофон и телефонные аппараты различных конструкций, в том числе и видеотелефон, который широко применялся в конце XX века, но впоследствии был вытеснен более современными технологиями.

Стенд сельской телефонной связи – еще одна страница в истории отрасли. Здесь представлена специальная аппаратура, приборы для проверки качества связи, устройство для сварки телефонных проводов воздушных линий и, конечно, различные телефонные аппараты. Особое внимание привлекает полевой немецкий аппарат времен Великой Отечественной войны, ставший прототипом для отечественных аналогов.

Следующий стенд – фельдъегерской связи и монтажно-технологического управления «Телеком – С», на котором размещены приборы, применяемые при строительстве оптоволоконных линий связи «Телекома», а также сумка, мешок и пакеты, применяемые при перевозке документов и почты сотрудниками фельдъегерской службы. Еще один стенд посвящен службе специальной связи и центра специальной связи и информации. Здесь можно увидеть массивные телефонные аппараты правительственной связи с государственным гербом на диске номеронабирателя.

На стенде новых технологий продемонстрировано электронное оснащение современной квартиры: телефон, интернет и интерактивное телевидение. В свою очередь, телевидению и радио посвящены отдельные экспозиции. На них представлены радиоприемники различных лет выпуска и стран-производителей, радиостанции, телевизионные передатчики,

громкоговорители. Особенно примечателен один экспонат: большой радиоприемник 1960-х годов, оснащенный пультом дистанционного управления, связанного с оборудованием толстым кабелем.

Наконец, большой стенд отведен современной истории развития сотовой связи, без которой невозможно представить жизнь в XXI веке. Помимо базовых станций и специального оборудования, в экспозиции размещены мобильные телефоны разных фирм и поколений. Самые старые с трудом умещались в руке и подчас требовали отдельного питания, в связи с чем они применялись только на автомобилях.

Дань памяти отдана и Ставропольскому колледжу связи, основанному в 1955 году. В день открытия музея у парадного входа появилась мемориальная доска Герою Советского Союза Владимиру Петрову. Его имя Ставропольский колледж связи носит сегодня. Эта экспозиция также оснащена отдельным видеозэкраном, на котором демонстрируются фильмы об истории и жизни колледжа. Что касается самого музея связи Ставропольского края, то его собственная история только начинается. Собранные коллекции экспонатов в будущем будут пополняться, а музейные площади – расти. Не исключено, что в дальнейшем появятся и новые тематические разделы экспозиций. Отрасль связи стремительно развивается, и то, что сегодня считают передовыми технологиями, уже завтра может стать историей.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Асеева Я. Ю.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
педагогический институт, студентка;

научный руководитель: **Клопихина В.С.**,
Ставропольский государственный
педагогический институт,
старший преподаватель кафедры теории и методики
преподавания исторических и филологических
дисциплин, кандидат исторических наук

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

В соответствии с новыми образовательными стандартами для школы (Федеральные государственные образовательные стандарты – ФГОС) и нормативными документами, сопровождающими введение стандартов, такими как Фундаментальное ядро содержания общего образования, в качестве приоритетной задачи перед школой ставится формирование гражданской идентичности, понимаемой как «связь человека-гражданина со своей страной, большой и малой родиной» [1]. Значительным потенциалом для ее формирования обладает историческое краеведение

В современной школе история края (малой родины) рассматривается как часть истории России; как часть всемирной истории.

Краеведение – это форма общественной деятельности, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей. Следовательно, краеведение – это особая методика: познания, мышления, школа воспитания культурой (а основа культуры память, потому многие говорят о «воспитании историей»), школа общения людей разных поколений и разного уровня образованности, разной научной подготовки. По определению Д. С. Лихачева, краеведение «самый массовый вид науки» [2].

Большое значение для совершенствования исторического краеведения и в целом исторического образования в школе имеют современные труды по истории. Исследования ученых оказали значительную помощь в преодолении старых подходов к содержанию учебных программ, учебников истории, в том числе по истории родного края, содействовали применению на практике новых подходов к преподаванию истории. В то же время краеведение в современной школе опирается на все ценное, что накоплено многими поколениями российских учителей и краеведов и обобщено отечественной и зарубежной педагогической наукой.

Когда речь идет о краеведении в школе, следует различать «уровни» познавательной краеведческой работы учащихся. Условно можно говорить о трех уровнях. В реальной школьной практике они, естественно, тесно, органически связаны друг с другом, составляют единое «поле» познавательной деятельности школьников.

Во-первых, получение учащимися «готовых» знаний о крае со слов учителя, из учебных пособий и сообщений средств массовой информации.

Во-вторых, это самостоятельное приобретение знаний, обеспечивающее условия для более активной познавательной работы учащихся (когда они в процессе учебного исследования делают открытия для себя, т. е. фактически переоткрывают уже известные факты и события прошлого, явления и закономерности окружающей жизни). Источниками таких знаний могут быть научно-популярная и научная литература, публикации в местной и центральной периодической печати, материалы школьных и государственных музеев, ресурсы Интернета, электронные носители.

Третий уровень – изучение школьниками истории родного края в ходе углубленного исследовательского поиска, представляющего научный интерес, – когда ученики фактически выступают в роли юных ученых-исследователей. Обычно это участники краеведческих кружков и ученических научных обществ, слушатели факультативов.

Педагогу необходимо различать и держать в поле зрения все уровни краеведения, видеть их различия и связи, пути перехода от элементарных форм работы к более сложным. Это является важным условием эффективного использования краеведения в обучении, развитии и воспитании школьников.

Первый из этих уровней является главным, подчас единственным в начальных классах. Для основной 9-летней школы характерны первый и второй уровни. В старших классах 9-летней школы и в средней школе (особенно во внеурочное время) возрастает удельный вес краеведческой работы третьего уровня. В ней, как правило, участвуют школьники, особо увлеченные историей, глубоко интересующиеся родным краем. Последние составляют один из самых больших отрядов общероссийского краеведческого движения. Академик Д. С. Лихачев, говоря о краеведении, справедливо отмечал: «Это самый массовый вид науки: в сборе материалов могут принять участие и большие ученые, и школьники».

Введение профильного обучения в старших классах существенно расширяет возможности краеведческой работы учащихся, избравших гуманитарные, а также естественнонаучные профили. Жаль, что в ряде школ педагоги ограничиваются лишь первым уровнем краеведческой работы. В результате складывается своеобразное «словесно-книжное краеведение». Отмечается и другой недостаток: сведения по истории края, собранные юными следопытами, найденные ими документы мало или вовсе не используются на уроке в процессе изучения и усвоения программного материала.

Можно утверждать: краеведение, в первую очередь историческое, является важным средством реализации концептуальных положений, сформулированных в Законе Российской Федерации «Об образовании» и

развитых в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 г.», «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.» и других документах [3].

Основополагающая идея этих документов – единство интересов личности, общества и государства в деле воспитания гражданина России. Эта идея имеет прямое отношение и к краеведению как к одной из составляющих в решении этой задачи. Ведь справедливы слова: прежде чем стать гражданином страны, надо быть гражданином родного города, села; знать их прошлое, традиции, жить их жизнью и заботами.

В процессе школьного обучения, обретая знания, учащийся накапливает свой интеллектуальный потенциал, что служит основой для реализации личностью своих гражданских свобод, прав и обязанностей. Знания о родном крае – существенная часть интеллектуального, культурного потенциала человека. Благодаря краеведению ученик имеет возможность глубже уяснить положения: каждый человек – соучастник бытия прошлого, настоящего и будущего; корни человека – в истории и традициях семьи, своего народа, в прошлом края и страны. В ходе исторического процесса передаются из поколения в поколение вечные, непреходящие ценности личности: трудолюбие, честность, справедливость, совесть, чувство национального достоинства, дружбы между народами, уважения к старшим поколениям, долга, милосердия. Труд – основной источник духовного и материального богатства и благополучия человека, условие успешного развития общества.

Краеведение способствует решению задач социальной адаптации воспитанников школы, формированию у них готовности жить и трудиться в своем селе, районе, крае, участвовать в их развитии, социально-экономическом и культурном обновлении. Это одна из актуальных социально-педагогических задач нашего времени.

Важная составляющая системы исторического краеведения в школе – содержание краеведческих знаний по истории. Можно условно говорить о кругах этих знаний: «Мой дом. Родословная семьи»; «Родная школа. Ее история и традиции»; «Село (город): прошлое, настоящее, перспективы развития»; «История района, автономного округа, области (края)».

Так, например, изучая свою родословную, учащиеся связывают ее с историей своего села, города, края, возможно, страны и, наоборот, знакомясь с историей государства, края, области, они возвращаются к фактам истории родного села, города, семьи [4].

Рассмотрим содержание исторического краеведения в школе под несколько иным углом. Предметом исторического краеведения являются исторические общественные процессы в местном крае – жизнь людей в ее развитии и результатах в границах определенной территории (деревня, город, район и т.д.). Изучаются различные сферы общественной жизни в их единстве, учащиеся знакомятся с событиями локальной истории, в которых проявилась деятельность многих поколений жителей края, их социальные, экономические, политические, культурные связи и отношения. Большое значение имеет изучение духовной жизни людей в тот или иной период времени. Справедливо

утверждение: знать живых людей эпохи, их взгляды, помыслы, думы, идеалы – значит понять саму эпоху, саму историю [5].

Изучение общественных процессов в крае тесно, органически связано с познанием этнонациональных процессов. Каждый этнос рассматривается как субъект исторического процесса. На конкретных примерах учащиеся знакомятся с историей и традициями своего народа, прошлым других этносов, историей их расселения в данной местности, особенностями их быта, культуры, обычаев. Ученики выясняют, как в горниле исторических событий, порой трагических, формировалось у людей сознание духовного единства, принадлежности к российскому народу [6].

Одна из составляющих системы школьного краеведения – организационные формы историко-краеведческой работы в школе. Эти формы разнообразны при их относительной близости по принципиальным основам содержания. К ним можно отнести:

1. Изучение материалов краеведения на уроках основного курса Отечественной истории. Речь идет об уроках истории России с включением элементов национального-регионального компонента и о специальных уроках по истории края в рамках учебных часов по курсу Отечественной истории, а также иногда ближнего и дальнего зарубежья. На уроках Отечественной истории основное внимание обычно уделяется раскрытию темы «История нашей области (края, автономного округа)», например, темы «Наша область в первой половине XIX в.», «Наш край в годы Великой Отечественной войны». В республиках изучается курс истории республики в тесной связи с историей России, с включением ряда сведений из истории районов края, города, села.

2. Специальные учебные курсы в «обычных классах» и школах с углубленным изучением предметов гуманитарного цикла, лицеях, гимназиях и других системах альтернативного образования, главным образом в полной средней школе. Значительное место занимают локальные материалы в начальной школе в целях исторической пропедевтики.

3. Факультативные курсы (в полной средней школе, а также в старших классах основной 9-летней школы). Имеются в виду специальные краеведческие факультативы, как например, «Родной край: страницы истории», «Народы края: история, культура, традиции» и общеисторические, программа которых предусматривает включение локальных материалов, например, «Великая Отечественная война советского народа и Вторая мировая война»; «История русской культуры IX – начала XXI вв.». Проводятся они обычно за счет часов школьного локального компонента.

4. Довольно широко распространены в школах, в том числе сельских, внеклассные занятия: работа кружков, научных ученических обществ, клубов. Так, в занятиях со старшеклассниками сочетаются лекции учителя, уроки-экскурсии в музеях, их самостоятельная работа с книгой и документом, семинары и практикумы с широкой организацией диалогического обучения. Именно изучение краеведческого материала (в силу его доступности, непосредственной близости к учащимся) содержит большие возможности для групповых исследований, диспутов, дискуссий. В частности, здесь возможно

сочетание письменных источников и свидетельств современников (использование так называемой «устной истории»). Особенно это существенно для сельских школ и школ «малых городов», где сама обстановка многолетнего проживания нескольких семейных поколений в данной местности способствует бережному отношению к традициям, сохранению вертикальных семейных связей. Очень существенна выработка в процессе диалога нравственной оценки событий, деятельности человека в истории [7].

Таким образом, благодаря внедрению национально-регионального компонента в курс Отечественной истории заметное распространение получили различные виды внеклассной работы: экскурсии и осмотр памятников истории и культуры, экспедиции по родному краю, ученические конференции, исторические вечера, «круглые столы», организация выставок и музейных экспозиций. В ряде школ внеурочный краеведческий поиск проводится на базе государственных и общественных музеев, архивов и книгохранилищ с привлечением специалистов, ученых, краеведов. Собственно, в этом и заключается одна из важнейших функций национально-регионального компонента общего образования. Но дискуссионным моментом при этом остаются принципы построения, способы реализации, содержание региональных (национально-региональных) компонентов системы общего школьного образования.

Использованная литература и источники

1. Вяземский Е.Е. Национально-региональный компонент общего исторического образования в Российской Федерации: дискуссионные подходы // Проблемы современного образования. 2012. № 4. С.40.
2. Лихачев Д.С. Учит земля родная // Вестник Союза краеведов России. 1992. № 1.
3. ФЗ Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации». URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2974>; Вяземский Е.Е. Указ. соч.
4. Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 48; Шмидт С.О. Учитель об учениках: (К 60-летию В.И. Гальцова и С.Б. Филимонова) // Отечественные архивы. 2007. № 2. С. 84–87.
5. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Национально-региональный компонент исторического образования: пособие для учителя. М., 2008. С.18.
6. Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 57.
7. Боголюбов Л.Н. О перспективах развития обществоведческого образования // Преподавание истории и обществознания в школе. 2012. № 5. С. 187.

Дверник С. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
научный сотрудник отдела
культурно-образовательной деятельности;

Нафгалиева О. М.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
старший научный сотрудник отдела фондов

ПОДГОТОВКА К ЛЕКЦИИ «БИТВА ЗА КАВКАЗ» (по материалам фондов Ставропольского государственного музея-заповедника)

В рамках реализации целевой программы «Давайте, люди, никогда об этом не забудем» сотрудниками отдела культурно-образовательной деятельности была проведена большая работа по подготовке лекции «Битва за Кавказ». Культурно-образовательная деятельность в музее предполагает активное взаимодействие с учебными заведениями. Для того чтобы посещение музея школьниками и студентами не было эпизодическим, а носило регулярный характер, их необходимо заинтересовать. Музей предлагает разнообразные формы работы с посетителями: традиционные лекции и экскурсии, интерактивные мероприятия, памятные встречи, разрабатывает и реализует образовательные программы.

В 2014 году началась реализация целевой программы «Давайте, люди, никогда об этом не забудем», содержанием которой стала история Ставрополя в годы Великой Отечественной войны. На основе документальных и вещественных фондов Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Прозрителева и Г. Пправе был разработан цикл лекций, рассчитанный на школьников 5–11 классов. В программе выделено два блока: первый формирует общие представления о Великой Отечественной войне как о важном историческом событии и о вкладе Ставрополя в общую победу над врагом. Этот блок рекомендован для учащихся 5–7 классов. Во втором блоке дается более сложная информация: в лекциях этого уровня подробно рассказывается об участии ставропольцев во всех эпохальных сражениях Великой Отечественной войны, поэтому они рекомендованы школьникам 8–11 классов.

Одной из ключевых лекций данной программы является «Битва за Кавказ». В документальных и вещественных фондах музея-заповедника история этой битвы отражена достаточно широко. Особо важные для исследуемой темы документы хранятся в фонде «46-го Гвардейского Таманского Краснознаменного ордена Суворова 3-й степени ночного легкобомбардировочного авиационного полка» [1]. Этот полк формировался из

женщин. На маленьких самолетах По-2 – «небесных тихоходах» – они поднимались в ночное небо и громили противника.

В задачи полка входило: оказывать помощь наземным войскам непосредственно на передовой, совершая боевые операции на маневренных самолетах, наносить бомбовые удары с малых высот, производить разведку. Полк принимал участие в освобождении Северного Кавказа, Ставропольского края, Ростовской области, Кубани, Тамани, Крыма, Белоруссии, Польши и закончил войну под Берлином. Летчицами полка было совершено 23672 боевых вылета, все они были награждены орденами и медалями Советского Союза. Двадцати трем летчицам было присвоено звание Героя Советского Союза [2].

Командовала полком уроженка с. Добровольного Ипатовского района подполковник Е. Д. Бершанская. В фондах хранятся ее фотографии военного времени, автобиография, письма, удостоверение. В составе полка были и другие ставропольчанки: А. Г. Османцева из Александровского, А. С. Попова из Ессентуков [3]. Об их подвигах можно узнать из воспоминаний, которые опубликованы на страницах газет послевоенного времени, и сохранились в строчках машинописного текста рукописей.

В музее-заповеднике есть фонд, в котором отложились документы, повествующие об истории 5-го Гвардейского Донского казачьего Будапештского кавалерийского корпуса [4]. В ноябре 1942 года по решению Ставки Верховного Главнокомандования на базе 17-го казачьего кавалерийского корпуса были созданы 2 самостоятельных корпуса: 4-й гвардейский Кубанский и 5-й гвардейский Донской. В состав последнего вошли 11-я и 12-я Донские кавалерийские дивизии и 63-я кавалерийская дивизия.

Командиром 5-го Донского кавалерийского корпуса был назначен генерал-майор А. Г. Селиванов. В декабре 1942 г. корпус принимал участие в тяжелых боях у населенных пунктов Ага-Батыр и х. Дыдымкин (Курской район), потеряв при этом много солдат и офицеров. В январе 1943 г. Донской кавалерийский корпус в составе всей Северной группы войск начал общее наступление в ходе освобождения Северного Кавказа. Корпус освободил от немецких захватчиков целый ряд населенных пунктов Ставропольского края: Ага-Батыр, Александровское, Грачевку, Дыдымкин, Изобильный, Красногвардейское, Круглолесское, Кугульту, Отказное, Саблинское, Свободное, Солдато-Александровское, Северное, Спицевку и др.

После освобождения Ставрополя корпус принимал участие в боях на Кубани, Дону, в освобождении Ростова. Весной 1943 года кавалеристы перебазировались на север, где готовилось наступление на Курской дуге. Этот марш был началом долгого боевого пути корпуса, который закончился полной победой над врагом в Австрийских Альпах [5].

В фондах нашего музея хранится повествование о 5-м Гвардейском Донском Казачьем Будапештском кавалерийском корпусе, написанное полковником запаса И. И. Приваловым. Во время войны он был заместителем командира по политчасти. Большой интерес для исследователя также представляют фотографии военного времени, отражающие историю корпуса.

Например, фотография, на которой зафиксировано вручение гвардейского знамени командиром 5-го Донского кавалерийского корпуса А. Г. Селивановым бойцам 12-й Донской казачьей кавалерийской дивизии [6].

Во время битвы за Кавказ несколько месяцев шли упорные бои за перевалы. Войскам Закавказского фронта была поставлена задача: во что бы то ни стало остановить врага. В упорных боях части 394-й стрелковой дивизии (808-й, 810-й, 815-й полки), подразделения Сухумского, Тбилисского, других военных училищ и воинских соединений сдерживали натиск врага. Особенно ожесточенный характер носили бои за Марухский и Клухорский перевалы. Здесь отличились солдаты и офицеры 808-го, 810-го и 815-го стрелковых полков, в составе которых было немало жителей Ставрополя [7].

Оборона перевалов Большого Кавказского хребта также нашла отражение в документальном фонде музея [8]. Сохранилась схема боев 810-го стрелкового полка, проходивших в августе–сентябре 1942 года и карта с изображением схемы оборонительных боев за Северный Кавказ. Особую ценность для исследователя представляют воспоминания о ходе боев за Марухский перевал командира взвода связи 3-го батальона 808-го стрелкового полка Я. М. Нахушева. В фонде хранятся и фотографии этого офицера.

Вместе с партизанами и воинскими частями в боевых действиях по защите перевалов Большого Кавказского хребта в районах Приэльбрусья участвовали отряды специального назначения, сформированные в основном из командного состава органов безопасности Ставрополя. В Учкуланском ущелье действовал 2-й отряд Особой группы НКВД (командир отряда Г. Е. Коломин, комиссар А. К. Александров); в Баксанском ущелье с сентября 1942 по январь 1943 года на боевых позициях находился 3-й горнострелковый отряд (командир отряда П. К. Картунов, комиссар В. В. Малютин) [9]. Отряды сражались в чрезвычайно сложных условиях на наиболее опасных направлениях. Эта тема нашла отражение в фонде «Участие ставропольцев-чекистов в спецгруппе Особого отряда НКВД в обороне Кавказа (Приэльбрусье) август 1942 – январь 1943 годов» [10]. В этом фонде хранятся воспоминания А. К. Александрова о боевых действиях 2-го отряда Особого назначения, справки, подтверждающие участие в Приэльбрусской операции 1942 года ставропольских милиционеров.

Кроме тематических, в музее хранятся и личные документальные фонды участников обороны Кавказа. Например, интересен фонд И. Е. Денисова – ветерана войны, участника боев за перевалы Кавказа, сражавшегося в 3-м горнострелковом отряде Особого назначения НКВД СССР (автобиография, фотографии, удостоверения, вещевая книжка и др.) [11].

Показательны и информативны материалы о разведчике-наблюдателе Н. Ф. Низьеве, сражавшемся в составе 337-й стрелковой дивизии на Моздокско-Малгобекском направлении в ходе битвы за Кавказ [12]. Во время боя за высоту 390,9 (между Вознесенской и Малгобеком) 14-го октября 1942 года Низьеву было приказано «ощупать» стереотрубой местность и выявить расположение вражеской батареи шестиствольных минометов. Точные данные разведчика потом помогли нашим минометчикам «накрыть» цель. Фашисты предприняли попытку вернуть потерянную ими в ходе боя господствующую

высоту и начали «обрабатывать» ее огнем минометов. Находясь на наблюдательном пункте, Низьев получил контузию. Придя в себя во 2-й половине дня, с группой пехотинцев он отражал новое наступление противника на высоту и здесь во время боя получил тяжелое ранение – пуля гитлеровского автоматчика прошла около сердца, пробив комсомольский билет. Этот комсомольский билет хранится в фондах нашего музея, являясь одной из реликвий Великой Отечественной войны [13].

Особым интересом у посетителей музея и историков-исследователей пользуются вещественные фонды, в том числе по теме «Битва за Кавказ». В ходе подготовки к лекции были отобраны предметы, принадлежавшие летчице 46-го Гвардейского Таманского Краснознаменного ордена Суворова 3-й степени ночного легкомобильного авиационного полка Л. Н. Клопковой-Яковлевой: пистолет системы «Наган», планшет с картой Ставропольского края, полевая сумка (фронтальная), летные очки, ремень и др. [14]. Обращают на себя внимание и личные вещи, которые были переданы на хранение в музей М. И. Белоусовым – снайпером 347-й стрелковой дивизии, освобождавшим Ставрополь от немцев в январе 1943 года: китель, плащ-палатка, пробитая пулями, кобура для пистолета, вещевой мешок, автоматный диск [15].

Особый комплекс составляют предметы, принадлежавшие участникам партизанского движения на Ставрополье. Например, фляга для воды, солдатский котелок В. М. Токмакова – начальника штаба партизанского отряда «Мститель», медаль «За оборону Кавказа» – дар З. П. Яблонского, бывшего командира кумской группы партизанских отрядов Ставрополья [16].

Активное использование документальных и вещественных фондов при подготовке к лекции делает ее содержание более разнообразным и интересным. Демонстрация предметов музейного значения во время лекции может осуществляться непосредственно на базе экспозиции «Ставрополье – век XX» или в виде презентации. Все это обеспечивает активное взаимодействие музея с образовательными учреждениями, способствует формированию у школьников и студентов потребности систематически посещать музей.

Использованные источники и литература

1. СГМЗ. Ф. 264.
2. Там же.
3. Ставропольцы в Великой Отечественной войне / Под ред. Кочура Д.В. и др. Ставрополь, 1995. С. 107–108.
4. СГМЗ. Ф. 270.
5. Там же.
6. СГМЗ. Ф. 341.
7. Кругов А.И. Ставропольский край в истории России. Ставрополь, 2001. С. 255.
8. СГМЗ. Ф. 342.
9. Ставропольцы в Великой Отечественной войне. С. 122.
10. СГМЗ. Ф. 342.
11. Там же. Ф. 343.
12. Там же. Ф. 345.
13. Ставропольцы в Великой Отечественной войне. С. 109–110.
14. СГМЗ. Оф. 14440, 14441, 14442, 14443, 14444.

15. Там же. Оф. 13663, 13664, 13665, 13670, 13671.

16. Там же. Оф. 14237, 13576.

Пантюхина М. Н.,
г. Ставрополь,
преподаватель Православного Центра
Ставропольской и Невинномысской епархии

РАЗВИТИЕ НАРОДНО-ПЕВЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕЛА АЛЕКСАНДРИЯ БЛАГОДАРНЕНСКОГО РАЙОНА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

История и эволюция народно-певческой культуры в с. Александрия заслуживают особого внимания, так как при постоянно меняющемся укладе жизни на селе подвергаются изменению не только определенные жанры, но и исполнительская культура отдельных песен. Певцы не только стараются возродить песни своих прародителей, но и привнести в них свое понимание и отношение к содержанию.

Интересным примером является песня «Щедрый вечер». В ее основе квартовая попевка, верхний подголосок появился намного позже. Подобные примеры, указывающие на более поздний период создания, можно обнаружить в работах известных фольклористов [1].

– минорный тетракорд

Историческое развитие александрийской культуры шло в органическом единстве компонентов фольклора, унаследованных от опыта прошлых поколений, ставших традицией. Важно отметить, что развитие музыкального фольклора шло и в результате взаимодействия различных групп переселенцев как между собой, так и с казачеством [2]. Особенно ярко это проявилось в песенном творчестве жителей с. Александрия. Например, песня свадебного жанра «У Ивана на дворе» попала в Александрию, вероятно, из Воронежской губернии, граничащей с Харьковской. Контакты крестьян с казаками отразились в тексте: «Только ходит, дай гуляеть, дай Владимир с казаками... дай с донскими казаками».

Географическое положение Воронежской губернии, с протекающим по ней Доном, помогает понять, почему в песне, бытующей сегодня в Александрии, используется данный текст. Важно отметить, что несмотря на южнорусское происхождение песни, произношение окончаний преимущественно украинское: «гуляеть», указывающее на близость местности происхождения песни к Украине.

В конце XVIII века (рубеж 80–90-х гг.) в 18 верстах от с. Благодарного появилось с. Александрия, вначале как слобода. Первоначально она заселялась крестьянами-однодворцами и государственными крестьянами из Воронежской, Харьковской, Орловской, Курской и Тамбовской губерний [3]. Именно они заложили фундамент народно-песенной культуры Александрии, хотя трудно

обнаружить количественное преобладание песен того или иного региона.

С самого начала заселения Александрии в нем зазвучала народная песня. Переселенцы привозили в село свои песни, и именно в Александрии они сплелись в такой удивительной красоты фольклор. Народная песня в селе родилась в рамках церковной жизни населения. В селе было построено два храма: Архистратига Михаила и Святого Дмитрия Солунского, при которых существовали сводные группы мужского и женского хоров [4]. Храмовая жизнь Александрии с самого начала отличалась обилием духовно-песенного творчества, концертами духовной музыки, взаимопроникновением церковного и народного песенного творчества. Возможно, именно церковная жизнь народа позволила сохранить часть народно-песенных традиций с. Александрия.

С началом XX века в культуру Александрии стали проникать элементы народно-революционных песенных традиций. Исследователь В.М. Забелин указывает, что в Александрии, как и вообще в Благодарненском уезде Ставропольской губернии, в годы первой русской революции 1905–1907 годов большое распространение в народной культуре получили революционные песни [5]. Особый размах революционная тематика народно-песенного творчества приобрела в годы революций 1917 года и Гражданской войны. Эти события нашли отражение в песне «Как на наших полях»:

*«Как под этой вербой солдат убитой лежал.
Он убитыми убит сильно раниной...».*

Изменение народного быта, трагедия братоубийства, расказачивания и раскулачивания, коллективизация стали основой новой тематики народной песни, а также одним из фундаментальных элементов новой советской культуры. Законодательно переход к новым формам народной культуры был оформлен в Резолюции ЦК ВКП(б) от 1925 года, закрепившей идеологизацию советской культуры [6]. Некоторые изменения в песенной культуре после Октябрьской революции и теперь сохраняются в памяти старшего поколения. Примером является песня «На коне вороном»:

*«На коне вороном
Приезжал партизан.
Э-ой, сабля острая с ним,
Две гранаты, наган».*

Вариант этой песни есть у композитора В. Т. Захарова, который записывал песни от участников хора имени М. Е. Пятницкого и делал их обработки. Находясь под впечатлением от народного творчества, композитор создавал и свои песни на народные слова, одной из которых является «На коне вороном». При сравнении песен «На коне вороном» с. Александрия и В. Т. Захарова необходимо обратить внимание на их мелодику и поэтические тексты.

Вариант песни В. Т. Захарова:

Вариант песни с. Александрия:

Интересно отметить, что александрийский вариант песни «На коне вороном» говорит о партизанах, вернувшихся с Гражданской войны с победой, тогда как в варианте Захарова поется о партизанах, уходящем с красными отрядами на фронты Гражданской войны. Захаровский вариант песни основан на словах, записанных на Урале [7], что может говорить о его более раннем происхождении. Широкие миграционные потоки раннесоветского периода вполне могли принести эту песню с Урала на Ставрополье в течение ближайших лет после ее появления. С этим и связана эволюция текста: уход партизана на войну в одном варианте и его возвращение – в другом. После окончания войны исполнение песни об уходе на войну было бы неактуальным. В таком виде песня дожила до наших дней.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов вернула в народно-песенную культуру традиционные темы песен. Примером является песня «На опушке леса». Позднее стали восстанавливаться календарные обрядовые песни, но уже не носившие сакрального характера. В 50–60-е годы XX века на Ставрополье стали возникать народные ансамбли и хоры. В Александрии в 1953 году был открыт клуб, где помимо кинопоказов и выступлений приезжавших артистов была организована и художественная самодеятельность, основанная на пропаганде народно-песенного творчества. Этому способствовала непрерываемость песенной традиции в селе. Еще в начале 1930-х годов при образовании в селе трех колхозов за каждым был закреплен баянист, а художественная самодеятельность развивалась и во время работы, и в дни отдыха и сельских гуляний. В сельском правлении был организован импровизированный клуб.

Показателем развития народного песенного творчества в Александрии стало участие в 1947 году жителей села Г. К. Расторгуева и П. И. Шальневой в первом послевоенном Всесоюзном смотре самодеятельности в Москве. Они исполнили песни «Лиса по полю ходила» и «Ой, при лужке, при лужке» [8].

В 1969 году при Доме культуры с. Александрия возник народный хор «Селяночка», состоявший сначала из женщин-пенсионерок: Е. Сериковой, Н. Минайловой, П. Калмыковой, Т. Измайловой, Д. Измайловой, Е. Лелековой, Е. Малофеевой. Позже коллектив пополнялся молодежью.

Директор Александрийского Дома культуры А. М. Серикова вспоминает, что все село вкладывало свои силы в развитие народно-песенной культуры.

Каждая улица представляла свои любимые песни. Позднее стали проводить смотры – каждая бригада села выставляла свои самодеятельные номера. Показателем развития хора стали гастролы: сначала на отгонные пастбища на Черных Землях, затем – на Большой Ставропольский канал, в Пятигорск, Ставрополь.

За 42 года коллектив собрал огромный фольклорный материал: казачьи, походные, революционные песни, песни Великой Отечественной войны, духовные, обрядовые, ритуальные и другие [9]. При хоре организованы занятия для детей и молодежи. Имя коллектива «Селяночка» звучало в передачах ставропольского радио и на страницах «Ставропольской правды».

Народный коллектив «Селяночка» достиг высочайшего уровня. Песни его репертуара неоднократно записывались участниками фольклорных экспедиций Ставропольского государственного университета, Саратовской консерватории и института им. Гнесиных. В 1985 году «Селяночка» стала участником телевизионных программ «Радуга» и «За околицей». В 1999 году хор с. Александрия участвовал в краевом фольклорном фестивале, представив одно из самых ярких календарно-обрядовых выступлений [10].

В 2005 году хор получил звание «народный», а в апреле 2007 года стал лауреатом краевого конкурса «Поет село родное». Главный хормейстер Государственного ансамбля песни и танца «Ставрополье» Н. Коржова назвала «Селяночку» лицом Ставропольского края [11].

Таким образом, народно-певческая культура с. Александрия Благодарненского района прошла длительную эволюцию от формирования стихийно созданного фольклорного ансамбля до появления высокохудожественных певческих коллективов при сельском Доме культуры. Непрерывность традиции народной песни с. Александрия и большой вклад в развитие культуры сельских активистов позволил и александрийскому коллективу «Селяночка» добиться высочайших результатов и признания на Ставрополье.

Использованная литература и источники

1. Христиансен Л.Л. Ладовая интонационность русской народной песни. М., 1976. С. 38–39.
2. Шумакова Е.В. Формирование и развитие социокультурного пограничья: крестьяне и кочевники Центрального Предкавказья в конце XVIII – начале XX вв. Автореферат. Ставрополь, 2008 // НОЦ «Новая локальная история». URL: <http://www.newlocalhistory.com/pogranobl/>
3. Мельникова И.И. Духовная культура Ставрополья XIX-XX вв. (на примере фольклорных традиций): дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003. С. 45.
4. Беликов Г.А. По проектам Григория Кускова // Ставропольская правда. 1999, от 17 сентября. С. 2.
5. Забелин В.М. Благодарненский уезд в революции 1905–1907 гг. Ставрополь, 1997. С. 15.
6. Резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы». 1925 год // Материалы ЦК ВКП(б). М., 1925. С. 72.
7. Захаров В. Избранные песни. М., 1967. С. 17–18.
8. Абастова А. Хор «Селяночка» – лицо фольклора Ставропольского края // Ставропольская правда. 2010, от 19 февраля. С. 2.

9. Материалы полевой фольклорно-этнографической экспедиции в с. Александрия Благодарненского района, лето 2009 г. Личный архив автора.
10. Мельникова И.И. Указ.соч. С. 145.
11. Абастова А. Указ.соч. С. 2.

Теплякова Н. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
научный сотрудник отдела
культурно-образовательной деятельности

КУЛЬТУРНАЯ АКЦИЯ «НЕДЕЛЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО В МУЗЕЕ» КАК НОВАЯ ФОРМА РАБОТЫ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА С ПОСЕТИТЕЛЯМИ

Музеи призваны сохранять культурное и природное наследие, а также создавать необходимые условия для духовного развития личности. Современный музей – открытое для разных возрастных аудиторий культурное пространство. К каждой из них требуется определенный подход, необходимый для понятного, яркого, всестороннего представления музейного продукта. Если двадцать лет назад экскурсий и лекций вполне хватало для работы с детской и взрослой аудиторией, то в 1990-е годы в рядах музейщиков появилось понимание того, что традиционных форм работы недостаточно для привлечения посетителей [1]. Они могут уйти туда, где им более интересно, поэтому необходимо предлагать им культурные программы, которые могли бы составлять достойную конкуренцию продуктам индустрии развлечений.

Поскольку сотрудники отдела культурно-образовательной деятельности музея непосредственно взаимодействуют с посетителями, остро реагируя на социальные запросы времени, именно им приходится продуцировать новые формы коммуникации в музее. Одной из таких форм стали интерактивные игры, в ходе которых происходит активное взаимодействие посетителей и музея, точнее, музейного пространства, с привлечением музейных предметов и музейных средств. Правильно соотнеся экспонат и выбранный способ интерактива, можно широко интерпретировать музейное поле и музейный предмет [2]. В свою очередь, как пишет в своем исследовании М. Г. Чесняк, развлечение посетителя в музее связано с широким спектром форм и методов работы музея с ним, которые его захватывают и увлекают в бескрайний мир символов и смыслов объектов природного и культурного наследия.

Таким образом, в качестве основы для развития форм и методов работы музея с посетителями необходимо вовлечение их в процесс интерпретации музейного предмета в экспозиции [3]. Работники Ставропольского государственного музея-заповедника, изучая опыт применения новых технологий и форм, не остаются в стороне от музейного сообщества. Они разрабатывают и внедряют новые увлекательные формы работы с посетителями.

С августа 2014 года сотрудниками отдела культурно-образовательной деятельности инициировано проведение в музее тематических недель и культурных акций, в результате которых посетители могут узнать новую интересную информацию о музейных предметах либо о постоянных экспозициях и действующих выставках. По мнению специалистов, привлекательной является

и сама новаторская форма популяризации музейных экспонатов и деятельности музейщиков.

В данной статье в качестве примера новой формы работы с посетителями музея рассмотрим культурную акцию «Неделя документального кино в музее», апробированную сотрудниками отдела культурно-образовательной деятельности музея-заповедника.

Акция была приурочена к празднованию Дня российского кино, который отмечается 27 августа. Она проходила с 26 по 30 августа 2014 года на базе выставки «Одухотворенная история. Ставропольская культура в исторической ретроспективе», посвященной Году культуры. На ней есть небольшой комплекс, посвященный кино, ставропольским актерам и ролям, сыгранным ими. Для расширения информационного поля обозначенной выставки была проведена культурная акция «Неделя документального кино», к участию в которой привлекались посетители, пришедшие посмотреть музейные экспозиции и выставки. Им предлагалось посмотреть документальные фильмы: «Спасение Южного слона» (5+), «Ставропольский краевой музей имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе – 100 лет» (12+), авангардный документальный фильм режиссера Дзиги Вертова «Человек с киноаппаратом» (16+). В первом и втором фильмах рассказывается о музейных находках, музейных сотрудниках и музее в целом, третий – фильм для взрослых посетителей, снятый в 1920-е годы. Его автор пытается провести параллель между жизнью человека и жизнью современного города – рождение, пробуждение, работа.

Планирование культурной акции включало рекламную кампанию с распространением информации через афиши, флаеры, социальные сети, официальный сайт музея. Разными способами распространялась информация о том, какие документальные фильмы, в какое время, для какого возраста будут демонстрироваться. Время показа фильмов было соотнесено с различными возрастными категориями населения. Например, утром, как правило, приходят взрослые с маленькими детьми, в обед – с подростками, вечером музей посещают взрослые люди.

Перед началом каждого показа фильма научные сотрудники музея кратко рассказывали собравшимся об истории кино и праздника, посвященного ему, что способствовало расширению информационного поля выставки, на базе которой проходила культурная акция. Посетителям сообщалось, что в переводе с греческого «кино» означает «двигаю», «двигаюсь». Часто, когда говорят слово «кино», подразумевают именно кинематограф (в переводе с греческого – изображение движения). Иногда упоминается как «синематограф» (устаревший перевод с французского). Кинематография – вид современного изобразительного искусства, изобретенный в XIX века и ставший самым популярным в XX веке.

Самый первый в истории человечества киносеанс состоялся в Париже на бульваре Капуцинов в декабре 1895 года. С тех пор изобретение братьев Огюста и Луи Люмьер прочно и навсегда вошло в жизнь людей. Сегодня вряд ли найдется человек, не знающий, что такое кино. Взрослые и дети любят фильмы, каждый находит в них что-либо для себя. Оживающие на экране образы,

интересный сюжет заставляют человека переживать определенные эмоции, думать.

В России премьера первого фильма состоялась 15 октября 1908 года. Это была лента под названием «Понизовая вольница» режиссера Владимира Ромашкова по мотивам народной песни о Стеньке Разине «Из-за острова на стрежень». Первый российский фильм длился всего лишь 7–8 минут. Одним из первых полнометражных художественных фильмов, ставших классикой отечественного и зарубежного кинематографа, является «Броненосец Потемкин». Эта лента, снятая Сергеем Эйзенштейном, вышла на экраны в 1926 году. Позже, в 1934 году, был снят легендарный фильм братьев Васильевых «Чапаев», создатели которого в следующем году получили на I Международном Московском кинофестивале первую премию. Так кино прочно вошло в повседневную жизнь людей. У кинематографистов и кинолюбителей даже появляется свой профессиональный праздник – День кино.

После образования молодого Советского государства 27 августа 1919 года Совет народных комиссаров РСФСР принял очередной Декрет о национализации кинодела, то есть киноотрасль перешла в ведение государства. Гораздо позже, 1 октября 1980 года, указом Президиума Верховного Совета СССР «О праздничных и памятных днях» было положено начало празднования Дня кино. Праздник так и назывался «День советского кино».

Дата празднования неоднократно переносилась. Было время, когда его объединяли с Международным днем кино, отмечаемым 28 декабря. По сути, День российского кино перестал существовать как национальный праздник. Лишь в 2001 году власти вернули российскому кинематографу собственный праздник – День российского кино, который было решено отмечать 27 августа.

Участники акции после прослушанной информации приходили к выводу, что за всю историю существования кинопроизводство претерпело масштабные изменения: от немого кино до звукового, от черно-белого до цветного. Ведущие обращали внимание посетителей на то, что в наше время кино перестало нести только развлекательную функцию, оно призвано находить отклик в зрительских сердцах и умах, пробуждать сознание и наталкивать на размышления.

Таким образом, оказалось невозможным обойти вниманием настолько знаковое событие в истории людей как появление в их жизни кино, тем более в Год культуры (2014 г.) и на выставке «Одухотворенная история. Ставропольская культура в исторической ретроспективе», посвященной культурной жизни Ставрополя.

Естественно, в ходе проведения акции использовались новые медиа, которые позволили существенно улучшить качество обслуживания посетителей музея. В данном случае новые медиа – совокупность новых форматов работы организации по привлечению аудитории с использованием наиболее актуальных и востребованных инструментов визуализации информации, донесения до аудитории [4].

Культурную акцию «Неделя документального кино в музее» посетило 109 человек (96 взрослых и 13 детей). Посетители остались довольны новой формой работы, задавали вопросы, которые их интересовали. Люди (в основном) с

удовольствием слушали информацию и смотрели предложенные их вниманию документальные фильмы. Гости Ставрополя предлагали постоянно транслировать фильмы на тематических выставках, чтобы желающие могли посмотреть интересующие их моменты, а также установить электронные киоски для ознакомления с привлекающими их музейными предметами, как это делается в музеях более крупных городов.

Некоторые посетители поделились своими впечатлениями от проведенной акции в «Книге отзывов и впечатлений». Например, после просмотра фильма «Ставропольский краевой музей имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве – 100 лет» (12+) молодая мама с ребенком оставили запись: «С удовольствием посмотрели фильм о музее, спасибо сотрудникам музея за ваш труд!». Некоторые посетители настаивали на продолжении подобных познавательных мероприятий в музее, некоторые рекомендовали, чтобы постоянно шли фильмы о музейных предметах, о работе музейных сотрудников, так как это чрезвычайно интересно и по-новому освещает музей.

Таким образом, по итогам культурной акции «Неделя документального кино в музее» можно констатировать, что новая музейная форма работы привлекла внимание посетителей, вызвала их интерес к выставочному проекту.

Использованная литература и источники

1. Лепаловская В.А., Сосновская Е.В. Как подготовить и провести музейный квест // Справочник учреждения культуры. 2014, № 1. С. 25.
2. Теплякова Н.А. Интерактивные мероприятия в культурной и образовательной деятельности музея // Седьмые Прозрителевские чтения: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Вып. 7. Ставрополь, 2013. С. 196–197.
3. Чесняк М.Г. Значение интерпретации для обновления работы музея с посетителями (к вопросу об использовании культурного и природного наследия региона) // Седьмые Прозрителевские чтения. С. 200.
4. Дешина А. Использование новых медиа в социально-культурной деятельности музея // Седьмые Прозрителевские чтения. С. 189.

Фитьмова П. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
социолог отдела культурно-образовательной деятельности

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ (2012–2014 гг.)

Социологические исследования в музейном деле – уже не нововведение, а привычное занятие, вошедшее в практику повседневной работы музейных специалистов. Если раньше социологические исследования были лишь попыткой соответствовать требованиям времени, то теперь ни одно музейное событие не обходится без тщательной проработки социолога, будь то планирование посещаемости или анализ реакции посетителей.

Применение социологических методов исследования в рамках деятельности музея направлено на выявление основных ожиданий посетителей, их потребностей. Это способствует поиску новых форм работы музея, вызывающих наибольший интерес у гостей.

В Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве социологические исследования ранее проводились эпизодически: в 1976 году – В. Г. Лурье, в 2007 году – М. Г. Чесняк. Систематически их стали проводить лишь с 2012 года. Практика социологических исследований сохраняется по сей день. В общей сложности за 3 года в исследованиях приняло участие 979 посетителей музея-заповедника. Это индивидуальные посетители и экскурсанты.

Опрос индивидуальных посетителей позволил сформировать социальный портрет гостей музея. Взрослый посетитель – это обычно женщины (68%), подавляющее большинство которых пришли с детьми (78%). 66% школьников и 71% студентов приходят в музей с друзьями. Почти все молодые люди (более 90%) отметили, что придут в музей еще раз.

Интересно отношение посетителей к главным музейным ресурсам – музейным экспонатам. Музейные предметы, как выяснилось, интересны лишь 48% женщин, приобщающих к музею детей. Также заинтересовались музейными экспонатами около 70% опрошенных школьников и студентов.

Удалось узнать и отношение посетителей к предлагаемым формам освоения культурного наследия. Около 80% школьников и студентов, посетивших музей с экскурсоводом, отметили, что экскурсия им понравилась.

Другая форма освоения музейного пространства – краеведческий лекторий «Рассказы о музейных коллекциях». Лекторий работает с 2010 года, его посещают студенты из разных вузов г. Ставрополя.

За 2012–2014 годы лекторий посетило 835 человек из 6 вузов (Ставропольский государственный медицинский университет, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставропольский государственный педагогический институт, Ставропольский филиал Московского

государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова, Ставропольский государственный аграрный университет, Ставропольский колледж связи им. Героя Советского Союза В. А. Петрова), школ (Детская музыкальная школа № 4, Детская художественная школа, гимназия № 30).

На диаграмме показана частота посещаемости лекций по месяцам (рис. 1).

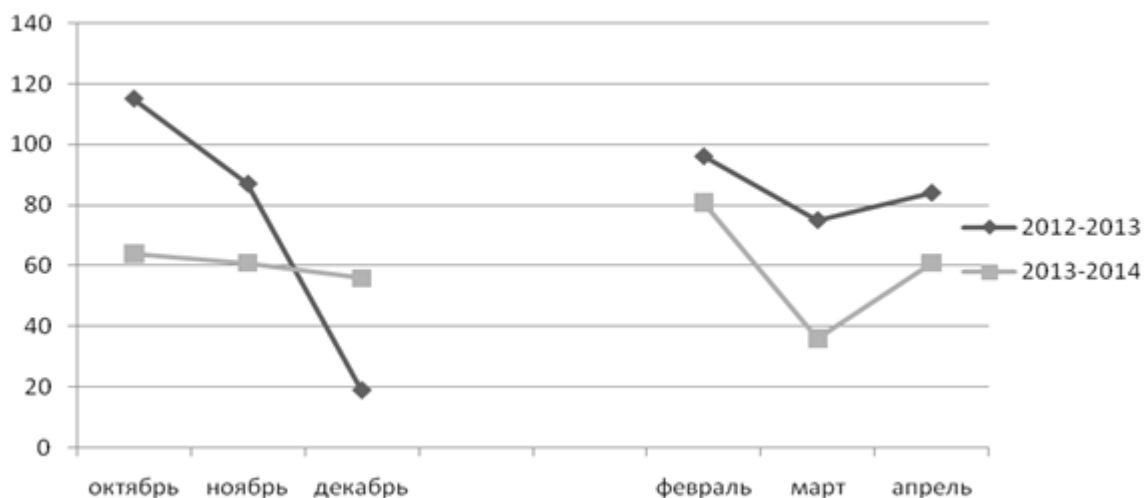

Рисунок 1. Посещаемость краеведческого лектория «Рассказы о музейных коллекциях» (2012–2013 и 2013–2014 уч. г.)

В первом полугодии каждого учебного года активность посещения лектория наблюдается в начале октября, когда у студентов начинается учебный год, и снижается в декабре. Во втором полугодии пик посещаемости приходится на начало учебных занятий студентов, т.е. на февраль, снижается во втором месяце, в марте, и вновь идет на подъем в последнем месяце работы лектория, т.е. в апреле. Результаты анализа посещаемости будут учитываться при формировании программы лектория на 2015–2016 учебный год.

В 2013 году проводилось исследование потенциальной музейной аудитории с целью выявления наиболее популярных форм музейной работы с посетителями. Определить какую-то одну из форм не удалось. Мнения респондентов распределились следующим образом: аудиогид – 22%, фоновое музыкальное сопровождение – 20%, игровые программы для детей, молодежи, взрослых – 19%; активные формы: командные тематически игры – 29%, археологические и палеонтологические раскопки – 28%, музейный квест – 28%. Из пассивных форм больше всего заинтересовало театрализованное кафе (42%). Выявленные формы были использованы в программе культурной акции «Ночь в музее – 2014». Проведенное в ходе мероприятия анкетирование показало, что большинство пришедших в музей – это жители Ставрополя (93%), посетившие музей не впервые (86%). Для них музей доступен (99%). Музей нравится всем (100%), и большинству посетителей понравились многие предлагаемые музеем мероприятия (27%). Наиболее однородной группой респондентов выступили посетители в возрасте 25–50 лет (45%).

Роль социологических исследований важна не только для организации непосредственной работы с посетителями в музее, но и для осуществления

маркетинговой деятельности. Так, например, в 2013 году было проведено исследование доступности информационных каналов, используемых нашим музеем. Респонденты отметили наиболее востребованные ими коммуникативные каналы, используемые для музейной рекламы: телевидение – 39%, Интернет – 32%, наружная реклама – 28%.

Анализ взаимосвязи рекламных обращений музея через СМИ и посещаемости музея жителями и гостями г. Ставрополя проведен на примере 12 выставочных проектов 2012–2014 годов. В ходе обработки данных был использован современный метод – «диаграмма разброса».

Исследование взаимосвязи «количество посетителей» – «количество рекламных обращений СМИ» показало, что эти факторы не взаимосвязаны. В соответствии с методом, если абрис точек диаграммы не образует овал, ориентированный по типу прямой или обратной пропорциональности, то взаимосвязи факторов нет (см. рис. 2).

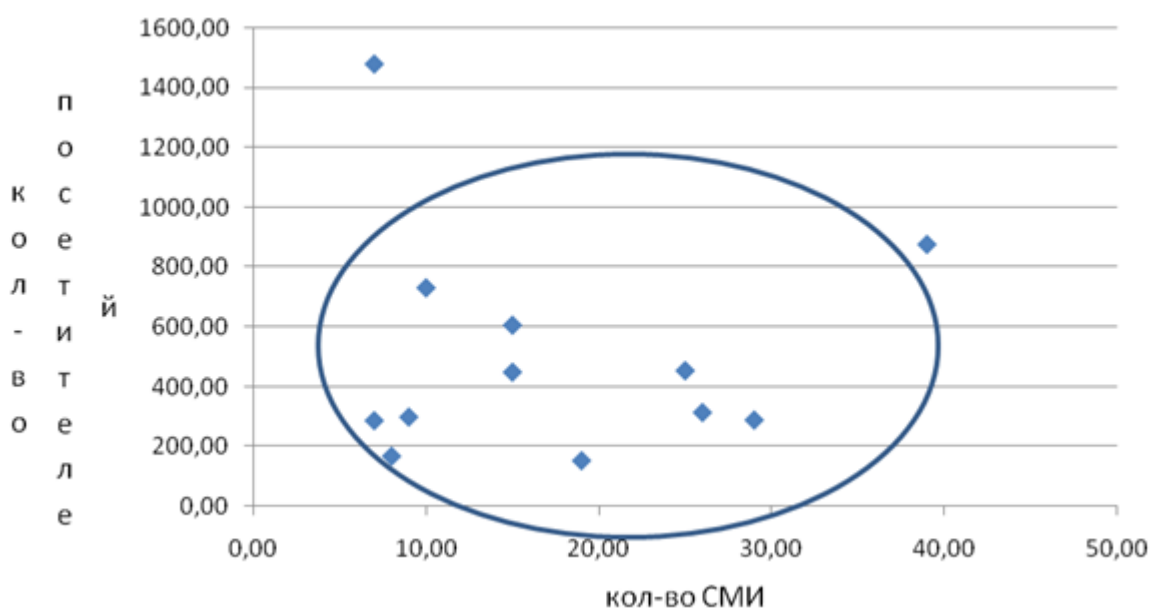

Рисунок 2. Диаграмма разброса факторов «количество посетителей» – «количество рекламных обращений СМИ».

Применив этот метод к анализу факторов «количество посетителей» – «количество мероприятий» – «количество недель», удалось установить, что существует прямая взаимосвязь: чем дольше работает выставка и чем больше мероприятий проводится на ее базе, тем выше посещаемость (овал, очерчивающий точки разброса «выстраивается» по типу прямой пропорциональности) (см. рис. 2 и рис. 3).

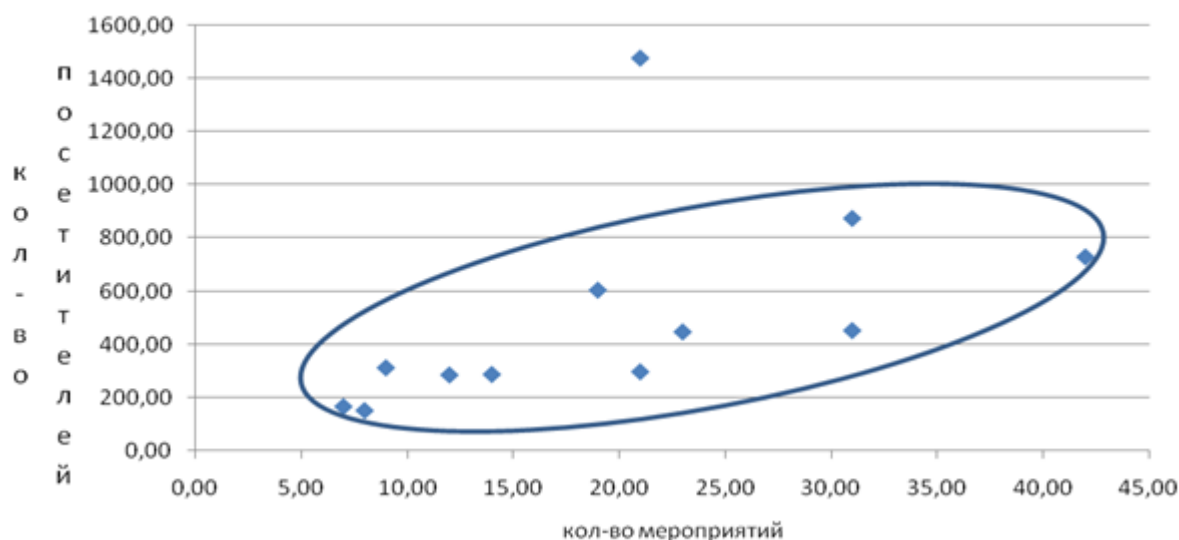

Рисунок 3. Диаграмма разброса факторов «количество посетителей» – «количество мероприятий».

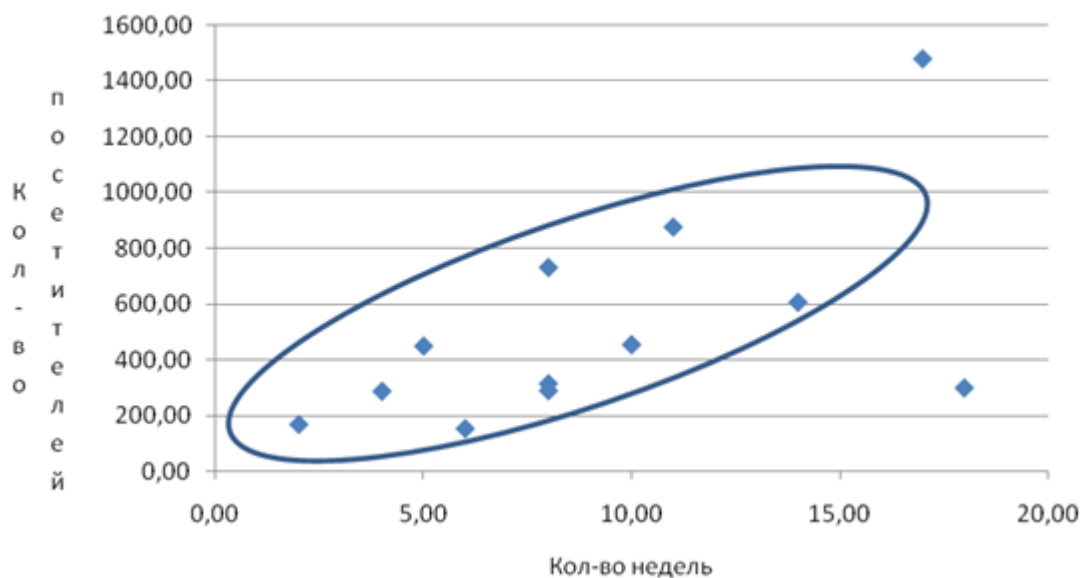

Рисунок 4. Диаграмма разброса факторов «количество посетителей» – «количество недель».

Таким образом, социологические исследования, систематически проводимые на базе музея, дают возможность не только анализировать, но и прогнозировать типы работы с музейной аудиторией. Кроме того удалось:

- 1) обрисовать портрет наиболее активного посетителя;
- 2) провести анализ посещаемости краеведческого лектория;
- 3) сформировать интересную для жителей и гостей края программу «Ночь в музее – 2014»;
- 4) выявить факторы увеличения посещаемости музейных выставок.

Чесняк М. Г.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом культурно-образовательной деятельности

МУЗЕЙ: ОТ ПРОСВЕЩЕНИЯ К ОБРАЗОВАНИЮ КУЛЬТУРОЙ

В последнее десятилетие в Ставропольском государственном музее-заповеднике стремительно внедряются в жизнь новые формы работы с посетителями. Исследование научных публикаций музея в сборниках научных трудов («Материалы по изучению Ставропольского края», «Прозрителевские чтения») [1] показало, что XXI век ознаменован развитием форм работы музея-заповедника с посетителями. В 2005 и 2007 годах исследователи освещали исторические вопросы развития форм просветительской работы музея, в 2004 и 2013 годах – формы работы, ориентированные на патриотическое воспитание средствами музея. В 2006 и 2013 годах появились публикации об использовании музейного ресурса в профессиональном образовании. Статьи, рассказывающие о новых формах работы, публиковались в 2007, 2008, 2011, 2013 годах.

С целью выявления тенденций развития работы Ставропольского государственного музея-заповедника с посетителями было предпринято ретроспективное исследование. Изучены документы фонда Г. К. Пправе, фонда истории музея и выявлены отделы, осуществлявшие работу с посетителями музея в разные исторические периоды [2].

Структурированы формы работы с посетителями. Удалось установить, что, начиная с открытия в 1886 году Г. К. Пправе частного домашнего музея, а затем и Ставропольского городского музея учебных пособий (1905 г.) и до 1970-х годов кристаллизовались три основные формы взаимодействия музея с обществом: лекция, выставка, экскурсия. Эти формы развивались, создавая основные. Так, стремление музея расширить свою лекционную аудиторию породило передвижную форму выставки: «Музей-фургон» (1924 г.), а позднее «Музей-вагон» (1964 г.) [3].

В 1940-х годах обратная связь лектора с аудиторией выглядела как ответы на вопросы по материалам лекций и выставок, что создавало атмосферу неформального общения. С 1980-х годов неформальное общение музейного работника и посетителей стало основой для возникновения циклов массовых мероприятий, имевших неформализованный характер («Клуб интересных встреч», 1987 г.; клуб ветеранов войны и труда «Серебро зимы», 1999 г.) [4].

В первом десятилетии XXI века по велению времени появились музейные уроки и образовательные программы, которые включали интерактивные площадки («Экологические праздники», 2003 г.). Интерактивные площадки использовались и в проектной деятельности («Ставрополье – родина слонов», «Десант в прошлое», 2008 г.). В рамках выставочного проекта «Вода из реки Лимпопо» впервые была реализована интерактивная экскурсия с использованием буклета с содержанием дидактического плана (2012 г.).

Следующие формы работы с посетителями возникали и продолжают возникать лавинообразно. В 2012 году: виртуальные выставки, ежегодный краеведческий лекторий, ежемесячный электронный журнал. В 2013 году – тематические недели. Ежегодно разрабатывается около десяти социально востребованных адресных образовательных программ. С 2012 года реализуются образовательные программы для учителей, уровневые программы для школьников; с 2013 года – программы для родителей с детьми; профильные программы для студенческих практик; с 2014 года разработана и реализуется образовательная программа для детей старшего возраста. Характерной чертой современной работы музея-заповедника является значительное количество массовых мероприятий.

Структуризация форм работы Ставропольского государственного музея-заповедника с посетителями проведена на основании двух дефиниций, взятых за основу: просвещение и образование.

Опираясь на определение дефиниции «просвещение», были выделены используемые музеем на современном этапе просветительские формы работы с посетителями:

- лекция, экскурсия (передача знаний);
- виртуальные выставки, творческие встречи (распространение культуры);
- циклы музейных праздников, экскурсионный абонемент (системы воспитательно-образовательных мероприятий).

Таким же образом выделены и образовательные формы взаимодействия музея-заповедника посетителями:

- образовательные программы, интерактивные экскурсии, тематические недели, круглые столы (усвоение знаний, умений, навыков);
- методическая помощь, культурные акции, выставочные проекты (развитие способности к самообразованию).

На этом основании удалось разработать модель развития форм работы музея с посетителями (см. рис. 1)*. Как мы видим, в начале XX века в деятельности музея формируется система образовательных форм на базе основных просветительских: выставки, лекции, экскурсии.

Анализ методической основы работы музея с посетителями позволяет выделить 1) методическое обеспечение просветительских форм: методическая разработка экскурсионного материала (2000-е гг.); методическая разработка массовых мероприятий (event-менеджмент) (2008-е гг.); ежегодная публикация перечня лекций, экскурсий, образовательных программ с методическими рекомендациями (2012 гг.); 2) методическое обеспечение образовательных форм: музейные образовательные программы (2000-е гг.); буклеты дидактического содержания (2012 гг.).

Начиная с 2013 года Ставропольским музеем-заповедником ежемесячно в течение учебного года издается электронный журнал «Музейные истории». Размещаемые в нем материалы можно отнести как к просветительским (статьи научных сотрудников музея, реклама музейных образовательных продуктов),

* Толстой линией выделены образовательные формы, тонкой линией – просветительские формы.

так и к образовательным (рекомендации по организации музейного дела в школах, толкование этикетажа основных музейных выставок).

Обращаясь ретроспективно к исследованию названий отделов музея-заповедника, первоочередной задачей которых была работа с посетителями, видим подтверждение выявленной тенденции к движению современного музея-заповедника от преимущественно просветительной работы (*отдел наглядных учебных пособий (1904 г.), отдел социалистического строительства (1940 г.), отдел научной пропаганды (1987 г.), отдел организации экскурсионно-массовой и выставочной работы (2003 г.), отдел научно-просветительной работы (2004 г.)*) к культурно-образовательной (*отдел научно-просветительной и организационно-методической работы (1994 г.), отдел культурно-образовательной деятельности (2013 г.)*) [5].

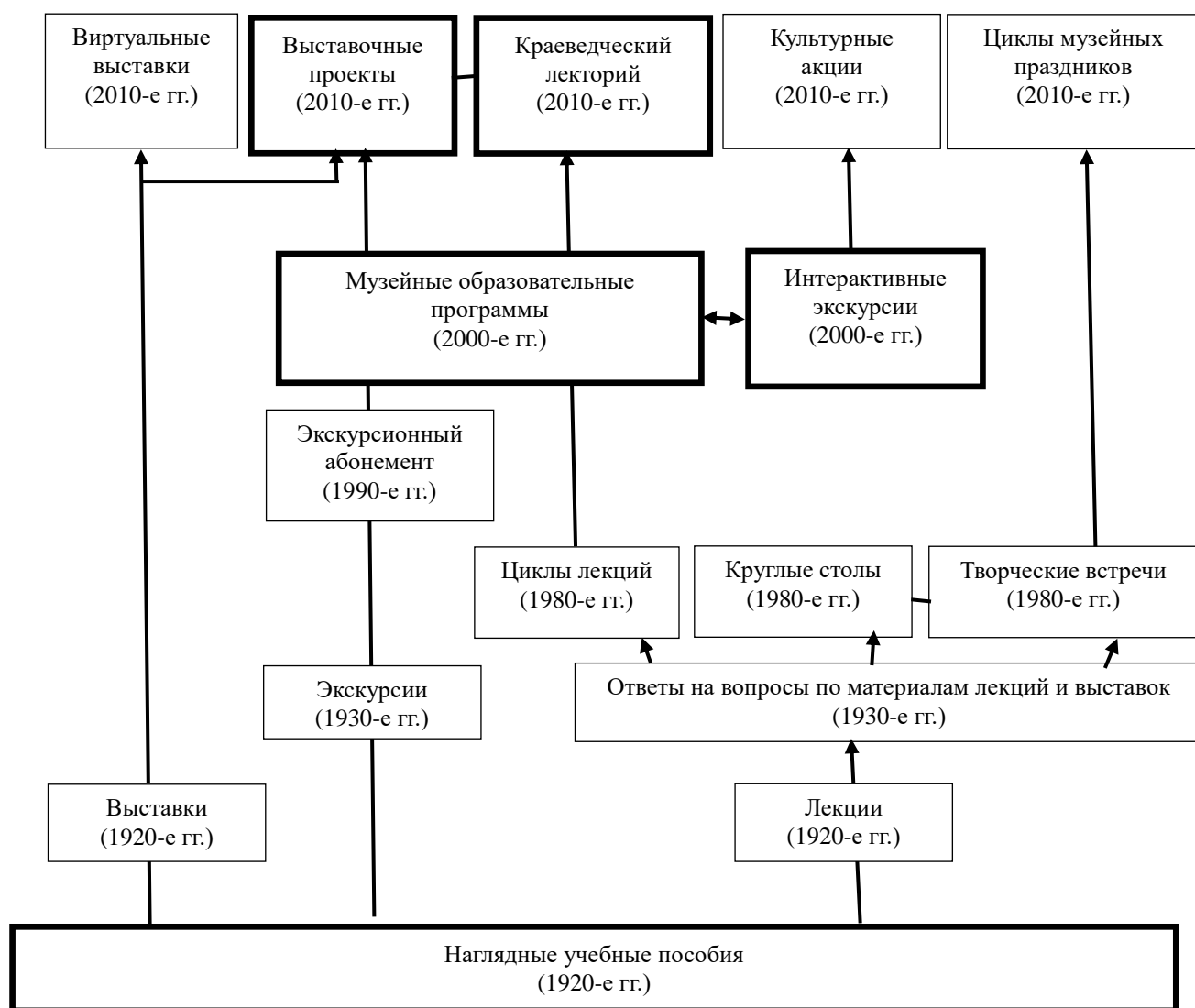

Рисунок 1 – Модель развития форм работы Ставропольского государственного музея-заповедника с посетителями

Обобщая результаты исследования тематики публикаций научных исследований, реализуемых на практике форм работы музея с посетителями, а также названий отделов музея, ориентированных на эту работу, а значит,

отражающих основную ее направленность, выделим основные этапы развития деятельности Ставропольского музея от просвещения к образованию:

– 1905–1970 годы – накопление опыта культурного просветительства через выставочную, лекционную и экскурсионную работу;

– 1980–2000 годы – приобретение первоначального опыта массовой научно-просветительной работы, формирование методической основы образовательной деятельности музея;

– с 2005 года по настоящее время – развитие подходов и форм обучения постижению культуры средствами музея, формирование научно-методической основы работы музея с посетителями.

Использованная литература и источники

1. Материалы научно-практической конференции «Прозрителевские чтения». Ставрополь, 2005-2013; Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1949–1988.
2. СГМЗ. Оф. 4, ед. хр. 8, 171, 174, 176.
3. Там же. Ед. хр. 38, 41, 70-76, 232.
4. Там же. Ед. хр. 238, 241, 251.
5. Там же. Ед. хр. 1, 2, 5, 13.

Шамшина Л. Л.,
г. Михайловск,
Историко-краеведческий музей им. Н. Г. Завгороднего,
заведующая структурным подразделением «Клуб имени Страхова»

ХРАМЫ ГОРОДА МИХАЙЛОВСКА

В статье 44-й Конституции РФ написано, что обязанностью каждого гражданина является сохранение историко-культурных ценностей. Следовательно, музейные работники должны тщательно хранить документы и предметы, которые фиксируют факты истории родного города, его прошлое, не забывая о настоящем. Как мы сохраним наше настоящее, так о нас будут судить наши потомки.

Как известно, душа верующего человека без храма все равно, что тело без души. Отсутствие церквей на земле Предкавказья затрудняло и без того нелегкую жизнь славян-переселенцев, не имевших возможности своевременно окрестить ребенка, сыграть свадьбу или совершить христианское погребение.

Однако, несмотря на многочисленные ходатайства, переселенцам долго не разрешали строить церкви. Эти препятствия исходили не от местного начальства и духовенства, а от самого правительства и Священного Синода, у которых существовали опасения за прочность приобретенных земель для империи. Горцы, постоянно подстрекаемые Оттоманской Портой, совершали бесконечные набеги на новые населенные пункты. Хотя они были довольно безразличны к религиозным обрядам, однако протурецки настроенные, они признавали только ислам. Русское правительство не хотело рисковать средствами, вкладывая их в церковное строительство. Были также опасения, что в тяжелых условиях оторванности от центра, бездорожья и военной опасности население будет не в состоянии материально поддерживать церковь и духовенство.

Но вскоре, благодаря ходатайству П. С. Потемкина, ставропольским крестьянам было разрешено строительство церквей, однако только в тех селах, где не менее пятисот жителей мужского пола. Станица Михайловская, таким образом, получила возможность построить свою церковь.

Работа шла в чрезвычайно сложных условиях, ведь переселенцы еще не успели должным образом обустроиться, обзавестись хозяйством. Кроме того, много слез пролили поселенцы из-за постоянных набегов горских абреков, только за первое время потеряли 30 душ убитыми и 30 пленными. Поэтому развернувшееся строительство приходилось проводить с хорошей охраной.

Позже первый Кавказский епископ Иеремия в своем рапорте в Священный Синод одной из первых причин, мешающих распространению православия, называл горские набеги. «Множества душ лишается Церковь Христова на Кавказе по причине нападения горцев», – писал он. По этим же причинам ощущалась нехватка духовенства, которое просто боялось переходить в Кавказскую епархию, беспокоясь о безопасности своих семей.

Выходцы из Курской губернии, земляки Серафима Саровского, были православного вероисповедания. Когда они обосновались и закрепились на новых землях, встал вопрос о строительстве церкви. Несмотря на все трудности, она была построена в станице Михайловской на средства переселенцев в 1799 году. Церковь была деревянная с двумя приделами в честь святых. Главный престол – в честь Архистратига Михаила, престол левого придела – Петра и Февронии, престол правого – Александра Невского.

Размеры у церкви были не очень большие в связи с малым количеством прихожан и нехваткой средств. Хотя колокольня была и не очень высокой, но видна была почти со всех концов станицы. А колокольный звон был слышен далеко за пределами населенного пункта.

Со времени строительства до сих пор ежегодно 8 ноября (21 по новому стилю), празднуется престольный день, день Святого Архистратига Михаила. Со всей округи приезжают гости. В стародавние времена в этот день на базарной площади у церкви ставили карусели для детей, шла бойкая торговля: пили, ели, веселились.

В начале XX века в результате несчастного случая в церкви вспыхнул пожар, и она почти полностью сгорела. Но еще до пожара было принято решение о постройке в селе нового храма. Средства выделили церковные попечители, а также местные жители Иван Дерябин, Ермил Лунин, Косьма Клевцов, Борис Панков, Андрей Левшаков, Поликарп Конев и другие. Проект храма разработали итальянские зодчие, строительство осуществлялось под руководством архитекторов Г. Кускова и И. Третьякова.

17 сентября 1900 года в с. Михайловском была совершена закладка нового храма «В честь и память святителя Николая Чудотворца». Закладку совершил благочинный протоиерей Иоанн Бойко «в сослужении местных священников Иоанна Андреева и Константина Лебедева при ктиторе Авиве Пьянове», – так гласила надпись на медной доске, положенной под краеугольный камень храма.

Храм строился в течение пяти лет. Выстроили его в самом центре села на площади, где иногда в праздники размещался базар. Строительство храма обошлось в 7 655 рублей серебром, а стоимость с отделочными работами составила 8 960 рублей. Это было великолепное каменное сооружение, высота которого достигала 40 метров.

Храм имел 5 глав, увенчанных массивными золочеными крестами. Купола были выкрашены в голубой цвет, стены – белоснежные. В храме имелось три входа: центральный помещался на западной стороне, а два другие – на северной и южной соответственно. Обширный двор усыпали мелкой галькой. Ступени главного входа были из мраморной крошки. Внутри храм был очень светлый. Окна огромные, почти сплошь с бесцветными стеклами и только в некоторых местах – цветными. Пол – деревянный. Стены и колонны белоснежного цвета без росписи. На них во множестве размещались иконы в золоченых окладах. Внутренняя роспись покрывала только главный купол. Вверху размещались хоры.

Иконостас был выполнен из цветного мрамора – розового и светло-зеленого. Иконы на нем поражали великолепием и красотой. Изящная ажурная решетка Царских врат была покрыта золотом. Храм был двупрестольный – в честь святителя Николая Чудотворца и архистратига Михаила. Таким образом, михайловцы стали ежегодно отмечать два престольных праздника.

Михайловский храм долгое время оставался одним из самых прекрасных и величественных храмов во всем Ставропольском крае. По большим праздникам сюда съезжались люди не только с окрестных хуторов, но и из близлежащих сел. По обычаю, все приезжие люди получали у местных жителей гостеприимство на все время праздников.

В музее Михайловска хранится картина, изображающая внешний вид Михайловского храма, построенного в 1905 году. Картина написана местным художником Иваном Кутеповым по его детским воспоминаниям, сопоставленным с описанием храма старейшими жителями села, которые не забыли, как выглядел тот храм, – подлинный оплот нравственности михайловских крестьян вплоть до Октябрьской революции.

Закончилась Гражданская война на Ставрополье. Зимой 1920 года в Михайловском была установлена Советская власть. В здании, где раньше жили молодые священники, был открыт клуб, в котором собирались активисты Советской власти. Они намечали планы строительства новой жизни.

Из истории мы знаем, что церковь с колокольным звоном была настолько привычна для русского человека, что деревня или село, станица или город жить без него не могли. Колокол придавал селу ритм жизни. Он сообщал людям время и оповещал, когда что нужно делать: трудиться, в церковь идти, на сход собираться или защищаться от набегов, также звук колокола сообщал населению о пожарах, эпидемиях и других событиях.

В 1937 году перестал звучать колокольный звон над селом Михайловском. В начале 1920-х годов новые власти предприняли первую попытку ликвидации храма, но большинство жителей села решительно воспротивились поползновению «антихристов» на их святыню. Однако весной 1937 года по распоряжению высших властей храм был все-таки разобран. В настоящее время на месте бывшего храма построена начальная школа № 24.

21 января 1943 года завершилась оккупация с. Михайловского. Только после ухода немцев появилась возможность открыть молитвенный дом. В середине войны по всей стране было распространено известие о том, что И. В. Сталин разрешил открытие ранее закрытых храмов. Дошло оно и до михайловцев.

На средства верующих у вдовы Курбатовой был куплен небольшой деревянный домик, что на ул. Октябрьской. Этот домик переоборудовали под церковь, которая действовала до начала 1980-х годов.

В 1960 году над домом были установлены два небольших купола с крестами, была немного расширена внутренняя часть помещения, где стояли молящиеся. Установили небольшой иконостас. В строительство этого храма большой личный вклад внес его настоятель (ныне покойный) митрофорный протоиерей Петр Никитович Маркелов.

28 июля 1978 года он был назначен настоятелем Михайло-Архангельского молитвенного дома в с. Шпаковском. В огромном селе вместо храма был убогий, едва стоявший на подпорках молитвенный дом. Несмотря на сопротивление властей и скудость средств, он начинает стройку. В ново-построенном доме разместили крестильню, сторожку, пекарню, канцелярию и квартиру священника. Дом построили в 1980 году и сразу начали хлопотать о строительстве храма, и в 1985 году его строительство было полностью закончено. Новосооруженный храм освятили в честь Всех Святых в Земле Российской просиявших, а нижний храм был освящен архиепископом Антонием (Завгородним) в честь Михаила Архангела. Сейчас Михайловское благочиние* – структурное подразделение Ставропольской и Невинномысской Епархии. Главой Михайловского Благочиния является протоиерей Игорь Подоситников.

В современном городе Михайловске функционирует несколько храмов. Михайло-Архангельский собор был заложен 9 июня 2002 года митрополитом Ставропольским и Владикавказским Гедеоном на самой высокой точке Михайловска. Тогда же на месте будущего собора был установлен крест. 21 ноября 2011 года состоялся праздник собора Архистратига Михаила, в храме была совершена первая Божественная литургия.

Храм Святого благоверного князя Андрея Боголюбского был заложен в 2004 году. Храм Святого благоверного князя Александра Невского был заложен 16 октября 2005 года, а на Рождество Христово в 2006 году там была отслужена первая литургия. Храм Святого великомученика Георгия Победоносца и часовня были оборудованы при исправительном учреждении Министерства юстиции Российской Федерации. Прихожане – осужденные учреждения ЯП 17–11. Настоятелем этого храма является иеромонах Алексей Смирнов.

Больничный храм Блаженной Матроны Московской был сооружен на территории Шпаковской районной больницы. Здесь сначала была маленькая молельная комната. Храм Сергия Радонежского был заложен 2 апреля 2007 г. По сей день находится в стадии строительства [1].

Использованная литература и источники

1. Завгородний Н.Г. Неиссякаемая живучесть: Записки краеведа. Михайловск, 2004; Фонды структурного подразделения МКУК «Клуб им. Страхова» Историко-краеведческого музея г. Михайловска.

* Благочиние – часть епархии, объединяющая группу приходов и церквей, находящихся в непосредственной территориальной близости друг от друга.

Работы художника В. М. Копылова

Шевчук Р. К.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
научный сотрудник отдела
культурно-образовательной деятельности

«ПОСЛЕ МЕНЯ ЧТО-ТО ОСТАНЕТСЯ ЛЮДЯМ...»

(к 150-летию со дня рождения композитора В. Д. Беневского)

В процессе подготовки к творческой встрече со студентами Ставропольского краевого художественного училища, посвященной 150-летию со дня рождения ставропольского композитора и педагога В. Д. Беневского, были изучены архивные документы и труды композитора, а также материалы о нем. Без преувеличения можно сказать, что именно при Василии Дмитриевиче сложилось музыкальное просветительство в крае. Среди деятелей культуры Ставрополя он занимает особое место. По отзывам многих современников, это был неутомимый энтузиаст с разносторонними музыкальными интересами и огромным трудолюбием, просветитель и талантливый педагог.

Василий Дмитриевич Беневский родился 2 (14) августа 1864 года в селе Антоновка Камышинского уезда Саратовской губернии в семье потомственных священнослужителей. Пение церковного хора, созданного его отцом из прихожан, глубоко запало в душу юного Василия, что и предопределило дальнейшую судьбу композитора. Он окончил Камышинское духовное училище и продолжил обучение в Астраханской духовной семинарии, углубленно изучая историю и теорию духовной музыки. В стенах семинарии им были написаны первые музыкальные произведения под псевдонимом Хорошевич-Терницкий. Еще в годы учебы Беневский решил продолжить музыкальное образование в Московской консерватории. Он отправил нотные листы со своими произведениями на рецензию в консерваторию с просьбой оценить их и содействовать поступлению за казенный счет. Несмотря на необнадёживающий ответ из Москвы, Василий Дмитриевич упорно и целеустремленно занимается самообразованием, изучает теорию музыки, учится играть на разных инструментах.

В октябре 1887 года Беневский поступил на должность учителя пения в Камышинское духовное училище, а в 1889 году переехал в Астрахань, где преподавал хоровое пение в духовной семинарии по своей методике обучения.

В. Д. Беневский, переехав на жительство в город Ставрополь в 1890 году, стал работать учителем пения в Ставропольском женском епархиальном училище, а также сотрудничал в гимназиях города, руководил церковными хорами в Казанском кафедральном соборе и в церкви Святого Андрея Первозванного.

Молодой педагог активно включился в общественную жизнь города и губернии, став одним из организаторов ставропольского кружка любителей изящных искусств и руководителем хора. При участии Беневского проводились «Летние симфонические вечера» в Воронцовской роще, благотворительные и

просветительские концерты. Большое внимание уделял он и методической работе. В 1891 году вышел из печати сборник Беневского для четырехголосного женского хора с посвящением: «Моим ученицам – воспитанницам Ставропольского женского епархиального училища».

В 1894 году Василий Дмитриевич прочитал цикл лекций по методике проведения практических занятий и организации детских музыкальных подвижных игр на курсах для народных и сельских учителей. В 1901 году напечатал сборник детских музыкальных подвижных игр «Школьный друг» в трех томах. С целью приобщения юных воспитанников к миру музыки Беневский разработал уникальную методику обучения детей нотной грамоте и пению, благодаря которой ученики начальной школы уже к концу третьего года учебы могли свободно читать ноты с листа. Были проведены специальные семинары в Ставрополе, Екатеринодаре, Владикавказе и Тифлисе, на которых Беневский знакомил школьных учителей со своей методикой. Она получила широкое распространение во многих российских городах. И сегодня музыкальные педагоги обращаются к наследию композитора.

Когда у дочери Беневского Ольги Васильевны спросили, как удалось ее отцу превратить Ставрополь в истинно певучий город, то она ответила: отец ее был убежден в том, что человек по своей природе – существо поющее, и пению, как и речи, ребенка надо обучать с колыбели. Она вспоминала, что отец любил говорить: «Поющий всегда добрее непоющего, и не сделает зла окружающим».

Беневский планомерно изучал и пропагандировал народное музыкальное творчество. На Кавказских Минеральных Водах славился хор казаков станицы Кисловодской, в работе которого он принимал самое активное участие.

Василий Дмитриевич приобрел известность не только как талантливый педагог и просветитель в области музыкального искусства, но и как автор первой в России детской оперы «Красный цветочек» (в 3-х действиях, текст К. Лукашевича), написанной в 1906 году и поставленной на сцене Ставропольской мужской гимназии 24 февраля 1910 года, а затем – в Киевской опере. Всемирный почтовый союз выпустил открытку, посвященную этой опере и ее автору. Позже им была написана еще одна детская опера – «Сказ о граде Леденце» по мотивам сербской легенды.

Помимо детских опер, он был автором музыкальных сборников «Народный хор», «Гудочки», «12-й год в народной песне», «Рождественская звезда», а также составителем «Сборника духовной музыки».

Всероссийскую славу Василию Дмитриевичу принесла его удивительной красоты песня «Варяг» – «Плещут холодные волны, бьются о берег морской...», написанная на стихи Я. Репнинского. Эта песня стала музыкальным памятником подвигу русских моряков крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», 110 лет назад принявших бой с японской эскадрой в бухте Чемульпо. Этот подвиг вызвал подъем патриотических чувств в России, он воспевался во многих песнях и балладах. Но самой первой стала песня-гимн «Варяг», написанная В. Д. Беневским. Долгое время музыковеды заявляли, что песня рождена народом, и предпочитали не упоминать об авторе.

Искренность и мелодичность сделали песню действительно поистине народной, ее мотив производил на людей чарующее впечатление.

В 1904 году ноты и текст песни «Варяг» были опубликованы в Москве. Она стала известной и зазвучала в разных городах России.

Первое исполнение произведения состоялось в г. Ставрополе летом 1904 года в Народном доме им. А. С. Пушкина. Дирижировал хором сам автор. Концерт прошел с большим успехом. Вскоре после премьеры в актовом зале Ставропольской мужской гимназии, в присутствии генерал-губернатора Вельяминова, архиепископа Агафодора, общественности города, чествовали автора. Ему был вручен диплом Императорского Русского музыкального общества и золотая дирижерская палочка.

Специальный экземпляр нот и текста песни «Варяг» был преподнесен императору Николаю II. В знак признательности, по свидетельству дочери Беневского, царь подарил ее отцу серебряную табакерку и жаловал Высочайшей грамотой.

В. Д. Беневский жил в период, насыщенный важными историческими событиями, и откликнулся на них написанием своих музыкальных сочинений.

Им были написаны кантата «Государь, твори добро народу», торжественная кантата «Ангел» (в память «чудесного спасения» Императорского Величества 17 октября 1888 г.), патриотическая песня «Государыня наша матушка», посвященная Дому Романовых, и другие.

Примечательно, что слава и внимание высоких особ не вскружили голову Беневскому. Он оставался скромным, добрым, высокопорядочным человеком. У него была большая семья (2 сына и 4 дочери). Жили они очень скромно (автору знаменитых на всю страну произведений даже приходилось одалживать приличный костюм для концерта).

В годы революции из-за монархических настроений Беневский находился в оппозиции к новой власти. По воспоминаниям старожилов, во время Гражданской войны входивших в город попеременно Красную и Белую армию население встречало «Сокольским маршем» Беневского. В 1918 году он написал «Гимн Великой России» (Верным сынам Добровольческой армии) для оркестра с хором на слова Ф. Сологуба. Как рассказывала дочь композитора Ольга Васильевна, отцу от имени А. Деникина передали серебряную дирижерскую палочку. Этого было достаточно представителям Советов, чтобы выдающегося педагога и музыканта считать «неблагонадежным».

После Гражданской войны В. Д. Беневский продолжал преподавать пение в ставропольских педагогическом и музыкальном техникумах. Он вел музыкально-просветительскую деятельность, участвовал в концертах, сочинял музыку, изучал и пропагандировал народное музыкальное творчество. Им было собрано и обработано свыше 70 мелодий калмыцких песен и танцев, с которыми он познакомился во время поездки в Калмыкию.

Но дела у него уже шли не так хорошо, как прежде. Власти притесняли его как сына церковнослужителя. Постоянно писали доносы на него за то, что он не создал музыкального произведения, посвященного Советской власти и ее

вождям. Но, несмотря на сложное время, он продолжал заниматься любимым делом.

27 ноября 1927 года в Ставрополе отметили 40-летие музыкально-педагогической и композиторской деятельности Беневского, воспитавшего десятки талантливых учеников, среди которых: профессор Одесской консерватории К. К. Пигров, заслуженный артист РСФСР и народный артист Украины Б. В. Боголепов, известный хормейстер В. Кошиц и многие другие.

28 ноября 1930 года Василий Дмитриевич Беневский скончался и был похоронен на Даниловском кладбище г. Ставрополя.

Его имя несколько десятилетий замалчивалось. И только с середины 60-х гг. XX в. потомки узнали о подвижнической деятельности Беневского. В 1966 году его дочь Ольга Васильевна открыла в Ставрополе, в собственном доме на улице Авиационная 31, «Музей музыкальной культуры Ставрополя» в память об отце. В экспозиции музея были не только личные вещи и фотографии, документы и ноты композитора, но и многочисленные письма от учеников Беневского. На особом месте среди экспонатов было благодарственное письмо от командира «Варяга». Помимо этого, в музее хранились грампластинки и программки концертов Беневского, книги с дарственными надписями.

Среди первых посетителей музея был прославленный виолончелист Мстислав Ростропович. Известный музыкант приезжал на открытие музея. Работой музея и творчеством Беневского интересовался выдающийся хоровой дирижер, народный артист СССР А. Свешников. Просуществовав несколько лет, музей из-за недостатка материальных средств прекратил свою деятельность. Дочь композитора О. В. Беневская была в это время преклонных лет, к тому же тяжело больна. Она хотела передать музей в дар г. Ставрополю, но город не взял на себя ответственность за дальнейшую его судьбу. Архив Беневского был передан в Московский музей имени М. И. Глинки.

Часть документов архива, материалы фонда Беневского, музыкальные инструменты композитора хранятся в Ставропольском государственном музее-заповеднике [1]. Историки-краеведы имеют возможность ознакомиться и поработать с этими материалами: фотографиями, нотными сборниками, афишами концертов, нотными рукописными листами и другим. Накануне очередного празднования Дня города Ставрополя была открыта мемориальная доска на доме № 27 по ул. Пушкина, где в прошлом веке жил композитор и педагог Василий Дмитриевич Беневский. На открытие мемориальной доски собрались деятели культуры, музыкальные педагоги, студенты, представители духовенства. Многие говорили о том, как незаслуженно долго имя выдающегося композитора, педагога, музыкального просветителя было предано забвению, и открытие мемориальной доски – это лишь один шаг по пути восстановления справедливости.

В рамках российского Года культуры (2014 г.) в Ставропольском государственном музее-заповеднике была открыта выставка «Одухотворенная история. Ставропольская культура в исторической ретроспективе». Один из экспозиционных комплексов этой выставки посвящен творческой деятельности

композитора В. Д. Беневского. 14 августа, в день рождения композитора, на Ставропольском телевидении прошла передача о нем, она была подготовлена сотрудниками музея-заповедника.

Очень интересной и познавательной для студентов стала творческая встреча «После меня что-то останется людям...». Они узнали интересные факты из жизни В. Д. Беневского, познакомились с мультимедийной презентацией о нем, прослушали аудиозаписи музыкальных произведений композитора [2].

И сегодня как память о композиторе под сводами ставропольских храмов звучат его духовные произведения.

Использованная литература и источники

1. СГМЗ. Оф. 84, 29654, 29655. Оф. ЛМС 1976, 2038, 2867.
2. Беликов Г. А. Град Креста. Ставрополь, 2005; Егорова Е. Б. Василий Дмитриевич Беневский (к 140-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2004 г. Ставрополь, 2004; Солодских С. Ставропольская правда. 2003 г. от 27 июня; Громова Е. Ставропольская правда. 2009 г. от 14 августа.